

**ТЕННЕССИ
ЧИЛЬЯМС**

БИБЛИОТЕКА
ЛИТЕРАТУРЫ

БИБЛИОТЕКА ЛИТЕРАТУРЫ

ТЕННЕССИ УИЛЬЯМС

ПЬЕСЫ

Перевод с английского

Москва
«Радуга»
1985

ТРАГЕДИЯ В АМЕРИКЕ

Трагедия чужеродна нашему образу жизни? Нет, мы сами трагедия, самая погрязшая из всех написанных и ненаписанных.

Юджин О'Нил, 1921

Американский театр — так же как история и общество США — полон парадоксов. Возникшая только в начале XX века, прелекая, самостоятельная национальная драматургия уже к его середине вышла в первые шеренги мирового театрального движения. Семьдесят лет назад один автор писал: «В нашей стране все готово для расцвета искусства. В бурной жизни сегодняшней Америки есть материал и сюжеты для множества драм. Не хватает только драматургов» (Шелдон Чини. «Новое движение в театре», 1914). Нынешний же советский зритель и читатель драмы, не особенно напрягая память, вспомнит постановки и публикации пьес Юджина О'Нила (1888—1953), Торнтона Уайлдера (1897—1975), Клиффорда Одетса (1906—1963), Барри Стейнуса (р. 1906), Лиллан Хеллман (1907—1984), Уильяма Сарояна (1908—1981), Теннесси Уильямса (1911—1983), Артура Миллера (р. 1915), Эдварда Олби (р. 1928), Лорейн Хансберри (1931—1965)...

Несмотря на чисто коммерческую, зрелищную постановку сценического дела и господство сентиментально-романтической мелодрамы, развлекательной комедии и особенно мюзикла, который как специфически национальный жанр культивировал Бродвей, в стране возникла серьезная и самобытная социально-психологическая драма. В лучших пьесах воссоздавались именно американские типы, американская жизнь в ее семейно-бытовых, нравственных, общественных коллизиях, причем преимущественно современная американская жизнь.

Молодость собственного сценического искусства, непредвзятый взгляд на европейские театральные традиции, восприимчивость к современным иностранным влияниям позволяли американским драматургам, не поступаясь своеобразием, свободно оперировать различными жанрами и формами.

Главный же парадокс заключается в том, что самый мощный, самый художественный и содержательный пласт в новом американском театре составляют драмы с отчетливо выраженным трагедийным звучанием. Как вообще могла родиться трагедия в богатой, энергичной, казалось бы, уверенной в себе, «улыбающейся» Америке?

Новый американский театр возник, понятно, не на пустом месте. Качественный же скачок, который сделала американская драма в 15—20-х годах, в широком плане связывают — помимо известных обстоятельств историко-общественного порядка — с развитием реализма в литературе США, выдвинувшего Драйзера и Стинклера, Лондона и Менкена, Льюиса и Андерсона, Фроста и Сэндберга. В узком, театральном — с влиянием европейской, в частности русской, драмы, особенно Ибсена, Шоу, Чехова, и прежде всего с движением небольших некоммерческих «художественных» театров.

Весной 1916 года в поселок Провинстаун, расположенный недалеко от Бостона, на северной оконечности полуострова Кейп-Код, — тот самый, где в 1620 году впервые ступили на землю Нового Света пилигримы с «Мейфлауэра», — в этот поселок по приглашению Джона Рида приехал «с полным чемоданом пьес» Юджин О'Нил. Тут группа молодых энтузиастов — писателей, художников, актеров — бросила вызов коммерческо-сентиментальному Бродвею. Они сами сочиняли пьесы и сами сколачивали скамейки. Тут Джордж Крэм Кук выпустил первый в истории Америки театральный манифест, где определялась цель создаваемой труппы — «дать отечественным драматургам возможность свободно разрабатывать и выражать свои идеи». Тут и было в первый раз сыграно сочинение О'Нила, одноактная пьеса «Курс на восток, в Кардифф». Так рождалась не только труппа «Провинстаун-плейерс» — «Провинстаунские актеры». Так рождался, можно сказать, новый американский театр. Это было летом 1916 года.

О'Нил обладал таким упорством, был одержим такой писательской страстью, что за 1920—1925 гг. показал одиннадцать многоактных пьес. Выходит четырехтомное собрание его сочинений. Имя О'Нила в ряду «талантливых художников» — Эдгара По, Уитмена, Драйзера, Шервуда Андерсона — назвал Горький («Отсвет на анкету американского журнала», 1928). В те годы пьесы О'Нила ставят в Берлине (Макс Рейнхарт), Париже (фирма Жемье), Москве (Прозоровский, Таиров), Стокгольме, Вене, Праге, Копенгагене, Будапеште...

Всякое достижение несет семена неудачи. После постановки драмы «Дни без цели, дни без конца», ярко запечатлевшей переживаемый им духовный и мировоззренческий кризис, О'Нил уединяется на Си-Айленд у побережья Джорджии и надолго замолкает.

А летом того же, 1934 года полулюбительская труппа в

Мемфисе, штат Теннесси, сыграла первую театральную мини-атюру молодого и никому не известного Тома Ланье Уильямса. Никто, разумеется, не предполагал, что потом его пьесы на протяжении почти сорока лет будут будоражить и шокировать театральную публику всего мира. Но именно «тогда и там театр и я нашли друг друга, нашли на всю жизнь, на радость и на горе». — писал драматург в «Мемуарах» (1975). Уильямс будет еще долго мыкаться по жизненным ухабам и порогам собственного внутреннего мира, менять занятия, чтобы заработать денег, менять привязанности и города. Не менялось одно — истовое желание писать для сцены.

Встреча двух театральных поколений, олицетворенных теперь в Юджине О'Ниле и Теннесси Уильямсе, произошла в середине 40-х, когда были поставлены уильямсовский «Стеклянный зверинец» (март 1945), сразу принесший автору известность, и о'ниловский «Разносчик льда грядет» (сентябрь 1946).

На первый взгляд между ними мало общего. У О'Нила на сцене — питейное заведение при третьеразрядной гостинице Гарри Хоупа в нью-йоркском Вест-Сайде 1912 года. Тут нашли последний приют «бывшие» люди: бывший «левый», бывший редактор, бывший военный и т. п. Подчеркнуто натуралистические декорации, неподвижные, приобретающие значение символа мизансцены, мрачная, густая атмосфера, усугубляемая действием спиртного — в некоторых американских пьесах вообще много пьют, пьют тупо, безразлично, по-мертвому, даже не пытаясь искать «истину в вине», а единственно чтобы забыться, затуманить себе память и рассудок. Сценическое действие идет тяжело, словно норовя камни-монологи.

У Теннесси Уильямса — Сент-Луис 30-х годов, квартирка в многоклеточном доме-улье, занимаемая стареющей Аmandой Уингфилд и ее детьми — Лаурой и Томом; на старомодной этажерке в гостиной Лаурины хрупкие стеклянные зверушки — это образное средоточие откровенно условной драмы, которая движется по видимости легко, даже грациозно, быстро сменяя ситуации и то подергиваясь туманной поэтической дымкой, то высвечиваясь яркими цветовыми пятнами. Один из персонажей, Том, является одновременно комментатором происходящего — пьеса, собственно, его воспоминания.

И все-таки есть по крайней мере два момента, сближающих эти произведения. Прежде всего в основе обеих драм лежит собственный опыт их авторов. Особо черная полоса в беспорядочной юности О'Нила — 1911 год в Нью-Йорке, когда он оказался совсем на мели и несколько месяцев жил в портовой забегаловке «У Джинни Проповедника». Что до «Зверинца», то Том Уингфилд, мечтающий вырваться из «Континентальной обуви», — это и художественный характер, и сам Том Уильямс, три года прослуживший в обувной компании.

Другое, более существенное сходство между ними — тема

иллюзий. Не в силах взглянуть в лицо сегодняшней правде о самих себе, о'ниловские отшельники и отщепенцы погружаются в былое или тешат себя хмельными упованиями на то, что «завтра» начнут новую жизнь. Так и Аманда с каким-то истерическим бодрячеством цепляется за прошлое и далекое, так и хромоножка Лаура безнадежно замкнулась в своем игрушечном мире, так и Том ищет романтику в кино.

Тема «иллюзии и действительность», если брать широко, — одна из центральных в новой мировой драме. По мере развития капиталистических отношений, ведущих к обезчеловечению и отчуждению личности, по мере утраты самооценки каждого отдельно взятого индивидуума и осознания прогрессирующей неспособности влиять на историю, у мелкобуржуазной интеллигенции возникало определенное психологическое состояние — ощущение разрыва между сущим и возможным, стремление отвернуться от реальности, уйти в бесплодную мечту.

Эта тема варьировалась со временем. Выпорхнув из-под пера гениального норвежца, который считал «противоположностью между желанным и возможным» важным мотивом своего творчества, «Дикая утка» (1884) прижилась на итальянской почве в пьесах Пиранделло, бившегося над загадкой, что есть сущность и что видимость («Шестеро персонажей в поисках автора», 1920), а затем, постепенно теряя густое философское оперенье, опустилась на «Балкон» визионера и имморалиста Жана Жене (1956). Можно сопоставить ибсеновских «бывших» людей из дома Экдалов с о'ниловскими «бывшими», живущими воспоминаниями и выпивкой, сблизить прескраснодушные заявления «изобретателя» Ялмара о «задаче жизни», о том, что «завтра» надо взяться за дело, и декларации Джимми-Завтра из «Разносчика» насчет возвращения в газету. Можно проследить далее, как в начале века разорившимся владельцам «Вишневое сада» русским языком говорили, что сад пойдет с торгов, а на его месте разобьют доходные участки, а те точно не понимали и даже мечтали посадить новый сад и как полвека спустя и за десятки тысяч километров отсюда совсем другие люди увидели наконец, что их растраченные впустую жизни и желания отцвели в «Осеннем саду» у Лилиан Хеллман. Или приложить широкие вопросы, которые тогда же, на заре столетия, ставил Горький своей «пьссой века» — «На дне»: «Что лучше, истина или сострадание? Что нужнее...», то есть в чем смысл любви к человеку — к судьбе несчастного коммивояжера у Артура Миллера или к персонажам Геннеси Уильямса.

Для американцев проблема иллюзии и действительности, самообмана и прозрения, несбывающихся надежд и невыполненных обещаний имеет особое, можно сказать историческое, значение. Американская мечта о республике свободных и равных постепенно обнаружила свою несостоятельность, и в результате «в течение ста пятидесяти лет серьезные американские писатели

несут бремя ее краха. Одни боролись с собственной совестью, другие враждовали с обществом, но так или иначе всех мучило противоречие между мечтой и реальностью» (Джеффри Мур. «Американская литература. Репрезентативная антология», 1964). Из этого непримиримого противоречия и возникает в конечном счете могучее трагедийное начало в пьесах Элмера Райса («Уличная картина», 1929), Максвелла Андерсона («Перелом шмы», 1935), Клиффорда Одетса («Золотой мальчик», 1937), Уильяма Сарояна («Путь нашей жизни», 1939), Барри Стейвиса («Сетильник, зажженный в полночь», 1947), Артура Миллера («Смерть коммивояжера», 1949), Лидиан Хеллман («Осенний сад», 1951), Эдварда Олби («Американский идеал», 1961), Лорейн Хилсберри («Плакат в окне Сидни Брустайна», 1964) и многих других.

В американских трагедийных пьесах герой не занимает, как в классике, высокого положения, он — один из многих, себе подобных, «человек с улицы» — эту специфическую черту впоследствии попытается теоретически обосновать А. Миллер («Трагедия и обыкновенный человек», 1949). Кроме того, он, этот герой, часто лишен традиционных качеств трагедийной фигуры, неспособен к борьбе с неблагоприятными обстоятельствами, является лицом не только страдающим, но и страдательным. Американское общественное бытие порождает трагедию и одновременно деформирует ее — такова диалектическая закономерность бытования этого жанра в драматургии США.

Убого, в удушливой тесноте, нужде и беспросветности, влачат дни сорок действующих лиц пьесы Райса «Уличная картина» — жильцы двухэтажного дома в глухом нью-йоркском тупике. Дом — Новый Свет в миниатюре, «плавильный котел», в котором перемешиваются характеры, национальности, заботы, мечты. Живут скученно и пусто, то и дело по всякому поводу испыхивают перебранки и ссоры, каждый знает о другом все, любая новость распространяется как пожар. Всем известно, что миссис Хильдебранд нечем платить за квартиру, что клерк Блюкенен ждет прибавления семейства, что к Энн Моран ходит Стив Сэнки из молочной компании...

Два выстрела Фрэнка Морана — в жену и Сэнки — это вырвавшиеся наружу силы томительного неустройства и молчаливых горестей. Они взорвали копившиеся в духоте стремления и страсти людей с улицы. Моран не хотел убивать: «...просто так получилось, и все». Он виноват — и не виноват. Не виноват потому, что в душе он так же несчастлив, как несчастлива его жена, потому что роковым образом сошлись обстоятельства — словом, потому, что «такова жизнь».

Райс проник за фасад «веселых» 20-х годов. Частная трагедия, потрясшая дом, явилась как бы прелюдией к трагедии общественной — финансовому и экономическому кризису, который через девять месяцев пошатнул здание американского

социального устройства.

Трагедийность «золотого мальчика» в одноименной пьесе К. Одетса имеет вполне конкретный источник: она вырастает из ошибочного жизненного выбора, сделанного героем. Сын бедного итальянца-иммигранта талантливый скрипач Джо Бонапарте буквально одержим музыкой, но несгершимая нужда, благополучие других, холодность Лорны рождают в нем неудержимое желание выбиться наверх. Он соблазняется миражем успеха, как это случилось впоследствии с самим автором, делается профессиональным боксером.

Нет более чуждых друг другу занятий, чем музыка и мордобитие. На этом непримиримом конфликте и строит Одетс драму. Само имя героя намекает на несбыточность его индивидуалистических мечтаний. После триумфального шествия по рингам «золотой мальчик» не может вернуться к скрипке, его жизнь нелепо обрывается в автомобильной катастрофе. Несмотря на стереотипность некоторых сюжетных ходов и характеров, пьеса обнажает типичнейшее для долларового общества противоречие между коммерцией и искусством.

Писатели и публицисты в США не раз указывали на особую черту национального характера американцев — желание, чтобы у тебя было все, что есть у других. Счастье издавна связывалось в Америке с материальным благополучием, положением, успехом. Перспектива лишиться благ, отстать от соседей, перейти в «низкий» слой общества воспринимается из-за скудости духовных интересов как беда. Последствия слепой веры в успех, этой «мечты, мифа и моральной нормы нашей нации», как точно сформулировал театровед Ллойд Моррис («Занавес поднимается», 1951), стали стержневой темой литературы и искусства США и главной составляющей американской трагедии.

Особое место в американской драме принадлежит ровеснику О'Нила Максвеллу Андерсону, автору стихотворных исторических трагедий («Королева Елизавета», 1930; «Ночь над Таосом», 1932; «Мария Шотландская», 1933 и др.), то есть произведений такого жанра, которые в глазах его соотечественников, не имевших ни Мильтона, ни Шекспира, ассоциировались с романтической и риторикой. История у драматурга предстает как игра индивидуальных волей и страстей, главный же его интерес — извечные проблемы нравственного величия, стойкости человека перед лицом грозных событий и неизбежности его земной судьбы.

Стихотворной драмой «Перелом зимы» Андерсон поставил перед собой дерзкую задачу — «создать трагическую поэзию из материала своего времени». Драматург верил, что стих даст американскому театру возможность «достичь высот поэтической трагедии», ибо «проза — это язык информации, а поэзия — язык эмоций».

Классически ясная и динамичная фабула служит как бы

«франкистским» дискуссионным, которые ведутся в пьесе вокруг проблем вины и ответственности, правосудия и справедливости, чести и долга. Несколько лет назад по ложному обвинению в убийстве был посажен на электрический стул итальянский иммигрант и «анархист» Романья (пьеса прямо перекликается с популярным процессом по «делу» Сакко и Ванцетти). Теперь его сын Мию жаждет отомстить за отца и восстановить его доброе имя. Темный ветер случая» подбрасывает на его пути любовь — девушке, чей слабоумный брат был свидетелем преступления, но побоялся выдать настоящего убийцу. Конфликт между чувством и долгом перед близкими достигает у обоих молодых людей такой интенсивности, что не может не вылиться в гибель героев.

Их слава в том, земных мужчин и женщин,
Что знают, как, не рабелепствуя и не стбгаясь,
Достоинво встретить поражение,
И — умереть, не покоришись.

В отличие от многих своих коллег Сароян — сказочник и откровенный морализатор. Нравственный урок, который он преподает, высказан в первой же его пьесе — «В горах мое сердце» (1939); он «прост и стар как мир: быть добрым лучше, чем быть злым». Драма-притча «Путь нашей жизни» (1939) представляет на подмостках условный замкнутый опозитизированный мирок, населенный доморощенными философами и фантазерами, бродягами и безработными, полицейскими и проститутками. Главный среди них — Джо, молодой бездельник и благодетель всей этой пестрой братии, находящей прибежище в кабачке, где «каждый чест и добр... каждый живет и дает жить другим». Действие идет на единой неустойчивой ноте пронзительного лиризма, колеблясь между трагическим озарением и сентиментальным утешительством.

Поразительно, как сарояновская пьеса перекликается с о'ниловской «Разносчик льда грядет», написанной в том же, 1939 году. Торговая пивзаводка Ника в Сан-Франциско 1939 года у Сарояна как две капли воды похожа на салун Гарри Хоупа. Среди отрезанных от внешнего мира посетителей обоих заведений царит утопическая умиротворенность и прекраснородушная мечтательность, нарушаемая пришельцем, «посторонним», какой и платит жизнь за намерение изменить привычный уклад и привязать другим свой образ мыслей. Сарояновский Джо — двоюродный брат о'ниловского Ларри Слейда: в душе он такой же горький скептик, и его поиски добра тем обманнее, чем отчаяннее.

Дело не только во внешних сходжениях. «Истина в том, что все эти годы мертвы, — вырывается у Джо. — Все дни — мертвы. И мы сами мертвы. Больше нечего ждать». Происходит неожиданное на первый взгляд, но неизбежное по существу сближение романтического оптимизма Сарояна и философско-

исторического пессимизма О'Нила. Общее в их пьесах — трагедия идейно-психологического безвременья, бесперспективности. Такие настроения охватили известную часть американского общества после спада демократических движений в стране и в результате разгула фашизма в Европе. В 1935 году таксисты у К. Одетса, ожидая своего руководителя, Лефти, решили действовать — бастовать («В ожидании Лефти»). По мнению сараяновского Джо, каждый из нас «двадцать три с половиной часа из двадцати четырех проводит в ожидании... И чем больше мы ждем, тем меньше можно ожидать». Классический драматургический прием ожидания через несколько лет будет возведен в степень философии бездеятельности пьесой «В ожидании Годо» С. Беккета, а затем и его американскими последователями.

В истории общественной и культурной жизни США не было, пожалуй, такого тяжелого периода, как конец 40-х и начало 50-х годов. Забывались антифашистское движение и вторая мировая война, обусловившие возникновение в стране сильной антифашистской драматургии. Забывалась полота послевоенных надежд на разумное существование человечества. Решительно во всех сферах брали верх реакционные тенденции, началась «холодная война» и разгул маккартизма.

В эти темные годы Л. Хеллман пишет свой прекрасный «Осенний сад» (1951), обнажающий нравственно-психологические истоки жизненной позиции безучастия и бездеятельности.

Умные, интеллигентные, благополучные люди приехали отдохнуть в фамильный дом Такерманов на берегу Мексиканского залива. Действие течет неспешно и элегично, сам ход его выражает праздное, пустое времяпрепровождение персонажей. Из отдельных реплик складывается настроение неуверенности, едва уловимого недовольства, какой-то угнетенности. Очевидно, когда-то по старым либеральным привычкам они положились на время, на «естественный» ход вещей, но время обмануло их. Кто по неведению, кто по нежеланию «ввязываться», кто по отсутствию убеждений — но все они упустили «час больших решений, поворотный пункт в судьбе». И самые совестливые из них платят острым ощущением вины, которую трагически неспособны трансформировать в поступки.

...Тридцать шесть лет Вилли Ломен из «Смерти коммивояжера» А. Миллера (1949) казался себе образцовым торговым агентом в образцовой стране. Вилли никогда не везло. Он только думал, что везло, надеялся, бодрился, боялся смотреть правде в глаза. Но годы берут свое, и он судорожно рыщет в прошлом, пытаясь понять, где, когда и как он упустил свой шанс. Его воспоминания, догадки, предположения материализуются на подмостках, принимая форму людей и вещей.

В трагедии — по Миллеру — нас прежде всего потрясает «страх героя потерять свое положение, катастрофа, заключенная в разрыве с дорогими нам представлениями о том, кто мы и что

ни в этом мире... именно простому человеку более всего знаком этот страх» («Трагедия и обыкновенный человек»).

Миллеровский коммивояжер не способен противостоять уваженному его хозяину — не то что Системе. Он способен лишь на ссору со старшим сыном, который не хочет и не может жить так, как велит отцовская власть. И вот, чтобы доказать Гаффу — и миру — значимость себя как личности и правильность своих представлений, бедняга идет на самоубийство, одновременно давая сыну в виде страховки еще одну, материальную возможность выбиться в люди. У Вилли «были золотые руки и пах козьими ложными мечтами...»

Несколько позже, в пору разгула маккартизма, Миллер предпринял попытку создать героическую трагедию. Он сделал это на материале судилищ над «ведьмами» в колониальном Массачусетсе в драме «Суровое нештганше» (1953). Джон и Элизабет Прокторы — действительно величественные фигуры, однако общий пафос драмы ослабляется историсофскими и лическими схемами. Открыто ориентирован на античные трагедийные образцы «Вид с мости» (1955), пьеса о неутолимом влечении, допосе и неминуемой расплате за него. Одновременно Миллер начинает ревизовать свое понимание социальной драмы, усматривая источник трагедии в том, что «какая-то часть нас самих вступает в тайный заговор с силами разрушения», что «в наших собственных сердцах гнездится зверь» (статья «Тени югов», 1958). Такой взгляд обесмысливает трагедию, лишает ее моральной и поэтической цели.

Гораздо последовательнее и целеустремленнее разрабатывал в те годы героико-трагедийный жанр Барри Стейвис. Еще в 1947 году была поставлена его драма о Галилее — «Светильник, зажженный в полночь», выдержавшая соперничество с брехтовским Галилеем. Затем последовал «Человек, который никогда не умрет» (1954), воспроизводящий сфабрикованный процесс над Джо Хиллом и борьбу против современных инквизиторов. Слову и делу знаменитого аболициониста Джона Брауна посвящена пьеса «Харперс Ферри» (1962).

Содержание строгого, классического по языку и открытого, гибкого по сценическим формам театра Стейвиса — человек и история, человек в историческом процессе. Галилей, Джон Браун, Джо Хилл — каждый из них принадлежал своему времени и был впереди него, предвещая крутые перемены в социальном порядке. Герои Стейвиса — конкретные личности, неповторимые индивидуальности и олицетворяют неустанные и напряженные искания истины, свободы, справедливости. В этом сердцевина оптимистической трагедии Стейвиса.

Может быть, редкая американская пьеса отвечает всем признакам и требованиям «подлинной» трагедии, показывает масштабного героя, целеустремленного утвердить свое понимание мира и себя в нем наперекор объективному положению

вещей и потому с неизбежностью идущего на смерть. Но если верна мысль В. Шкловского о том, что «трагедия основана на неисполнении исторических обещаний времени»; если верно утверждение А. Анкетта, что «внутренний смысл трагедий образуют переживания героя, происходящая в его душе борьба противоположных стремлений, осознание им мучительных противоречий жизни»; если учесть, наконец, что в XX веке трагедия вообще утратила канонизированные формы, то рассмотренные произведения без особой натяжки можно отнести именно к этому жанру. И именно они, как никакие другие пьесы, и более всего драматургия О'Нила и Т. Уильямса, показывают «судьбу человеческую, судьбу народную» в Америке.

Г. Злобин

ТЕННЕССИ УИЛЬЯМС

ПЬЕСЫ

Стеклянный зверинец

Трамвай «Желание»

Орфей спускается в ад

Ночь игуаны

Эссе

TENNESSEE WILLIAMS

The Glass Menagerie (1945)

A Streetcar Named Desire (1947)

Orpheus Descending (1957)

The Night of the Iguana (1961)

ТЕННЕССИ УИЛЬЯМС — ПОЭТ СЦЕНЫ

Хрупкий, лиричный, чистый «Стеклянный зверинец» принес Теннесси Уильямсу известность. Поставленный через два с половиной года нервный жестокий грохочущий спектакль «Трамвай „Желание“» сделал из него международную знаменитость.

Две эти пьесы как два корня, как два ствола всего драматургического творчества писателя — непохожие и нерасторжимые, полно выражающие двуединство его необыкновенно богатого, неповторимого и противоречивого художественного мира. Приподнятая, поэтическая театральность, устремленность к высокому, романтическому и неоромантическая завороченность «сырой жизнью», толкающая к натурализму.

Большая часть жизни Уильямса прошла на глазах у публики. Бесчисленные, не без охоты даваемые интервью, нескончаемые газетные сплетни, журнальные статьи и книги, много книг — начиная с воспоминаний матери или его друзей и кончая штудиями с заманчивыми названиями: «Теннесси Уильямс — бунтующий пуританин», «Сломанный мир Теннесси Уильямса» и так далее. Наконец, его собственные пьесы, и в некоторых — без грота угадываемая автобиографичность, как в «Стеклянном зверинце». Или щемяще-исповедальные «Мемуары» (1975), где с какой-то простодушной непосредственностью выставляется на показ самое сокровенное и интимное.

Те, кто знали Теннесси Уильямса лично, рассказывают, что атмосфера некоторых его вещей никак не вяжется с обликом этого, казалось бы, даже застенчивого человека. Впрочем, писатель сам подливал масла в огонь: все, что есть в моих пьесах, заявлял он, я пережил лично.

В этом одна из узловых проблем творчества Уильямса. Он не раз говорил, что пишет, не считаясь с чужими мнениями и

вкусами, что готов защищать обособленность художника со страстью Дон Кихота. В то же время его драматургия завоевала широчайшую популярность в США и за рубежом. Вряд ли это случилось бы, если бы он выражал в своих произведениях только собственный эксцентричный мир. С другой стороны, от такого успеха, от такого, можно сказать, повсеместного приятия закрадывалось сомнение в искренности намерений Уильямса, в том, не работал ли он иной раз на сенсацию, «на кассу».

Из бездны печатных и звучащих слов, сказанных о Теннесси Уильямсе и им самим, можно вычитать всякое. Гораздо труднее разобраться в действительной судьбе и творчестве этого незаурядного, с талантом, как говорится, от бога, художника, чья личность соткана из нитей совершенно разной выделки и цвета, среди которых главная — преданность. Преданность своей работе, преданность искусству и тонкое понимание его. Труднее хотя бы потому, что Уильямс — наш современник, современник сложного, переходного бурного периода в истории Америки и всего мира. Юджин О'Нил только предчувствовал катастрофу в своих творениях. Уильямс пережил ее и писал в основном уже после второй мировой войны, когда буржуазно-либеральное сознание Запада оказалось неспособным объяснить Освенцим и Хиросиму, а позднее Корею и Вьетнам. В пору, когда художественная мысль Америки металась между непосредственной данностью маккартистской мании и метафизическим мраком всеобщего самонстребления в результате возможной ядерной катастрофы и попадала то в молотилку «массового общества», то в мифологию индивидуального отчуждения. Именно в те времена литература и искусство США были опасно поражены болезнями модернизма. «В эпохи, неуравновешенные в культурном и бытовом отношении, в эпохи распада, когда всякий нормальный человек страдает от прогиворечий и ищет глашатаев, которые противоречия особенно тонко чувствуют и умеют особенно экспансивно, зажигательно выразить переживания отрицательные, — в эти эпохи история ударяет своей рукой виртуоза как раз по патологическим клавишам» (А. В. Луначарский. «Социологические и патологические факторы в истории искусства», 1930. — Собр. соч., т. 8, 1967).

Потребовалось время, чтобы темные стороны неровного и первного творчества Уильямса, упаднические моменты некоторых пьес перестали заслонять от нас социально-критические их аспекты, его неустанные поиски правды, человечности и красоты. И если он порой искал их там, где фальшь и уродства, то причины этого не только в фактах его личной биографии или aberrации его художнического видения, но и в фактах биографии общества, выворачивающего наизнанку решительно все ценности.

Вся предыстория Бланш Дюбуа, героини «Трамвая „Желание“», ее жизнь в фамильном поместье «Мечта», ее поза

уточенной леди (так же как постоянные воспоминания Аманды Уингфилд и ее претензии на жантильность) выдают в Уильямсе выходца с Юга, не привязанного, но, к счастью, к иллюзорным представлениям об исторической и этической исключительности своего края, которые сказываются на произведениях даже выдающихся писателей «южной школы». Однако он перенял некоторые стилевые особенности этой культуры: декоративную, а то и барочную орнаментальность, риторическую приподнятость, повышенную эмоциональность в сочетании с блюзовой мечтательностью.

Духовное и физическое вырождение плангаторства, крушение «благородных» обычаев и верований Уильямс сосредоточил в истории душевного и нравственного распада и подступающего безумия своей героини. Бланш ищет последнее прибежище в доме своей сестры Стеллы, вышедшей замуж за простого трудягу и приспособившейся к новой, «низкой» среде.

«Это его, Уильямса, особая поэтическая сфера — страдания тех, кто слишком мягок и чувствителен, чтобы выжить в нашем грубом и бесчувственном обществе» — так точно очертила американская марксистская критика круг интересов и героев драматурга и моральную установку его пьес (журнал «Мейнстрим», ноябрь 1956). В излюбленной теме беззащитности чистых натур, неизбежной гибели красоты и добра обнаруживается зоркость писателя, его художническая честность: так оно чаще всего и бывает в наблюдаемом им мире. Но в ней же заключена идея жертвенности.

Бланш Дюбуа — не Лаура Уингфилд из «Стеклянного зверинца», и напрасно искать в ее образе погубленную грубой силой чистоту и красоту. При всей утонченности и культуре в ней слишком силен зов плоти. Повышенная, мягко говоря, чувственность — одна из причин ее несчастий задолго до роковой встречи со Стэнли Ковальским и трагической развязки. Драматург всячески подчеркивает примитивность противника Бланш, его бругальность. Не следует усматривать в этом принципиальной позиции автора в отношении рабочего. Сильный Стэнли интересуется его только в сопоставлении со слабой Бланш. Ей, изломанной, опустошенной, опустившейся, импонирует его цельный характер, грубая мужская сила и одновременно вызывает отвращение полное бескультурье («человек-обезьяна», «живая реликвия каменного века», — отзывается она о нем). Стэнли в свою очередь движет полуосознанное желание доказать Бланш свое превосходство над ней, и ему льстит внимание со стороны «леди». Желание, смешанное с ненавистью, сводит мужчину и женщину, изначально находившихся на разных полюсах общества.

В этюде, посвященном «Трамваю», Джон Гаснер писал, что «клинические аспекты» характера героини «снижают потенциальную трагедию до уровня психопатологии» («Театр в наше

время», 1954). Сопоставляя пьесу Уильямса с шедевром Чехова и называя Бланш «дочерью южного „Вишневого сада“», театровед указывает, что у русского драматурга действие основано на «нормальной мотивации», тогда как Уильямс вводит ненужные, случайные мотивы.

Думается, Гасснер излишне категоричен. «Грамавай» — все-таки трагедия, трагедия социальной и психологической нетерпимости и несовместимости, взрывчатой дисгармонии, пусть и осложненная чрезмерной акцентировкой эротических и психопатологических моментов. Методологический же вывод Гасснера — «реалист и эстет сталкиваются в этой пьесе» — верен в отношении и многих других произведений Уильямса.

Конфликт между плотским, земным началом и духовным, романтическим разрабатывает Уильямс и в пьесе «Лето и дым» (1948). Колоритные и живые картины быта и нравов заштатного городка, яркие фигуры его обитателей не соответствуют характеру отношений двух главных героев. Девушка со значащим именем Альма (по-испански — душа), скованная к тому же строгим воспитанием отца-священника, не дает воли своим чувствам к молодому доктору Джону Бьюкенену, который по мере сил старается накормить всех трех щенков, обозначенных на его анатомической карте: один жаждет правды, другой — пиццы, третий — любви. Пьесу спасает от схематизма иронический поворот в финале, когда антагонисты меняются ролями, и итоговое драматичное впечатление несостоявшейся любви.

Зато согревающая искра сближает портниху Серафину и шофера Альваро в пьесе «Татуированная роза» (1950). Их обоих обошла и жестоко обидела жизнь, и единственное, что могут дать друг другу эти два одиноких отверженных существа. — взаимная привязанность, тепло собственного тела. Тем и унижаются боль и обиды, лечатся раны, нанесенные равнодушием, эгонизмом, высокомерием, грубой силой. Обитатели мрачного мира О'Нила поворачивались спиной к тягостным фактам, выдумывая себе иную жизнь. Сароян видел вокруг себя лишь милых, хороших людей, защищенных от всего дурного верой в непрерывно доброе сердце человека. У многих героев Уильямса другое средство от болезней века — чувственная любовь. Да и сам драматург всю жизнь, по его собственному признанию, слышал «музыку чувственности», считал физическую близость чуть ли не единственным средством преодолеть «проклятую» одинокость личности в хаосе буржуазной цивилизации. Любовь и жизнь — два понятия, случайно сближенные в английском языке, — становятся синонимами в словаре Уильямса.

Хотя Т. Уильямс не раз открыто выражал свои симпатии демократическим силам и в «Мемуарах» даже заявил, что хотел бы «открыть новую социальную систему... очевидно, какую-нибудь просвещенную форму социализма», развитым гражданским чувством он, надо признать, не обладал. Это, однако, не

помешало ему по-своему откликнуться на самые злободневные проблемы начала 50-х годов большой экспрессионистской по технике драмой «Путь действительности» (1953). Драматург говорил о ней: «Это моя концепция современности и мира, в котором я живу».

Сцена поделена на две части. На одной стороне — деградирующая великосветская сволочь из фешенебельного отеля, где платят отчаянием, причем «валичными, без векселей». На другой — трущобы, ночлежка, лавка ростовщика, жалкие оборванные люди, погруженные поначалу в апатию. В городе свирепствует террор. Официально запрещено, искоренено из обихода «опасное» слово *hermano* — брат. Людей убивают прямо на улицах. На широкую ногу поставлено «промывание мозгов».

«Путь действительности» — драма аллегорическая, в ней все условно: конфликт, сценические средства, действующие лица, среди которых есть и исторические личности, и литературные герои. Поднявшийся из зрительного зала вместе с Дон Кихотом на сцену Санчо Панса по карте определяет их местонахождение: «...обнесенный стенами город, где кончается Каминно Реаль и начинается Кэмино Риэл, где истоцился родник человечности». Каминно Реаль (исп.) — это царственный путь мечты и надежд, Кэмино Риэл — это путь жестокой действительности, точнее — тупик, куда зашла дряхлеющая цивилизация.

Злоключения Килроя — рядового американца, которого запугивают, гонят, преследуют, терзают, — передают в условно-мегафорической форме состояние людей в обстановке массовой истерии маккартизма. С помощью Байрона, Дон Кихота и других великих человеколюбцев Килрой пересиливает страх перед преследователями и, преображенный, обретает решимость отправиться в *Terra Incognita* — неизведанную землю. Уильямс верит, что «фиалки могут разворотить скалы».

В послесловии к пьесе драматург развивает свою теорию «нового пластического театра», которую он выдвинул еще в заметках к «Стеклопанному зверинцу» изамси «исчерпанных средств внешнего правдоподобия». «Цвет, изящество, взлет, рисунок движения, быстрое взаимодействие живых людей...» — вот что составляет драму. «Печатный текст лишь формула, по которой строится спектакль». Как ни справедлива мысль, что пьеса по-настоящему живет только на сцене, как ни великолепны иные находки Уильямса, его главная ставка на зрительный образ, его увлечение математикой образотворчества ведет к принижению слова.

Драмой «Кошка на раскаленной крыше» (1955) писатель возвращается к художественному исследованию нравов Юга, выбрав на этот раз классическую тему литературы кригического реализма — страшную власть денег. Он вводит нас в дом богатого плагатора Поллита, умирающего от рака. Как стервятники,

кружат над десятками тысячами акров плодороднейшей земли его старший сын с женой. Приманка, на которую может клюнуть Большой папа,— их чада, числом пять. Другой, любимый сын — Брик — безнадежный алкоголик и не хочет подарить отцу наследника, потому что жена когда-то заподозрила его в неестественной связи с его лучшим другом. Мэгги беснуется, видя, как вот-вот ульнут из рук денежки свекра, и чего только не делает, чтобы затащить упрямого Брика в брачную постель. Всю жизнь она была «чертовски, до отвращения бедна», она — «кошка на раскаленной крыше».

«Орфей спускается в ад» (1957) сфокусировал социально-критическую энергию писателя. Орфея в пьесе зовут Вэл Зевьер. Он бродит со своей подругой-гитарой по дорогам американского Юга. Судьба приводит его в забытый богом и людьми городок на Миссисипи. Здесь-то он и находит свою Эвридику — жену местного «столпа общества». Леди, дочь сжитого со свету пришедшего Итальянца, и сама, наверное, не знала, на что надеялась, на что рассчитывала, выходя с отчаяния замуж за богатого лавочника. Двадцать лет она расплачивается за это: холодный дом, постылый муж, ни ребенка, ни одного хорошего сна — только горький стыд, что «продала себя».

Исходный фабульный узел драмы завязан автором тем прочнее, что появление американского Орфея — Вэла, отбросившего свое прошлое, как змея сбрасывает кожу, и предстающего перед зрителем как олицетворение чуткости, чувственности и чудесной животворности, совпадает с возвращением домой смертельно больного Джейба Торренса — законодателя здешних нравов, расиста и убийцы.

В своем понимании трагического, наиболее полно изложенном в предисловии к «Татуированной розе», драматург исходит из мнения, что современного человека, запертого «в клетке деловой активности», неотвязно преследует чувство неустойчивости и незначительности. Безразличный поток времени притупляет наше восприятие вещей, важные события снижает до уровня случайных происшествий. Трагедийности можно достигнуть, лишь уловив в быстротекущем времени элемент непреходящего, вечного. Характер вырастает в особых условиях «мира остановленного времени»: поэтому, очевидно, Уильямс предлагает посмотреть на историю своих героев в общем контексте двух мифов — античного об Орфее и христианского о Спасителе.

В древнегреческой легенде Орфей звуками своей кифары умирал диких зверей. Гитара американского Орфея с людей «всю скверну как рукой снимала». Об очистительной и целительной силе искусства говорят многие персонажи пьес Уильямса. Точнее других высказывается художница Ханна Джелкс из пьесы «Ночь игуаны»: «Моя работа — рисование, эта терапия трудом, которую я себе прописала, — рисование заставило меня смотреть не только внутрь себя, но и вокруг себя». Примерно в том же

самом признавался драматург: «В конечном счете я создаю воображаемый мир, в котором я мог бы укрыться от реального мира, потому что никогда не умел приспособливаться к нему». Нет оснований усматривать в таких заявлениях Уильямса приверженность искусству ради искусства; это поиски средств психологической защиты утонченной и неустойчивой натуры, стремление установить хоть какой-то *modus vivendi* художника-творца в обществе, которое губит творческую мысль.

Как всегда у Уильямса, в «Орфее» господствует стихия любви: к Вэлу тянутся сразу три женщины. Неприкрытая чувственность его героев не мешала драматургу выявить психологическую гамму иных переживаний. Вэл и Леди — первые, пожалуй, люди в мире отверженных персонажей Уильямса, которые по-настоящему начинают задумываться над механикой жизни. Робко и неуверенно нащупывают они ответы на встающие перед ними тревожные вопросы. Оба твердо знают уже, что «грязь» — ничего не оправдывает. Оба соглашаются, что любовь, которая раньше лечила неудачи и горести, — это «липный ответ». Оба вышли из «одионого заключения в собственной шкуре» и хотят быть свободными как птицы. Оба поняли, что человек не должен «дать себя победить».

Леди узнает, что к смерти отца причастен ее муж. Согласно всем канонам трагедийного жанра, здесь момент прозрения. Теперь ее не остановит никто и ничто. Она ослеплена жаждой мщения и желанием доказать, что не сдалась. В этой ослепленности — ее трагическая «вина». Своими же поступками она готовит скорую развязку. Пламя страданий, страстей, стремлений сжигает возлюбленных дотла.

После «Орфея» произведения Уильямса начинают постепенно утрачивать черты игровой, театральной драмы и превращаются скорее в притчи, в современные моралиты, а искусство строить драматургический характер во многом подчиняется аллегорической задаче.

«Я покончил с тем типом пьес, которые принесли мне известность. Сейчас я пишу совершенно по-другому, и это другое — целиком мое собственное, без какого бы то ни было влияния со стороны наших или иностранных драматургов или театральных школ». Это написано в предисловии к «Мемуарам», то есть в 1975 году. Однако новый этап автор относит к гораздо более раннему времени и привязывает к пьесе «Ночь игуаны» (1961).

Где-то в Мексике, под крышей пансиона «Коста верде», случайно сходятся всего на одну ночь разные люди. Под верандой скребется, пытаясь вырваться, освободиться от воров пойманная огромная ящерица — метафора одиночества и одновременно несвободы личности. Точно так же напрасно ждут и ищут избавления из одиночных камер отчаяния главные действующие лица этой пьесе *au clef* — «пьесы с ключом».

идушей под гогот и марши приехавших сюда на отдых немцев-нацистов: действие происходит в 1940-м.

Жалок и одинок герой пьесы Лоуренс Шэннон — распутник, расстрига, развалюха. Навидавшись ужасов в своих скитаниях, он проклял бога, этого «старого уголовника». Но, отринув бога, отринув высший нравственный закон, он существует теперь между бравадой и отчаянием, живет двойной жизнью — реальной и выдуманной. Отсюда — жгучая «потребность верить во что-нибудь или в кого-нибудь... в кого угодно и во что угодно».

Последовательные приверженцы экзистенциалистской философии бросают «вызов» абсурду, бессмысленному бытию. Уильямсу 60-х годов ближе другое. «Мы все в конце концов смиряемся с чем-нибудь или с кем-нибудь», — замечает Ханна Джелкс, человек искусства и трудной судьбы, воплощающая лучшее в глазах драматурга качества: понимание, сострадание, терпимость, терпение. Ханне Джелкс вторит человек совсем другого склада — альфонс, приживал, поэт битнического толка Крис из пьесы «Добрый словом сыт не будешь» (1963). Крис хочет научиться «жить и умереть с большим достоинством, нежели это делают многие из нас... не пугаться незнания того, чего не дано знать, примириться с тем, что мы ничего не знаем и не узнаем до тех пор, пока не перестанем существовать, и примириться с этим мгновением».

Отчаяние и страсти персонажей Уильямса постепенно уступали место страстопримству. Происходит парадоксальное на первый взгляд сближение Уильямса с искусством американского абсурда.

«Поздний» Уильямс, его пьесы 60-х — 70-х годов — особая проблема, относительно которой пока нет согласия ни между американскими критиками, ни между советскими — так же как нет согласия по некоторым коренным проблемам художественной культуры США в этот очень непростой и, скажем прямо, недостаточно изученный период. В применении к Уильямсу вопрос еще более обостряется. Писателя буквально преследовали неудачи, несчастья, физические и нервные заболевания, наркомания, алкоголизм. Это не могло не сказаться на его работе — когда он мог работать. Темы драматурга практически не менялись — менялась их подача и толкование. Его герои в таких пьесах, как «В баре токийского отеля» (1967), «Предупреждение малым кораблям» (1972) или «Vieux Carre» — «Старый квартал» (1977), — изломанные, ущербные, часто с извращенными наклоностями личности: художники-изгой, люди перекаати-поле, обитатели дна, которые все так же страдают от одиночества и страждут любви.

Впрочем, срывы у Теннесси Уильямса случались и раньше. Сразу же после «Орфея» он сочинил пьесу «Внезапно прошлым летом» (1958), где драматизм достигался антихудожественными средствами (мотивы лоботомии, мужеложства, каннибальства),

сочетающимися с навязчивой христианской символикой. Не стала большой удачей и известная драма «Сладкоголосая птица юности» (1959), потому что Чансу Уэйну грозит не старость, как его партнерше, угасшей и увядшей звезде, а оскпление, призванное символизировать деградацию современного человека. Так что ссылка героя на «врага внутри нас — время» не отвечает драматической ситуации, остается фразой. Надуманна «серьезная комедия» 1960 года, где личные ссоры чересчур прямолинейно ассоциируются с потрясениями куда более высокого порядка. Персонажи «Периода приспособления» — так называется пьеса — не только привыкают к частым семейным неурядицам, но и к жизни в оседающем над бездной доме. С другой стороны, в 60-е годы были у драматурга и относительные удачи — такова, например, драма «Царствие земное» (1967), в которой он снова обратился к конфликту слабого, выморочного духа и здоровой плоти, затронув попутно проблемы собственности и расового комплекса.

Направление исканий позднего Уильямса лучше всего проявилось в драме «Крик», получившей окончательную редакцию в 1973 году. Драматург писал о ней: «Думаю, что это самая прекрасная моя пьеса после «Трамвая». Я все время работал над ней... Это *cri de coeur* (крик души), но ведь всякое творчество, вся жизнь в известном смысле *cri de coeur*».

Два брошенных трупой актера — брат и сестра — готовятся сыграть «Пьесу для двоих». Есть ли у них зрители — неизвестно. Едва пьеса начата, как выясняется, что Феличе и Клэр играют также свою жизнь. Их гнетет прошлое и пугает настоящее. Оба мучатся виной — то ли из-за того, что отец убил мать и себя, то ли из-за их неродственной привязанности друг к другу. Оба — на пределе нервного срыва, если не сумасшествия. У пьесы нет конца, и они не могут — либо не хотят — уйти со сцены. Они боятся покинуть мрачный темный зал, хотя там, за стенами здания, — яркий день и растет огромный золотой подсолнух. Они должны играть: «Если мы не актеры, то мы никто». В диалог врываются мысли вслух, выдающие их «затруднения». Клэр: «Я не хочу думать о том, о чем думаю». Феличе: «Быть врагом самому себе — значит иметь перед собой самого страшного и беспощадного врага». Не исключено, что Клэр и Феличе находятся не в театре, а у себя дома — запертые или уединившиеся от других, без еды, без сигарет. А может быть — в тюрьме, потому что «театр для актера всегда тюрьма». Феличе и Клэр как бы переходят из «пьесы» в «жизнь» и обратно. Получается театр в театре, условность накладывается на условность, иллюзия преломляется сквозь иллюзию. Грань между представляемым и переживаемым совершенно размывается.

В этой виртуозной и неясной вещи достоверны и безусловны настроение умиротворенной печали и две идеи, в итоге сливающиеся в одну. Первая стара как мир: жизнь есть театр, а люди

лицедеи.—только она повернута, выведена автором на себя: театр есть (моя) жизнь. Вторая знакома по прежним вещам Уильямса: лишь двое способны пересилить смятение и страхи и в срок встретить смерть. Герои почти не повышают голоса, но пьеса в целом как крик узников, призывающих на помощь то, что спасало самого драматурга,—воображение, поэзию, искусство. «Волшебство—вот способ нашего существования»—кажется, что эту реплику под занавес произносит сам Теннесси Уильямс...

Неизбывная тоска по справедливости и красоте—и сомнение в достижимости их; сострадание к обездоленным и беззащитным—и замороженность чувственным, примитивным, выходящим из нормы; натуралистическая зоркость—и социальная близорукость—эти черты мироощущения и драматургического письма определяют своеобразие живописного, поэтического театра тонкого художника-гуманиста.

Г. Злобин

СТЕКЛЯННЫЙ ЗВЕРИНЕЦ

Перевод Г. Злобина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Аманда Уингфилд — мать.

Эта маленькая женщина обладает огромным жизнелюбием, но не умеет жить и отчаянно цепляется за прошлое и далекое. Актриса должна тщательно создать характер, а не довольствоваться готовым типажом. Она отнюдь не паранойк, но ее жизнь — сплошная паранойя. В Аманде много привлекательного и много смешного, ее можно любить и жалеть. Ей, несомненно, свойственно долготерпение, она даже способна на своего рода героизм, и, хотя по недомыслию иногда бывает жестока, в душе ее живет нежность.

Лаура Уингфилд — дочь Аманды.

Не сумев установить контакт с действительностью, Аманда тем сильнее держится иллюзий. Положение Лауры гораздо серьезнее. Она в детстве перенесла тяжелую болезнь: одна нога у нее чуть короче другой и требует специальной обуви — на сцене этот недостаток должен быть едва заметен. Отсюда — ее растущая обособленность, так что в конце концов она сама становится похожей на стеклянную фигурку в своей коллекции и не может из-за чрезмерной хрупкости покинуть полку.

Том Уингфилд — сын Аманды и ведущий в пьесе.

Поэт, который служит в обувном магазине. Его гложет совесть, но он вынужден поступать безжалостно — иначе не вырваться из западни

Джим О'Коннор — гость.

Милый и заурядный молодой человек.

Место действия — улица в Сент-Луисе.

Время действия — Теперь и Тогда.

Не видел тонких рук таких
даже у дождя...

Э. Э. Каммингс

«Стекланный зверинец» — пьеса-воспоминание, поэтому ставить ее можно со значительной степенью свободы, без оглядки на принятые сценические формы. Тонкий, хрупкий материал ее непременно предполагает умелую режиссуру и создание соответствующей атмосферы. Экспрессионизм и другая условная техника в драме преследует однуединственную цель — как можно ближе подойти к правде. Когда драматург использует условную технику, он отнюдь не пытается — во всяком случае, не должен этого делать — снять с себя обязанность иметь дело с реальностью, объяснять человеческий опыт; напротив, он стремится или должен стремиться найти способ как можно правдивее, проникновеннее и ярче выразить жизнь как она есть. Традиционная реалистическая пьеса с настоящим холодильником и кусочками льда, с персонажами, которые изъясняются так же, как изъясняется зритель, — это то же самое, что и пейзаж в академической живописи, и обладает тем же сомнительным достоинством — фотографическим сходством. Сейчас, пожалуй, все уже знают, что фотографическое сходство не играет важной роли в искусстве, что правда, жизнь — словом, реальность — представляют собой единое целое, и поэтическое воображение может показать эту реальность или уловить ее существенные черты не иначе, как трансформируя внешний облик вещей.

Эти заметки — не просто предисловие к данной пьесе. Они выдвигают концепцию нового, пластического театра, который должен прийти на смену исчерпанным средствам внешнего правдоподобия, если мы хотим, чтобы театр, как часть нашей культуры, снова обрел жизнеспособность.

Экран. Между первоначальным текстом пьесы и ее сценической редакцией есть только одно существенное различие: в последней нет того, что я в порядке опыта предпринял в оригинале. Я имею в виду экран, на который с помощью волшебного фонаря проецируются изображения и надписи. Я не сожалею, что в идущей ныне на Бродвее постановке экран не используется. Поразительное мастерство мисс Тейлор позволило ограничиться в спектакле самыми простыми аксессуарами. Однако я думаю, кое-кому из читателей будет интересно знать, как возникла мысль об экране. Поэтому я восстанавливаю этот прием в публикующем тексте. Изображения и надписи проецируются волшебным фонарем, расположенным за кулисами, на часть перегородки между передней комнатой и столовой; в остальное время это место на перегородке не должно ничем выделяться.

Цель использования экрана, полагаю, очевидна — подчеркнуть значение того или иного эпизода. В каждой сцене есть момент или моменты, которые наиболее важны в композиционном отношении. В пьесе, состоящей из отдельных эпизодов, в частности в «Стекланном зверинце», композиция или сюжетная линия могут иногда ускользнуть от зрителей, и тогда появится впечатление фрагментарности, а не строгой архитектоники. Причем дело может быть не столько в самой пьесе, сколько в недостатке внимания со стороны зрителей. Надпись или изображение на экране усилит намерения в тексте, поможет доступно, легко донести нужную мысль, заключенную в репликах. Я думаю, что помимо композиционной функции экрана важно и его эмоциональное воздействие. Любой постановщик, обладающий воображением, может сам найти удобные моменты для использования экрана, а не ограничиваться указаниями в тексте. Мне кажется, что возможности этого сценического средства гораздо более широки, нежели те, что использованы в данной пьесе.

Музыка. Другое инелитературное средство, которое использовано в пьесе,—это музыка. Нехитрая сквозная мелодия «Стеклянного зеринца» эмоционально подчеркивает соответствующие эпизоды. Такую мелодию услышишь в цирке, но не на арене, не при торжественном марше артистов, а в отдалении и когда думаешь о чем-нибудь другом. Тогда она кажется бесконечной, то пропадает, то снова звучит в голове, занятой какими-то мыслями.—самая веселая, самая нежная и, пожалуй, самая грустная мелодия на свете. Она выражает видимую легкость жизни, но в ней звучит и нота неизбывной, невыразимой печали. Когда смотришь на безделушку из тонкого стекла, думаешь, как она прелестна и как легко ее сломать. Так и с этой бесконечной мелодией—она то возникает в пьесе, то снова стихает, будто несет ее переменчивым ветерком. Она словно ниточка, которой связаны ведущий, находящийся в другом времени и другом месте, и его рассказ. Она возникает между сценами как память, как сожаление о былом, без которого нет пьесы. Эта мелодия принадлежит преимущественно Лауре и потому звучит особенно ясно, когда действие сосредоточивается на ней и на изящных хрупких фигурках, которые как бы воплощают ее самое.

Освещение. Освещение в пьесе избирательное. Сцена видится словно в дымке воспоминаний. Луч света вдруг падает на актера или на какой-нибудь предмет, оставляя в тени то, что по видимости кажется центром действия. Например, Лаура не участвует в ссоре Тома с Аmandой, но именно она залита в этот момент ясным светом. То же самое относится к сцене ужина, когда в центре внимания зрителя должна оставаться молчаливая фигура Лауры на диване. Свет, падающий на Лауру, отличается особой целомудренной чистотой и напоминает тона на стиринных иконах или на изображениях мадонн. Вообще в пьесе можно широко использовать освещение, похожее на краски в религиозной живописи—например у Эль Греко, чьи фигуры как бы светятся на зрительно туманном фоне. (Это позволит также более эффективно использовать экран.) Свободное, основанное на творческой фантазии применение света очень важно, оно может придать статичным пьесам подвижность и пластичность.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Уинифилды живут в одном из тех гигантских многоквартирных ульев, которые громоздятся словно какие-то наросты в переполненных городских районах. Населенные небогатым людом из «среднего класса», они выдают отчаянные попытки этого самого большого и, по существу, самого закабаленного слоя американского общества избежать расщепления, остаться в неподвижности, сохранить облик и обычаи однородной массы.

Входят в квартиру с переулка, через пожарный ход, и в этом кроется определенное символическое значение, потому что эти громады-здания постоянно охвачены медленным пламенем негасимого человеческого отчаяния. Пожарный ход, то есть, собственно, площадка и лестница вниз, составляет часть декорации.

Действие пьесы—воспоминания человека, и потому обстановка нереалистична. Память своенвольна, как поэзия. Ей нет дела до одних подробностей, зато другие проступают особенно вытукло. Все зависит от того, какой эмоциональный отклик вызывает событие или предмет, которого коснется память; прошлое хранится в сердце. Оттого и интерьер видится в туманной поэтической дымке.

Когда поднимется занавес, зрителю откроется унылая задняя стена дома, где обитают Уинифилды. По обе стороны здания, которое протянулось параллельно рампе,—теснины двух узких темных переулков; они уходят вглубь, теряясь за перепутанными бельевыми веревками,

мусорными ящиками и зловещими решетками пожарных лестниц на соседних домах. Именно этими переулками выходят актеры на сцену или уходят с нее во время действия. К концу вступительного монолога Тома сквозь темную стену здания начнет постепенно просвечивать интерьер квартиры Уингфилдов на первом этаже.

На сцене общая комната, которая служит одновременно спальней Лауре; она раскладывает диван, когда ложится спать. В глубине сцены, посредине,—столовая, отделенная широкой аркой (или вторым просцениумом) с прозрачными выцветшими занавесками. На старомодной этажерке в гостиной множество прозрачных стеклянных зверушек. На стене слева от арки—увеличенная фотография отца, обращенная к зрительному залу. На фотографии очень красивый молодой человек в солдатской фуражке времен первой мировой войны. Он браво улыбается, как бы наперекор всему, словно хочет сказать: «Я никогда не перестану улыбаться».

Первую сцену в столовой зрители видят сквозь прозрачную четвертую стену здания и газовые занавески, которые отделяют ее от гостиной. Во время этой экспозиционной сцены четвертая стена медленно поднимется и скроется из виду. Она опустится лишь к самому финалу, когда Том будет произносить заключительный монолог.

Ведущий в пьесе—откровенная условность. Ему дозволены любые сценические вольности, пригодные для достижения цели.

Слева появляется Том, он одет матросом с горбового судна. Не спеша проходит по авансцене, останавливается у лестницы, закуривает сигарету. Затем обращается в зрительный зал.

Том. Да-да, я-то кое-что знаю, и в рукаве у меня ворох фокусов. Но я не эстрадный фокусник, совсем наоборот. Он создаст иллюзию, видимость правды. А у меня—правда, принаряженная иллюзией. Начать с того, что я возвращаю время. Я перенесусь в тот странный период, тридцатые годы, когда огромный средний класс Америки поступил в школу для слепых. То ли их зрение стало неверным, то ли они перестали верить своим глазам—не знаю. Но они лихорадочно пытались нащупать пальцами брайлевы точки распадающейся экономики. В Испании вспыхнула революция. А у нас были крики, смятение умов. В Испании пылала Герника. У нас были волнения среди рабочих, иногда даже бурные, в таких мирных городах, как Чикаго, Кливленд, Сент-Луис.

Музыка.

Эта пьеса—мои воспоминания. Сентиментальная, неправдоподобная, вся в каком-то неясном свете—драма воспоминаний. В памяти все воскрешается словно под музыку. Вот почему за кулисами поет скрипка.

Я—ведущий и в то же время действующее лицо. Вы увидите мою мать—ее зовут Аманда, сестру Лауру и нашего гостя—молодого человека, который появится в последних сценах. Он самый реалистический характер в пьесе—пришелец из реального мира, от которого мы чем-то отгородились.

Я питаю слабость к символам—не одним же поэтам иметь такую слабость—и оттого он тоже символ чего-то такого, что никогда не приходит, но чего мы всегда ждем и ради чего живем. Пятый персонаж не появится на сцене—он там, на большой фотографии над каминной полкой. Это наш отец, который давно ушел от нас. Он был телефонистом и влюблялся в расстояния. Бросил работу в телефонной компании и удрал из города. В последний раз мы получили от него весточку из Масатлана, мексиканского порта на Тихом океане. Он прислал цветную открытку без обратного адреса, и на ней два слова: «Привет... Пока!» Я думаю, остальное вы поймете сами.

Из-за кулис слышен голос Ааманды.

На экране надпись: «*Où sont les neiges*»¹.

Том раздвигает занавески и уходит в глубь затемненной пока что сцены. Там, за раздвижным столом, Ааманда, Лаура и Том. Они едят—это можно понять по жестам, хотя на столе нет ни пиццы, ни посуды. Ааманда сидит лицом к зрительному залу, Том и Лаура—в профиль.

Потом интерьер освещается мягким светом. Ааманда и Лаура на своих местах, но Тома нет.

Ааманда (*зовет*). Том!

Том. Да, мама?

Ааманда. Мы не можем без тебя прочитать молитву и начать есть.

Том. Иду, иду, мама. (*Слегка поклонившись, уходит. Через несколько секунд занимает свое место за столом.*)

Ааманда (*сыну*). Дорогой, не лезь пальцами в тарелку, прошу тебя. Если нужно пододвинуть кусок, то это делают корочкой хлеба. И, пожалуйста, не спеши. У животных в желудке есть особые отделения, где переваривается что угодно. Но человек должен тщательно пережевывать пищу, а уж потом глотать. Ешь спокойно, сынок, еда должна доставлять удовольствие. Хорошее блюдо вызывает массу вкусовых ощущений—надо лишь подольше подержать пищу во рту, и жевать надо не спеша—пусть поработают слюнные железы.

Том (*медленно кладет воображаемую вилку и отодвигается от стола*). Из-за твоих постоянных наставлений, как надо есть, пропадает всякий аппетит. Кусок в горло не лезет: ты, как хищник, следишь за каждым движением. Хочется поскорее кончить и уйти. И эти разговоры за столом... процесс пищеварения у животных... слюнные железы... Пережевание!

¹ «Где снега...» (*франц.*)—из «Баллады о дамах былых времен» Ф. Вийона.

Аманда (*беззаботно*). Подумаешь, какой нежный — тоже мне звезда в Метрополитен-опера.

Том идет, направляется к авансцене.

Кто тебе разрешил встать из-за стола?

Том. Хочу взять сигарету.

Аманда. Ты слишком много куришь.

Лаура (*также поднимаясь*). Я принесу сладкое.

Том курит, стоя у занавески.

Аманда (*вставая*). Нет-нет, сестренка! На этот раз ты будь хозяйкой, а я чернокожей служанкой.

Лаура. Но я уже встала.

Аманда. Садись на место, сестренка. Я хочу, чтобы ты выглядела хорошенькой и свежей... когда к нам придут молодые люди.

Лаура. Я не жду никаких гостей.

Аманда (*идет в крохотную кухню. Приподнятым тоном*). Они приходят, когда меньше всего их ждешь! Как сейчас помню: однажды в воскресенье у нас в Блу-Маунтин... (*Скрывается в кухне.*)

Том. Начинается!

Лаура. Да. Но пусть расскажет...

Том. Сколько можно.

Лаура. Ей приятно.

Аманда (*возвращается, неся вазу с десертом*). Так вот, однажды в воскресенье, когда мы жили в Блу-Маунтин, вашу маму навестили сразу семнадцать молодых людей — семнадцать! Да что там говорить! Иной раз бывало и посадить некуда. Приходилось посылать негра в приходский совет за складными стульями.

Том (*стоя у занавески*). И чем же ты занимала своих благородных гостей?

Аманда. О, я знала искусство светского разговора.

Том. Да, поговорить ты, видно, была мастерица.

Аманда. Должна сказать, что в наши дни девушки умели вести беседу.

Том. В самом деле?

На экране — Аманда девушкой; она встречает на крыльце гостей.

Аманда. Да, и знали, как занять гостей. Тогда хорошенького личика и стройной фигурки было мало, хотя уж меня-то природа ничем не обделила. Находчивой надо было быть и острой на язык.

Том. И о чем же вы беседовали?

Аманда. Ну, обо всем, что происходит в мире. Ничего будничного, вульгарного, грубого. (*Обращается к*

Тому, словно он сидит против нее, хотя тот по-прежнему у занавески.)

Том ведет эту сцену так, будто читает по писаному.

Да, и все мои гости были джентльменами—все до единого! Среди них были самые знатные молодые плантаторы с Дельты Миссисипи, плантаторы из поколения в поколение.

Том делает знак: за кулисами начинает звучать музыка, и на Аманду падает луч света. Глаза ее загораются, на щеках румянец, голос становится грудным, печальным...

На экране надпись: «Où sont les neiges».

Помню молодого Чампа Лафлина, который потом стал вице-президентом Земледельческого банка Дельты. Помню Хэдди Стивенсона—он утонул в Лунном озере, оставив вдове сто пятьдесят тысяч в государственных бумагах. Помню братьев Катрир—Уэсли... и Бейтса. Как он за мной ухаживал! Потом он поссорился с тем сумасшедшим, молодым Уэйнрайтом. Они стрелялись в казино на Лунном озере. Уэйнрайт всадил ему пулю в живот. Бейтс умер в карете «скорой помощи» по дороге в Мемфис. У его жены тоже кое-что осталось, она стала владелицей восьми или десяти тысяч акров. Она буквально женила его на себе... он не любил ее... в ту ночь, когда он умер, у него нашли мою карточку! А еще тот блестящий молодой человек, в которого были влюблены все девицы в округе... Красавец Фитцхью из Зеленого округа.

Том. А что он оставил своей жене?

Аманда. Нет, он не женился! Боже мой, ты говоришь так, как будто все мои поклонники отправились к праотцам.

Том. Но он же единственный не умер?

Аманда. Фитцхью пересек на Север и сколотил целое состояние... его прозвали Волком с Уолл-стрит. Знаешь, он был как Мидас. К чему ни прикоснется—все превращалось в золото. Я могла бы стать миссис Дункан Дж. Фитцхью—только захоти! Но... я выбрала твоего отца.

Лаура (встает). Мама, я уберу со стола.

Аманда. Нет, дорогая, иди, пожалуйста, в ту комнату, позанимайся со схемой машинки. Или потренируйся в стенографии. А главное, будь свежей и хорошенькой! Самое время, скоро начнут съезжаться гости. (Легкой девичьей походкой спешит в кухню.) Как ты думаешь, сегодня много приедет?

Том со стоном швыряет газету и вскакивает с места.

Лаура (*из столовой*). Я думаю, что никто не приедет.

Аманда (*появляется из кухни, с деланным удивлением*). Что ты говоришь? Никто? Ты шутишь.

Лаура отзывается нервным смешком. Потом как-то крадучись проскальзывает между занавесками, тихо задергивает их за собой, останавливается. На ее лице — яркий луч света. Едва слышно звучит музыка: тема «Стеклянного зверинца».

(*Бодрится*.) Никто, говоришь? Не может быть! Да что, разве случилось наводнение или пронесся ураган?

Лаура. Не наводнение и не ураган, мама, просто я не пользуюсь таким успехом, как ты, когда жила в Блу-Маунтин...

У Тома снова вырывается раздраженный стон.

(*На лице слабая извиняющаяся улыбка. Голос дрогнул*.) Мама боится, что я останусь старой девой.

Сцена темнеет под звуки мелодии «Стеклянного зверинца».

КАРТИНА ВТОРАЯ

«Лаура, неужели тебе никто никогда не нравился?» Вместе с этой надписью на экране над затемненной сценой появляются голубые розы. Постепенно вырисовывается фигура Лауры, и экран гаснет. Музыка стихает.

Лаура сидит на хрупком стульчике из пальмового дерева за маленьким столом с гнутыми ножками. На ней кимоно из легкой лиловой ткани. Волосы подобраны со лба лентой. Она моет и протирает свою коллекцию стеклянных зверушек.

На ступеньках у входа появляется Аманда. Лаура задерживает дыхание, прислушивается к шагам на лестнице, быстро оставляет безделушки и усаживается перед схемой клавиатуры пишущей машинки, приколотой к стене — прямая, словно загипнотизированная...

С Амандой что-то случилось — на лице у нее написано горе. Тяжело переступая, она поднимается на площадку — мрачная, безнадежная, даже абсурдная фигура. Одета она в дешевое бархатное пальто с воротником из искусственного меха. На ней шляпа пятилетней давности — одно из тех чудовищных сооружений, какие носили в конце двадцатых годов; в руках огромная черная плоская сумка лакированной кожи с никелированными застежками и монограммой. Это ее выходной наряд, в который она облачается, отправляясь на очередное собрание «Дочерей американской революции». Перед тем как войти, она заглядывает в дверь. Потом скорбно поджимает губы, закидывает, широко раскрыв, глаза, качает головой. Медленно входит. Увидев лицо матери, Лаура испуганно подносит пальцы к губам.

Лаура. Здравствуй, мама, а я как раз... (*Испуганно показывает на схему*.)

Аманда (*прислоняется к закрытой двери и устремляет на дочь мученический взор*). Обман. Кругом обман. (*Медленно снимает шляпу и перчатки, сохраняя все тот*

же кроткий страдальческий вид. Потом чуть театрально роняет шляпку и перчатки на пол.)

Лаура (неуверенно). Как прошло собрание «Дочерей»?

Аманда медленно раскрывает сумку, достает белоснежный платочек, и изящно встряхнув, разворачивает и так же изящно прикладывает к губам и ноздрям.

Ты что, не была на собрании, мама?

Аманда (тихо, едва слышно). Нет... не была. (Чуть повышая голос.) У меня не было сил пойти к «Дочерям». Стыд-то какой! Я готова была сквозь землю провалиться. (Медленно подходит к стене и снимает схему пишущей машинки. Горестно смотрит на схему, держа ее перед собой, затем закусывает губу и рвет лист надвое.)

Лаура (тихо). Зачем ты это делаешь, мама?

Аманда повторяет ту же операцию с алфавитом Грегга.

Зачем ты...

Аманда. Зачем? Лаура, сколько тебе лет?

Лаура. Ты знаешь, мама.

Аманда. Я считала тебя взрослым человеком. Кажется, я ошиблась. (Медленно подходит к дивану и садится, не спуская глаз с Лауры.)

Лаура. Почему ты на меня так смотришь?

Аманда (закрывает глаза и опускает голову. Длительная пауза: счет до десяти). Что ты собираешься делать, что с нами будет, как нам жить?

Такая же долгая пауза.

Лаура. Что-нибудь случилось, мама?

Аманда тяжело вздыхает, снова вынула платок, прикладывает к уголку глаз.

Мама, что случилось?

Аманда. Дай мне прийти в себя. Просто очередной раз жизнь... (Пауза: счет до пяти.) преподнесла мне сюрприз.

Лаура. Мама, я хочу, чтобы ты все-таки сказала, в чем дело!

Аманда. Ты же знаешь, сегодня мне предстояло вступить в должность в нашей организации «Дочерей».

На экране комната, полная машинисток.

По пути я завернула в Торговый колледж Рубикэма — сообщить, что у тебя простуда, и узнать, как ты успеваешь.

Лаура. Боже мой...

Аманда. Я подошла к преподавательнице машинописи, представилась. Она даже не могла припомнить тебя.

Уингфилд, говорит... у нас в списках такой не числится. Я стала уверять, что она не может не знать тебя, что ты ходишь на занятия с самого начала января. «Уж не имеете ли вы в виду,—говорит она,—ту ужасно робкую крошку, которая перестала посещать школу после нескольких занятий?» — «Нет,—говорю,—моя дочь Лаура посещает школу каждый день вот уже шесть недель». — «Одну минутку»,—говорит. И достает журнал. Там черным по белому твое имя и дни, когда тебя не было. Они решили, что ты бросила школу. Я ей: «Тут какая-то ошибка! Что-нибудь перепутано в записях!» — «Нет-нет,—говорит,—теперь я вспомнила. У вашей дочери так тряслись руки, что она никак не могла попасть по нужной клавише. А когда я в первый раз устроила испытания на скорость, ей сделалось дурно. Пришлось почти нести вашу дочь в туалет. С того дня она и не показывалась. Мы звонили домой, но телефон не отвечал...» Ведь я как раз в те дни работала у «Фэймуса и Барра», демонстрировала эти... О боже! Я почувствовала вдруг такую слабость, что едва держалась на ногах. Пришлось сесть, мне принесли воды. Пятьдесят долларов за обучение, наши планы, мои надежды поставить тебя на ноги—все пошло прахом!

Лаура тяжело вздыхает и неловко поднимается. Подходит к граммофону, заводит его.

Что ты делаешь?

Лаура. А что? *(Однако отпускает ручку, возвращается на место.)*

Аманда. Где ты пропадала? Ведь ты же не ходила в колледж.

Лаура. Гуляла.

Аманда. Неправда!

Лаура. Правда. Просто гуляла.

Аманда. Гуляла? Зимой в твоём пальтишке? Это же верное воспаление легких! Где ты гуляла?

Лаура. Как когда. Чаще всего в парке.

Аманда. И с простудой—тоже?

Лаура. Я выбирала меньшее из двух зол, мама.

На экране—парк, зимний пейзаж.

Я не могла пойти в колледж. Меня вырвало там... прямо на пол!

Аманда. Ты хочешь сказать, что каждый божий день с половины восьмого утра до пяти вечера ты болталась в парке? А я-то думала, что моя дочь посещает Торговый колледж Рубикэма!

Лаура. Это не так страшно, как кажется. Я заходила куда-нибудь погреться.

Аманда. Куда же ты заходила?

Лаура. В художественный музей или в птичник в зоопарке. Каждый день ходила к пингвинам. Иногда вместо завтрака брала билет в кино. Последнее время я чаще всего бывала в «Жемчужине» — это большой стеклянный дом, где выращивают тропические цветы.

Аманда. И все только для того, чтобы обмануть меня?

Лаура опустила голову.

Зачем ты это делала?

Лаура. Мама, когда ты огорчаешься, у тебя такой страдальческий вид, как у божьей матери на картине в нашем музее.

Аманда. Молчи!

Лаура. И я боялась сказать тебе.

Пауза. Едва слышны звуки скрипки. На экране надпись: «Черствая корка унижения».

Аманда (*нервно ощупывает сумку*). Так что же нам делать дальше? Сидеть дома и смотреть, как маршируют солдаты? Забавляться стеклянным зверищем? Всю жизнь крутить старые пластинки, которые оставил отец как горькую память о себе? Мы отказались от попытки хоть как-то подготовиться к службе, потому что у нас, видите ли... несварение желудка на нервной почве. (*Устало усмехается.*) Что же нам останется — всю жизнь от кого-то зависеть? Уж я-то знаю, каково одиноким женщинам, которые не сумели определиться на работу. Сколько видела таких на Юге — несчастных старых дев... их едва терпит из жалости зять или невестка... Отведут им какую-нибудь конуру, вот они и маются... ни с кем не видятся — разве что с такими же, как они сами... Маленькие птички, не имеющие своего гнезда и всю жизнь грызущие черствую корку унижения! Ты понимаешь, какое будущее ты себе уготовила? Клянусь, это единственная перспектива, иной я не вижу! Не очень приятная перспектива, согласишься? Правда... бывает ведь, что удается выйти замуж...

Лаура нервно трет руки.

Неужели тебе никто никогда не нравился?

Лаура. Нравился... один мальчик. (*Встает.*) Здесь как-то я наткнулась на его фотографию.

Аманда (*с проблеском надежды*). Он подарил тебе карточку?

Лаура. Нет, это снимок из еженедельника.

Аманда *(разочарованно)*. А... выпускник средней школы.

На экране Джим, кумир школы, с серебряным кубком в руках.

Лаура. Да... его звали Джим. *(Берет со столика на гнутых ножках тяжелый том.)* Вот он здесь в «Пиратах из Панзаса».

Аманда *(рассеянно)*. Где?

Лаура. Это оперетта, которую ставили старшеклассники. У него был восхитительный голос, мы сидели в классе на соседних рядах... каждые понедельник, среду и пятницу. Он выиграл этот серебряный кубок, когда победил в какой-то дискуссии! Посмотри, как он улыбается.

Аманда *(рассеянно)*. У него, должно быть, легкий характер.

Лаура. Знаешь, мама... он звал меня Голубой розой.

На экране появляются голубые розы.

Аманда. Что за странное прозвище?

Лаура. Помнишь, я заболела?.. А когда снова пошла в школу, он спросил, что со мной было. Я сказала «невроз», а ему послышалось «роза». С тех пор так и пошло. Как завидит меня, кричит: «Привет, Голубая роза!» Он ухаживал за одной девчонкой, Эмили Мейзенбах... Она мне не нравилась. У Эмили были самые нарядные платья в Солдане. Но она казалась мне неумной... В хронике сообщали, что они помолвлены. То есть это шесть лет назад. Сейчас уж, верно, поженились.

Аманда. Девушки, которые не годятся для деловой карьеры, выходят в конце концов замуж за хорошего человека. *(Возбужденно встает.)* Так мы и сделаем, сестренка. Тебе надо выйти замуж!

Лаура *(неуверенно засмеялась и потянулась за стеклянным зверьком)*. Мама, но ведь я...

Аманда. Что—ты? *(Подходит к фотографии мужа.)*

Лаура *(испуганно, словно прося прощения)*. Ведь я... я инвалид!

Аманда. Какая чепуха! Сколько раз тебе говорить: не произноси это гадкое слово. Ты не инвалид, у тебя просто крохотный физический недостаток, едва заметный. Люди возмещают свои маленькие дефекты большими достоинствами—они стараются быть общительными... и обаятельными... Обаяние—вот чем ты должна брать! *(Снова смотрит на фотографию.)* Уж чего-чего, а обаяния у твоего отца хватало.

Том делает знак скрипачу за кулисой. Музыка.
Сцена темнеет

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Надпись на экране: «После неудачи...»
Том стоит на площадке лестницы, перед дверью.

Том. После неудачи с Торговым колледжем Рубикэма у мамы был один расчет: чтобы у Лауры появился молодой человек, чтобы он приходил к нам в гости. Это стало наваждением. Подобно некоему архетипу «коллективного бессознательного», образ гостя витал в нашей крохотной квартире.

На экране — молодой человек.

Редкий вечер дома проходил без того, чтобы так или иначе не делался намек на этот образ, этот призрак, эту надежду... Даже когда о нем не упоминали, присутствие его все равно ощущалось в озабоченном виде матери, скованных, словно она в чем-то виновата, движениях Лауры, и нависало над Уингфилдами как наказание!

Слово у мамы не расходилось с делом. Она стала предпринимать соответствующие шаги. Она поняла, что потребуются дополнительные расходы, чтобы выстелить гнездышко и украсить птенчика, и поэтому всю зиму и начало весны вела энергичную кампанию по телефону, улавливая подписчиков на «Спутника хозяйки дома» — одного из тех журналов для почтенных матрон, где публикуются с продолжениями изысканные опыты литературных дам, у которых всего одна песня: нежные чашечки груди; тонкие талии, словно ножка у рюмки; пышные бедра; глаза, точно подернутые дымком осенних костров; роскошные, как у этрусских скульптур, тела.

На экране — гляцевая обложка журнала.
Входит Аманда, в руках у нее телефонный аппарат на длинном шнуре.
Она освещена лучом прожектора, сцена затемнена.

Аманда. Ида Скотт? Говорит Аманда Уингфилд! Какая жалость, что тебя не было в понедельник на собрании «Дочерей». Не можешь себе представить! У бедняжки, наверное, свищ открылся, сказала я себе. Как твое состояние? Боже милосердный, какой ужас!.. Ты просто великомученица, право же, великомученица! Кстати, я тут случайно заметила, что у тебя истекает подписка на «Спутник»! Да-да, кончится на следующем номере, дорогая... А ведь как раз сейчас они собираются печатать с продолжением потрясающий роман Бесси Хоппер... Нет, дорогая, такое непременно надо прочитать! Помнишь, как всех захватили «Унесенные ветром»? Нельзя было выйти из дому, если ты не прочла. Все только и говорили о Скарлет О'Хара. Так вот, эту книжку критики сравнивают

с «Унесенными ветром». Понимаешь, это «Унесенные ветром» — только послевоенного поколения. Что?.. Говорит?.. Дорогая, их никак нельзя пережаривать. Пожалуйста, загляни в духовку, а я подожду у телефона... Господи, она, кажется, повесила трубку!

Затемнение.

Надпись на экране: «Неужели ты думаешь, что я без ума от «Континентальной обуви»?»

В темноте слышны крайне возбужденные голоса Аманды и Тома. Они о чем-то яростно спорят за портьерой. А по эту сторону Лаура стоит, ломая руки; с лица ее не сходит ужас. На протяжении всего эпизода на нее падает яркий свет.

Том. Какого дьявола, откуда я знаю...

Аманда (*повышая голос*). Может быть, ты будешь...

Том. ...я-то что могу сделать?!

Аманда. ...выбирать выражения! Я не потерплю их...

Том. О-о-о!

Аманда. ...в моем присутствии. Ты просто с ума сошел!

Том. Не сошел — свели!

Аманда. Что ты болтаешь? Ты... ты... Идиот ты этакий!

Том. Послушай... У меня ничего не осталось...

Аманда. Тише ты!

Том. ...ровным счетом ничего, понимаешь? Все, все пошло...

Аманда. Перестань кричать!

Том. Вчера ты утащила мои книги! Как у тебя хватило...

Аманда. Да, я отнесла эту грязную книжонку обратно в библиотеку! Он пишет чудовищные вещи, он просто ненормальный, твой мистер Лоуренс.

Полубезумный смешок Тома.

К сожалению, не в моей власти запретить эти выверты больного воображения, я не могу приказывать людям...

Том смеется безумным смехом.

Но у себя в доме непристойности не потерплю. Ни за что!

Том. Дом, дом... А кто платит за него? Кто гнет спину, чтобы...

Аманда (*вдруг переходит на визг*). Да как ты смеешь?!

Том. Вот именно! Мне и рта раскрыть не дают! Я только знай себе...

Аманда. Ну, вот что я тебе скажу...

Том. Я ничего не желаю слушать! (*Резко раздвигает занавес.*)

В глубине сцены—неясное красноватое свечение. На голове у Аманды бигуди, одета она в старый кутальный халат, слишком просторный для ее худенькой фигурки. Халат—это все, что осталось от неверного мистера Уингфилда. На раздвижном столе пишущая машинка, в беспорядке раскиданы листы бумаги. Ссора началась явно из-за того, что Аманда помешала Тому творить. На полу опрокинутый стул. Красный свет отбрасывает на потолок их яростно жестикулирующие тени.

Аманда. Нет, ты будешь слушать...

Том. Не буду! Я уйду!

Аманда. Ты никуда не пойдешь.

Том. Я уйду, потому что...

Аманда. Том Уингфилд, немедленно вернись. Я еще не все сказала...

Том. Иди-ка ты...

Лаура (*в отчаянии*). Том!..

Аманда. Перестанешь ты дерзить или нет? А то у меня лопнет терпение!

Том (*подходит к матери*). А у меня, думаешь, не лопнет? А моему терпению, думаешь, конца не будет, мама? Я знаю, тебе совсем не интересно, что я делаю и что я хочу делать. Ты думаешь, это одно и то же?

Аманда. Я думаю, что у тебя совесть нечиста. Поэтому и грубишь, дерзишь мне. И я не верю, что ты каждый вечер ходишь в кино. Где это видано—каждый вечер в кино! Если человек в здравом уме, его не потянет в кино так часто. Кто же пойдет из дому на ночь глядя, и разве сеансы кончатся в два часа ночи? А когда ты возвращаешься, то бредишь, как пьяный, и что-то бормочешь себе под нос. Точно маньяк какой-то! Поспишь три часа, и уже на работу. Могу себе представить, как ты работаешь—вялый, сонный. У тебя же нет сил.

Том (*кричит*). Да, у меня нет больше сил!

Аманда. А какое ты имеешь право манкировать своей работой и подвергать опасности наше благополучие? Как мы будем жить, если тебя...

Том. Неужели ты думаешь, что я счастлив оттого, что работаю в магазине? (*В ярости надвигается на ее тщедушную фигурку.*) Неужели ты думаешь, что я без ума от «Континентальной обуви»? Неужели ты думаешь, что я жажду проторчать пятьдесят пять лет в камышитовых хоромах с дневным светом? Знаешь, мне иногда хочется—чтобы кто-нибудь взял железный лом да хватил меня по голове. Все лучше, чем каждый день тащиться в магазин! И все-таки я тащусь. Каждое божье утро ты входишь со своим проклятым «Вставай с улыбкой!». «Вставай с улыбкой!»—думаю я,—господи, до чего же

счастливые люди—мертвецы». Но встаю. И иду! За шестьдесят пять долларов в месяц я отказываюсь ото всего, о чем я мечтаю и мечтал всю жизнь! А ты— «эгоист», «о себе только и думаешь»... Да если бы я думал только о себе, знаешь, где бы я был, мама? Там же, где и он. *(Показывает на фотографию отца.)* У черта на куличках! *(Хочет уйти.)*

Аманда хватается его за рукав.

Пусти меня, мама!

Аманда. Ты куда?

Том. В кино.

Аманда. Ты лжешь!

Том угрожающе надвигается на крошечную Аманду. Та в испуге отшатывается.

Том. Да, лгу. Я иду в опиумную хазу—вот так! В притон, где одни проститутки и преступники. Я теперь в банде у Хогана, мама,—наемный убийца, таскаю автомат в футляре от скрипки! А в Долине у меня несколько собственных борделей! Меня прозвали Убийцей—Убийцей Уингфилдом! Я веду двойную жизнь: днем—незаметный добропорядочный приказчик в обувном магазине, а ночью неустрашимый царь дна! Я навещаю в игорные дома и просаживаю в рулетку целые состояния. Я ношу черную повязку на глазу и фальшивые усы. Иногда я даже приклеиваю зеленые бачки. Тогда меня зовут—Дьявол! О, я мог бы такого порассказать, что глаз не сомкнешь ночью. Мои враги замышляют взорвать наш дом. Когда-нибудь ночью нас как поднимет—прямо до небес! Я буду счастлив, безумно счастлив, да и ты тоже. Ты вознесешься кверху и помчишься на помеле над Блу-Маунтин со всеми своими семнадцатью поклонниками! Ты... ты... старая болтливая ведьма!.. *(Дергаясь, хватается пальто, кидается к двери, распахивает ее.)*

Женщины застыли в ужасе. Том хочет надеть пальто, но рука застряла в рукаве. Он яростно, разрывая по шву плечо, сбрасывает пальто и швыряет его. Пальто падает в этажерку, на которой расстелены зверушки сестры. Звон бьющегося стекла. Лаура вскрикивает, будто ее ударили.

Музыка. На экране надпись: «Стеклозверинец».

Лаура *(пронзительно)*. Мой стеклянный... зверинец!.. *(Отворачивается, закрыв лицо руками.)*

Аманда *(после слов «болтливая ведьма» остолбенела и вряд ли заметила, что произошло. Наконец она приходит в себя. Трагическим голосом)*. Я знать тебя не

хочу... пока не попросишь прощения! (*Уходит в другую комнату, плотно задернув за собой занавеси.*)

Лаура отвернулась, припала к каминной полке. Том смотрит на нее, не зная, что делать. Подходит к этажерке и на коленях начинает собирать упавшие фигурки, то и дело поглядывая на сестру, будто хочет сказать что-то и не находит слов. Несмело возникает мелодия «Стеклянного звонница».

Сцена темнеет

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

В квартире Уингфилдов темно. Переулок тускло освещен. Басовитый колокол с ближней церкви бьет пять в тот самый момент, когда начинается действие.

В дальнем конце переулка появляется Том. После каждого торжественного удара колокола на башне он трясет погремушкой, и это словно выражает копошение человек перед сдержанным величием всевышнего. Погремушка и нетвердый шаг выдают, что он пьян. Он поднимается на несколько ступенек, в квартире зажигается слабый свет.

В комнату входит Лаура в ночной рубашке, видит, что постель Тома пуста.

Том шарит в карманах — ищет ключ и выгребает уйму всякой всячины — пустую бутылку и пачку старых билетов в кино, которые разлетаются в разные стороны. Наконец находит ключ, пытается попасть им в замочную скважину, но ключ выскальзывает из рук. Чиркает спичкой, наклоняется около двери.

Том (*обиженно*). Вот наступлю, и он провалится сквозь щель!

Лаура (*открывает дверь*). Том, что ты тут делаешь?

Том. Ищу ключ.

Лаура. Где ты пропал?

Том. В кино.

Лаура. Все время в кино?

Том. Понимаешь, была большущая программа... Сначала картина с Гретой Гарбо, потом Микки-Маус. Потом, значит, показали фильм о путешественниках, да, и хронику, и обзор новых картин. Еще был органнй концерт, и тут же собирали на молоко для безработных. Если б ты видела, как одна толстуха сцепилась с билетером!

Лаура (*наивно*). И нужно было сидеть весь вечер?

Том. А как же! Да, чуть было не забыл. Еще большое эстрадное представление. Знаешь, кто участвовал? Волшебник Мальволио, вот кто! Потрясающие фокусы показывал. Переливал воду из графина в графин, и вода сначала превращалась в вино, потом в пиво и наконец в виски, чувствуешь? Самое настоящее виски, сам пробовал! Ему понадобились помощники из зрителей, и я два раза вызвался. Чистый кентуккийский бурбон! Душа-человек, он даже сувениры раздавал. (*Из заднего кармана брюк вытаскивает цветастый шелковый платок.*) Вот, пода-

рил волшебный платок. Возьми его себе. Покроешь им клетку с канарейками, а там — банка с золотыми рыбками. Помашешь над аквариумом, а оттуда — канарейки... Но самая потрясающая штука была с гробом. Он лег в гроб, мы заколотили крышку, а он — раз! — и выбрался, ни единого гвоздочка не выдернул. Вот бы и мне — выскочить из моего гроба! *(Бухается на кровать и начинает стаскивать ботинки.)*

Лаура. Тише, Том!

Том. А почему тише?

Лаура. Маму разбудишь.

Том. Ничего, будет знать — «Вставай с улыбкой!». *(Ложится в постель, стонет.)* Оказаться в заколоченном гробу — на это ведь большого ума не надо, правда? Но черт меня побери, если я слышал, чтобы кто-нибудь выбрался оттуда, да еще ни единого гвоздика не выдернул!

И тут же на фотографию улыбающегося отца надет свет. Затем сцена темнеет.

Церковный колокол бьет шесть. С последним ударом зазвенел будильник в комнате у Аманды, и мы слышим ее голос: «Вставай с улыбкой! Лаура, Лаура, скажи своему брату, чтобы вставал с улыбкой!»

Том *(медленно садясь в постели)*. Встать-то я встану, но улыбаться мне чертовски не хочется.

Освещение усиливается.

Голос Аманды: «Лаура, скажи своему брату, что кофе готов».

Лаура *(робко входит в комнату)*. Том, скоро семь! Вставай, а то мама нервничает.

Том бессмысленно уставился на нес.

(Умоляющим тоном.) Том, заговори с ней, пожалуйста! Ну извинись перед ней. И перестань дуться.

Том. Эта она не хочет разговаривать со мной.

Лаура. Если ты попросишь прощения, она будет разговаривать.

Том. Невелика беда, если и помолчит.

Лаура. Не надо, Том.

Аманда *(из кухни)*. Лаура, ты сделаешь, что я тебя просила? Или мне самой одеваться и бежать?

Лаура. Иду, мама, только надену пальто! *(Бросая умоляющие взгляды на Тома, торопливо, нервыми движениями нахлобучивает на голову бесформенную фетровую шляпку. Потом неловко кидается за пальто. По коротким рукавам заметно, что оно наспех перешито из пальто матери.)* Масла купить и еще что?

Аманда (*выйдя из кухни*). Только масла. Пусть запишут...

Лаура. Когда я прошу записать, у мистера Гэрфинкела такое недовольное лицо.

Аманда. Подумаешь, недовольное. Нам с его лица воды не пить. И скажи своему брату, что кофе остыл.

Лаура (*задерживаясь у двери*). Ты ведь сделаешь это, Том, правда?

Том угрюмо отворачивается.

Аманда. Лаура, идешь ты или нет, наконец?

Лаура (*выбегая*). Иду, иду! (*Через секунду слышно, как она вскрикивает.*)

Том вскакивает с места, подходит к двери. В комнату вбегает перепуганная Аманда. Том открывает входную дверь.

Том. Лаура, что с тобой?

Лаура. Ничего. Я просто оступилась. Все в порядке.

Аманда (*обеспокоенно смотрит ей вслед*). Пусть только кто-нибудь на этих ступеньках сломает себе ногу — я его засужу, нашего домовладельца, до последнего цента оберу. (*Закрывает дверь. Вдруг вспомнив, что не разговаривает с сыном, уходит в другую комнату.*)

Когда Том рассеянно входит туда, Аманда поворачивается к нему спиной и застыивает перед окном, за которым кусок тусклого серого неба. Ее инфантильнос, но далеко не молодое личико кажется фрагментом с карикатуры Домье.

Доносятся звуки «Ave Maria».

Том угрюмо и неуверенно выглядывает на отвернувшуюся мать и шумно усаживается за стол. Он отпивает из чашки, но горячий кофе обжигает ему рот, и он выплевывает его обратно. Аманда затаила дыхание и повернулась было к сыну. Потом спохватывается и снова отворачивается к окну.

Том яростно дует на кофе, исподлобья поглядывает на мать. Та откашливается. Том тоже откашливается. Он было встал, но тут же садится снова, чешет голову, снова откашливается. Аманда тоже. Том берет чашку обеими руками, чтобы подуть на кофе, подносит к губам и пристально смотрит на мать. Затем медленно ставит на стол и неуверенно поднимается с места.

Том (*хрипло*). Ма, прости. Пожалуйста.

Аманда всхлипывает, лицо задергалось, и у нее вырываются бурные рыдания.

Прости меня за то, что я сказал... наговорил тебе... Я не хотел...

Аманда (*сквозь слезы*). Оттого, что я все отдаю дому, я стала ведьмой! Даже собственным детям противно на меня глядеть.

Том. Мама, не надо...

Аманда. Я не знаю, что делать, нервничаю, по ночам глаз сомкнуть не могу.

Том *(тихо)*. Я все понимаю, мама.

Аманда. Все эти годы я бьюсь как рыба об лед, одна. А ведь ты мой козырь, ты не можешь, не должен проиграть!

Том *(тихо)*. Я стараюсь, мама.

Аманда *(увлекаясь)*. Тебе стоит только постараться, и ты добьешься успеха. *(При мысли об успехе у нее захватывает дух.)* Ведь у тебя такие прекрасные задатки! И вообще дети у меня—совершенно необыкновенные! Разве не так? И я горжусь ими... и счастлива... и должна быть век благодарна всевышнему... только... Обещай мне, сын мой!

Том. Что, мама?

Аманда. Обещай, что не будешь... что ты не сопьешься.

Том *(поворачивается к ней, улыбаясь)*. Нет, мама, не сопьюсь.

Аманда. Я так боюсь, что ты начнешь пить. Съешь, пожалуйста, что-нибудь.

Том. Спасибо, мама, не хочу.

Аманда. Может быть, печенья из пшеничных хлопьев?

Том. Нет, я только кофе выпью.

Аманда. Разве можно на пустой желудок работать целый день? И не пей большими глотками—у тебя еще есть десять минут. От горячего рак желудка можно нажать... Возьми сливки.

Том. Спасибо, не надо.

Аманда. Просто, чтобы остудить немножко кофе.

Том. Нет, не хочу, я люблю черный.

Аманда. Я знаю, но одним кофе сыт не будешь. А нам нужно во что бы то ни стало сохранять здоровье и бодрость духа. Мы живем в тяжелые времена и можем рассчитывать только друг на друга... Вот почему так важно... Послушай, Том, я... Я отослала Лауру, потому что хотела поговорить с тобой об одном деле. Если бы ты не попросил прощения, я все равно заговорила бы первой. *(Садится.)*

Том *(осторожно)*. И о чем же ты хотела поговорить?

Аманда. О Лауре.

Том медленно опускает чашку на стол. Надпись на экране: «Лаура» и музыка «Стеклянного зверинца».

Том. А, о Лауре...

Аманда *(притрагиваясь к его руке)*. Ты знаешь, какая

она. Тихая, смиренная, но... в тихом омуте... Она все замечает и, наверно, о многом думает.

Том вопросительно поднимает глаза.

Тут как-то я пришла и вижу — она плачет.

Том. Плачет? Почему?

Аманда. Из-за тебя.

Том. Из-за меня?

Аманда. Ей кажется, тебе нехорошо с нами.

Том. Откуда она взяла?

Аманда. Оттуда и взяла! Должна сказать, ты на самом деле ведешь себя непонятно... Нет, нет, я ни в чем не упрекаю тебя! Я знаю, что ты не собираешься делать карьеру в магазине. Знаю, что тебе... приходится идти на жертвы. Как и всем на свете... Но жизнь — нелегкая штука. Том, сынок... Она требует... спарганской выдержки. Если бы ты знал, как тяжело у меня на душе! Я ни разу не говорила тебе... Ведь я так любила твоего отца...

Том (мягко). Я знаю, мама.

Аманда. А ты... когда я вижу, что ты идешь по его стопам... Домой возвращаешься поздно... ведь ты же пил в тот вечер, помнишь, когда... был в таком ужасном состоянии? Лаура говорит, что ты уходишь по вечерам, потому что тебе тошно дома. Это правда, Том?

Том. Дело не в этом. Ты говоришь, у тебя тяжело на душе. То же самое и со мной. Знаешь, как у меня тяжело на душе? Поэтому лучше щадить друг друга...

Аманда. Но почему тебе не сидится на месте, почему? Где ты бываешь по ночам?

Том. Я же говорил — хожу в кино.

Аманда. Но почему так часто, Том?

Том. Я хожу в кино, потому что... потому что я люблю, когда что-нибудь случается. На работе у нас почти ничего не случается, нет никакой романтики. Вот и иду в кино.

Аманда. Но сколько же можно?

Том. Чем больше романтики, тем лучше.

Аманда растерянна и обижена. По мере того как разговор оборачивается знакомой пыткой, Том снова становится нетерпеливым и резким. А мать в свою очередь впадает в привычное воинственное настроение.

На экране парусник под пиратским флагом.

Аманда. Молодые люди находят романтику в продвижении по службе.

Том. Значит, эти молодые люди не служат в магазине.

Аманда. На свете полным-полно молодых людей, которые служат в магазинах, или в конторах, или на фабриках.

Том. И все находят романтику в продвижении по службе?

Аманда. Да, находят... или обходятся без нее. Не каждый же помешан на романтике.

Том. Человек должен быть возлюбленным, охотником, воином. А в магазине — где уж им проявиться, этим инстинктам?

Аманда. Каким инстинктам? Выдумал тоже... Инстинкты — это что-то животное. Взрослому человеку, христианину они ни к чему.

Том. А что же, по-твоему, нужно взрослому человеку и христианину?

Аманда. Что-нибудь возвышенное, всякие духовные интересы. Только животные потакают своим инстинктам. Полагаю, что у тебя более высокие цели, чем у них — обезьян или свиней?

Том. Боюсь, что нет.

Аманда. Все шутишь. Но не о том сейчас речь.

Том *(вставая)*. Мама, у меня времени в обрез.

Аманда *(взяв сына за плечи и усаживая на место)*. Погоди!

Том. Ты хочешь, чтобы мне записали опоздание?

Аманда. У тебя еще есть пять минут. Я хочу поговорить о Лауре.

Надпись на экране: «Подумать о будущем».

Том. О Лауре? Ну, я слушаю.

Аманда. Мы должны подумать о ее будущем. Она на два года старше тебя, а еще не начинала жить. Она ничего не предпринимает, просто плывет по течению — и все. Меня это ужасно настораживает.

Том. По-моему, она из тех, кого зовут комнатными созданиями.

Аманда. Я не знаю, что это значит. Если девушка сидит дома — это беда... Если только это не ее собственный дом с мужем под боком.

Том. Что-о?

Аманда. Мне всюду мерещатся огненные письма. Это ужасно! Ты все больше и больше напоминаешь мне своего отца. Он тоже все время уходил из дому и пропадал бог знает где. А потом — «пока!». Все свалилось на меня одну... Кстати, тут я видела уведомление из судоходной компании. Я знаю, о чем ты помышляешь, — не слепая. Ну что ж, поезжай! Но прежде кто-то должен занять твоё место.

Том. Я не понимаю тебя...

Аманда. Когда Лаура будет пристроена — замужем, свой дом, сама себе хозяйка, тогда — пожалуйста... в

море — не в море... На все четыре стороны! Но до тех пор ты обязан заботиться о сестре. О себе не говорю: старая женщина — что со мной случится? Но Лаура молода, нуждается в поддержке. Я устроила ее в Торговый колледж — ничего не вышло. Она так напугалась, что ей сделалось дурно. Я отвела ее в «Лигу молодых» при церкви. Снова ничего не вышло. Она там рта не раскрыла, с ней тоже никто не заговорил. Только и знает, что позитится, как дурочка, с этими стекляшками и крутит старинные пластинки. Разве это жизнь для молодой девушки?

Том. Ну, а я-то что могу?..

Аманда. Опять о себе! Только и слышишь — «я», «я»...

Том вскакивает с места, идет за пальто. Пальто у него мешковатое, некрасивое. Надевает фуражку с наушниками.

А где шарф? Немедленно возьми свой шерстяной шарф!

Том в ярости выдергивает шарф из шкафчика и, обернув вокруг шеи, туго стягивает концы.

Том, погоди! Я хотела еще попросить тебя...

Том. Я опаздываю...

Аманда (*почти повиснув у него на руке и пересилив стыд*). А там у вас в магазине — нет ли какого-нибудь приличного молодого человека?

Том. Нет!

Аманда. Ну как же так? Должны же быть...

Том. Мама. (*Пытается высвободиться.*)

Аманда. Ну хоть кого-нибудь... лишь бы не пил... И пригласи его к Лауре.

Том. Что-о?

Аманда. Пригласи к Лауре... Пусть встретятся, познакомятся!

Том (*бьет ногой в дверь*). Дожили, черт побери!

Аманда. Сделай это, Том, ну пожалуйста.

Том распахивает дверь.

(*Умоляюще.*) Сделасшь, ладно?

Том спускается по ступенькам.

Ладно, Том, дорогой?

Том (*снизу*). Ну ладно, ладно!

Аманда неохотно закрывает дверь. На лице у нее озабоченность и слабая надежда.

На экране возникает глянцева обложка иллюстрированного журнала. Свет падает на Аманду — в руках у нее телефонная трубка.

Аманда. Элла Картрайт, это ты? Говорит Аманда

Уингфилд. Как твоё самочувствие? Как почки? (*Пауза: счет до пяти.*) Какой ужас! (*Такая же пауза.*) Ты просто великомученица, право же, великомученица! Послушай, я тут случайно открыла свою красную книжечку и увидела, что у тебя кончилась подписка на «Спутник». Ты ведь не захочешь пропустить совершенно великолепный роман, который они начинают со следующего номера, правда? Чей? Бесси Мэй Хоппер. Это её первая вещь после «Медового месяца втроем». Совершенно бесподобная история, помнишь? Новая книга, говорят, ещё лучше. Изысканное светское общество, скачки на Лонг-Айленде...

Затемнение

КАРТИНА ПЯТАЯ

Надпись на экране: «Благая весть». Она постепенно гаснет, и музыка стихает.

Ранние сумерки весенним вечером. Уингфилды только что отужинали. Аманда и Лаура, обе в светлых платьях, убирают со стола в глубине затемненной сцены; их движения подчеркнуто ритмичны, словно исполняется какой-то танец или совершается некий ритуал, и сами они легки и безмолвны. Том в белой рубашке, заправленной в брюки, поднимается из-за стола, идет к выходу.

Аманда (*в тот момент, когда он проходит мимо нее*). Сынок, сделай мне одолжение!

Том. В чем дело?

Аманда. Пожалуйста, причешись. Ты такой привлекательный, когда причеешься.

Том сидит ссутулившись на диване с вечерней газетой в руках. Огромный заголовок: «Франко берет верх».

Мне хотелось бы, чтобы ты равнялся на отца только в одном отношении.

Том. В каком же?

Аманда. Он очень следил за своей внешностью. Всегда был опрятен.

Том отбрасывает газету и подходит к двери.

Ты куда?

Том. Покурить.

Аманда. Ты слишком много куришь, пачка в день — пятнадцать центов. Сколько это в месяц? Умножь-ка пятнадцать на тридцать, и ты поразишься, какую сумму можно сэкономить. Хватит заплатить за вечерние курсы по бухгалтерии при Вашингтонском университете! Только подумай, сынок, как было бы чудесно!

Том (*равнодушно*). Я лучше покурю. (*Выходит на площадку и захлопывает за собой дверь.*)

Аманда (*раздраженно*). Ну, конечно! В том-то и трагедия... (*Пристально смотрит на фотографию мужа.*)

Том (*в зрительный зал*). Напротив нас, через дорогу, был танцевальный зал, назывался «Парадиз». Весной там распахивали по вечерам окна и двери, и оттуда лилась музыка. Иногда в зале гасли огни—оставался только большой стеклянный шар, подвешенный к потолку. Он медленно поворачивался, и полутемный зал освещался нежными радужными красками. Оркестр играл вальс или танго или что-нибудь еще—медленное, чувственное. Парочки то и дело выходили на немногочисленную улицу и целовались за мусорными ящиками, под телеграфными столбами.

Так они вознаграждали себя за монотонную, как и у меня, жизнь, в которой ничего не случается, за жизнь без романтики. А между тем в том году назревали перемены, близилась романтика. Все эти дети и не догадывались, что она рядом, за углом. Перемены и потрясения сгущались в тумане над Берхтесгаденом, таились в складках знаменитого зонта Чемберлена... В Испании пылала Герника! А у нас были только чувственные ритмы и вино, танцевальные залы и бары, кино, секс—он, словно какой-то светильник во мраке, озарял этот мирок своими короткими, обманчивыми сполохами... А мир готовился к воздушным бомбардировкам!

Аманда (*отрывается от созерцания фотографии мужа и выходит на площадку. Со вздохом*). Да, лестничная клетка, конечно, не веранда. (*Расстилает на ступеньке газету и садится—изячно и жеманно, как когда-то опускалась в качалку у себя на Миссисипи.*) Чем ты любишься?

Том. Месяцем.

Аманда. А что, уже родился?

Том. Вон он—над «Деликатесами Гэрфинкела».

Аманда. И правда, смотри-ка! Совсем как серебряная туфелька. Ты уже загадал желание, Том?

Том. Угу.

Аманда. А что ты загадал?

Том. Секрет.

Аманда. Вот как? Тогда и я не скажу, что загадала. Пусть будет тайной.

Том. О твоём желании нетрудно догадаться.

Аманда. Ты умеешь читать мысли?

Том. Ты же не сфинкс, мама.

Аманда. Да, у меня секретов нет. Знаешь, какое

желание я загадала? Чтоб мои драгоценные дети добились успеха и были счастливы! Я мечтаю об этом всегда — есть луна или нет.

Том. А я думал, ты мечтаешь о молодом человеке.

Аманда. Куда ты клонись?

Том. Не помнишь, как просила раздобыть молодого человека?

Аманда. Нет, не помню. Да, я как будто говорила, что неплохо, если бы ты пригласил к нам в гости какого-нибудь приличного молодого человека и познакомил со своей сестрой. Может быть, я высказывала это пожелание не один раз.

Том. Ты твердила его изо дня в день.

Аманда. Да?

Том. Так вот, будет молодой человек.

Аманда. Что-о?

Том. Он придет к нам в гости.

Благая весть встречается торжественной музыкой. Аманда встает. На экране — молодой человек с букетом.

Аманда. Ты пригласил к нам молодого человека?

Том. Позвал к обеду.

Аманда. В самом деле?

Том. В самом деле.

Аманда. Ты пригласил его, и он... придет?

Том. Придет!

Аманда. Ах так... Ну что ж...

Том. Я думал, ты будешь довольна...

Аманда. Это определенно?

Том. Вполне.

Аманда. И скоро?

Том. Очень.

Аманда. Ради бога, перестань цедить сквозь зубы! Расскажи все по порядку.

Том. Что рассказать?

Аманда. Естественно, я хочу знать, когда он придет.

Том. Завтра.

Аманда. Завтра?!

Том. Да, завтра.

Аманда. Но как же?..

Том. Что как же, мама?

Аманда. У меня не остается времени!

Том. Зачем тебе время?

Аманда. Надо же мне как-то подготовиться! Почему ты не позвонил мне с работы, как только позвал его, в ту же минуту, как он принял приглашение? Как ты не понимаешь, Том, что тогда я могла бы подготовиться.

Том. Да не поднимай ты суматоху.

Аманда. Ах, оставь, Том, все разбросано, не прибрано! Что бы такое придумать?

Том. Не нужно ничего придумывать.

Аманда. Ты ничего не понимаешь! Нельзя принимать гостей в свинарнике! Так-так... Почистить мое свадебное серебро, выгладить скатерти с монограммами... вымыть окна, повесить чистые занавески... Да, а что нам надеть? Надо же что-нибудь поприличнее, правда?

Том. Не стоит из-за этого парня поднимать такую возню.

Аманда. Но ведь он — первый, с кем мы познакомим Лауру! Это позор, это ужасно, что у твоей сестренки никто не был в гостях. Пойдем-ка в комнату, Том. *(Открывает затянутую сеткой дверь.)*

Том. Зачем?

Аманда. Я хочу расспросить тебя кое о чем.

Том. Послушай, мне начинает надоедать эта суматоха. Если не перестанешь, я скажу, чтобы он не приходил.

Аманда. Ты этого не сделаешь! Нет ничего обиднее, как отменить приглашение. Просто мне придется потрудиться, как каторжной. Лицом в грязь не ударим. Пойдем.

Том со стоном идет следом.

Садись.

Том. Куда прикажешь?

Аманда. Как удачно, что я приобрела новый диван! И этот торшер... Я плачу за него, хотя и не стоило бы. Да, надо надеть на мебель ситцевые чехлы — так будет гораздо уютнее. Хорошо бы еще заново оклеить стены... Как его зовут, твоего молодого человека?

Том. О'Коннор.

Аманда. Ага, ирландец! Завтра пятница — надо подать рыбу. Я приготовлю лососинный бок с гарниром. Что он делает? Работает у вас в магазине?

Том. Конечно, иначе как бы я...

Аманда. Том, а он... не пьет?

Том. Какое это имеет значение?

Аманда. Я спрашиваю, потому что твой отец пил.

Том. Ну, снова за свое.

Аманда. Значит, пьет?

Том. Насколько я знаю — нет.

Аманда. А ты узнай поточнее. Моей дочери не нужен кавалер, который пьет.

Том. Не чересчур ли ты торопишься? Мистер О'Коннор пока даже не появился.

Аманда. Но появится завтра, придет познакомиться с твоей сестрой, а что я знаю о нем? Ровным счетом ничего! Лучше уж старая дева, чем жена пьяницы.

Том. О-о-о!

Аманда. Не okay, пожалуйста.

Том (*наклоняется вперед, доверительно*). Многие парни встречаются с девушками, но отнюдь не все собираются жениться на них!

Аманда. Не говори глупостей, Том... И ирония твоя ни к чему. (*Берет щетку для волос.*)

Том. Что ты делаешь?

Аманда. Хочу пригладить твой вихор. А на какой должности этот молодой человек?

Том (*угрюмо, примирясь со щеткой и вопросом*). Этот молодой человек работает экспедитором, мама.

Аманда. Ничего, вполне солидно. И ты бы мог добиться того же, стоило только захотеть. А какое у него жалованье, ты знаешь?

Том. Долларов восемьдесят пять в месяц.

Аманда. Мда-а... Негусто, но все-таки...

Том. На двадцать монет больше, чем у меня.

Аманда. Уж я-то как-нибудь знаю, сколько у тебя. Восемьдесят пять долларов для семейного человека—это только-только...

Том. Правильно. Но мистер О'Коннор—не семейный человек.

Аманда. Он может им стать в будущем.

Том. Значит, опять прожекты?

Аманда. Ты—единственный молодой человек, который не понимает самых простых вещей. Будущее становится настоящим, настоящее—прошлым, а прошлое превращается в вечное сожаление, если не заглядывать в будущее.

Том. Я подумаю над этим афоризмом. Может быть, он мне пригодится.

Аманда. Нечего нос задирать перед матерью! Лучше расскажи еще об этом... Как его зовут, я забыла?

Том. Джеймс Д. О'Коннор. «Д»—значит Делани.

Аманда. Боже ты мой, ирландец и по отцовской линии, и по материнской! И ты говоришь, не пьет?

Том. Хочешь, позвоню ему сейчас, спрошу?

Аманда. О таких вещах надо узнавать очень деликатно. У нас в Блу-Маунтин поступали так: если предполагали, что молодой человек выпивает, то девушка, которая удостаивала его своим вниманием—если таковая вообще находилась!—так вот, эта девушка беседовала со священником... а еще лучше—се отец, если таковой имелся... и потихоньку разузнавали, что представляет собой тот юноша. Вот так, действуя очень деликатно, можно было уберечься от трагической ошибки.

Том. Как же случилось, что ты совершила трагическую ошибку?

Аманда. У твоего отца был такой невинный вид—кого хочешь мог обмануть. Бывало, улыбнется—и все буквально очарованы! Самое опасное для девушки—это попасть под обаяние красивой внешности. Надеюсь, мистер О'Коннор не слишком красив?

Том. Нет, не очень. У него веснушки и нос маловат.

Аманда. А не слишком ли он простецки выглядит?

Том. Нет, не слишком. В самый раз.

Аманда. Главное в мужчине—это твердость.

Том. А я тебе о чем говорю?

Аманда. Ничего подобного я от тебя не слышала. Боюсь, ты ни разу не призадумался над этим.

Том. А ты не бойся.

Аманда. Будем надеяться, он из тех, кто умеет добиваться своего.

Том. О да, он серьезно работает над собой.

Аманда. Откуда ты знаешь?

Том. Он ходит в вечернюю школу.

Аманда (*вся засветившись*). Чудесно! И что он там делает, что изучает?

Том. Радиодело и ораторское искусство.

Аманда. Значит, у него есть виды на будущее. Если молодой человек изучает ораторское искусство, то он рассчитывает стать управляющим! И радиодело... тоже очень перспективно. Ну что ж, это уже кое-что. Матери не грех знать такие вещи о молодом человеке, который навещает ее дочь. Особенно, если с серьезными намерениями.

Том. Но я хочу предупредить: он не знает, что у меня есть сестра. Не объяснять же, что у нас свой расчет. Я просто сказал: «Послушай, приходи к нам обедать!» Он ответил: «Ладно»—и весь разговор!

Аманда. Еще бы! Твое красноречие мне известно. Не знает о Лауре? Ничего, придет—узнает. Еще благословит судьбу, что его пригласили к нам на обед, когда увидит, какая она у нас.

Том. Мама, по-моему, ты возлагаешь слишком большие надежды на Лауру.

Аманда. Я что-то не понимаю тебя.

Том. Лаура кажется нам хорошенькой, потому что мы любим ее, привыкли к ней. Мы даже не замечаем, что она инвалид.

Аманда. Никакой она не инвалид! Ты знаешь, что я запретила это слово!

Том. Посмотри правде в глаза, мама. Она... ну, понимаешь... И это еще не все...

Аманда. Что значит «не все»?

Том. Лаура не похожа на других девушек.

Аманда. Я полагаю, это преимущество.

Том. Как сказать... Посторонние иначе смотрят...
Лаура ужасно робкая, она замкнулась в своем мире. И чужим может показаться чудной.

Аманда. Это не так!

Том. Так, мама! Посмотри правде в глаза.

Оркестр в танцевальном зале заиграл танго—в его минорной мелодии есть что-то зловещее.

Аманда. Чем же она чудная, позволь спросить?

Том (мягко). Она вся в собственном мире... У нее ничего нет... одни стеклянные зверушки... (Встает с места.)

Аманда с щеткой в руке тревожно смотрит на сына.

...да старые пластинки... ну, и, пожалуй... все. (Смотрится в зеркало и идет к двери.)

Аманда (резко). Ты куда?

Том. В кино. (Выходит.)

Аманда. В кино? Каждый вечер в кино? (Быстро идет за ним к двери.) Я не верю, что ты все время ходишь в кино!

Том ушел.

(Несколько мгновений с беспокойством смотрит ему вслед. Затем беззаботность и оптимизм берут свое, и она отворачивается. Подходит к портьерам.) Лаура!..
Лаура.

Лаура (из кухни). Что, мама?

Аманда. Ну-ка, оставь посуду, иди сюда.

Появляется Лаура с кухонным полотенцем в руках.

Подойди-ка. Посмотри—месяц! Давай загадаем желание.

На экране месяц.

Лаура. Месяц... ну и что?

Аманда. Смотри, как серебряная тувфелька, правда? Обернись-ка через левое плечо и загадай желание!

У Лауры такой вид, будто ее разбудили.

(Берет ее за плечи и поворачивает влоборота.) Ну, ну же! Загадывай, дорогая, скорее!

Лаура. А что мне загадать, мама?

Аманда (глаза наполняются слезами, голос дрожит). Удачи! Счастья!

На высоких нотах запела скрипка.
Сцена темнеет

КАРТИНА ШЕСТАЯ

На экране — кумир школы.

Том. И вот на следующий вечер я привел к нам Джима обедать. Я немного знал его еще по средней школе. Там он был кумиром. Он отличался неистребимым ирландским добродушием и огромным жизнелюбием, был всегда вычищен и вымыт до глянца. Джим постоянно находился в центре всеобщего внимания. Он блистал в баскетболе, руководил дискуссионным клубом, числился председателем общества выпускников и кружка пения — ему непременно поручали ведущую мужскую партию в опереттах, которые ставились у нас ежегодно. Джим словно не умел ходить шагом — всегда бегом или вприпрыжку; казалось, он вот-вот взлетит в воздух, преодолев земное тяготение. Он с такой скоростью мчался сквозь юность, что по логике вещей должен был бы годам к тридцати оказаться не иначе как в Белом доме. Но после окончания Солдана братья препятствия стало, очевидно, труднее. Скорость его заметно снизилась. И шесть лет спустя он занимал должность, которая была не многим лучше моей.

На экране — экспедитор.

Джим — единственный человек в магазине, с кем я был на дружеской ноге. Я что-то значил для него: еще бы, свидетель его былой славы, собственными глазами видел, как он выигрывал в баскетбольных матчах и получил серебряный кубок за победу в дискуссии. Он знал, что я имел обыкновение — когда в магазине не было запарки — уходить в уборную, запирается в кабинку уборной и сочинять стихи. Он относился ко мне с юморком и называл Шекспиром, тогда как другие взирали на меня с подозрением. Но постепенно его добродушие заразило других и враждебность уступила место снисходительности; глядя на меня, мои сослуживцы улыбались, как улыбаются люди, завидя поодаль чудную собачонку, которая перебегает им дорогу. Я знал, что Джим и Лаура были знакомы в школе, и не раз слышал, как она восторгалась его голосом. Не знаю, помнил ли он ее. Лаура была слишком незаметной, а Джим слишком блистал. Если он и помнил ее, то, конечно, не знал, что Лаура — моя сестра: когда я пригласил его к обеду, он засмеялся и сказал: «Вот уж никак не думал, что ты живешь в семье». Теперь ему предстояло убедиться в этом.

Сцена постепенно освещается. Надпись на экране: «Звук приближающихся шагов».

Пятница, пять часов пополудни. Наступает теплый весенний вечер, один из тех, когда, как сказал поэт, «небо исписано стихами». Квартира Уинфилдов залита нежно-лимонным светом, Аманда потрудилась на славу, готовясь достойно принять гостя. Результаты поразительны. На видном месте стоит новый торшер с розовым шелковым колпаком, фонарь из цветной бумаги скрывает обрывок провода на потолке, ветерок с улицы колышет белоснежные занавески на окнах; стулья и диван в ситцевых чехлах, на диване две новые подушки. По комнате раскиданы какие-то коробки и смятая бумага. Посредине стоит Лаура, подняв руки, а перед ней торжественно, словно священнодействуя, присела Аманда, прилаживая новое платье. Оно скроено по старинке, из цветастой материи. Волосы у Лауры уложены не так, как обычно, прическа мягче и больше ей к лицу. В облике Лауры проступила какая-то хрупкая, неземная красота, она сейчас словно кусочек стекла, которого коснулся луч света и он заиграл мимолетным призрачным блеском.

Аманда (*раздраженно*). Ты вся дрожишь!

Лаура. Я просто нервничаю.

Аманда. Из-за чего?

Лаура. Ты так хлопочешь... словно какое важное событие!

Аманда. Я отказываюсь тебя понимать. Нельзя же торчать целыми днями дома? А стоит мне что-нибудь затеять, упирасься. (*Поднимается.*) Ну-ка, посмотри на себя в зеркало! Нет, подожди минутку. Мне пришла в голову мысль.

Лаура. Ну что еще, мама?

Аманда достает две пуховки, заворачивает каждую в платок и засовывает Лауре в платье.

Что ты делаешь?

Аманда. Их называют «веселые обманщицы».

Лаура. Не надо мне их!

Аманда. Нет, надо!

Лаура. Но почему?

Аманда. Потому что — не в обиду будь сказано — у тебя плоская грудь.

Лаура. Можно подумать, что мы расставляем ловушку.

Аманда. Всякая хорошенькая девушка — ловушка, и мужчины рады попасться в хорошенькую ловушку!

Надпись на экране: «Хорошенькая ловушка».

А теперь, мадемуазель, посмотри-ка в зеркало. Лучше не придумай! Да, мне еще самой надо переодеться. погоди, я сейчас удивлю тебя. (*Весело напевая, скрывается за портьерами.*)

Лаура медленно подходит к большому зеркалу и пристально глядит на себя.

Сквозь раскрытые окна повеяло ветерком, заколыхались белые занавески, словно кто-то вздохнул, едва слышно и печально.

Аманда (за сценой). Еще почти светло.

Лаура медленно поворачивается, тревожно глядя в свое отражение.

На экране надпись: «Это моя сестра! Скрипки, играйте в ее честь!»
Музыка.

(Смеется, за сценой.) Погоди, сейчас увидишь. Вот будет выход!

Лаура. Что ты там придумала?

Аманда. Потерпи, душечка,— увидишь. Я раскопала это в старом чемодане. В конце концов, моды изменились не так уж сильно... (Раздвигает портьеры.) Полюбуйся на свою мать!

Аманда надела свое девичье платье из бледно-желтой вуали с голубым шелковым поясом. В руках у нее — букетик нарциссов. Словно оживает легенда ее молодости.

(Лихорадочно.) В этом платье я открывала котильон и дважды брала приз за кеуок в Сансете. А один раз надела его на весенний губернаторский бал в Джексоне... Как я скользила по залу, Лаура! (Жеманно приподнимает юбку и делает несколько шажков по комнате.) Я надевала это платье по воскресеньям, когда ко мне в гости приходили молодые люди. И была в нем в тот день, когда познакомилась с твоим отцом... Это было весной, когда я заболела малярией. Мы приехали из Теннесси в Дельту Миссисипи... сказалась перемена климата... Спротивляемость организма понизилась. У меня постоянно была чуть повышенная температура... конечно, ничего серьезного... Просто немного кружилась голова, дурно спала. А со всех сторон так и сыпались приглашения!.. По всей Дельте давали вечера... Мама, бывало, говорит: «Полежи, у тебя же лихорадка!» А я ни в какую... Приму хинина и снова — вечера, танцы, а днем прогулки верхом... Заезжали далеко-далеко... Какие устраивали пикники! Как чудесно там было в мае. Кизил в цвету. И нарциссы, нарциссы, нарциссы! В ту весну я была без ума от нарциссов. Они стали просто наваждением. Мама говорит: «Твои нарциссы уж некуда ставить!» А я все приношу — еще и еще... Как увижу, кричу: «Остановитесь, остановитесь — нарциссы!» Я заставляла молодых людей... и они тоже собирали нарциссы. Надо мной даже стали подшучивать: Аманда с нарциссами! В конце концов в доме не осталось свободных ваз... Всюду, в каждом углу нарциссы. Не хватает ваз? Ну что ж, а руки на что! А потом... (Останавливается перед фотографией мужа.)

Музыка.

А потом я познакомилась с твоим отцом! Малярня... парциссы... и этот юноша... *(Зажигает лампу под розовым абажуром.)* Хорошо, если они успеют до дождя. *(Уходит в глубину сцены и ставит букетик в вазу на столе.)* Я дала Тому денег на такси.

Лаура *(изменившись в лице)*. Как его зовут, я забыла?

Аманда. О'Коннор.

Лаура. А имя?

Аманда. Не помню. Хотя, постой, вспомнила... Джим.

Лаура покачнулася, схватилась за стул. Надпись на экране: «Не может быть!»

Лаура *(едва слышно)*. Не может быть...

Аманда. Да-да, Джим. Ты знаешь, все Джимы очень милые.

Зловещая музыка.

Лаура. Ты уверена, что его зовут Джим О'Коннор?

Аманда. Ну конечно! А в чем дело?

Лаура. Это тот самый, с которым Том был знаком в школе?

Аманда. Том ничего об этом не говорил. По-моему, они познакомились в магазине.

Лаура. Был один Джим О'Коннор, с которым мы оба учились в школе. *(С усилием.)* Если это тот, я не выйду к столу, ты не сердись, пожалуйста.

Аманда. Что за чепуха!

Лаура. Помнишь, ты спрашивала, неужели мне никто не нравился. И я показала фотографию, помнишь?

Аманда. В ежегоднике?

Лаура. Да.

Аманда. И ты, доченька, была в него влюблена?

Лаура. Не знаю, мама. Но если это он, мне будет не по себе.

Аманда. Да не он это, не он! Ничего похожего. Но в любом случае ты сядешь с нами за стол. Я не разрешу...

Лаура. Придется разрешить, мама.

Аманда. Я не намерена потакаить твоим прихотям, Лаура. И так я столько терплю от тебя и твоего брата! Сядь, успокойся. Том забыл ключ, откроешь им дверь.

Лаура *(в полнейшей панике)*. Ой, нет! Дверь откроешь ты!

Аманда *(беспечно)*. Я буду занята на кухне.

Лаура. Ну, пожалуйста, мама, открой ты! Мне не хочется!

Аманда *(направляясь на кухню)*. Мне нужно пригото-

вить гарнир к лососине. Подумаешь, сколько шума из-за одного гостя.

Дверь за ней захлопывается. Лаура одна.

Надпись: «Вот ужас!»

У Лауры вырывается стон. Она выключает лампу и осторожно садится на краешек дивана, сплетя пальцы. Надпись: «Открыть дверь». На ступеньках лестницы появляются Том и Джим. Они поднимаются на площадку. Услышав их шаги, Лаура в панике вскакивает и хочет прошмыгнуть за шторы. Звонок. Она затаила дыхание и схватилась за горло. В оркестре барабанный дробь.

Аманда (из кухни). Лаура, дорогая, звонят!

Лаура уставилась на дверь, но не двигается с места.

Джим. Мы как раз успели до дождя.

Том. Угу. *(Нетерпеливо звонит.)*

Джим, насвистывая, достает сигарету.

Аманда (с наигранным оживлением). Лаура, это твой брат и мистер О'Коннор! Может, откроешь им?

Лаура (подходит к двери кухни. Сдвинутым голосом). Мама, лучше ты...

Аманда выбегает из кухни и нетодующе смотрит на Лауру. Потом величественным жестом показывает, чтобы та шла к двери.

Ну пожалуйста...

Аманда (яростным шепотом). Что с тобой, дура ты несчастная?..

Лаура (в отчаянье). Открой ты. Я прошу тебя!

Аманда. Я уже сказала, что не собираюсь потакать твоим капризам. Что стоишь как истукан? Нашла время!

Лаура. Открой ты, ну пожалуйста, пожалуйста!

Аманда. Я не могу.

Лаура. Но я тоже не могу!!

Аманда. Почему?

Лаура. Мне дурно!

Аманда. Мне тоже дурно... от твоей глупости! Почему ты и твой братец — не как все люди? Вечные прихоти, капризы... Абсурд какой-то! Можешь ты мне толком объяснить...

Том дает длинный звонок.

(Отзывается сладким голосом.) Идем, сию минуту!.. Почему ты боишься встретить их? Иди, открывай!

Лаура. О боже... *(Кидается в переднюю комнату, неистово крутит ручку граммофона и ставит пластинку.)*

Аманда. Лаура Уингфилд, ты сейчас же откроешь дверь!

Лаура. Хорошо, хорошо, мама.

Шипящие звуки, отдаленно напоминающие «Дарданеллу», как бы разряжают обстановку и дают Лауре возможность собраться с силами. Она спешит к двери и робко открывает ее.

Том входит с гостем, Джимом О'Коннором.

Том. Это моя сестра, Лаура... Лаура, это Джим.

Джим (*переступая порог*). А я и не знал, что у Шекспира есть сестра!

Лаура (*от смущения впадая в церемонный тон, дрожащим голосом*). Добрый вечер.

Джим (*протесты протягивая руку*). Привет.

Лаура робко пожимает ее.

Лаура, у вас холодная рука!

Лаура. Я... я заводила граммофон.

Джим. Должно быть, ставите классическую музыку? А вы попробуйте какой-нибудь классный свинг—сразу согреетесь!

Лаура. Прошу извинить меня... Я там не закончила... с граммофоном... (*Неловко поворачивается и поспешно уходит в комнату. Задерживается на секунду у граммофона, потом, затравив дыхание, как испуганная лань, скрывается за портьерами.*)

Джим (*улыбается*). Что с ней?

Том. Что? А, Лаура... Она у нас ужасно застенчивая.

Джим. Правда? Теперь не часто встретишь застенчивую девушку. Ты, кажется, не говорил, что у тебя есть сестра.

Том. Ну, так сам узнал. Познакомился. «Пост дис-пэтч» хочешь посмотреть?

Джим. Давай.

Том. Какую страницу? Комиксы?

Джим. Нет, спорт. (*Просматривает страницу.*) Старик Диззи Дин не в форме.

Том (*равнодушно*). Да? (*Закуривает сигарету, идет к выходу.*)

Джим. Ты куда?

Том. На площадку.

Джим (*идет за ним*). Послушай, Шекспир... Хочу продать тебе кое-что.

Том. Что именно?

Джим. Хочешь заниматься вместо меня? Все заплачено вперед.

Том. Чем?

Джим. Ораторским искусством... Знаешь, магазин—не для нас. Негде развернуться.

Том. Спасибо на добром слове. А при чем тут ораторское искусство?

Джим. Может пригодиться, устроишься где-нибудь на административную должность.

Том. Ух ты!

Джим. Точно тебе говорю! Мне это здорово помогло.

На экране администратор за письменным столом.

Том. В каком отношении?

Джим. Во всех! Ты когда-нибудь задумывался, какая разница между тобой или мной и теми, кто сидит наверху, в правлении? Думаешь, мозги другие? Нет! Умения больше? Тоже нет. Все дело в одной штуке...

Том. Что это за штука?

Джим. Главное — уметь себя держать. Понимаешь, уметь разговаривать с разными людьми, сохранять собственное достоинство, где бы ты ни был.

Аманда (за сценой). Том!

Том. Что, мама?

Аманда. Это вы с мистером О'Коннором пришли?

Том. Да.

Аманда. Располагайтесь пока там поудобнее.

Том. Хорошо.

Аманда. Спроси у мистера О'Коннора, не хочет ли он вымыть руки.

Джим. Нет, ничего, спасибо. Я еще в магазине мыл... Слушай, Том...

Том. Угу?

Джим. Мы разговорились с мистером Мендозой... Он о тебе говорил.

Том. И что же?

Джим. А как ты думаешь?

Том. Откуда я знаю...

Джим. Тебя вышибут с работы, если не проснешься.

Том. Я уже просыпаюсь...

Джим. Не вижу признаков.

Том. А они — внутри.

На экране — корабль с пиратским флагом.

Да, я стану совсем другим. (Облокотился на перила, говорит, едва сдерживая возбуждение. Пылающие рекламы кинозалов отражаются на его лице. В нем появилось что-то от заядлого путешественника.) Еще немного, и я отдамся будущему, в котором нет места ни магазину, ни мистеру Мендозе, ни даже вечерним занятиям по ораторскому искусству.

Джим. О чем ты болтаешь?

Том. Мис надоело ходить в кино!

Джим. В кино?

Том. Да, в кино! Посмотри... *(Показывает в сторону огня на Главной улице.)* Вся эта шикарная публика... с ними случаются всякие романтические приключения... Они берут от жизни все, а у других ничего нет! И знаешь, что получается? Люди ходят в кино, смотрят бегущую ленту, а сами ни с места! Приключения случаются только с голливудскими героями, а простые смертные сидят в темных залах и смотрят, смотрят... Смотрят до тех пор, пока не начнется война! Вот тогда — пожалуйста, романтика становится доступной массам! Блюдо для всех, не только для Кларка Гейбла. И люди выходят из затемненных залов, чтобы самим пуститься во все тяжкие... Теперь их очередь — острова Южного моря, далекие экзотические страны, охотничьи экспедиции... А у меня больше нет терпения. Я не хочу ждать. Мне надоело смотреть, как живут на экране, я хочу жить сам! Я уеду!

Джим *(недоверчиво)*. Уедешь?

Том. Да.

Джим. Когда?

Том. Скоро.

Джим. И далеко?

Пока Том размышляет, музыка, звучит третья тема: зовущие вдаль дороги. Она как бы отвечает на вопрос Джима.

Том *(шарит в карманах)*. У меня что-то закипает внутри. На вид я сонный, но внутри... все кипит, понимаешь?.. Придешь в лавку, возьмешь в руки ботинок, и дрожь пробирает от мысли, что жизнь — коротка, а я занимаюсь вот этим!.. Я не знаю, в чем смысл жизни... Но я знаю, что ботинки — это ничто... Они нужны только на ноги путешественникам! *(Достает какую-то бумагу.)* Посмотри...

Джим. Что это?

Том. Членская книжка.

Джим *(читает)*. «Союз моряков торгового флота».

Том. Мне надо было оплатить счет за электричество, а я сделал взнос за этот месяц.

Джим. Выключат свет, пожалеешь!

Том. Меня уж туг не будет.

Джим. А как же мать?

Том. Я в отца. Отец бродяга, и сын бродяга. Ты только посмотри, как он скалит зубы. Шестнадцать лет, как смотался от нас.

Джим. Хватит заливать, никуда ты не поедешь! А что мать скажет?

Том. Тише, она идет!.. Она еще ничего не знает.

Аманда (*раздвигая портьеры*). Куда вы все подевались?

Том. Мы здесь, мама!

Входят в комнату вместе с Джимом.

Аманда приближается к ним. Том явно шокирован ее видом. Даже Джиму несколько не по себе. Он впервые сталкивается с кокетливой оживленностью, какой славятся девушки из Южных Штатов, и, несмотря на вечерние занятия ораторским искусством, огорошен таким светским обхождением. Джим пытается быть столь же галантным, но пока его попытки тонут в болтовне и звонком смехе Аманды. Том растерян до крайности. Преодолев первое смущение, Джим быстро находит верный тон. Шутит, говорит комплименты, смеется — словом, полностью покорилен хозяйкой. На экране — Аманда в юности.

Аманда (*игриво улыбаясь, тряхнув по-девичьи уложенными локонами*). Так, так, вот он какой, мистер О'Коннор... Без церемоний: прошу вас! Мой сын так много рассказывал о вас. В конце концов, я и говорю ему: «Боже ты мой, Том, почему ты не пригласишь эту знаменитость из вашего магазина к нам поужинать. Ты так его нахваливаешь, что мне самой захотелось познакомиться с этим образцом совершенства!» Понятия не имею, почему у меня сын такой бука!.. У нас, на Юге, это не принято. Может быть, присядем?.. Здесь, кажется, немного душно... Том, оставь дверь открытой! Ведь только что был приятный свежий ветерок. Что-то сейчас не чувствуется. Лето еще не настало, а как тепло, правда? Представляю, что будет в июле... Мы просто изжаримся! Ну что ж, пора за стол... Так, легкий ужин. Знаете, в это время года я предпочитаю что-нибудь легкое. И в одежде тоже что-нибудь легкое. В такую теплынь лучше всего — легкое платье и легкая еда. За зиму кровь так застаивается, что приходится некоторое время привыкать к перемене погоды. А в этом году так быстро стало тепло, что я не сумела ничего приготовить. Не успела оглянуться, боже, почти лето! Кинулась к шкафу, достала вот это платье-ице... Ужасно старомодное! Почти доисторическое. Но в нем, знаете, так удобно и прохладно...

Том. Мама...

Аманда. Что, дорогой?

Том. Как насчет ужина?

Аманда. Спроси, пожалуйста, у сестренки. Ты же знаешь, что сегодня она готовит ужин. Скажи ей, что мужчины голодны. (*Джиму.*) Вы уже познакомились с Лаурой?

Джим. Видите ли, она...

Аманда. Ах да, она же открывала вам дверь! Ну и прекрасно, значит, познакомились. Лаура у нас такая хозяйка! Теперь редко встретишь девушку, чтоб и мило-

видная была, и хорошая хозяйка. Слава богу, на Лауру жаловаться не приходится. А то я совсем не умею хозяйничать, никогда не умела. И готовить не умела... питалась манной небесной. На Юге у нас было так много прислуги. Где теперь та благодатная жизнь? Все, все ушло! Даже следа не осталось... Я была совершенно не подготовлена к трудностям, которые ожидали меня. Молодые люди, бывавшие у нас в доме, принадлежали к солидным плантаторским семьям. И я, конечно, предполагала, что выйду замуж за одного из них и заживу с семьей в большом поместье со множеством слуг. Но женщина предполагает, а руку мужчины предлагает... если несколько переиначить старую поговорку. Я не вышла замуж за плантатора. Моим мужем стал молодой человек, который служил в телефонной компании!.. Видите этого галантного улыбающегося джентльмена? *(Показывает на фотографию.)* Телефонист, который влюбился в расстойня! Он сейчас путешествует, даже не знаю где... Впрочем, кому это интересно... мои горести. Расскажите лучше о себе... У вас, конечно, никаких забот? Том!

Том *(приближаясь)*. Что, мама?

Аманда. Ну как, готов ужин?

Том. Вроде бы уже на столе.

Аманда. Сейчас посмотрим. *(Изящно поднимается с места и заглядывает сквозь портьеры в столовую.)* Ой, как красиво! А где сестренка?

Том. Лаура неважно себя чувствует, говорит, что ей лучше побыть у себя.

Аманда. Какая чепуха! Лаура... Лаура!

Лаура *(за сценой, слабо)*. Я здесь мама.

Аманда. Иди ужинать! Мы не сядем, пока ты не придешь. Проходите, мистер О'Коннор. Прошу вас, садитесь, вот здесь... Лаура Уингфилд! Ты заставляешь себя ждать!

Медленно открывается боковая дверь, входит Лаура. Она в полуобморочном состоянии, губы дрожат, глаза широко раскрыты и устремлены в одну точку. Нерешительно направляется к столу.

На экране надпись: «Вот ужас!»

Быстро надвигается гроза. Вдуваются белые занавески, за окнами сгустились синие сумерки, слышны протяжные звуки, словно вздохи... У Лауры вдруг подкосились ноги, со слабым стоном она хватается за стул.

Том

Аманда *(одновременно)*. Лаура!

Раздается удар грома. Надпись: «Ах!»

Аманда *(в отчаянье)*. Дорогая, тебе совсем плохо, да? Том, отведи ее в гостиную! Побудь там немного... отдохни на диване. Ну и ну! *(Гостю.)* Постояла над

горячей плитой — и вот тебе!.. Я ведь говорила ей: сегодня слишком душно.

Том возвращается. Лаура на диване.

Ну как, ей лучше?

Том. Кажется, да.

Аманда. А что там, дождь? Смотрите, какой приятный прохладный дождь! *(Неуверенно смотрит на гостя.)* Пожалуй... мы можем начать...

Том туно уставился на нее.

Том, дорогой, прочти молитву ты!

Том. О-ох!..

Все наклонили головы. Аманда исподтишка кидает испуганный взгляд на Джима. В гостиной Лаура, вытянувшись на диване, прижимает ко рту кулак, сдерживая подступающие рыдания.

Да святится имя твоё...

Сцена темнеет

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Надпись на экране: «На память».

Полчаса спустя. В столовой, которая сейчас закрыта портьерами, только что закончили обед.

Лаура все еще лежит на диване, поджав ноги. Голова ее покоится на бледно-голубой подушке, широко раскрытые глаза смотрят загадочно и пристально. От неяркого света, который падает от нового горшера с розовым шелковым колпаком, в лице ее появилась какая-то мимолетная неземная красота. Слышен ровный шум дождя, но он уже стихает и совсем стихнет после начала действия. Когда выйдет луна, в воздухе разольется бледный мерцающий свет. Едва поднимется занавес, как в обеих комнатах свет вдруг замигает и погаснет.

Джим. Эй, миссис Лампа!

У Аманды вырывается нервный смехок.

Надпись на экране: «Прекращение коммунальных услуг за неуплату».

Аманда. Ха-ха! Где был Моисей, когда погасли огни? Отгадайте, мистер О'Коннор.

Джим. Не могу, мэм. Где же он был?

Аманда. В темноте!

Джим смеется, чтобы показать, что оценил шутку.

Все оставайтесь на местах! Я зажгу свечи. Как удачно,

что они оказались на столе. Где спички? Джентльмены, кто может дать мне спички?

Джим. Пожалуйста.

Аманда. Благодарю вас, сэр.

Джим. Ну что вы, мэм!

Аманда. Наверное, перегорела пробка. Мистер О'Коннор, вы сумеете сменить пробку? Это выше моего разума, да и Том — полнейший профан в технике.

Шум отодвигаемых стульев. Голоса удаляются на кухню.

Осторожнее, не наткнитесь на что-нибудь. Не хватало, чтобы наш гость сломал себе шею. Ничего себе, скажет, встретили!

Джим. Ха-ха! А где у вас пробки?

Аманда. Как раз над плитой, справа. Вам видно?

Джим. Сейчас что-нибудь сообразим.

Аманда. Электричество — такая непонятная вещь, правда? Это Бенджамин Франклин запустил воздушного змея и получил грозное электричество? Да, в непонятном мире мы живем. Вот, говорят, что наука разгадывает все тайны, а по-моему, их становится все больше и больше! Ну как, нашли, мистер О'Коннор?

Джим. Нет, мэм. Все пробки вроде бы целы.

Аманда. Том!

Том. Да?

Аманда. Недавно я дала тебе счет за электричество. Помнишь, по которому уже прислали напоминание?

Надпись: «Ха-ха!»

Том. Ну и что?

Аманда. Ты случайно не забыл оплатить его?

Том. Видишь ли...

Аманда. Не заплатил? Так я и знала!

Джим. Шекспир, наверное, записал на нем стихи, миссис Уингфилд.

Аманда. Разве можно ему что-нибудь поручить? Как дорого приходится на этом свете расплачиваться за халатность!

Джим. Не огорчайтесь, может, это стихотворение выиграет десятидолларовый приз.

Аманда. А пока мы вынуждены весь вечер сидеть в темноте... как в прошлом веке, когда мистер Эдисон еще не изобрел свою лампу.

Джим. Мне нравится, когда горят свечи.

Аманда. Значит, у вас романтическая натура! Но это никак не извиняет Тома. Хорошо, что мы успели пообедать. Очень любезно с их стороны, что они дали нам

возможность закончить обед прежде, чем спустилась печная ночь,— не правда ли, мистер О'Коннор?

Джим. Ха-ха!

Аманда. Том, помоги мне вымыть тарелки— это тебе наказание за забывчивость.

Джим. Позвольте, я помогу вам.

Аманда. Ни в коем случае!

Джим. Неужели я ни на что не гожусь?

Аманда. Вы—ни на что? *(В голосе появляется напевность.)* Мистер О'Коннор, да вы доставили нам такое удовольствие, какого я не испытывала много-много лет!

Джим. Вы слишком добры, миссис Уинифилд!

Аманда. Я несколько не преувеличиваю, несколько! Да, нашей сестренке, наверное, скучно одной. Не могли бы вы составить ей компанию в гостиной? Возьмите этот красивый старинный подсвечник. Знаете, откуда он? С алтаря церкви «Небесный покой». Он, правда, темножко расплавился с краю, когда в церкви случился пожар. Была весенняя гроза, и туда попала молния. Как раз в то время снова начал выступать Джинси Джоунз, ну, тот проповедник, помните? Он утверждал, что пожар вспыхнул потому, что члены епископальной церкви устраивали картежные игры.

Джим. Ха-ха-ха!

Аманда. Может быть, вам удастся уговорить Лауру выпить немного вина? Я думаю, это ей на пользу. Сумете взять оба бокала?

Джим. Еще бы! Я ведь супермен.

Аманда. Ну, а ты, Томас, надевай передник.

Дверь в кухню затворяется, и мы больше не слышим звонкого смеха Аамнды. Мерцающий свет свечи приближается к портьерам. Когда Джим входит в гостиную, Лаура порывисто садится на диване.

Молчит, пытаясь побороть боязнь остаться наедине с незнакомцем. Надпись на экране: «Вы, наверное, совсем меня не помните?» Первые реплики в этой сцене Лаура произносит дрожащим, задыхающимся голосом, как будто она только что избежала по крутой лестнице, и лишь затем, поддавшись обаянию и добродушию Джима, избавляется от робости.

Следует помнить, что эта сцена, при всей ее видимой незначительности,— кульминация всей душевной жизни Лауры.

Джим. Можно, Лаура?

Лаура *(слабым голосом)*. Да. *(Откашливается.)*

Джим. Как вам, лучше?

Лаура. Да, спасибо.

Джим. Это вам—немного легкого вина. *(С преувеличенной галантностью протягивает ей бокал.)*

Лаура. Благодарю вас.

Джим. Выпейте... только, смотрите, не опьяните!
(От души смеется.)

Лаура неуверенно берет бокал, застенчиво улыбается.

Куда мне поставить свечи?

Лаура. Свечи? Куда-нибудь...

Джим. Вот если здесь, на полу... ничего?

Лаура. Ничего.

Джим. Я подложу газету, чтобы не капало... Можно я сяду на пол?

Лаура. Угу.

Джим. Дадите мне подушечку?

Лаура. Что?

Джим. Подушку, говорю, дадите?

Лаура. Ой, конечно... *(Быстрым движением передает ему подушку.)*

Джим. А вы? Не хотите на пол?

Лаура. Я? Хочу.

Джим. Хотите, а не идете.

Лаура. Я сейчас...

Джим. Захватите себе подушку.

Лаура берет подушку и усаживается на полу по другую сторону подсвечника.

(Сидит, поджав под себя ноги, и добродушно улыбается.)
Я вас там едва вижу.

Лаура. А я вас... вижу.

Джим. Понятно, я же на свету. Это нечестно!

Лаура пододвинулась со своей подушкой поближе.

Вот так, теперь хорошо. Удобно?

Лаура. Удобно.

Джим. И мне. Как сурок устроился. Хотите пожевать?

Лаура. Нет, спасибо.

Джим. А я, с вашего позволения, побалуюсь. *(Задумчиво разворачивает пакетик с жевательной резинкой, поднимает ее перед собой.)* Только подумать, сколько заработал парень, который изобрел жевательную резинку! Потрясающе, а? Ух и здание же у этой фирмы — одно из самых больших в Чикаго! Я видел его позапрошлым летом, когда ездил на «Век прогресса». А вы были на «Веке прогресса»?

Лаура. Нет.

Джим. Вот это выставка! Больше всего меня, знаете, что потрясло? Павильон науки! Сразу представляешь, какой будет Америка — еще лучше, чем сейчас. *(Помол-*

чав, с улыбкой.) Том говорит, что вы застенчивая. Вы и вправду застенчивая, Лаура?

Лаура. Я... я не знаю.

Джим. Судя по всему, вы просто несовременная девушка. А мне почему-то нравятся несовременные девушки. Вы не обижаетесь, что я так говорю?

Лаура *(поспешно, чтобы скрыть замешательство)*. Знаете что, я, пожалуй, тоже пожую... если вы не возражаете. *(Откашливается)*. Мистер О'Коннор, а вы... сейчас поете?

Джим. Что?

Лаура. У вас же был чудесный голос, я помню.

Джим. Когда вы слышали, как я пою?

Во время паузы мужской голос за сценой поет.

Эй-хо, задувай, ветерок!
Мне идти по сотням дорог.
Я к своей любви лечу,
Я обнять ее хочу —
За десять тысяч миль!

Джим. Вы говорите, что слышали, как я пою?

Лаура. Да-да, очень часто... Вы, наверное, меня... совсем не помните?

Джим *(смотрит на Лауру, будто что-то припоминая)*. То-то мне показалось, что я где-то вас видел... Сразу же, как только вы открыли дверь. Я даже чуть было не назвал вас по имени. Хотя никак не мог его вспомнить. Помню только, что это было не имя, а прозвище. Поэтому я промолчал...

Лаура. Может быть, Голубая роза?

Джим *(вскакивает, улыбается во весь рот)*. Точно! Голубая роза! Оно вертелось у меня на языке, когда вы открыли дверь. Чудно бывает с памятью, правда? Я как-то не связывал вас со школой. А сейчас вспоминаю: верно, в школе. Но я не думал, что вы сестра Шекспиру. Ой, извините!

Лаура. Я понимаю... Вы меня плохо знали.

Джим. Но мы же разговаривали?

Лаура. Разговаривали... иногда.

Джим. А вы когда узнали меня?

Лаура. Я-то сразу!

Джим. Как только пришел?

Лаура. Когда я услышала от Тома имя — я решила, что это вы. Я знала, что вы с Томом были знакомы в школе. Открыла дверь... ну... и узнала вас.

Джим. Почему же вы ничего не сказали?

Лаура (*еле переводит дыхание*). Я не знала, что сказать... Я была так удивлена!

Джим. Почему? Ну это уж совсем смешно!

Лаура. Смешно, правда? Хотя...

Джим. А у нас были совместные занятия?

Лаура. Были.

Джим. Какие?

Лаура. Хоровое пение...

Джим. О-о!

Лаура. Мы сидели в классе через проход.

Джим. Правда?

Лаура. Каждые понедельник, среду и пятницу.

Джим. А вы еще всегда опаздывали — помню, помню!

Лаура. Мне было трудно подниматься по лестнице. Я носила специальную обувь, и башмак так стучал, когда я шла!

Джим. Не слышал я никакого стука.

Лаура (*поеживаясь от воспоминания*). А мне казалось, будто гром гремит.

Джим. Что вы, я никогда не замечал.

Лаура. Когда я входила, все уже сидели. Мое место было в последнем ряду, и я шла через весь класс. А тут еще этот башмак стучит, и все смотрят на меня...

Джим. Нельзя быть такой мнительной.

Лаура. Я знаю, но что поделать. И каждый раз я думала: поскорей бы началось пение.

Джим. Теперь я все помню! Да! Да! И я звал вас Голубой розой. А почему я стал вас так звать?

Лаура. Я заболела и не ходила в школу. Когда снова пришла, вы спросили, что со мной было. Я сказала «невроз», а вам, наверное, послышалось — «роза». Вы начали говорить «Роза», а потом «Голубая роза»!

Джим. Но вы не обижались, нет?

Лаура. Что вы, мне это даже нравилось... У меня не было... то есть было мало знакомых...

Джим. Да, вы все одна ходили.

Лаура. Мне не везло на друзей.

Джим. Непонятно почему.

Лаура. Ну, так уж получилось...

Джим. Не из-за?..

Лаура. Да... мне это мешало.

Джим. Напрасно!

Лаура. Я знаю, но все равно...

Джим. Это просто застенчивость, вот что.

Лаура. Я знаю, но я никак не...

Джим. Не могли преодолеть ее?

Лаура. Не могла!

Джим. От застенчивости, наверное, надо избавляться постепенно.

Лаура *(печально)*. Наверное...

Джим. На это нужно время!

Лаура. Да.

Джим. Люди совсем не злые, когда узнаешь их поближе. Запомните это! И у каждого — свои проблемы. Не только у вас — практически у всех что-нибудь не так. Вы вбили себе в голову, что только у нас проблемы, что только вы разочарованы в жизни. Если внимательно приглядеться, кругом масса разочарованных людей. Возьмите меня... В школе я рассчитывал, что к этому времени, через шесть лет, успею сделать больше... Помните, какая хвалебная статья была обо мне в «Свечке»?

Лаура. Помню! *(Встает, подходит к столу.)*

Джим. Там говорилось, что, чем бы я ни занялся, я обязательно добьюсь успеха.

Лаура возвращается к нему с ежегодником.

Черт побери, да это же «Свечка»! *(Благоговейно берет в руки книгу.)*

Они улыбаются друг другу. Лаура приседает подле Джима, и оба начинают листать страницы. Джим держится так непосредственно, что Лаура чувствует себя свободно.

Лаура. Вот вы в «Пиратах из Панзанса».

Джим *(задумчиво)*. В этой оперетте я пел главную партию.

Лаура *(восхищенно)*. Замечательно пели!

Джим *(польщенный)*. Ну что вы...

Лаура. Да-да, замечательно!

Джим. Вы и в самом деле слышали?

Лаура. Три раза!

Джим. Не может быть?

Лаура. Правда.

Джим. Все три представления?

Лаура *(опуская глаза)*. Да.

Джим. Зачем?

Лаура. Я хотела... попросить у вас автограф.

Джим. Почему же не попросили?

Лаура. Вас всегда окружало так много друзей, не было подходящего случая.

Джим. Нужно было просто...

Лаура. Вы могли подумать, что я...

Джим. Что мог подумать?

Лаура. Ну, всякое...

Джим (*вспоминает с удовольствием*). Да, девичьи мне тогда буквально проходу не давали.

Лаура. Вы пользовались необыкновенной популярностью!

Джим. Было дело...

Лаура. Вы так... располагали к себе...

Джим. Избаловали-таки меня в школе.

Лаура. ...всем нравились.

Джим. И вам?

Лаура. И мне... (*Аккуратно закрывает книгу, лежащую у нее на коленях.*)

Джим. Однако... Дайте-ка вашу программку.

Лаура дает ему программу «Пиратов».

(*Ставит на ней размашистую подпись.*) Пожалуйста... лучше поздно, чем никогда!

Лаура. Ой, вот это сюрприз!

Джим. Моя подпись немного сейчас стоит. Но кто знает, может, когда-нибудь ее ценность повысится! Разочароваться—это одно, упасть духом—совсем другое. Да, я разочаровался кое в чем, но я не падаю духом. Мне всего двадцать три года. А сколько вам, Лаура?

Лаура. Двадцать четыре будет в июне.

Джим. Совсем немного!

Лаура. Я знаю, и все-таки...

Джим. Вы закончили школу?

Лаура (*нехотя*). Нет.

Джим. Перестали посещать занятия?

Лаура. Я провалилась на выпускных экзаменах. (*Поднимается, кладет на место книгу и программу. С усилием.*) Как поживает Эмили Мейзенбах?

Джим. А, эта немка...

Лаура. Зачем вы так ее называете?

Джим. Она и в самом деле немка.

Лаура. Вы не встречаетесь с ней?

Джим. Ни разу не видел.

Лаура. В хронике сообщали, что вы помолвлены!

Джим. Знаю, но меня этим не возьмешь.

Лаура. Так это неправда?

Джим. Было правдой только в ее восторженном воображении.

Лаура. А-а...

Надпись на экране: «А что вы делали после школы?»

Джим, закулив сигарету, непринужденно откинулся на локти и улыбается Лауре, и от его широкой обаятельной улыбки она словно вся засветилась. Лаура задерживается у стола и, чтобы скрыть смущение, вертит в руках стеклянную фигурку.

Джим (после нескольких затяжек; задумчиво). А что вы делали после школы?

Лаура будто не слышит вопроса.

А?

Лаура поднимает глаза.

Джим. Я говорю, что вы делали после школы?

Лаура. Ничего особенного.

Джим. Целых шесть лет прошло—ведь чем-нибудь вы занимались?

Лаура. Занималась.

Джим. Чем же?

Лаура. Училась делопроизводству в Торговом колледже.

Джим. И как, удачно?

Лаура. Нет, не очень... пришлось уйти... Меня... тошнило...

Джим добродушно смеется.

Джим. А теперь что делаете?

Лаура. Ничего... Только не подумайте, что я бездельничаю. У меня массу времени отнимает моя коллекция. Стекло ведь требует ухода.

Джим. Простите, какое стекло?

Лаура. Моя коллекция... стеклянных фигурок. *(Откашливается и снова отворачивается в смущении.)*

Джим *(неожиданно)*. Знаете, в чем ваша беда? У вас комплекс, комплекс неполноценности! Слышали о таком? Это когда человек недооценивает себя. Я-то это хорошо вижу, я сам им страдал. Конечно, не в такой острой форме. Я начал заниматься ораторским искусством, натренировал голос, а потом обнаружил склонность к техническим наукам. Я и не представлял, что во мне есть какие-то способности. Знаете, я, конечно, не специалист, но у меня есть приятель, и он говорит, что я провожу сеансы психоанализа не хуже, чем врачи-профессионалы. Он, конечно, преувеличивает, но я и правда умею разбираться в людях. Послушайте, Лаура... *(Вытаскивает изо рта жевательную резинку.)* Прошу прощения, я всегда вынимаю, когда изжую. Я заверну ее в эту бумажку, а то пристанет к ботинку. Так вот, главная беда в том, что вам не хватает веры в себя. Нет уверенности, чувствуете? Я сделал этот вывод на основании ваших слов и кое-каких собственных наблюдений. Возьмите, к примеру, этот стук башмака, который мучил вас в школе. Вы говорите, что боялись войти в класс. И что же получилось? Вы ушли из школы, бросили занятия—и все практически из-за пустя-

ка! Лично я почти ничего не замечал. У вас просто небольшой физический недостаток, сущий пустяк. А в нашем воображении он вырос до гигантских размеров! Знаете, что бы я вам посоветовал? Считайте, что в каком-то отношении вы лучше и выше других!

Лаура. А в каком отношении?

Джим. Да вы как ребенок, Лаура! Посмотрите же вокруг, и вы увидите, что в мире живут обыкновенные люди! Все одинаково рождаются и все умирают! А у кого из них есть хоть малая толика ваших достоинств? Или моих? Или чьих-то еще? Чепуха! У одних их больше, у других меньше. Но каждый человек хоть чем-то, да лучше других. *(Бессознательно глядя на себя в зеркало.)* Надо только найти себя! Узнать, чем же ты лучше остальных. Ну вот я, например. *(Поправляет перед зеркалом галстук.)* Я увлекаюсь электродинамикой. Хожу в вечернюю школу и изучаю радиодело. И это, заметьте, после довольно ответственной работы в магазине. Кроме того, я занимаюсь ораторским искусством.

Лаура. Вот как!

Джим. Я считаю, что будущее принадлежит телвидению. *(Поворачивается к ней.)* Я пробьюсь, как только распространится телевидение, и потому хочу заранее иметь твердую почву под ногами. У меня уже есть кое-какие связи, надо только, чтобы наладилось производство. И тогда — полный порядок. *(В глазах появляется лучистый блеск.)* Знания! Деньги! Власть! Вот на чем держится демократия. *(Произносит это энергично и убежденно.)*

Лаура, позабыв о робости, уставилась на него восхищенным взглядом.

Вы думаете, я задаюсь?

Лаура. Не-ет, я...

Джим. Ну, а вы? Чем больше всего интересуетесь?

Лаура. Больше всего?.. Я уже сказала... у меня коллекция стекла.

Из кухни доносится взрыв девичьего смеха.

Джим. Я что-то не улавливаю... Что у вас за стекло?

Лаура. Фигурки такие, ну, знаете, для украшения. Главным образом фигурки животных... Самые маленькие звери на свете. Мама называет мою коллекцию стеклянным зверинцем. Вот один... Хотите посмотреть? Это чуть ли не самый старый. Ему почти тринадцать лет.

Мелодия «Стеклянного зверинца».

Джим протягивает руку.

Ой, только осторожнее, пожалуйста! Он как перышко!

Джим. Лучше не надо, а то еще сломаю.

Лаура. Возьмите, возьмите, вам я доверяю. (*Кладет ему фигурку на ладонь.*) Ну вот—вы его так бережно держите. Посмотрите на свет—он так любит свет. Видите, как он сверкает?

Джим. Правда сверкает.

Лаура. Нехорошо кому-нибудь отдавать предпочтение, и все-таки он—мой любимчик.

Джим. А кого он изображает?

Лаура. Разве вы не заметили, что у него единственный рог?

Джим. Единорог, да?

Лаура. Угу.

Джим. Единороги вроде бы все вымерли?

Лаура. Ну да, я знаю.

Джим. Бедняга, ему, наверно, скучно одному.

Лаура (*улыбнувшись*). Если и скучно, он все равно не жалуется. Он стоит на полке с лошадками—у них нет рогов—и, кажется, неплохо ладит с ними.

Джим. Откуда вы знаете?

Лаура (*живо*). А я ни разу не слышала, чтобы они повздорили.

Джим. Ни разу? Значит, на самом деле ладят. Куда его поставить?

Лаура. На стол. Им нравится, когда я их переставляю.

Джим (*потягиваясь*). О-хо-хо... Смотрите, какая у меня большая тень... когда поднимаю руки.

Лаура. Ага, по всему потолку.

Джим (*идет к двери*). Дождик, наверно, перестал. (*Открывает дверь на лестничную площадку.*) Где это играют?

Лаура. Это напротив, в «Парадизе».

Джим. Потанцуем, мисс Уингфилд?

Лаура. Ой, я же...

Джим (*делает жест, будто берет карточку*). Так и есть, все танцы заняты! А если я какой-нибудь вычеркну?

Зангалин вальс.

Ага, вальс! (*Вальсирует один, делает несколько поворотов, потом протягивает руки, приглашая Лауру.*)

Лаура (*у нее перехватило дыхание*). Я... я не умею!

Джим. Ну вот, опять комплексы!

Лаура. Я ни разу в жизни не танцевала!

Джим. Вот и попробуйте, идемте!

Лаура. Ведь я отдавлю вам ноги.

Джим. Я не стеклянный.

Лаура. А как надо начинать?

Джим. Я покажу... Руки сюда.

Лаура. Так?

Джим. Чуть-чуть повыше. Хорошо. Не напрягайтесь!
Главное — держитесь свободно.

Лаура (со сдвинутым смехом). Легко сказать —
свободно.

Джим. Порядок!

Лаура. Да вы меня с места не сдвинете!

Джим. Не сдвину? На что спорим? (Начинает медленно кружить Лауру.)

Лаура. Боже, неужели сдвинули?

Джим. Смелей, смелей, Лаура.

Лаура. Я...

Джим. Еще, еще!

Лаура. Ладно!

Джим. Не надо напрягаться... Свободнее!

Лаура. Я и так стараюсь...

Джим. Спину держите прямо! Вот так, хорошо.

Лаура. Правда?

Джим. Гораздо лучше!

Она неуклюже кружится с ним по комнате.

Лаура. Только не так быстро!

Джим. Ха-ха!

Лаура. Ой, как здорово!

Джим. То-то.

Они внезапно наталкиваются на стол.

(Останавливается.) Мы на что-то наткнулись?

Лаура. На стол.

Джим. Ничего не упало? Мне показалось...

Лаура. Упал.

Джим. Кто? Неужели единорог?

Лаура. Да.

Джим. Ай-ай-ай! Разбился?

Лаура. Теперь он такой же, как все.

Джим. Отломился рог?

Лаура. Да... Ничего. Нет худа без добра.

Джим. Все равно вы теперь меня будете ругать. Ведь это был ваш любимчик.

Лаура. Да нет у меня никаких любимчиков. И вообще ничего страшного не случилось. Стекло ведь так легко бьется, даже если быть очень осторожным. Когда на улице сильное движение, полка ходуном ходит, и фигурки падают.

Джим. И все-таки ужасно жаль, что я его разби.

Лаура (*улыбаясь*). А мы вообразим, будто ему сделали операцию и удалили рог. А то он был такой чудной.

Оба смеются.

Теперь он совсем не будет выделяться среди остальных, безрогих.

Джим. Ха-ха, это вы здорово придумали! (*Внезапно переходит на серьезный тон.*) Хорошо, что у вас есть чувство юмора. А знаете, вы... вы не такая, как остальные. Совсем не такая, как другие девушки! (*Тихо, запинаясь от неподдельного волнения.*) Вы не сердитесь, что я вам это говорю?

Лаура не в состоянии вымолвить ни слова.

Не такая—в хорошем смысле...

Лаура смущенно кивает, смотрит в сторону.

С вами чувствуешь себя так... как будто... не знаю, как это сказать... Вообще-то я за словом в карман не полезу, а тут... А тут просто не знаю, как сказать.

Лаура притрагивается к горлу, откашливается, потом начинает вертеть в руках сломанного единорога.

Вам говорили, что вы—красивы?

Музыка.

Лаура поднимает глаза, полные недоумения, и качает головой.

Нет? Вы—красивая. Вы непохожи на других. И хорошо, что непохожи. (*Голос становится низким и хриловатым.*)

Лаура отворачивается, едва не теряя сознание от повизны ощущений.

Если бы вы были моей сестрой! Я бы сделал так, чтобы у вас появилась уверенность в себе. Вы—не такая, как все, но этого не нужно стыдиться. Потому что у остальных нет ничего своего, они ничем не примечательны. Их много, а таких, как вы,—одна на тысячу. Они повсюду, а вы только здесь. Они обыкновенные... ну, как трава, а вы... вы—Голубая роза!

На экране голубые розы. Музыка меняет ритм.

Лаура. Но голубых роз не бывает...

Джим. Все равно! Вы—красивая...

Лаура. Что во мне красивого?

Джим. Все, правда! Красивые глаза, красивые волосы, красивые руки. (*Берет ее за руку.*) Вы думаете, я—из

вежливости, потому что меня пригласили в гости и я должен говорить комплименты? Это мне легче легкого! Я бы мог такую сцену разыграть, таких приятных вещей наговорить, но я не хочу притворяться. Я сказал вам про комплекс неполноценности, из-за которого вы плохо сходите с людьми... Кто-то должен вселить в вас уверенность, кто-то должен сделать так, чтобы вы гордились собой, а не смущались и не отворачивались... и не краснели... Кто-то должен... поцеловать тебя, Лаура...

Его рука движется к ее плечу. Мелодия бурно нарастает. Внезапно он поворачивает ее к себе и целует в губы. Потом отступает на шаг, и она опускается на диван, просветленная и испуганная. Он отворачивается, вытаскивает из кармана сигарету.

Надпись на экране: «На память».

Пижон! *(Закуривает сигарету, избегая смотреть на Лауру.)*

Из кухни доносится взрыв по-девичьи звонкого смеха — это Аманда. Лаура медленно поднимается, рожимает кулак. На ладони — крохотная фигурка с отбитым рогом. Она смотрит на него нежно и удивленно.

Последний пижон! Не нужно было этого делать... меня занесло... Сигарету? Хотя ты ведь не куришь.

Лаура поднимает лицо и улыбается, точно не слыша. Джим осторожно присаживается рядом. Лаура молча смотрит на него, ждет. Ощущая неловкость положения, смутно угадывая, что она сейчас чувствует, он растерянно кашляет и отодвигается.

(Мягко.) Хочешь мятную лепешку?

Она словно не слышит его, но взгляд ее светлеет еще больше.

Хочешь? Это — «Долголетие». Как пойду куда, напихаю в карман всякой всячины... как в лавке... *(Кидает в рот мятную лепешку. Потом поспешно глотает ее, решив выложить все начистоту. Говорит медленно, выбирая слова.)* Лаура, если бы у меня была сестра, такая, как ты, я бы делал то же самое, что и Том. Я бы приглашал ребят, знакомил бы ее с ними. Хороших ребят, понимаешь, чтобы они могли... оценить ее. Только в данном случае он ошибся. Может быть, мне не следует этого говорить. Может быть, вы пригласили меня просто так. Я не знаю... Конечно, тут нет ничего дурного. Но беда в том, что я... Я не имею права... делать этого. Я не имею права взять у тебя телефон и пообещать, что позвоню. Я не имею права больше приходить к вам... или назначить тебе свидание. Я решил, что лучше прямо сказать, чтобы не было недоразумений и обид.

Пауза.

Медленно, почти незаметно Лаура меняется в лице. Она переводит взгляд с Джима на фигурку, лежащую у нее на ладони.

Из кухни снова слышится веселый смех Аманды.

Лаура (*слабым голосом*). Вы... Ты больше не придешь к нам?

Джим. Нет, Лаура. Не могу. (*Встает с дивана.*)—Я уже сказал, что я... связан. У меня есть невеста, Лаура. Мы встречаемся все время—ее зовут Бетти. Она такая же домоседка, как и ты, католичка, и родители у нее—ирландцы, и... вообще... мы здорово привязались друг к другу. Я встретился с ней прошлым летом, когда ездил на «Маджестике» на ночную экскурсию в Элтон. Это любовь с первого взгляда, понимаешь?

Надпись: «Любовь».

Лаура качнулась вперед и схватилась за ручку дивана. Но Джиму не до нее, он сейчас полностью поглощен собой.

Как влюбился—стал совсем другим человеком! Совсем другим!

Нагнувшись вперед, судорожно вцепившись в ручку, Лаура старается пересилить волнение.

(*Теперь для него Лаура что-то очень далекое.*) Любовь на самом деле обладает фантастической силой! Знаешь, любовь может переделать мир!

Буря в душе Лауры стихает, она откидывается на спинку дивана.

(*Наконец снова замечает ее присутствие.*) Как было дело? Бетти получила телеграмму, что заболела тетка, и срочно выехала в Сентрейлию. Том позвал меня пообедать; ну я и согласился. Я ведь не знал... что ты... что он... (*Неловко замолкает.*) Тьфу, совсем зарпортовался! (*Снова садится на диван.*)

Божественное сияние, которым светился лик Лауры, погасло и сменилось бесконечной грустью.

(*Искося взглядывает на нее.*) Хоть бы сказала... что-нибудь...

Она кусает дрожащие губы и через силу улыбается. Снова разжимает руку и смотрит на стеклянную фигурку. Потом берет его руку, осторожно кладет одинорога к нему на ладонь и складывает его пальцы.

Зачем ты это делаешь? Ты хочешь подарить мне его, Лаура?

Она кивает.

Зачем?

Лаура. На память... *(Нетвердыми шагами подходит к граммофону и, нагнувшись, крутит ручку.)*

Надпись на экране: «Надо же случиться такому!» Или изображение: «Гость весело прощается с хозяйкой».

В гостиную впорхнула Аманда. В руках у нее старинный графин граненого стекла с пуншем и блюдо с золотой каемкой и маковыми цветочками, на котором горка миндального печенья.

Аманда. Ну и как? Не правда ли, какой свежий воздух после дождя? Дети, я приготовила вам маленькое угощение. *(Джиму, игриво.)* Джим, вы слышали эту песенку:

Лимонад, лимонад...
Лимонаду каждый рад:
И ребенок, и солдат,
Даже старым девам он полезен.

Джим *(с несмелым смешком)*. Нет, миссис Уингфилд, не слышал.

Аманда. Лаура, что ты такая серьезная?

Джим. У нас был серьезный разговор.

Аманда. Прекрасно! Значит, вы теперь лучше познакомились.

Джим *(неуверенно)*. Да, пожалуй.

Аманда. Современная молодежь — серьезная, не то что наше поколение. Я такая непода была в молодости.

Джим. Вы совсем не изменились, миссис Уингфилд.

Аманда. Сегодня я чувствую какой-то прилив сил. С вами молодеешь, мистер О'Коннор! *(Вскидывает голову, заливаясь смехом, и расплескивает лимонад.)* Ах, окропила себя святой водой!

Джим. Позвольте мне...

Аманда. Ничего, спасибо. *(Ставит графин на стол.)* Прошу! У меня нашлось немного вишневого ликера. Я его сюда вылила.

Джим. От меня вам — сплошное беспокойство, миссис Уингфилд.

Аманда. Беспокойство? Да что вы! Я получила массу удовольствия! Вы не слышали, как я за вас отчитывала Тома? Вам, должно быть, икалось. Почему он так долго не знакомил нас с вами? Надо было пригласить вас гораздо, гораздо раньше! Ну, ничего, теперь вы дорогу знаете. Заходите, милости просим, почаще. И без приглашения, а так, знаете, запросто! Мы чудесно будем проводить время. Ах, как будет весело! Чувствуете, какой приятный восторг? И до чего же луна хороша! Ну, я

исчезаю. Старики должны знать свое место, когда молодые люди... ведут серьезный разговор.

Джим. Нет-нет, не уходите, миссис Уингфилд. Да мне, пожалуй, и пора.

Аманда. Уже? Вы шутите! Время-то совсем детское!

Джим. Да знаете, все-таки...

Аманда. Молодой, подающий надежды служащий, примерное поведение, режим—понимаю, понимаю. Хорошо, сегодня мы вас отпустим пораньше, но при одном условии... В следующий раз посидите подольше. Какой день у вас самый свободный? Наверное, суббота—вы ведь служите.

Джим. Мне приходится дважды отбивать табель, миссис Уингфилд. Один раз—утром, другой—вечером!

Аманда. Вы и вечерами работаете? Вашей хватке только позавидовать можно, мистер О'Коннор.

Джим. Нет, мэм, это—не работа, а Бетти (*Рассчитанным движением он берет свою шляпу.*)

Оркестр в «Парадизе» заиграл душещипательный вальс.

Аманда. Бетти? А кто она такая?

В небе зловеще погромыхивает.

Джим. Ну, просто девушка... с которой я встречаюсь. (*Обаятельно улыбается.*)

За окном хлынул такой ливень, словно разверзлись небеса.

Надпись: «Разверзлись небеса...»

Аманда (*едва переводя дыхание*). Ах вот оно что! И это серьезное увлечение, мистер О'Коннор?

Джим. Мы собираемся пожениться в июне, во второе воскресенье.

Аманда. Прелестно!.. Том и словом не обмолвился, что вы собираетесь жениться.

Джим. В магазине пока не знают. А то пойдут разговоры, станут называть Ромер и все такое. (*Задерживается перед овальным зеркалом, чтобы надеть шляпу. Тщательно поправляет тулью и поля, чтобы иметь вполне щегольский, но не залихватский вид.*) Спасибо за чудесный вечер, миссис Уингфилд. Теперь я знаю, что такое южное гостеприимство.

Аманда. Не стоит благодарности.

Джим. Надеюсь, вы не обидитесь, что я убегаю. Дело в том, что я обещал Бетти встретить ее на Уобошском вокзале. Пока я доберусь туда на своей развалюхе, поезд

как раз и придет. Женщины страшно злятся, если опоздашь...

Аманда. О да, женский деспотизм! *(Подает Джиму руку.)* До свиданья, мистер О'Коннор. Желаю вам успеха, и благополучия, и счастья... всего-всего! И Лаура тоже. Правда, Лаура?

Лаура. Конечно.

Джим *(пожимает руку Лауре)*. До свиданья, Лаура. Я буду хранить этого единорога, спасибо. И не забудьте мой совет... *(Повышая голос, весело.)* Пока, Шекспир! Дамы, благодарю вас еще раз! Доброй ночи! *(Улыбается и живо выскокивает на площадку.)*

Аманда с любезной миной притворяет за гостем дверь. Затем, совершенно огоршенная и убитая, возвращается в гостиную. Они с Лаурой не смотрят друг на друга. Лаура наклоняется над граммофоном, крутит ручку.

Аманда *(упавшим голосом)*. Нужно же случиться такому?! Конечно, самое время заводить граммофон. Вот тебе и на... Наш гость собирается жениться! Том.

Том. Что?

Аманда. Пойди сюда на минутку. Я скажу тебе что-то очень смешное.

Том *(входит со стаканом лимонада в одной руке и миндальным печеньем—в другой)*. А гость наш уже исчез?

Аманда. Наш гость откланялся пораньше. Ну и шутку ты с нами сыграл!

Том. В чем дело?

Аманда. Ты не сказал, что он помолвлен.

Том. Джим? Помолвлен?

Аманда. Да. Он только что сообщил нам об этом.

Том. Черт побери, я не знал.

Аманда. Странно, весьма странно.

Том. А что тут странного?

Аманда. Ты говорил, что он твой лучший друг в магазине.

Том. Да, но откуда я мог знать?

Аманда. А мне это кажется очень странным. Твой лучший друг собирается жениться, а ты ничего не знаешь.

Том. В магазине я работаю, а не расспрашиваю, кто да что.

Аманда. Ты нигде ничего не расспрашиваешь, если на то пошло! Живешь как во сне, одними иллюзиями!

Том идет к двери.

Ты куда?

Том. В кино.

Аманда. Правильно, что тебе еще остается после того, как ты выставил нас всех дураками. Приготовления, расходы... новый торшер, коврик, платье Лауре... А ради чего? Чтобы ублажить женуха какой-то девчонки? Иди в свое кино, иди! Зачем о нас думать? Мать, которую бросил муж, сестра не пристроена, инвалид, не имеет средств к существованию... Стоит ли омрачать себе удовольствие! Иди, иди... в кино!

Том. Чем больше ты будешь кричать, что я ни о ком не думаю, тем скорее я уйду... И не в кино!

Аманда. Хоть на луну, ты, бездушный романтик!

Том шныряет стакан на пол, кидается на лестничную площадку, хлопает дверью. Лаура вскрикивает, порезавшись осколком.

Слышна музыка из танцевального зала.

Том в отчаянии стискивает перила и поднимает лицо к холодному белому свету луны, пробивающемуся сквозь теснину переулка.

Надпись на экране: «Прощай...»

Заключительный монолог Тома идет на фоне пантомимы, разыгрывающейся внутри квартиры. Все, что происходит там, мы видим словно сквозь звукопроницаемое стекло.

Аманда, очевидно, старается утешить Лауру, которая, скорчившись, прилегла на диван. Ее темные волосы рассыпались по лицу, и лишь в самом конце монолога Тома она откинет их и улыбнется матери.

Теперь, когда мы не слышим голоса Аманды, в ее облике вместо нелепой суматошности появилось достоинство и трагическая красота. Она утешает дочь, и движения ее медленны и грациозны, как в танце. Закончив говорить, она взглянет на фотографию мужа и скроется за портьерами. К финалу монолога Тома Лаура задует свечи, закончив тем самым драму.

Том. Я не отправился на луну. Я уехал гораздо дальше, ибо время — наибольшее расстояние между двумя точками. Вскоре после этого вечера меня уволили — за то, что я записал стихи на крышке коробки с богинками. Я уехал из Сент-Луиса. В последний раз спустился по ступенькам лестницы запасного выхода и пошел по стопам отца, пытаюсь в движении найти то, что потерял в пространстве... Я много ездил. Города проносились мимо, как опавшие листья — яркие, но уже сорванные с ветвей. Я хотел где-нибудь прижиться, но что-то гнало меня все дальше и дальше. Это всегда накатывало неожиданно, заставляло меня врасплох. Иногда — знакомая мелодия. Иногда — лишь осколок стекла... Или бредешь по чужому городу ночью, один... Проходишь освещенную витрину парфюмерного магазина. На витрине — стекло, крошечные, блестящие капельки нежнейшей расцветки — как осколки разбитой идребезги радуги. И вдруг словно сестра коснется моего плеча. Я поворачиваюсь, смотрю ей в глаза... О Лаура, я хотел уйти от тебя и не могу! Я не думал, что так привязан к тебе, и потому не могу забыть

тебя. Я достаю сигарету, перехожу улицу, захожу в кино или в бар, беру выпить, я заговариваю с первым встречным—делаю все, что может погасить свечи воспоминаний!..

Лаура наклоняется над свечами.

...Ведь теперь мир озаряется молниями! Задуй свечи, Лаура... и—прощай...

Она задует свечи.

Сцена темнеет

ТРАМВАЙ «ЖЕЛАНИЕ»

Перевод В. Неделина

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бланш Дюбуа.

Стелла—ее сестра.

Стэнли Ковальский—муж Стеллы.

Хэрольд Митчелл (Митч).

Юнис Хаббел.

Стив Хаббел.

Пабло Гонзалес.

Негритянка.

Врач.

Надзирательница.

Молодой человек—агент по подписке.

Мексиканка.

Разносчик.

Прохожий.

Матрос.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Двухэтажный угловой домик на Елисейских полях в Новом Орлеане — улице между рекой и железнодорожными путями.

Убогая окраина, и есть в ней, однако, в ее захудалости — не в пример таким же задворкам других великих американских городов — какая-то совершенно особая, забористая краса. Дома здесь все больше белые, пооблинявшие от непогоды, с выгнутыми фронтонами, обстроены шаткими лесенками и галереями.

В домике две квартиры — вверху и внизу, к дверям обеих ведут общарпанные белые лесенки.

Вечер в начале мая, только-только еще начинают стучаться первые сумерки. Из-за белого, уже набухающего мглой дома небо проглядывает такой несказанной, почти бирюзовой голубишной, от которой на сцену словно входит поэзия, кротко унимающая все то пропащее, порченное, что чувствуется во всей атмосфере здешнего житья. Кажется, так и слышншь, как тепло дышит бурая река за береговыми пакгаузами, приторно благоухающими кофе и бананами. И всему здесь под настроенные игра черных музыкантов в баре за углом. Да и куда ни кинь, в этой части Нового Орлеана вечно где-то рядом, рукой подать, — за первым же поворотом, в соседнем ли доме — какое-нибудь разбитое пшанно отчаянно заходится от головокружительных пассажей беглых коричневых пальцев.

В этой меланхолической блюзовой мелодии бродит самый дух здешней жизни.

На крыльце две женщины, белая и цветная, прохладяются на свежем воздухе. Первая, Юнис, снимает квартиру на втором этаже; ее соседка — негритянка; Новый Орлеан — город-космополит, в старых кварталах люди разных рас живут вверемешку и, в общем, довольно дружно. Мелодии блюза переплетаются с уличной разноголосицей.

Негритянка (к Юнис). ...и вот, говорит, святой Варнава повелел псу лизнуть ее, а ее-то всю, с головы до ног, так холодом и обдало. Ну, и в ту же ночь...

Прохожий (матросу). Держитесь все правой стороны и дойдете. Услышите — барабанят в ставни.

Матрос (негритянке и Юнис). Где здесь бар «Четыре двойки»?

Разносчик. А вот с пылу, с жару...

Негритянка. Что зря деньги переводить в этой обдираловке!

Матрос. У меня там свидание.

Разносчик. ...с жару!

Негритянка. Да не польститесь у них на коктейль «Синяя луна» — ног не потянете.

Из-за угла появились двое — Стэнли Ковальский и Митч. Им лет по двадцать восемь — тридцать, оба в грубых синих спецовках. В руках у Стэнли спортивная куртка и пропитанный кровью пакет из мясной лавки.

Стэнли (Митчу). Ну, а он?

Митч. Говорит, заплатит всем поровну.

Стэнли. Нет. Нам с тобой причитается особо.

Останавливаются перед лестницей.

(Во всю глотку.) Э-гей, Стелла! Малышка!!

На лестничную площадку первого этажа выходит Стелла, изящная молодая женщина лет двадцати пяти; по всему своему облику и манере держаться явно не пара мужу.

Стелла *(мягко)*. Не надо так кричать. Привет, Митч.

Стэнли. На, лови!

Стелла. Что это?

Стэнли. Мясо. *(Бросает ей пакет.)*

Стелла испуганно вскрикивает, но ухитрилась подхватить пакет и тихонько смеется. Муж с товарищем уже снова заворачивает за угол.

Стелла. Стэнли! Куда ты?

Стэнли. Погоняем шары.

Стелла. Можно прийти посмотреть?

Стэнли. Приходи. *(Уходит.)*

Стелла. Сейчас догоню. *(К Юнис.)* Здравствуйте, Юнис! Как дела?

Юнис. Все в порядке. Да скажите Стиву, пусть уж там кормится, как сам сумеет, а дома ничего ему не будет.

Все трое смеются, негритянка еще долго не может унятьсь.

Стелла уходит.

Негритянка. Что за пакет он ей бросил? *(Встает, хохочет во все горло.)*

Юнис. Да тише!

Негритянка. Лови—а что? *(Смех так и разбирает ее.)*

Из-за угла с чемоданом в руке выходит Бланш. Смотрит на клочок бумаги, на дом, снова на записку и снова на дом. Неприятно поражена и словно не верит глазам своим.

Само ее появление в здешних палестинах кажется сплюснутым недоразумением. Элегантный белый костюм с пушистым, в талию, жакетом, белые шляпа и перчатки, жемчужные серьги и ожерелье—словно прибыла на коктейль или на чашку чая к светским знакомым, живущим в аристократическом районе.

Она лет на пять старше Стеллы. Блещущая красота ее не терпит яркого света. В робости Бланш и в белом ее наряде есть что-то напрашивающееся на сравнение с мотыльком.

Юнис *(не сразу)*. Что вам, милочка? Заблудились?

Бланш *(в шутливом ее тоне проскальзывает заметная нервозность)*. Сказали, сядете сперва в один трамвай—тут его называют «Желание», потом в другой—«Кладбище», проедете шесть кварталов—сойдете на Елисейских полях!

Юнис. Ну вот и приехали.

Бланш. На Елисейские поля?

Юнис. Они самые.

Бланш. Значит... вышло недоразумение с номером дома...

Юнис. А какой вы ищете?

Бланш (*устало справляется все по той же записке*). Шестьсот тридцать второй.

Юнис. Тогда вы у цели.

Бланш (*совершенно обескураженная*). Я ищу сестру, Стеллу Дюбуа. То есть... жену мистера Стэнли Ковальского.

Юнис. Здесь, здесь. Вы чуть-чуть разминулись с ней.

Бланш. Так это...—да нет, что вы!—...ее дом?

Юнис. Она на нижнем этаже, я—на верхнем.

Бланш. О! И се... нет дома?

Юнис. Заметили кегельбан за углом?

Бланш. Как будто нет.

Юнис. Ну, а она как раз там, смотрит, как муж спшибает кегли. (*Помолчав.*) Хотите, оставьте чемодан, сходите.

Бланш. Нет.

Негритянка. Пойду скажу про вас.

Бланш. Благодарю.

Негритянка. Рада услужить. (*Уходит.*)

Юнис. Вас не ждали?

Бланш. Нет. Сегодня—нет.

Юнис. Ну что ж, заходите, располагайтесь, они сейчас придут.

Бланш. Как же?

Юнис. Да мы здесь свои люди—впущу. (*Встает и открывает дверь.*)

Загорается свет, засниела занавеска. Бланш медленно входит за Юнис. Сцена постепенно погружается в темноту, из которой выступает квартира Ковальских.

Помещение, разделенное на две комнаты занавесом. Первая по основному своему назначению—кухня, но здесь же и раскладушка—на ней будет спать Бланш. Дальше—спальня. Из нее узкая дверь в ванную.

(*Заметив, какое выражение у Бланш, готова постоять за своих.*) Сейчас здесь не очень-то приглядно, а прибраться—квартира просто загляденье.

Бланш. Вот как.

Юнис. Да, вот так. Значит, вы—сестра Стеллы?

Бланш. Да. (*Не зная, как от нее отделаться.*) Спасибо, что впустили.

Юнис. Rog pada¹, как говорят мексиканцы, Стелла рассказывала про вас.

Бланш. Да?

¹ Не за что (*исп.*).

Юнис. Кажется, вы учите в школе.

Бланш. Да.

Юнис. Вы прямо из Миссисипи?

Бланш. Да.

Юнис. Она показывала снимок вашего дома, там, на плантации.

Бланш. «Мечты»?

Юнис. Большущий дом с белыми колоннами.

Бланш. Да...

Юнис. С таким домищем, поди, хлопот не оберешься.

Бланш. Простите, пожалуйста, но я просто с ног валяюсь.

Юнис. Ну еще бы, милая. Да что же вы стоите... садитесь.

Бланш. Я не к тому — мне бы остаться одной.

Юнис (*обиженно*). О! Тогда не буду путаться под ногами.

Бланш. Я не хотела вас обидеть, но...

Юнис. Добегу до кегельбана, подгоню ее. (*Уходит.*)

Бланш в полном оцепенении остается на стуле — руки судорожно вцепились в сумочку на коленях, вся сжалась в комок, словно ее бьет озноб. Но вот невидящий взгляд ее снова становится зрячим; не спеша начинает осматриваться.

Душераздирающий кошачий вопль.

У Бланш дух захватило от ужаса, инстинктивно вскинула руку, словно защищаясь. Вдруг замечает что-то в полуоткрытом стенном шкафу. Вскрывает, подбегает и достает бутылку виски. Налила полстакана. залпом опрокинула. Аккуратно поставила бутылку на место, моет стакан над раковиной. И — снова на прежнем месте, у стола.

Бланш (*шепотом*). Надо взять себя в руки.

Стелла (*поспешно выходит из-за угла, бежит к дверям. Радостно*). Бланш!

Не отрывают глаз друг от друга. Бланш вскакивает, с громким криком бросается к сестре.

Бланш. Стелла! О Стелла, Стелла! Стелла-звездочка!

Крепко обнялись.

(*С лихорадочным воодушевлением, словно ей страшно дать себе, сестре опомниться, задуматься.*) Ну, покажись же, покажись. Да не смотри ты на меня, Стелла, не надо — вот приму ванну, отдохну, тогда... И выключи верхнюю лампу! Погаси! Нечего рассматривать меня при таком нещадном свете, я не хочу!

Стелла смеется, но уступает.

Ну, иди же, иди сюда. Ах ты моя маленькая! Стелла! Стелла-звездочка! (*Обнимает ее.*) А я уж думала, ты так

и не вернешься больше в это логово... Что я сказала! Вырвалось... А я хотела честь честью: ах, до чего же уютный домик!.. И такой ландшафт!.. Ха-ха! Агнец кроткий. Словечка не промолвит...

Стелла. Но ты не дашь мне и рта раскрыть. *(Смеется, но во взгляде, устремленном на Бланш,—тревога.)*

Бланш. Ну, что ж—твое слово. Открой ротик и говори, а я тем временем пошарю, нет ли чего-нибудь выпить. Знаю, знаю, уж что-нибудь спиртное у вас припрятано. Где же? А, подсмотрела, подсмотрела! *(Бросается к стенному шкафу, достает бутылку. Ее трясет как в лихорадке, попробовала засмеяться—дух перехватило. Бутылка чуть не выскользнула из рук.)*

Стелла *(замечая ее состояние)*. Садись, Бланш, дай уж я налью сама. Чем бы разбавить, не знаю. Может, кока-колой?.. Кажется, есть на леднике. Посмотри там, милая, а я...

Бланш. А ну ее, дружок, что кока-кола, когда нервы на таком взводе. Но где же... где...

Стелла. Стэнли? Играет в кегли. Любимое занятие. У них там сегодня... А, вот содовая!.. Настоящее состязание.

Бланш. Просто воды, детка. Один глоток, запить. Не бойся, твоя сестра не заделалась пьяницей, просто ее растрясло, разморило от жары, устала, грязная... Так что сядь и объясни толжюм—куда я попала? Как тебя занесло в эту дыру?

Стелла. Но, Бланш...

Бланш. Ах, ну что мне кривить душой—говорить, так уж всю правду. Никогда, никогда, в самых страшных снах, не могло мне привидеться... Только По! Эдгар Аллен По, один он мог бы оценить все это по достоинству. Прямо за домом, конечно, Уирский лес со всей своей нечистью... *(Смеется.)*

Стелла. Ну что ты, дружок,—железнодорожные пути, всего только железнодорожные пути.

Бланш. Нет, серьезно, шутки в сторону. Почему ты молчала, почему не писала, не дала знать?

Стелла *(осторожно, наливая себе виски)*. О чем, Бланш?

Бланш. Как о чем? Что тебе приходится прозябать в таких условиях?

Стелла. Ты преувеличиваешь. Здесь совсем недурно. Новый Орлеан—город особенный.

Бланш. При чем тут Новый Орлеан! Все равно, что сказать... прости, малышка. *(Разом оставляя эту тему.)* Вопрос исчерпан.

Стелла (*сдержанно*). Благодарю.

Бланш молча смотрит на нее, та улыбается в ответ.

Бланш (*глядя на стакан, дрожащий у нее в руке*). У меня теперь на всем белом свете—одна только ты, а ты мне и не рада.

Стелла (*искренне*). Ну что ты, Бланш, сама знаешь—неправда!

Бланш. Неправда?.. Ах да, я и забыла, ты у нас такая—словечка не вытянешь.

Стелла. С тобой ведь, бывало, не разговоришься, Бланш. Вот и привыкла при тебе помалкивать.

Бланш (*рассеянно*). Недурная привычка... (*Решительно.*) Ты все не спросишь, как мне удалось вырваться из школы до конца весеннего семестра.

Стелла. Я полагала, захочешь—скажешь сама...

Бланш. Думаешь, выгнали?

Стелла. Нет, я подумала... могла ведь ты и сама уйти.

Бланш. Я так истрадалась после всего... нервы не выдержали. (*Нервно мнет сигарету.*) Дошла до последней черты, дальше—уже только безумие. Вот мистер Грейвс—директор школы—и предложил мне отпуск за свой счет. В телеграмме ведь всего не перескажешь. (*Одним глотком допивает виски.*) А-а, так и пошла по жилкам, хорошо!

Стелла. Еще стаканчик?

Бланш. Один—норма, больше не пью.

Стелла. Решительно?

Бланш. Ты еще не сказала... как ты меня находишь?

Стелла. Ты прелестна.

Бланш. Благослови тебя бог за эту ложь. Да такие руины еще и не являлись на свет божий. А ты, ты немножко пополнила, да, пухленькая стала—совсем куропаточка. Тебе идет.

Стелла. Ну, Бланш...

Бланш. Да, да, да, раз уж я говорю, можешь мне верить. А вот за талией надо следить. Встань-ка.

Стелла. Потом...

Бланш. Слышишь! Я сказала—встань!

Стелла нехотя подчиняется.

Ах ты, грязнуля!.. Такой хорошенький кружевной воротничок—чем-то закапала. А волосы тебе, с твоим изящным личиком, нужно бы стричь под мальчика. Стелла, ведь у тебя есть служанка?

Стелла. Нет. Когда только две комнаты...

Бланш. Что? Ты сказала—две комнаты?!

Стелла. Вот эта и... (Смущена.)

Бланш. И та? (Горько смеется.)

Тягостное молчание.

Какое спокойствие, какая безмятежность! Посмотрела бы на себя: сидит себе, ручки сложила—ангел в сонме ангелов.

Стелла (в смущении). Мне бы твою энергию, Бланш.

Бланш. А мне—твою выдержку... Придется, видно, пропустить еще маленькую, как говорится, разгонную. И—с глаз долой, от греха подальше. (Встает.) А о моей фигуре что ты скажешь, хотелось бы знать. (Поворачивается перед ней.) Да будет тебе известно—за десять лет не прибавила ни на унцию. Ровно столько же, как в то самое лето, когда ты уехала из «Мечты». Когда умер папа и ты сбежала от нас.

Стелла (с усилием). Просто поразительно, Бланш, до чего ты эффективна.

Бланш. И, как видишь, по-прежнему ношусь со своей красотой, даже теперь, когда увядаю. (Нервно смеется и смотрит на Стеллу, ожидая возражений.)

Стелла (принужденно). Ничуть ты не увядаешь.

Бланш. После всех-то моих мытарств? Рассказывай сказки. Милая ты моя детка... (Дрожащей рукой провела по лбу.) Так у вас всего две комнаты...

Стелла. И ванная.

Бланш. О, есть и ванная! Наверху, рядом со спальнями, первая дверь направо?

Обе смущенно смеются.

Но, Стелла, я не вижу, куда же ты меня положишь.

Стелла. Да вот здесь.

Бланш. А, складная-патентованная—ляжешь—не встанешь! (Присела.)

Стелла. Ну как?

Бланш (неуверенно). Чудесно, милая. Много ли мне надо! Но между комнатами нет двери, а Стэнли... его не будет шокировать?

Стелла. Знаешь, ведь Стэнли—поляк.

Бланш. Ах да. Они вроде ирландцев, кажется?

Стелла. Может быть...

Бланш. Только не такие аристократы?

Обе смеются все еще как-то неловко.

Я навезла нарядов—будет в чем показаться вашим милым друзьям.

Стелла. Боюсь, тебе они совсем не покажутся милыми.

Бланш. А что они собой представляют?

Стелла. Друзья Стэнли.

Бланш. Поляки?

Стелла. Пестрая компания, Бланш.

Бланш. Смешанная публика?

Стелла. Ну да. Именно — публика.

Бланш. Что ж, ладно, раз уж наряды захвачены, буду носить. Насколько я понимаю, ты все ждешь, не скажу ли я, что поселюсь в отеле. Но в отель я перебираться не намерена, не жди. Я хочу быть с тобой, мне необходим хоть кто-нибудь рядом, не могу оставаться одна. Потому что... не могла же ты не заметить... мне порядком нездоровится. *(Голос ее прерывается, в глазах страх.)*

Стелла. Ты как будто и правда чуточку нервна, то ли переутомленна, то ли... уж и не знаю что.

Бланш. Понравлюсь ли я Стэнли, или только так — свояченица в гости явилась, а, Стелла? Меня бы это просто убило.

Стелла. Вы прекрасно поладите, постарайся только не сравнивать его с людьми нашего круга.

Бланш. Он настолько... другой?

Стелла. Да. Другой породы.

Бланш. Какой же?

Стелла. Как расскажешь о человеке, которого любишь? Вот его фото. *(Протягивает сестре фотографию.)*

Бланш. Офицер?

Стелла. Старший сержант в инженерных войсках. Это все ордена!

Бланш. И он был при полном параде, когда вы познакомились?

Стелла. Уверяю тебя, я не была ослеплена этими побрякушками.

Бланш. Да я не о том.

Стелла. Ну конечно, с чем-то в дальнейшем пришлось и смириться.

Бланш. С его средой, например.

Стелла смущенно смеется.

Как он принял известие о моем приезде?

Стелла. А Стэнли еще и не знает.

Бланш *(испуганно)*. Ты не сказала ему?

Стелла. Да он ведь все в разъездах.

Бланш. По службе?

Стелла. Да.

Бланш. Прекрасно. То есть — вот оно что...

Стелла *(как бы про себя)*. Мне так не по себе, когда его нет целую ночь...

Бланш. Да что ты?

Стелла. Когда же уезжает на неделю, просто на стену лезу.

Бланш. О господи!

Стелла. А вернется, реву у него на коленях, как маленькая. *(Улыбается чему-то своему.)*

Бланш. Вот она, стало быть, какая—любовь...

Стелла поднимает на нее глаза, просиявшие улыбкой.

Стелла...

Стелла. Да?

Бланш *(заставляя себя идти напролом)*. Я не донимала тебя вопросами. Буду надеяться, и ты отнесешься разумно к моему сообщению.

Стелла. Какому, Бланш? *(Лицо ее становится тревожным.)*

Бланш. Вот что, Стелла, ты будешь упрекать меня... и я знаю, от этого никуда не денешься... но прежде учти: ты уехала! Я не искала путей к отступлению и боролась до конца. Ты себе уехала в Новый Орлеан искать своей доли. Я осталась в «Мечте» и боролась. Я не в укор, но вся тяжесть свалилась на мои плечи.

Стелла. А что мне оставалось? Надо было самой вставать на ноги, Бланш.

Бланш *(ее знобит)*. Да, да, знаю. Но это ты отреклась от «Мечты», не я! Я оставалась до конца, билась не на жизнь, а на смерть! Чуть богу душу не отдала.

Стелла. Прекрати истерику и говори толком. Что случилось? За что ты билась не на жизнь, а на смерть?.. Что все это значит?

Бланш. Я знала, Стелла, знала, что ты так рассудишь все дело.

Стелла. Какое дело? Ради бога!

Бланш *(тихо)*. Потерю...

Стелла. «Мечты»? Она потеряна? Нет!

Бланш. Да, Стелла.

Они смотрят друг на друга; между ними стол под желтой клетчатой клеенкой. Бланш чуть кинула, Стелла опускает глаза на спон руки на столе. И все громче звучит блюз. Бланш отирает лоб платком.

Стелла. Но что случилось? Как это произошло?

Бланш *(оскакивая)*. Хорошо тебе спрашивать, что да как.

Стелла. Бланш!

Бланш. Тебе что... сидишь себе здесь... И ты еще берешься судить меня!

Стелла. Бланш...

Бланш. Я! Я! Я приняла на себя все удары—избита, изморождена... Все эти смерти! Нескончаемая похоронная

процессия... Отец. Мама. Ужасная смерть Маргарет. Она так распухла, что тело не укладывалось в гроб: так и пришлось—просто сжечь. Как падала на свалке. Ты всегда успевала на похороны, Стелла, не пропустила ни одних. Но похороны—что... а вот смерти! На похоронах тишь да гладь, но умирают—кто как. Умиравшие хрипят. Задыхаются. И—плачут... «Не отдавай меня, дай пожить!» Даже старики и те подчас—не отдавай их, не отдавай! Как будто в твоей власти. А похороны... благолепие, красивые цветы. И... о, как роскошны эти ящики, в которые их заколачивают! Не подежуришь у их кровати, когда они кричат: «Не отдавай!», и в голову не придет, как отчаянно, из последних сил, цеплялись они за жизнь. Тебе такое и не снилось, а я это видела. Видела! Видела! А теперь... глядишь на меня, и глаза твои обвиняют—я проворонила наш дом! А откуда, черт возьми, брались, по-твоему, средства? Чем, по-твоему, плачно за все эти болезни и смерти? Смерть бьет по карману, мисс Стелла! А вслед за Маргарет—старенькая кузина Джесси, тут как тут. Да, неумолимый жнец прижился у нашего порога, Стелла. «Мечта» стала его штаб-квартирой. Родная!.. Вот так-то она и прошла у меня сквозь пальцы. Разве кто из них, умирая, отказал нам что-нибудь в завещании? Или хоть цент по страховке? Одна только бедняжка Джесси—сотню, себе на гроб. Вот и все, Стелла. Да я со своим жалким учительским окладом. Клейми меня! Сиди вот так, глаз с меня не спуская, думай, что это я не сберегла наш дом. Я не сберегла? А где ж ты-то была? В постели... со своим поляком!

Стелла (*вскакивая*). Бланш. Уймись. Довольно. (*Идет к спальне.*)

Бланш. Куда ты?

Стелла. В ванную, обмыть лицо.

Бланш. Ах, Стелла, Стелла... плачешь?

Стелла. Тебя это удивляет?

Бланш. Прости... Я не хотела.

Стелла уходит в ванную.

На улице слышны мужские голоса. Стэнли, Стив и Митч подходят к дому.

Стив. ...И вот он его песочит, песочит: и то, мол, не так, и это, и ни на что ты не годен, и чему тебя только учили, и опыта у тебя, мол, нет. А парень издохнул и говорят: «А где ж опыта раздобыть?» А тот ему: «Ах, ты вон из каких! А ну уматывай отсюда!»

Громкий хохот.

Заслышав голоса мужчин, Бланш забивается в спальню. Взяла с туалетного столика фотографию Стэнли, всматривается, снова ставит на место.

Так завтра с вечера в покер?

Стэнли. Да, у Митча.

Митч. У меня нельзя. Мать еще не выздоровела.
(Собирается уйти.)

Стэнли (ему вслед). Ладно, тогда у меня... а ты ставишь пиво.

Митч делает вид, что не слышал, прощается и, негромко напевая про себя, уходит.

Юнис (кричит сверху). Эй, вы там! Расходитесь. Я приготовила спагетти, а съела все сама...

Стив (поднимаясь по лестнице). Сказано тебе было и так, и по телефону—мы играем! (Мужчинам.) Только чтоб пиво как пиво!..

Юнис. Да ты и не звонил.

Стив. Сказал еще за завтраком и звонил в перерыв...

Юнис. Ладно, ладно, никому не интересно. Ты и домой-то заглядываешь раз в год по обещанию.

Стив. А тебе что—надо, чтобы в газетах сообщили?

Смех, прощальные возгласы расходящихся мужчин. Рванув дверь, в кухню входит Стэнли. Среднего роста—пять футов и восемь-девять дюймов,—сильный, ладный. Вся статья его и повадка говорят о переполняющем все его существо животном упоении бытием. С ранней юности ему и жизнь не в жизнь без женщин, без сладости обладания ими, когда тешишь их и ублажаешь себя и не расширяешься, не даешь им потачки; неукротимый, горделивый—пернатый султан среди несущек. От щедрот мужской полноценности, от полной чувственной убаготоренности такие свойства и склонности этой натуры, как сердечность с мужчинами, вкус к ядреной шутке, любовь к доброй, с толком, выпитке и вкусной еде, к азартным играм, к своему авто, своему приемнику—ко всему, что принадлежит и сопричастно лично ему, великолепному племенному производителю, и потому раз и навсегда предпочтено и выделено. Женщин он привык оценивать с первого взгляда, как знаток—по статям, и улыбка, которой он их одаривает, выдает всю неустойчивость картин, вспыхивающих при этом всполохами в его воображении.

Бланш (невольно отступая под его пристальным взглядом). Вы, конечно, Стэнли? Я—Бланш.

Стэнли. Сестра Стеллы?

Бланш. Да.

Стэнли. Здравствуйте. А где наша хозяйка?

Бланш. В ванной.

Стэнли. А-а. Не знал, что вы собрались в наши края.

Бланш. Я...

Стэнли. Откуда приехали, Бланш?

Бланш. Я... я живу в Лореле.

Стэнли (подходит к стенному шкафу, достал бутылку виски). В Лореле? Ах да. Ну конечно же, в Лореле. Не в моей зоне. В жаркую погоду этого зелья не

напасешься. (*Рассматривает бутылку на свет, определяя, осталось ли в ней что-нибудь.*) Выпьем?

Бланш. Нет-нет, почти и не прикасаюсь, редко-редко.

Стэнли. Есть и такие: сами прикладываются к бутылке редко, а вот она к ним — частенько.

Бланш (*вяло*). Ха-ха.

Стэнли. Все на мне прилипло. Ничего, если я без церемоний? (*Собирается снять рубашку.*)

Бланш. Пожалуйста, прошу вас.

Стэнли. Ничем не стеснять себя — мой девиз.

Бланш. И мой. Сохранять свежесть — дело нелегкое. Я и ни умыться, ни попудриться еще не успела, а вы уже и пришли.

Стэнли. Так, знаете, и простудиться недолго — в мокрой одежде, особенно если предварительно еще разомнешься на совесть, побросашь шары, например. Вы — учительница, верно?

Бланш. Да.

Стэнли. А что преподаете, Бланш?

Бланш. Английский.

Стэнли. Я в школьные времена с английским не особенно ладил. Надолго, Бланш?

Бланш. Я... пока не знаю.

Стэнли. Думаете у нас и обосноваться?

Бланш. Предполагала... если не стесню.

Стэнли. Ладно.

Бланш. Я плохо переношу дорогу...

Стэнли. Ничего, оклемаетесь.

Под окном дико взвыла кошка.

Бланш (*вскакивает*). Что это?

Стэнли. Да кошки... Эй, Стелла!

Стелла (*из ванной*). Да, Стэнли.

Стэнли. Ты что, утопла там?.. (*Ухмыльнулся Бланш.*)

Та безуспешно пытается улыбнуться в ответ. Молчание.

Боюсь, вы сочтете меня неотесанным. У Стеллы только и разговоров, что о вас. Вы были замужем, верно?

Вдалеке чуть слышно — мелодия польки.

Бланш. Да. Совсем молодой.

Стэнли. А что случилось?

Бланш. Он... он умер. (*У нее клонится голова.*) Боюсь... не разболеться бы мне. (*Роняет голову на руки.*)

КАРТИНА ВТОРАЯ

Назавтра. Шесть часов пополудни. Бланш принимает ванну. Стелла заканчивает прихорашиваться. Цветное платье Бланш раскинуто на кровати Стеллы. Стэнли входит с улицы в кухню, оставив открытой дверь, и следом за ним — этот нескончаемый блюз...

Стэнли. Это что еще за представление?

Стелла. О, Стэн!.. *(Вскакивает и целует его, что он принимает с равнодушием властелина.)* Я увожу Бланш ужинать в «Галатуар», а потом еще куда-нибудь — ведь у тебя покер.

Стэнли. А мой ужин? Не все ведь идут в «Галатуар».

Стелла. Холодная говядина в холодильнике.

Стэнли. Вот это расщедрилась!

Стелла. Постараюсь задержать Бланш подольше, пока вы не наиграетесь. Ведь не скажешь заранее, как она к вам отнесется. Завернем куда-нибудь на ревю. Здесь же, в квартале. Так что уж дай денег.

Стэнли. А где она?

Стелла. Сидит в горячей ванне, это ее успокаивает. Нервы у нее издерганы вконец.

Стэнли. С чего бы?

Стелла. Она такого натерпелась!

Стэнли. То есть?

Стелла. Стэн, «Мечта»... уже не наша.

Стэнли. Усадьба?

Стелла. Да.

Стэнли. Как же это так?

Стелла *(неопределенно)*. Пришлось как будто ею пожертвовать... в общем, что-то вроде того.

Пауза. Стэнли размышляет.

(Переодевается в другое платье.) Когда она выйдет, не забудь, скажи ей какую-нибудь любезность. Да, еще... не надо сейчас про маленького. Я пока молчу — пусть сначала поуспокоится.

Стэнли *(тоном, не предвещающим ничего хорошего)*. Ах так!

Стелла. Ее надо понять, так постарайся же, да будь с ней поласковой, Стэн.

Бланш *(поет в ванной)*

Из страны, где воды небесно-сини,
Юную пленницу привезли...

Стелла. Для нее полная неожиданность, что у нас оказалось так тесно. Видишь ли, в письмах я, разумеется, не вдавалась в подробности...

Стэнли. Да?

Стелла. Так ты похвалишь ее платье? Скажи, что она в нем прелестна. Это так важно для Бланш. Ну да. Ну, маленькая слабость...

Стэнли. Ага, усвоил. Так ты сказала, что усадьбу ликвидировали?

Стелла. А-а? Да, да.

Стэнли. Что же все-таки произошло? Нельзя ли поподробнее?

Стелла. Не надо пока приступать к расспросам, дадим ей прийти в себя.

Стэнли. Ах вот оно что! Ха! Отстаньте — сестрице Бланш не до деловых подробностей!

Стелла. Ты же видел, какая она приехала.

Стэнли. Ага, заметил. А вот на купчую бы взглянуть.

Стелла. Я не видела купчей.

Стэнли. Она не представила тебе никакого отчета, никаких документов, ничего?

Стелла. Да дом как будто и не пошел с торгов...

Стэнли. А что же с ним, черт побери, сделали? Отдали за так? В пользу бедных?

Стелла. Тсс! Услышит.

Стэнли. Плевал я, пусть слышит. Мне документы подавай!

Стелла. Не было никаких документов, ничего она не показывала, да мне и дела нет ни до каких документов.

Стэнли. Ты слышала о кодексе Наполеона?

Стелла. Нет, Стэнли, не слышала и не понимаю, при чем тут...

Стэнли. Так давай, детка, я просвещу тебя на этот счет.

Стелла. Да?

Стэнли. У нас, в штате Луизиана, в силе кодекс Наполеона, согласно которому все имущество жены принадлежит и мужу и — наоборот. Например, у меня собственность или у тебя какая-нибудь собственность...

Стелла. Голова идет кругом!

Стэнли. Хорошо, не будем. Я подожду, а когда она кончит отмокать в горячей ванне, спрошу, знакома ли с кодексом Наполеона она. Сдается мне, тебя попросту облапошивают, детка. Но если тебя, то, по кодексу Наполеона, значит, заодно и меня. А я не люблю, когда меня облапошивают.

Стелла. Да успеешь ты еще со своими вопросами, — только не сейчас, а то она опять расклеится. Я не представляю себе, что там вышло с «Мечтой», но, поверь мне, это просто нелепо — думать, что моя сестра или я,

вообще кто-нибудь из нашей семьи способен на надувательство.

Стэнли. Куда же тогда делись деньги, ведь дом продан?

Стелла. Не продан—потерян, потерян!

Он бросается в спальню, она за ним.

Стэн-ли!

Стэнли (*яростным рывком раскрывает большой кофр, стоящий среди спальни, выбрасывает оханку платьев*). Да открой же наконец глаза и посмотри только на все это добро! Что же, по-твоему, все это на учительское жалованье?

Стелла. Тише ты!

Стэнли. Посмотри на эти перья, меха, сколько она навезла пускать пыль в глаза! Вот, например. Да такое платье стоит, насколько я понимаю, целое состояние! А это? Что это такое? Накидка, песцы! (*Дует на мех*). Настоящие голубые песцы, в полмили каждый! А где твои песцы, Стелла? Пушистые, белоснежные! Где твои голубые песцы?

Стелла. Дешевенький мех—он у Бланш уже и не помню с каких пор.

Стэнли. У меня есть знакомый меховщик. Позову его, оценит. Держу пари, тысячи вколочены во все это барахлишко!

Стелла. Не будь таким идиотом, Стэнли!

Стэнли (*швыряет меха на диван. Рванул выдвижной ящичек кофра, вытаскивает целую, с верхом, пригоршню драгоценностей*). А тут что у нас? Пиратская сокровищница!

Стелла. О Стэнли!

Стэнли. Жемчуг! Целые низки жемчуга! Кто она такая, твоя сестрица,—искатель жемчуга, ныряет в морские глубины? Неуловимый взломщик, гроза сейфов? Браслеты из чистого золота! Где они, твои жемчуга, твои золотые браслеты?

Стелла. Да уймись же ты, Стэнли!

Стэнли. И брильянты! Прямо корона для императрицы!

Стелла. Тиара из рейнских камешков, она надевала ее на костюмированный бал.

Стэнли. Что еще за рейнские камешки?

Стелла. Все равно что стекляшки.

Стэнли. Шутить изволишь! У меня есть знакомый в ювелирном магазине. Я позову его, послушаем, что он скажет. Вот она где, твоя плантация, или что там от нее еще оставалось.

Стелла. Ты и не представляешь себе, как ты сейчас глул и как ужасен. А теперь закрой кофр, пока она не вышла.

Стэнли (*ударом ноги небрежно закрыл кофр и присаживается на кухонный стол*). У Ковальских и Дюбуа разные взгляды на жизнь.

Стелла (*сердито*). Да, и слава богу! Я выйду на улицу. (*Хватает свою белую шляпу и перчатки и идет к входной двери*.) Ты выйдешь со мной, пусть Бланш оденется.

Стэнли. Командовать вздумала? С каких это пор?

Стелла. Ты что, остаешься здесь, решил поизмываться над ней?

Стэнли. А ты как думала! Конечно, остаюсь.

Стелла выходит на крыльцо.

Бланш (*появляется из ванной в красном атласном халатике. Весело*). А, Стэнли! Вот и я, прямо из ванны, надушилась, словно заново на свет родилась.

Стэнли (*закуривает*). Ну и прекрасно.

Бланш (*задергивая на окне штору*). Извините, я хочу нарядиться в это новое платье.

Стэнли. Ну и надевайте, за чем дело стало.

Бланш (*задергивая портьеру между комнатами*). Насколько я понимаю, здесь сегодня играют в карты, а дамы не приглашены—очень любезно!

Стэнли. И что?

Бланш (*сбрасывает халатик, надевает синцвое платье в цветах*). Где Стелла?

Стэнли. Вышла.

Бланш. Можно попросить вас о небольшой услуге?

Стэнли. Интересно какой?

Бланш. Застегнуть пуговицы на спине. Можете войти.

Он раздвигает портьеру, подошел, стараясь не глядеть на нее.

Как вы меня находите?

Стэнли. Что надо.

Бланш. Вы очень любезны. Ну вот—пуговицы.

Стэнли. Ничего не получается.

Бланш. Ах вы, мужчины, и что у вас только за пальцы—такие здоровенные, неуклюжие... Можно курнуть от вашей?

Стэнли. Закурите сами.

Бланш. Да, конечно. Спасибо. А в кофре-то, похоже, порылись.

Стэнли. Да. Мы со Стеллой. Помогали вам раснаковать.

Бланш. Так, так... быстро же вы управились, поработали на совесть.

Стэнли. А вы, похоже, обчистили не один модный магазин в Париже.

Бланш. Ха-ха! Да, наряды — моя страсть.

Стэнли. Сколько может стоить такой вот мех?

Бланш. А, это... подношение одного поклонника.

Стэнли. Немало, видно, у него было... поклонения!

Бланш. Да, в юности я кружила головы, было дело. А сейчас? Посмотрите. *(С ослепительной улыбкой.)* Как по-вашему, могла я слыть... неотразимой?

Стэнли. Выглядите-то вы — блеск.

Бланш. Именно на комплимент я и напрашивалась. Стэнли.

Стэнли. Ерунда! Не занимаюсь.

Бланш. Что — ерунда?

Стэнли. Комплименты женщинам в расчет их внешности. Не встречал еще такой, что сама бы не знала, красива или нет, и нуждалась бы в подсказке; а есть и такие, что вообще полагаются только на собственное мнение, что ты им ни говори. Было время, гулял я с одной такой красоткой. И вот она мне все: «Ах, я так романтична, ах, во мне столько обаяния». А я ей: «Ну, а дальше?»

Бланш. А она что?

Стэнли. Ничего. Заткнулась, как миленькая.

Бланш. На том и конец роману?

Стэнли. Разговорчикам конец — только и всего. Одни мужчины падки до всего этого голливудского сюсюканья, а другие — нет.

Бланш. И вы, безусловно, принадлежите ко второй категории.

Стэнли. Точно.

Бланш. Не представляю себе обольстительницу, которая приворожила бы вас.

Стэнли. Верно.

Бланш. Вы простой, прямой, честный, хотя звезд с неба, пожалуй, и не хватаете. Чтобы привлечь вас, женщине нужно... *(Неопределенный жест.)*

Стэнли *(с расстановкой)*. Положить... карты на стол.

Бланш *(улыбаясь)*. Да, да. Карты на стол... В жизни столько темнят, столько околичностей. А я люблю, когда художник пишет сильными, яркими мазками и на палитре у него только основные, самые элементарные цвета. Терпеть не могу розовато-кремовой размазни и знать никогда не желала людей «ни то ни се». Вот почему, стоило вам вчера войти, я тут же сказала себе: «Моя сестра вышла за настоящего мужчину». Конечно, с

первого взгляда больше и не скажешь...

Стэнли *(рывается)*. А ну, хватит в прятки играть!

Бланш *(зажимая уши)*. У-у-у-у-у!..

Стелла *(с крыльца)*. Стэнли! Выйди, не мешай Бланш одеваться.

Бланш. Я совершенно готова, милая.

Стелла. Ну так выходи.

Стэнли. А у нас разговор по душам.

Бланш *(весело)*. Милая, не в службу, а в дружбу. Добеги до аптеки и купи мне кока-лимонад, да чтоб колотого льда побольше. Сделаешь, дружок? Для меня?

Стелла *(нерешительно)*. Хорошо. *(Уходит за угол.)*

Бланш. Бедняжка подслушивала. А мне кажется, она не понимает вас так хорошо, как я... Ну, так вот, мистер Ковальский, на чем мы остановились? Да... Что ж, давайте начистоту. Я готова ответить на любые вопросы. Мне скрывать нечего. Так что вас интересует?

Стэнли. У нас, в штате Луизиана, действует небезызвестный кодекс Наполеона, согласно которому все, что принадлежит моей жене,— мое, и наоборот.

Бланш. Боже, что за грозный вид! Судья!

Опрыскивает себя духами, шутя направила пульверизатор в него. Он вырвал пульверизатор, швыряет на туалетный столик. Она, запрокинув голову, смеется.

Стэнли. Не будь вы сестрой моей жены, я бы знал, с кем дело имею.

Бланш. А именно?..

Стэнли. Не прикидывайтесь дурочкой. Сами знаете. Где бумаги?

Бланш. Бумаги?

Стэнли. Документы. Отчетность по плантации.

Бланш. Какие-то бумаги были.

Стэнли. То есть? Были да сплыли?

Бланш. А может быть, и не сплыли—лежат себе где-нибудь...

Стэнли. Но, конечно, не у вас в кофре?

Бланш. Все мое—в кофре.

Стэнли. Так за чем дело стало—взглянули? *(Подходит к кофру, рванул крышку, открывает.)*

Бланш. Ради бога, что с вами? Какое мальчишество. Что вам взбрело? Что я присвоила какие-то деньги и вожу вас за нос, что я могла предать сестру?.. Пустите, я сама. Так будет быстрее и проще... *(Подходит, достает шкапулку.)* Почти все мои бумаги в этой шкапулке. *(Открывает.)*

Стэнли. А там, на дне? *(Указывает на связку бумаг.)*

Бланш. Любовные письма, пожелтевшие от древности, все от одного мальчика.

Он отбирает их.

(В голосе ее бешенство.) Отдайте!

Стэнли. Сначала посмотрим.

Бланш. Вы недостойны прикоснуться к ним!

Стэнли. А, вздор. *(Обрывает ленточку и просматривает бумаги.)*

Бланш *(выхватила их, и они рассыпаются по полу)*. Теперь, когда они уже залапаны вашими ручищами, их только сжечь.

Стэнли *(сбитый с толку)*. Да что они такое, черт возьми?

Бланш *(собирает листки с пола)*. Стихи одного мальчика, а самого уже нет в живых. Когда-то я очень больно задела его, вот так же, как вы сейчас хотите — меня, только где вам! Я уж не молода, теперь не ранишь. Ну, а мой муж был молод, не загрубел еще, и я... А, теперь уж все равно. Да соберите же мне их!

Стэнли. Что это значит — почему вы теперь их сожжете?

Бланш. Простите. Просто потеряла голову. У каждого ведь есть что-нибудь заветное, неприкосновенное. *(Вид у нее бесконечно измученный. Садится со шкатулкой в руках, надела очки, методически просматривает большую стопку бумаг.)* «Эмблер и Эмблер». Гм... Кребтри... Снова «Эмблер и Эмблер».

Стэнли. Что за «Эмблер и Эмблер»?

Бланш. Контора. Ссуды под недвижимость.

Стэнли. Значит, дом пошел на погашение заложных?

Бланш. Кажется, именно так.

Стэнли. А я знать не желаю никаких «кажется». Что в остальных бумагах?

Она отдает ему всю шкатулку. Он пристраивается к столу и принимается за документы.

Бланш *(поднимая с пола большой конверт, тоже набитый до отказа бумагами)*. Тысячи бумаг за сотни лет, вся история нашей «Мечты»... долгая повесть о том, как наши не знавшие счета деньгам деды и отцы, дяди и братья участок за участком просаживали землю на свой... попросту говоря, безудержный блуд. *(Снимает очки, с усталым смехом.)* Это слово из четырех букв пожирало плантацию, пока не остался — Стелла подтвердит — один только дом да акров двадцать земли, считая и кладбище, куда ныне и перекочевали все наши... Кроме нас со Стеллой. *(Вытряхивает конверт на стол.)* Здесь все, все

бумаги! Берите и владейте. Читайте, перечитывайте, учите наизусть. Лучшего завершения, пожалуй, и не придумаешь: вся «Мечта» — кипа старого бумажного хлама в ваших здоровенных, ухватистых лапищах!.. Интересно, вернется когда-нибудь Стелла с лимонадом... *(Откинулась на спинку стула, закрывает глаза.)*

Стэнли. У меня есть знакомый юрист, он изучит эти документы.

Бланш. Преподнесите их ему с таблетками от головной боли в придачу.

Стэнли *(несколько смущен)*. Видите ли, по кодексу Наполеона муж должен присматривать за тем, как идут дела у жены, особенно если они — как мы, например, теперь — ждут ребенка.

Бланш открывает глаза. Громко звучит блюз.

Бланш. Стелла? У Стеллы будет ребенок? *(Мечтательно.)* А я ничего не знала! *(Встала, идет к входной двери.)*

Стелла появляется из-за угла с картонкой из аптеки. Стэнли уносит конверт и шкатулку в спальню. Комнаты погружаются в темноту, из которой выступают улица, наружная стена дома.

(Встречает Стеллу на тротуаре, у крыльца.) Стелла, Стелла-звездочка! Какое счастье иметь ребенка! *(Обнимает сестру.)*

Стелла тоже обнимает ее, конвульсивно всхлипывая.

(Негромко.) Все в порядке — объяснились. Сейчас меня чуточку лихорадит, но зато я, кажется, все уладила. Я посмеялась, обратила все в шутку. Обозвала его мальчишкой, смеялась, чуточку пококетничала. Да, я флиртовала с твоим мужем, Стелла!

Стив и Пабло тащат ящик с пивом.

Гости собираются на покер...

Мужчины проходят между сестрами, окинув Бланш быстрым, любопытным взглядом, и скрываются в доме.

Стелла. Прости его.

Бланш. Да, этот мужчина не из тех, для которых цветет жасмин. Но, пожалуй, именно этого и нужно подмешать к нашей крови теперь, когда у нас нет «Мечты», — иначе нам не выжить. Как прескрасно небо! Улететь бы на ракете, да и не возвращаться.

Разносчик *(выходит из-за угла, выкрикивая)*. А вот с пылу, с жару!..

Бланш *(испуганно вскрикнула, резко отшатнулась)*.

Но сейчас же, еще не переведя дух от испуга, рассмеялась). Куда же мы теперь, Стелла... нам в ту сторону?

Разносчик. ...с пылу, с жару!

Стелла (беря ее под руку). Нет, сюда.

Бланш (со смехом). Слепой... ведет слепого!

Исчезают за углом. Еще не замер безнадежный смех Бланш. А в ответ ему — взрыв хохота из дома. И все громче и громче блюз и труба под сурдинку.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Покерная ночь.

Есть у Ван Гога картина — бильярдная ночью... Та же inferнальность полуночного свечения основных цветов простейшего спектра сейчас в кухне.

Над желтой клеенкой на кухонном столе — всякая лампа под ярко-зеленым стеклянным абажуром. На игроках, Стэнли, Митче, Стиве и Пабло, разноцветные рубашки: густо-вишневая, пунцовая, белая в красную клетку, светло-зеленая; и сами они — мужчины в самом соку. И магёрая мужественность их так же груба и непреложна, как основные цвета спектра.

На столе яркие ломти арбуза, бутылки из-под виски, стаканы. Спальня освещена довольно тускло, в два цвета — от лампы над кухонным столом, сквозь портьеру, и с улицы.

Пока сдаются карты, игроки хранят молчание.

Стив. Так что открылось?

Пабло. Пара валетов.

Стив. Прикупаю две.

Пабло. Тебе, Митч?..

Митч. Вышел.

Пабло. Одну — себе.

Митч. Виски... есть еще охотники?

Стэнли. Я.

Пабло. А не дойти ли взять на всех китайского рагу?

Стэнли. Я проигрываю, а у тебя разыгрался аппетит.

Никто больше не набавляет? Откроемся? Открылись. Сдвинь-ка зад со стола, Митч, расселся! Раз игра, на столе должны быть только карты, монета и виски. (Его качнуло. Широким жестом смахнул со стола на пол арбузные корки.)

Митч. Что, уже повело?

Стэнли. Кому сколько?

Стив. Мне три.

Стэнли. Я — одну.

Митч. Опять вышел. Домой пора собираться.

Стэнли. Да заткнись ты.

Митч. Мама больна. И не будет спать всю ночь, пока не дождется меня.

Стэнли. Ну и сидел бы при ней дома.

Митч. Да это она... велит бывать на людях. Вот и ходишь. А что радости? Все думаю, как она там сейчас.

Стэнли. Ох, да катись ты, Христа ради.

Пабло. Что у тебя?

Стив. Флеш. Пики.

Митч. У вас у всех жены. А я... вот не станет ее—останусь один как перст... Я—в ванную.

Стэнли. Возвращайся скорей, титьку дадим.

Митч. А пошел ты... *(Уходит в ванную.)*

Стив *(сдает)*. Семь на развод. *(Сдавляя, заводит очередную побасенку.)* Сидит раз старик негр у себя на дворе; сидит, бросает цыплятам пригоршни кукурузных зерен... как вдруг—отчаянное кудахтанье, и из-за дома, сломя голову, молоденькая курочка; а за ней по пятам—петух; догнал, вскочил на нее...

Стэнли *(нетерпеливо)*. Да сдавай же!

Стив. ...но только приметил корм, тут же отпускает ее с миром и давай клевать зерно. А негр посмотрел и говорит: «Не дай бог самому так оголодать когда-нибудь!»

Стив и Пабло хохочут. На улице из-за угла показались сестры.

Стелла. А игре и конца не видно.

Бланш. Как я сейчас?

Стелла. Очень хороша, Бланш.

Бланш. Жарко, просто сил нет. Подожди, не открывай... сначала попудриться. Очень у меня умученный вид?

Стелла. Да нет. Свежа, как маргаритка.

Бланш. Которую несколько дней как сорвали.

Стелла открывает дверь, входят.

Стелла. Так-так-так... а вы, друзья, как я погляжу, и не думаете кончать.

Стэнли. Откуда вы?

Стелла. Были с Бланш на ревю. Бланш, это мистер Гонзалес и мистер Хаббел.

Бланш. Пожалуйста, не вставайте.

Стэнли. А никто и не собирается, можете не беспокоиться.

Стелла. И долго еще вы будете играть?

Стэнли. Пока не кончим.

Бланш. Да, покер так захватывает. Можно подсесть к кому-нибудь?

Стэнли. Нельзя. Может, к Юнис поднялись бы?

Стелла. Что ты—половина третьего!

Бланш ушла в спальню и полузадернула портьеру.

Ну, что вам стоит, подсчитайтесь после следующей сдачи, а?..

Скрипнул стул. Стэнли звонко шлепает Стеллу по заду.

(Резко.) Не смешно, Стэнли.

Мужчины смеются.

(Уходит в спальню.) Как меня бесят эти его выходки при посторонних.

Бланш. А приму-ка я ванну.

Стелла. Опять?

Бланш. Нервы. Что, занято?

Стелла. Не знаю.

Бланш стучит. Дверь открылась, вытирая полотенцем руки, выходит Митч.

Бланш. А-а... здравствуйте.

Митч. Здравствуйте. *(Смотрит на нее во все глаза.)*

Стелла. Бланш, это Хэрольд Митчелл. Моя сестра, Бланш Дюбуа.

Митч *(с неуклюжей галантностью)*. Мос почтение, мисс Дюбуа.

Стелла. Как здоровье мамы, Митч?

Митч. Да спасибо, в общем все то же. Благодарит вас за горчицу. Простите, пожалуйста. *(Медленно проходит в кухню, то и дело оглядываясь на Бланш и смущенно покашливая. Спыхватывается, что унес полотенце, и, растерянно посмеиваясь, отдает Стелле.)*

Бланш *(присматривается к нему с явным интересом)*. Этот как будто попримичнее.

Стелла. Пожалуй.

Бланш. Вид у него какой-то невеселый.

Стелла. У него больна мать.

Бланш. Женатый?

Стелла. Нет.

Бланш. Бабник?

Стелла. Ну что ты, Бланш!

Бланш смеется.

Где уж ему.

Бланш. А чем он занимается? *(Расстегивает блузку.)*

Стелла. Слесарь-инструментальщик, на том же заводе, что и Стэнли.

Бланш. Солидная должность?

Стелла. Да нет... Из всей их компании один только Стэнли пробьется.

Бланш. Почему ты решила?

Стелла. А ты посмотри на него.

Бланш. Смотрела.

Стелла. Тогда нечего спрашивать.

Бланш. Должна тебя огорчить, но печати гения я что-то не заметила и на челе у Стэнли. *(Снимает блузку и стоит в свете, проникающем сквозь портьеру, в розовом шелковом бюстгальтере и белой юбке.)*

Картежники продолжают игру, голоса их слышатся словно бы издали.

Стелла. При чем тут чело, гений?

Бланш. А как же тогда? Интересно.

Стелла. В нем—сила! Ты стоишь на самом свете,
Бланш.

Бланш. Ах, да... *(Выходит из желтой полосы света.)*

Стелла *(снимает платье, надевает легкое кимоно из синего атласа. По-девичьи звонко рассмеялась)*. А посмотрела бы ты, что у них за жены!

Бланш *(смеясь)*. Представляю себе. Дюжие бабищи, телеса...

Стелла. Знаешь эту, наверху? *(Смеется все громче.)* Как-то раз она... *(Смех.)* У нас штукатурка... *(новый взрыв смеха)* с потолка посыпалась...

Стэнли. Эй, насдки, хватит!

Стелла. Вам же не слышно.

Стэнли. Зато вам меня слышно... говорю—потихше!

Стелла. А я у себя дома: хочу—и разговариваю.

Бланш. Стелла, не лезь на рожон.

Стелла. Он выпил... Я сейчас. *(Уходит в ванную.)*

Бланш встает, медленно, словно нехотя, подходит к маленькому белому радиоприемнику, включила.

Стэнли. Митч? Твое слово...

Митч. Что? А... Да нет, пас.

Бланш снова вступает в полосу света. Подняла руки, зкинула за голову и, потягиваясь, лениво, небрежной походкой выходит к своему стулу. Из приемника—румба.

Митч встает.

Стэнли. Кто там включил?

Бланш. Я. А что?

Стэнли. Выключите.

Стив. Да пусть девочки послушают, а то им скучно.

Пабло. Жалко тебе? Ей-богу, хорошая музыка...

Стив. Похоже—Зевьер Кьюгет.

Стэнли вскакивает, метнулся к приемнику, выключил. Заметив сидящую на стуле Бланш, резко задерживается. Она выдерживает его взгляд, глазом не моргнув, и он снова садится за карты. Играющие тем временем заспорили.

Не помню, чтоб ты назначал столько.

Пабло. Сколько я объявлял, Митч?

Митч. Не слышал.

Пабло. Где же ты был?

Стэнли. Глазел за портьеру. *(Вскакивает, зло задернул занавеску.)* Придется пересдать. Да и вообще, играть так играть или по домам. Иному не сидится, когда выиграл — зуд в штанах. *(Садится.)*

Митч встает.

(Кричит.) Сиди!

Митч. Я в туалет. Сыграйте с болваном.

Пабло. Еще бы ему не зудело — семь пятерок зажад в кармане.

Стив. Завтра с утра наменяет на них двадцатипятицентовиков.

Стэнли. Да и скормит дома, по монетке, поросеночку, все в кубышку, которую маменька подарила к рождеству, — оно вернее. *(Сдавля карты.)* А! играй — не играй...

Митч смущенно смеется и проходит за портьеру. Остановился.

Бланш *(негромко)*. А детский уголок — занят...

Митч. Знаете, пиво...

Бланш. Терпеть не могу.

Митч. В жару — единственное спасенье.

Бланш. Не для меня. Я от пива только раскисаю. Найдется у вас сигарета? *(Накинула темно-красный атласный халатик.)*

Митч. Конечно.

Бланш. Что у вас?

Митч. «Лакки».

Бланш. Сойдет. Славный у вас портсигар. Серебряный?

Митч. Да. Прочтите, что на нем.

Бланш. О, есть и надпись! Не разберу...

Он зажигает спичку, подвинулся ближе.

У-у. *(Читает намеренно с запинкой.)*

...И если даст господь,

Сильней любить я стану... после смерти!

О... миссис Браунинг!.. из моего любимого сонета.

Митч. Вы знаете?

Бланш. Ну как же!

Митч. У надписи целая история.

Бланш. Совсем как в романе.

Митч. Не очень веселом.

Бланш. Вот как...

Митч. Да, теперь эта девушка уже умерла.

Бланш (*участливо*). О-о!..

Митч. Когда дарила, она уже знала, что не выживет. Очень странная была девушка, такая милая, очень!

Бланш. Любила вас, наверное. Больные так привязчивы, так глубоки и искренни в своих чувствах.

Митч. Да, верно. Очень.

Бланш. Мне кажется, в страдании люди искренней.

Митч. Конечно: искренность в людях от горя.

Бланш. Да она и осталась-то теперь только у тех, кто страдал.

Митч. Да, пожалуй.

Бланш. Так оно и есть. Покажите мне человека, и, если он не хлебнул горя, ручаюсь, он не... Послушайте! У меня что-то язык заплетается. А все из-за вас, мужчины. Представление кончилось в одиннадцать, а домой нельзя—игра!.. вот и пришлось нам завернуть выпить. Я не привыкла больше одной рюмки, две—уже крайность, а три!.. (*Смеется*.) Сегодня—три.

Стэнли. Митч!

Митч. Сыграйте без меня. Я разговариваю с мисс...

Бланш. Дюбуа.

Митч. Дюбуа?

Бланш. Французская фамилия. «Пришедшая из леса», а Бланш—«белая»: белые деревья. Весенний сад в цвету... По нему вы и запомните мое имя и фамилию.

Митч. Вы француженка?

Бланш. Выходцы из Франции. Первые Дюбуа, переселившиеся в Америку, были французами, гугенотами.

Митч. Вы со Стеллой—сестры?

Бланш. Да, Стелла—моя любимица, маленькая сестренка. Я говорю—маленькая, а она постарше. Чуть-чуть. Нет и года. Выполните одну просьбу?

Митч. Конечно. Какую?

Бланш. Я купила в китайской лавке на улице Бурбон бумажный фонарик. Прелестной расцветки. Прикрепите к лампочке. Вам не трудно?

Митч. Почту за счастье.

Бланш. Не выношу этих голых лампочек. Все равно что сальность или хамская выходка.

Митч (*прилаживая фонарь*). Боюсь, мы для вас неподходящая компания—грубый народ.

Бланш. А я легко приспосабливаюсь.

Митч. Прекрасное качество. Приехали погостить?

Бланш. Стелле нездоровится, вот и прискала ~~меня~~ долго, надо помочь. Она так похудела.

Митч. Вы не...

Бланш. Замужем? Нет, нет, нет. Старая дева—
учительница.

Митч. Ну, преподавать в школе вы, конечно, можете,
но какая же вы старая дева!

Бланш. Благодарю вас, сэр. Какая галантность!

Митч. Так вы учительница?

Бланш. Да. Увы, да...

Митч. В начальной или средней, или...

Стэнли *(во всю глотку)*. Митч!

Митч. Иду!

Бланш. Господи, ну и легкие!.. В средней школе. В
Лореле.

Митч. И чему вы учите? Что преподаете?

Бланш. А как по-вашему?

Митч. Держу пари, рисование или музыку.

Бланш смеется.

Ну да, не угадал, наверное. Тогда, может быть, арифметику...

Бланш. Ни в коем случае, сэр. Арифметику! *(Со смехом.)* Да я таблицу умножения, и ту так и не выучила. Нет, я имею несчастье преподавать английский. Пытаюсь внушить благоговение перед Готорном, Уитменом и По ораве голенастых девчонок и безалкогольно-лимонадных Ромео.

Митч. А у них, конечно, голова совсем не тем занята.

Бланш. Ну конечно же! Большинство их прожило бы отлично и без классического наследия. Но все-таки—миляги. И весной нельзя без волнения смотреть на их первые любовные переживания. Словно с них только все начинается, словно раньше никто и не знал...

Дверь из ванной открывается, выходит Стелла.

А, ты уже? Поймай, я включу радио. *(Поворачивает выключатель.)*

Из радиоприемника полилось: «О Вена, Вена, только ты...» Бланш вальсирует, у нее это—романтический танец. Митч в полном восхищении и, неуклюже подражая ей, подтанцовывает, как ученый медведь. Стэнли быстро ринулся сквозь портьеры в спальню. Бросился к прикроватному столику, срывает его со стола и с ревом и руганью швыряет в окно.

Стелла. Ты пьян! Упился, скотина! *(Вбегает в кухню.)* Вы все—по домам! Если в вас осталась еще хоть капля порядочности, вы...

Бланш *(в ужасе)*. Стелла, берегись, он...

Стэнли кинулся на Стеллу.

Мужчины *(не зная, что делать)*. Ну-ну, Стэнли. Полегче, брат. Давайте-ка мы...

Стелла. У тебя поднимается рука ударить меня, когда я... *(Отступая перед ним, исчезает.)*

Он — за ней, тоже скрывается.

Звук удара. Крик Стеллы. Бланш вскрикнула, выбегает в кухню. Мужчины бросаются на помощь, слышна борьба, проклятья. Что-то с грохотом полетело на пол.

Бланш *(надрывно)*. Да она же беременна!

Митч. Кошмар...

Бланш. Изверг, просто взбесился!

Митч. Тащи его, ребята.

Двое мужчин скрутили Стэнли и волокут в спальню. Он рвется и чуть не сбросил их. Но тут же утихает и весь как-то обмяк в их руках. Они ласково уговаривают его, и он утыкается кому-то из них лицом в плечо.

Стелла *(за сценой, не своим голосом)*. Не хочу здесь оставаться! Не хочу! Уйду!

Митч. Нельзя играть в покер, если в доме женщины.

Бланш *(выбегает в спальню)*. Платье Стеллы! Мы идем к той, наверху.

Митч. А где оно?

Бланш *(открывает стеной шкаф)*. Вот. *(Выбегает к сестре.)* Стелла, любимая! Сестренка, родная, не бойся. *(Обняв Стеллу, ведет ее за дверь и вверх по лестнице.)*

Стэнли *(ничего не сообщая)*. В чем дело? Что тут было?

Митч. Ну и дал ты жизни, Стэн.

Пабло. Да он уже молодец.

Стив. Наш парнишка всегда молодец!

Митч. На кровать его и мокрое полотенце на голову.

Пабло. Кофе бы ему — все как рукой снимет.

Стэнли *(хрипло)*. Воды...

Митч. Суньте-ка его под кран.

Мужчины, негромко уговаривая, ведут Стэнли в ванную.

Стэнли. Пусти! Пошли вы все, сукины вы дети!

Из ванной звуки ударов, слышно, как под большим напором ударила вода из крана.

Стив. А ну-ка, сматываемся поскорее!

Все устремляются к карточному столу, на ходу захватывают и рассовывают по карманам каждый свой выигрыш.

Митч *(печально, но твердо)*. Нет, не играют в покер в доме, где женщины.

Дверь за ними закрылась, дом опустел и затих. Черные музыканты в баре за углом начинают играть «Бумажную куклу», протяжно, с надрывом.

Стэнли (показался из ванной — еще не обсох, в одних только мокрых, тесно облегающих, ярких, в белый горошек, плавках). Стелла! (Пауза.) Ушла моя куколка, бросила! (Заливается слезами. Весь сотрясаясь от рыданий, подходит к телефону, набирает номер.) Юнис? Дайте мою маленькую! (Ждет, кладет трубку и снова набирает номер.) Юнис!.. Не отстану, пока не поговорю с моей крошкой!

В трубке слышен визг, в котором не разберешь ни слова. Он шаркнул аппарат об пол.

Под диссонирующие звуки пианино и медных инструментов комната погружается в темноту, и в ночном уличном свете вырисовываются внешние очертания дома.

Чуть приотстав, звучит блюз.

(Полуодетый, спотыкаясь, выбирается на крыльцо, спускается по деревянным ступенькам на мостовую перед домом. Запрокинул, как воющая собака, голову и ревет.) Стелла! Стелла! Ненаглядная моя Стелла! Стелла-а-а-а!

Юнис (появляясь наверху в дверях своей квартиры). Прекратите вой и быстро в постель!

Стэнли. Я хочу, пусть моя малютка спустится. Стелла! Стелла!

Юнис. Не придет, и нечего голосить. Вот накличете полицию!

Стэнли. Стелла!

Юнис. Сначала бьет, а потом — вернись? А она еще ждет от него ребенка! Ах ты, паскуда! Отродье ты польское! Хорошо б тебя сволокли за шиворот куда следует да поставили под брандспойт, как прошлый раз!

Стэнли (смиренно). Юнис, отдайте мне мою девочку, пусть вернется!

Юнис. Тьфу! (Захлопывает дверь.)

Стэнли (с душераздирающим отчаяньем). Стелла-а-а-а-а-а!

Негромко, со стоном вторит кларнет.

Снова открылась дверь наверху. Стелла сбегает по расшатанной лестнице. На глазах у нее еще блестят слезы, волосы распущены по плечам. Смотрят друг на друга. И вот с низким животным стоном сходятся вплотную. Он рухнул на колени, прижимается к ее уже заметно округлившемуся животу. Сладкие слезы застилают ей глаза, когда она, обхватив голову Стэнли, поднимает его с колен. Он распахнул входную дверь, берет Стеллу на руки и уносит в темную квартиру.

Бланш (в халатике, показалась на площадке верхнего этажа, боязливо спускается по ступенькам). Где тут моя сестренка? Стелла... Стелла! (Задержалась на пороге, у зияющего тьмой кромеиной входа в квартиру сестры. И, пораженная, так, что дух захватило, опрометью кинулась вниз, выбегает на тротуар перед домом. Вгля-

двигается в одну сторону, в другую, словно не зная, куда кинуться, где искать приюта, защиты.)

Музыка стихает.

Митч (*появляется из-за угла*). Мисс Дюбуа?

Бланш. Да...

Митч. Ну что — на Потوماке все спокойно?

Бланш. Она сбежала к нему... они там... вместе!

Митч. Конечно, сбежала, еще бы!

Бланш. Я просто в ужасе.

Митч. Хо-хо! Было бы с чего! Да их водой не разольешь.

Бланш. Я не привыкла к подобным...

Митч. Да, просто срам, надо же было такому стрястись именно при вас! Но не принимайте близко к сердцу.

Бланш. Какая дикость! Это...

Митч. Присядьте-ка на ступеньку, выкурим по сигарете.

Бланш. Но я не так одета, чтобы...

Митч. У нас в квартале на это не смотрят.

Бланш. Какой чудесный портсигар...

Митч. Я показывал вам надпись?

Бланш. Да. (*Глядит на небо. Помолчал.*) До чего же все в этой жизни перепутано...

Он неуверенно покашливает.

Спасибо вам — вы добрый. А мне сейчас... так нужна доброта.

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Раннее утро. В уличной многоголосице слышны что-то сродни церковному хоралу.

Стелла в спальне, еще не вставила, лежит, нежась на солнышке. Лицо у нее просветленное, ясно. Одна рука покоится на округлившемся животе, из другой свисает буклет цветных комиксов. Глаза и губы недвижны, вялы, как у наркоманки или на лицах восточных идолов. На столе — словно злев: остатки завтрака, следы прошедшей ночи. На пороге ванной валяется пестрая пижама Стеллы. В чуть приоткрытую входную дверь сияет летнее небо.

На пороге — Бланш. Бессонная ночь не прошла даром, и вид у нее совсем не тот, что у Стеллы. Нервно прижимает к губам костяшки пальцев; заглянула, осматривается, прежде чем войти.

Бланш. Стелла.

Стелла (*лениво повернувшись*). М-м-м-м?

Бланш (*сдавленно вскрикнув, метнулась в спальню и в порыве исступленной нежности падает на колени у кровати сестры*). Маленькая моя, сестренка!

Стелла (*отстраняясь*). Что с тобой, Бланш?

Бланш (*медленно поднимается и стоит возле кровати, крепко прижимая костяшки пальцев к губам и не спуская глаз с сестры*). Ушел?

Стелла. Стэн?.. Да.

Бланш. Но вернется?

Стелла. Да он только получить машину из мастерской. А в чем дело?

Бланш. В чем дело! Да я просто голову потеряла, когда убедилась, что с тебя станет—от большого ума!—вернуться после всего случившегося к нему. Я кинулась было за тобой...

Стелла. Хорошо, что не кинулась.

Бланш. О чем ты думала!

Стелла пожимает плечамп.

Ну! О чем? О чем?

Стелла. Ну, полно, Бланш. Сядь и прекрати эти вопли.

Бланш. Хорошо, Стелла. Спрашиваю без воплей. Как же можно было тут же и вернуться к нему?.. Да еще и спала с ним, конечно!

Стелла (*встает с постели, спокойная, ленивая*). Я забыла, какая ты у нас экзальтированная—чуть что... Но есть из-за чего поднимать такой крик!

Бланш. Не из-за чего?

Стелла. Да, не из-за чего, Бланш. Я понимаю твои чувства, твоё возмущение и ужасно огорчена, что так вышло, но все совсем не так страшно, как тебе мерещится. Во-первых, когда мужчины пьют и играют в покер, добром вообще редко кончается. Это всегда пороховая бочка. Да он себя не помнил!.. А когда я вернулась, стал тише воды, ниже травы, и сейчас ему действительно очень стыдно.

Бланш. И, стало быть, все прекрасно?

Стелла. Да нет. Ничего нет прекрасного в таких дебошах, но ведь в жизни—чего не бывает... Стэни всегда устраивает разгром. Да вот... в нашу первую брачную ночь... только мы прибыли сюда, схватил мою туфлю и давай бить ею лампочки.

Бланш. Что-о-о?

Стелла. Переколотил каблуком моей туфли все лампочки в квартире! (*Смеется.*)

Бланш. И ты стояла и смотрела? Не убежала от него тут же, не закричала?

Стелла. Да мне... ну, скорее, было даже весело. (*Помолчив.*) Вы с Юнис завтракали?

Бланш. До завтрака мне было!

Стелла. Кофе — на плите.

Бланш. Ты принимаешь все это как само собой разумеющееся.

Стелла. А почему бы и нет? Приемник сдан в ремонт. Он не на мостовую упал, одна лампа разбита — только и всего.

Бланш. И ты еще улыбаешься!

Стелла. А чего ты от меня хочешь?

Бланш. Имей мужество взглянуть правде в глаза.

Стелла. В чем же она, твоя правда?

Бланш. Моя? Ты вышла замуж за сумасшедшего!

Стелла. Нет.

Бланш. Да! Ты в омуте еще поглубже моего. Только ты закрываешь на это глаза. А я не стану сидеть сложа руки. Я еще соберусь с силами и начну новую жизнь!

Стелла. Да?

Бланш. А ты со всем примирилась. И это никуда не годится. Ведь ты же еще молода. Ты еще можешь выкарабкаться.

Стелла *(медленно и с ударением)*. Нет нужды.

Бланш *(не веря ушам своим)*. То есть как, Стелла?

Стелла. Я говорю: незачем мне выкарабкиваться, мне и так неплохо. Посмотри на эту конюшню в комнате. На пустые бутылки. Они распили вчера два ящика пива! Сегодня утром он обещал не затевать больше дома игры в покер, но кто не знает, чего стоят такие зарюки. Ну и что же, раз для него это такое же развлечение, как для меня кино и бридж. Так что, убеждена — все мы нуждаемся в снисходительности.

Бланш. Я не понимаю тебя.

Стелла поворачивается к ней.

Не понимаю твоей апатии. Что за китайскую философию ты исповедуешь?

Стелла. Что?

Бланш. А все эти отговорки, этот твой лепет... «всего одна лампа... пивные бутылки... конюшня на кухне...» — как будто все так и надо.

Стелла неуверенно смеется и, подняв веник, вертит его в руках.

Ты что, нарочно трясешь его мне в лицо?

Стелла. Нет.

Бланш. Перестань. Оставь веник в покос. Я не хочу, чтобы ты прибирала за ним!

Стелла. А кто же приберет? Ты?

Бланш. Я? Я?!

Стелла. Нет, конечно. Я и не говорю.

Бланш. Постой, сейчас мы пораскинем умом... если

только я еще что-то соображаю... Нам с тобой надо раздобыть денег, вот он — выход!

Стелла. Что ж, деньги, конечно, никогда не помешают.

Бланш. Слушай. У меня мысль. *(Дрожащей рукой вставляет сигарету в мундштук.)* Помнишь Шепа Хантли?

Стелла отрицательно качает головой.

Ну, как не помнишь! Шепа Хантли! Я с ним училась в колледже, мы всюду бывали вместе... считали, что он за мной ухаживает. Ну, так вот...

Стелла. Да?

Бланш. Зимой мы с ним встретились. Ты знаешь, ведь на рождественские каникулы я ездила в Майами.

Стелла. Нет, не знала.

Бланш. Ездила. Я решила, что, тратясь на эту поездку, пускаю средства в оборот и что предприятие мое тут же окупит себя — должна же я встретить там хоть кого-нибудь с миллионом долларов!

Стелла. И встретила?

Бланш. Да. Шепа Хантли. Я видела его на Бискайском бульваре в сочельник, в сумерки... он сиделся в машину — «кадиллак» с откидным верхом, в целый квартал длиной...

Стелла. В городе такой и не развернешь, пожалуй.

Бланш. Ты слышала о нефтяных скважинах?

Стелла. Да... вроде есть такие.

Бланш. У него нефтяные скважины по всему Техасу. Техас буквально льет золото ему в карман.

Стелла. Ну и ну...

Бланш. Ты знаешь, как я равнодушна к деньгам. Сами по себе они меня не интересуют — лишь постольку-поскольку... Но он мог бы... да ему ничего не стоит!..

Стелла. Что именно, Бланш?

Бланш. Ну, открыть для нас с тобой дело... оборудовать магазинчик, что ли.

Стелла. Какой еще магазинчик!

Бланш. Ну, какой... а не все равно? Да ему это не будет стоить и половины тех денег, которые его жена просаживает на скачках.

Стелла. Так у него жена?

Бланш. Милая моя, да разве я очутилась бы здесь, не будь этот парень женат?

Стелла смеется.

(Вскочила, подбегает к телефону. В трубку, резко.) Телефонистка! Дайте телеграф.

Стелла. Здесь автоматическая линия, милая.

Бланш. Я не знаю, как набрать, я...

Стелла. Набирай «Д».

Бланш. «Д»?

Стелла. Да—дежурный.

Бланш (*поразмыслив с минутку, кладет трубку*).
Дай карандаш. Где бумага? Лучше сначала написать...
отправим письмо. (*Подходит к туалетному столику,
отрывает листок из книжечки косметических салфеток,
взяла карандаш для бровей—вот она и во всеоружии.*)
Так, дай только соберусь с мыслями... (*Кусает карандаш.*)
«Дорогой Шеп. Мы с сестрой в отчаянном положении».

Стелла. Ну уж извини!

Бланш. «...Мы с сестрой в отчаянном положении.
Подробности—потом. Что бы вы сказали, если...» (*Бросила
карандаш на стол, встает.*) Нет, попросишь так, в
простоте—ничего не выйдет.

Стелла (*со смехом*). Какая ты смешная, милая.

Бланш. Ну, еще придумаю, надо придумать что-
нибудь во что бы то ни стало. Только не смейся, Стелла!
Пожалуйста, прошу тебя... да ты взгляни, что у меня в
кошечке! Вон сколько! (*Раскрывает кошелек.*) Шестьдесять
пять центов звонкой монетой!

Стелла (*подходит к бюро*). Стэнли не выдает мне на
хозяйство. любит оплачивать счета сам, но сегодня дал
десять долларов—задабривает. Бери пять, остальные—
мой.

Бланш. Нет, нет, Стелла. Не надо.

Стелла (*настаивая*). Я знаю, как поднимает дух,
когда в кармане есть кое-что на расходы.

Бланш. Нет, нет, спасибо, но я—скорее уж на
панель!

Стелла. Что за чушь! Но как же ты очутилась на
такой мели?

Бланш. Да деньги как-то не держатся... то на одно,
то на другое. (*Потирая лоб.*) Нужно будет, пожалуй,
сегодня же приняться за бром...

Стелла. Сейчас приготовлю.

Бланш. Попозже. Сейчас мне надо подумать.

Стелла. Послушай меня и предоставь событиям идти
своей чередой... Хотя бы недолго.

Бланш. Но, Стелла, не могу же я оставаться с ним
под одной крышей. Ты можешь—муж. А я... после
нынешней ночи. Защищенная только этой вот занавеской!

Стелла. Бланш, он показал себя вчера в самом
невыгодном свете.

Бланш. Напротив. Во всей красе!!! Таким, как он,

нечем похвалиться перед людьми, кроме грубой силы, и он раздоказал это всем на удивление! Но, чтобы ужиться с таким человеком, надо спать с ним—только так! А это—твоя забота, не моя.

Стелла. Ничего, отдохнешь, сама увидишь—все обрзуется. Пока ты у нас, у тебя ни забот, ни хлопот—живи себе на всем готовом.

Бланш. Нет, надо придумать, как нам с тобой выкарабкаться.

Стелла. Ты все еще убеждена, что дело мое дрянь и я хочу выкарабкаться?

Бланш. Я убеждена, что ты еще не настолько забыла «Мечту», чтобы тебе не были постылы этот дом, эти игроки в покер...

Стелла. А не слишком ли во многом ты убеждена?

Бланш. Неужели ты всерьез?.. Да нет, не верю.

Стелла. Вот как?

Бланш. Я понимаю отчасти, как было дело. Он был в форме, офицер, и встретились вы не здесь, а...

Стелла. А какая разница, где я его увидела—что это меняет?

Бланш. Только не пой мне про необъяснимые магнетические токи, внезапно пробегающие между людьми. А то я рассмеюсь тебе прямо в лицо.

Стелла. А я вообще не хочу больше об этом.

Бланш. Что ж, не будем.

Стелла. Но есть у мужчины с женщиной свои тайны, тайны двоих в темноте, и после все остальное не столь уж важно.

Молчанье.

Бланш. Это называется грубой похотью... да, да, именно: «Желание»!—название того самого дребезжащего трамвая, громыхающего в вашем квартале с одной тесной улочки на другую...

Стелла. Будто бы тебе самой так ни разу и не случилось прокатиться в этом трамвае!

Бланш. Он-то и завез меня сюда... Где я—незванная гостья, где оставаться—позор.

Стелла. Но тогда ведь этот твой тон превосходства, пожалуй, не совсем уместен, ты не находишь?

Бланш. Нет, Стелла, я не заношусь и не считаю себя лучше других. Можешь мне верить. Но вот как я представляю себе: да, с такими сходятся—на день, на два, на три... пока дьявол сидит в тебе. Но жить с таким! Иметь от него ребенка!..

Стелла. Я тебе уже говорила, что люблю его.

Бланш. Тогда я просто трепещу. Мне страшно за тебя.

Стелла. Что поделаешь — трепещи, раз ты так уперлась на своем.

Молчание.

Бланш. С тобой можно говорить... по душам?

Стелла. Да говори, пожалуйста, кто тебе мешает? Можешь не стесняться.

Грохот приближающегося поезда. Обе умолкли, переживая, пока стихнет шум. Женщины все время остаются в спальне.

Неслышимый за шумом поезда, с улицы вошел Стэнли. В руках у него несколько пакетов. Не замечасмый женщинами, стоит, прислушиваясь к разговору. На нем нижняя рубашка и перепачканные машинным маслом брюки.

Бланш. Так вот, с позволения сказать,— он пулыгарен!

Стелла. Ну и что ж... допустим.

Бланш. Допустим! Неужто ты забыла все, чему тебя учили, на чем мы воспитаны? Или ты не видишь, что в нем нет и проблеска благородства? О если б он был всего лишь простым! Совсем немудрящим, но добрым, цельным,— так нет же! Есть в нем это хамство— что-то откровенно скотское... Ты ненавидишь меня за эти слова?

Стелла (холодно). Ничего, не смущайся — выскажись до конца.

Бланш. Ведет себя как скотина, а повадки — зверя! Ест как животное, ходит как животное, изъясняется как животное! Есть в нем даже что-то еще недочеловеческое — существо, еще не достигшее той ступени, на которой стоит современный человек. Да, человек-обезьяна, вроде тех, что я видела на картинках на лекциях по антропологии. Тысячи и тысячи лет прошли мимо него, и вот он, Стэнли Ковальский — живая реликвия каменного века! Приносит домой сырое мясо после того, как убивал в джунглях. А ты — здесь, поджидаешь: прибьет?.. а вдруг — хрюкнет и поцелует! Если, конечно, поцелуй уже были известны в ту пору. И вот наступает ночь, собираются обезьяны! Перед этой вот пещерой... и все, как он, хрюкают, жадно лакают воду, гложут кости, неуклюжие, не посторонись — задавят. «Вечерок за покером»... называешь ты это игрище обезьян! Одна зарычит, другая схватила что под руку подвернулось — и вот уже сцепились. Господи! Да, как далеко нам до того, чтобы считать себя созданными по образу и подобию божью... Стелла, сестра моя!.. Ведь был же с тех пор все-таки хоть какой-то прогресс! Ведь с такими чудесами, как искусство, поэзия, музыка, пришел же в мир какой-то новый свет. Ведь зародились же в ком-то более высокие чувства! И наш долг — растить их. Не поступаться ими, нести их

как знамя в нашем походе сквозь тьму, чем бы он ни закончился, куда бы ни завел нас... Так не предайся же зверю, не живи по-звериному!

Проходит еще один поезд. Стэнли в перешитости облизывает губы. Затем повернулся и бесшумно выходит. Женщины так и не заметили его. Когда поезд стихает вдали, кричит за дверью: «Эй! Эй! Стелла!»

Стелла *(до сих пор онимательно слушала Бланш)*.
Стэнли!

Бланш. Стелла, я...

Но ты уже у входной двери

Стэнли *(как ни в чем не бывало, входит со своими покупками)*. Привет, Стелла, а Бланш уже вернулась?

Стелла. Дома, дома.

Стэнли. Привет, Бланш. *(Ухмыляется ей.)*

Стелла. Ты что, полазил под машиной?

Стэнли. Да эти портачи, механики у Фрица, ничего не смыслят—им что задница, что... Эй!

Стелла крепко обняла его обими руками, прильнула—прямо на виду у Бланш, не стесняясь. Он смеется, прижимает Стеллу к себе. Поверх ее головы ухмыляется стоящая в спальне, у портьера, Бланш.

Сцена темнеет, остаются лишь две ярко освещенные застывшие в крепком объятии фигуры
Вступают пианино, труба, ударные.

КАРТИНА ПЯТАЯ

В спальне. Бланш сидит, обмахиваясь пальмовым листом и пересчитывая только что законченное письмо. Стелла кончает одеваться. Бланш звонко рассмеялась.

Стелла. Чему ты, дорогая?

Бланш. Над собой, сама над собой,—ну и вру же! Письмо Шепу. *(Берет письмо.)* «Дорогой Шеп. Я провожу лето в полете, лишь изредка приземляясь то у одних, то у других—мимолетная гостья! И кто знает, а вдруг мне придет в голову спикировать на Даллас! Что вы на это скажете?» Ха-ха! *(Нервный смех ее звонок и заразителен, унимая его, прикоснулась рукой к горлу и—словно разговаривая с Шепом.)* «Как говорится: насторожили—вооружили»... Как думашь—звучит?

Стелла. У-гу...

Бланш *(продолжает, нервно)*. «Друзья моей сестры почти все уезжают на лето на север, у других—виллы на берегу Залива, и здесь сейчас дым коромыслом—чан, коктейли, лэнчи...»

Наверху начинается нечто невообразимое.

Стелла (*подходя к двери*). Кажется, Юнис со Стивом выясняют отношения.

Слышев яростный виз Юнис.

Голос Юнис. Слышала я про вас с этой блондиночкой!

Голос Стива. Подлейшее вранье!

Голос Юнис. Кому ты очки втираешь? Мне бы наплевать, околачивайся себе в «Четырех двойках», в самом баре, сколько хочешь, но ты всегда еще и наверх лезешь.

Голос Стива. А кто видел?

Голос Юнис. Я! Сама видела... Видела, как ты гонялся за ней по галерее... Я обращусь в полицию нравов.

Голос Стива. Не толкайся, ты!..

Голос Юнис. Ах, ты драться!.. Сейчас же иду за полицией.

Слышно, как что-то из алюминиевой утвари угодило в стену, в ответ — яростный мужской рев, вопли, грохот опрокинутой мебели, что-то ломается, и наступает затишье.

Бланш (*весело*). Он ее прикончил?

Юнис, вся растрепанная, появилась на лестнице.

Стелла. Да нет, вон она.

Юнис. Полиция! Я за полицией! (*Вихрем промчалась и скрылась за углом дома.*)

Стелла (*возвращаясь от двери*). ...А кое-кто из друзей твоей сестры проводит лето в городе.

Обе весело смеются. Стэнли, в зеленой с красным шелковой рубашке для игры в кегли, появился из-за угла. Взбегает по лестнице, входит.

Бланш нервно вздрагивает при его появлении.

Стэнли. Что с Юнис?

Стелла. Не поладила со Стивом. Зовет полицию?

Стэнли. Нет. Отпивается в баре.

Стелла. Что ж, гораздо разумней.

Стив (*спускается по лестнице, потирая ссадину на лбу, заглянул в дверь*). У вас она?

Стэнли. Нет, нет. В «Четырех двойках».

Стив. У, сука рваная! (*С опаской выглянул за угол и с утрированной беспечностью парня — знай наших! — пускается за женой.*)

Бланш. Нет, это надо записать! Ха-ха! Я завела записную книжку — специально для самых сочных словечек, которых наберусь у вас.

Стэнли. Не наберетесь вы у нас ничего для себя нового.

Бланш. Вы ручаетесь?

Стэнли. На все пятьсот.

Бланш. О, это уже серьезно.

Стэнли рванул выдвижной ящик шифоньерки и тут же с шумом задвигает, швырнул ботинки в угол.

(При каждом стуке чуть вздрагивает. Наконец не выдерживает.) Под каким знаком вы родились?

Стэнли *(одеваясь)*. Знаком?

Бланш. Знаком зодиака. Держу пари, под знаком Овна. Люди Овна сильны и порывисты. Их хлебом не корми, только дай пошуметь. Обожают все крушить у себя на пути. В армии-то вы уж, верно, покуражились вволю, а вышли в запас — только и отведешь душу что на неодушевленных предметах!

Стелла *(в продолжение всей этой сцены роется в стенном шкафу. Поднимает голову)*. Стэнли родился ровно через пять минут после рождества.

Бланш. Caricogn — Козерог!

Стэнли. А вы сами?

Бланш. О мой день рождения через месяц, пятнадцатого сентября — стало быть, Virgo.

Стэнли. Что еще за Virgo?

Бланш. Дева.

Стэнли *(пренебрежительно)*. Х-ха! *(Завязывая галстук, чуть подавшись к ней.)* Скажите, пожалуйста, а не знаком ли вам случаем кто-нибудь по фамилии Шоу?

Бланш *(в лице у нее что-то дрогнуло. Потянулась за одеколоном; не спеша, смачивает платок. Вся насторожилась)*. Ну... кто ж не знает кого-нибудь по фамилии Шоу!

Стэнли. Да, но этот кто-нибудь по фамилии Шоу не может отделаться от впечатления, что знал вас в Лореле... Впрочем, скорей всего, он что-то спугал и принимает вас за кого-то другого, потому что с той дамочкой он познакомился в отеле «Фламинго».

Бланш *(смеется, но ей не хватает воздуха. Прикладывает платок к вискам)*. Боюсь, он и правда спугал меня с «той дамочкой» — отель «Фламинго» не из тех заведений, где я рискнула бы показаться.

Стэнли. Но местечко-то вам все-таки известно...

Бланш. Да, по внешнему виду, по запаху.

Стэнли. Близко же вам, поди, случалось подходить — и по запаху ведь!

Бланш. Да, дешевые духи далеко услышишь.

Стэнли. А у вас-то они — дорогие?

Бланш. Двадцать пять долларов унция. И почти уже вышли. Учтите, если придет охота сделать подарок ко

дню рождения. *(Говорит весело, но в голосе проскальзывает страх.)*

Стэнли. Да, Шоу, наверное, спутал. Но он бывает в Лореле постоянно, так что проверить и установить ошибку проще простого. *(Поворачивается и идет к портьеру.)*

Бланш в изнеможении закрывает глаза, словно вот-вот потеряет сознание. Снова подносит платок ко лбу, рука дрожит. Из-за угла дома появились Стив и Юнис. Стив обнимает ее за плечи, она всхлипывает, он воркует какой-то любовный вздор. Крепко обнявшись, медленно поднимаются по лестнице. Первые раскаты далекого грома.

(Стелле.) Жду в «Четырех двойках».

Стелла. Эй! Разве я не заслужила поцелуя?

Стэнли. Не при сестрице же Бланш! *(Ушел.)*

Бланш *(поднялась со стула, еле держится на ногах. Затравленно озирается вокруг)*. Стелла, что ты слышала обо мне?

Стелла. А?

Бланш. Что тебе наговорили на меня?

Стелла. Наговорили?

Бланш. Ты ничего про меня не слышала... никаких сплетен, пересудов?

Стелла. Да нет, Бланш, ну что ты!

Бланш. Милая, в Лореле только и было разговоров.

Стелла. О тебе, Бланш?

Бланш. Все эти два года я жила не так, чтобы очень уж добродетельно... с тех пор как «Мечту» уже было не удержать.

Стелла. Ну, кому не случается...

Бланш. Ведь ни твердости, ни особой самостоятельности за мной никогда не водилось. А слабым приходится искать расположения сильных, Стелла. Их дело — манить к себе, влечь, и расцветка им нужна нежная, как пыльца на крылышках у бабочек, она должна привораживать... если больше нечем приворожить... на ночь приюта. Вот я и была не так уж добродетельна последнее время. Я искала приюта, Стелла. То под одной крышей, которая не умела хранить секретов, то — под другой... бушевала буря, все время ненастье, и меня закружило в этом вихре. Разве с этим кто-нибудь посчитался?... Мужчины?... Да им, пока не влюблялись в меня, и невдомек было: есть я — нет... А поди попробуй найти поддержку, если не обратишь на себя внимания, не будешь приметен. Вот слабым и остается — мерцать и светиться... вот и набрасываешь бумажный фонарик на электрическую лампочку. Мне страшно, так страшно! Уж и не знаю теперь — долго ли меня еще хватит на всю эту канитель... Теперь на одной

беззащитности уже не продержишься: слабость—слабостью, а красота—красотой. А я уже не та.

Начинает смеркаться. Стелла вышла в спальню, зажигает лампу под бумажным фонарем. В руке у нее бутылка прохладительного.

Ты не слушала?

Стелла. Стану я слушать эту галиматью. *(Подходит к Бланш.)*

Бланш *(вдруг сразу повеселев)*. Лимонад — мне?

Стелла. Кому же еще!

Бланш. Что ты за прелесть! Просто лимонад?

Стелла *(с готовностью)*. А по-твоему, не мешало бы добавить виски?

Бланш. Да, милая, виски не повредит. Дай я сама. Не хватало, чтобы ты еще прислуживала мне.

Стелла. А мне нравится. Совсем как дома. *(Идет на кухню, взяла стакан и наливает виски.)*

Бланш. Должна признаться, люблю, когда прислуживают... *(И вдруг срывается с места, бежит в спальню, за сестрой.)*

Стелла идет навстречу со стаканом в руке. Бланш хватается свободную руку Стеллы, со стоном припала губами. Стелла растеряна.

(Взволнованно.) Ты... ты так добра ко мне! А я...

Стелла. Бланш!

Бланш. Да, да, не буду. Тебе претит эта чувствительность, знаю, знаю. Но, верь мне, я так благодарна, гораздо больше, чем могу высказать. Я не застряну у вас надолго! Не задержусь, обещаю...

Стелла. Бланш!

Бланш *(истерически)*. Я не задержусь, обещаю тебе, я уеду! Уже скоро! Сама увидишь—уеду. Я не стану висеть у вас на шее и ждать, пока он выгонит меня!

Стелла. Перестань, что за вздор!

Бланш. Хорошо, милая... Смотри, как ты наливаешь. Пена пошла через край! *(Отрывисто смеется и берет стакан, но рука так дрожит, что чуть не выронила.)*

Стелла доливает, пена идет через край, часть лимонада проливается. Бланш громко вскрикивает.

Стелла *(испугана ее криком)*. Господи!

Бланш. Прямо на парадную белую юбку!

Стелла. О... Платком! На мой. Три хорошенько.

Бланш *(медленно приходит в себя)*. Да, да... Хорошенько... хорошенько.

Стелла. Пятно?

Бланш. Ничего не осталось. Ха-ха! Ну, не везет ли мне, а? *(Села, пьет, держа стакан обеими руками, тихонько смеется.)*

Стелла. Что ты так закричала?

Бланш. Сама не знаю. *(Нервно.)* Митч... да, он придет в семь. Не знаю, что у нас с ним выйдет. *(Быстро, сбивчиво.)* Он пока еще ничего не добился: поцелуй с пожеланием доброй ночи— вот и все, Стелла. Я хочу, чтобы он уважал меня. А мужчины знать не хотят того, что даром дается в руки. Но ведь и запала-то у мужчин тоже хватает ненадолго. Особенно если женщине за тридцать. Они считают, что женщина за тридцать, вульгарно выражаясь,— «отпрыгалась». Ну а я еще не «отпрыгалась». Конечно, он не знает...— не стану же я сама объявлять!—...сколько мне на самом деле.

Стелла. Что он тебе так дался, твой возраст?

Бланш. Потому что по моему женскому тщеславию били так беспощадно. Так пусть он думает, что я— сама чистота и неопытность, понимаешь? *(Смеется.)* Я хочу обмануть его настолько, чтобы заставить его добиваться меня...

Стелла. А он-то тебе нужен, Бланш?

Бланш. Мне нужен покой! Вздохнуть свободно— вот что мне нужно! Да, Митч мне нужен... До зарезу. Представляешь себе? Если сбудется! Я смогу уйти от вас, не быть больше никому в тягость...

Стэнли *(выходит из-за угла, за пояс заткнута бутылка. Кричит)*. Эй, Стив! Юнис! Эй, Стелла!

Радостные вопли сверху. За углом вступает труба и ударные.

Стелла *(целует сестру, с чувством)*. Сбудется!

Бланш *(недоверчиво)*. Ты думаешь?

Стелла. Сбудется. *(Идет к кухне, оглядывается на Блани.)* Сбудется, родная, сбудется. Только не пей больше. *(Голос ее затихает, она уже на крыльце, с мужем.)*

Бланш, со стаканом в руке, устало опустилась на стул. Юнис сбегает вниз по лестнице, что-то крича и смеясь. Стив с козлиным блянем скачет следом и догоняет ее на углу.

Стэнли и Стелла, рука об руку, смеясь, идут за ними. Сумерки сгущаются. Тихая, с надрывом, музыка из «Четырех двоек».

Бланш. О господи, господи... господи, боже ты мой... *(Глаза закрыты, рука роняет пальмовый лист. Ударила рукой по подлокотнику кресла и встает. Взяла ручное зеркало.)*

Над домом поблескивает молния.

Негритянка, пьяно покачиваясь и возбужденно хихикая, выбредает из-за угла: явно только что из «Четырех двоек», а с противоположной стороны навстречу ей— молодой человек. Негритянка целкует пальцами у него перед самым носом.

Негритянка. Эй! Красавчик! *(Заплетающимся языком несет какую-то околесицу.)*

Молодой человек решительно качнул головой и взбегает по лестнице. Звонок. Бланш отложила зеркало. Негритянка побрела дальше.

Бланш. Да-да!

Молодой человек показывается за портьерой.

Да-да, пожалуйста. Чем могу быть полезна?

Молодой человек. Я собираю подписку. На «Вечернюю звезду».

Бланш. Не знала, что на звезды существует подписка.

Молодой человек. Это газета.

Бланш. Да, понятно. Я пошутила. Впрочем, довольно нсудачно. Хотите выпить?

Молодой человек. Нет, мэм. Нет, благодарю вас. Я на работе.

Бланш. Ну-ну... Так как же нам быть?.. Нет у меня ни гроша. Да я здесь и не хозяйка. Бедная родственница — слышали про таких, конечно?

Молодой человек. Хорошо. Забегу в другой раз. *(Хочет уйти.)*

Бланш *(подошла ближе)*. Пойдите!

Он в недоумении задерживается.

(Заправила сигарету в длинный мундштук.) Не дадите прикурить? *(Направляется к нему.)*

Сходятся в дверях между двумя комнатами.

Молодой человек. Конечно. *(Достает зажигалку.)* Иной раз пошаливает.

Бланш. С капризами? *(Вспыхнул огонек.)* А! Спасибо.

Молодой человек. Нет, это вам спасибо. *(Снова готов уйти.)*

Бланш. Пойдите!

Он снова задерживается, уже совершенно сбитый с толку.

Который час?

Молодой человек. Четверть седьмого.

Бланш. Как, уже?.. Нравятся вам эти бесконечные дождливые вечера в Новом Орлеане? Когда час, собственно, уже и не час, а осколок вечности — свалится в руки, и не знаешь, что с ним делать.

Молодой человек. Да, мэм.

В наступившем молчании начинает звучать блюз. И уже не умолкнет до конца этой сцены; он звучит и в начале следующей. Молодой человек откашливается и нерешительно смотрит на дверь.

Бланш. Не попали под ливень?
Молодой человек. Нет, мэм. Я зашел в помеще-
ние.

Бланш. В аптеку? И выпили содовой?

Молодой человек. У-гу...

Бланш. С шоколадом?

Молодой человек. Нет, мэм. С шерри.

Бланш *(со смехом)*. Ах вот оно что — шерри!

Молодой человек. Шерри с содовой.

Бланш. Просто слюнки текут.

Молодой человек. Так я, пожалуй, пошел...

Бланш *(удерживая его)*. Пойдите, юноша! Как же вы еще молоды! Как вы молоды! Вам не говорили, что вы похожи на принца из «Тысячи и одной ночи»?

Молодой человек. Нет, мэм. *(Смущенно смеется и стоит вконец оробев.)*

Бланш *(ласково)*. Да, похожи, милый ягненок. Идите сюда! Подойдите же, раз зовут. Я хочу поцеловать вас — всего разок... крепко-крепко, прямо в губы. *(Не дожидаясь согласия, быстро подходит к нему и прижимает губы к его губам.)* А теперь — удирай. Ну, поскорей! Не мешало бы прибрать тебя к рукам, но приходится быть добродетельной, так что оставим детей в покое.

Он уставился на нее во все глаза. Открыла перед ним дверь и, когда тот, совершенно ошалевший, спускается по лестнице, посылает ему воздушный поцелуй. Задумчиво стоит у двери, пока он не исчезает из виду. Из-за угла показался Митч с букетом роз.

(Весело.) Смотрите-ка, кто припожаловал... Мой Кавалер роз! Сначала поклонитесь мне... а теперь преподнесите розы.

Он послушно делает все, как сказано.

(Приседает в глубоком реверансе.) Ах-х!.. Мер-сии!
(Кокетливо подносит розы к губам и поднимает на него взгляд.)

Митч весь так и просиял, смотрит на нее в полном самозабвении.

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Уже за полночь, около двух... Улица, освещенная стена дома. Появляются Бланш и Митч. Голос и все движения Бланш выдают ту крайнюю степень изнеможения, которую могут понять одни только неврастеники. Митч полон сил, но подавлен. Судя по тому, что в руках Митча гипсовая статуэтка Мэй Уэст, которую он держит вверх нога-

ми,—обычный приз в тирах и на карнавальных лотереях,—они сейчас с ночного гулянья, скорее всего в приозерном Луна-парке на Поншартрен Лейк.

Бланш (*обессиленная, останавливается у крыльца*).
Ну, вот...

Митч неловко смеется.

Ну, вот...

Митч. Пожалуй, уже поздно—устали.

Бланш. Даже продавца горячих тамалей¹ не видно, а уж он-то торчит здесь день и ночь.

Митч опять неловко смеется.

Как вы доберетесь домой?

Митч. До Бурбонов пешком, а там возьму такси.

Бланш (*с невеселым смешком*). А этот трамвай—«Желание»—не довезет?

Митч (*печально*). Боюсь, вам было порядком скучно, Бланш.

Бланш. Вот, испортила вам вечер...

Митч. Нет, что вы. Но я все время чувствовал: ничего у меня не получается—не весело вам со мной, не интересно.

Бланш. Просто я оказалась не на высоте. Вот и все. Уж я ли не старалась быть веселой—и никогда еще, кажется, не терпела такое фиаско. Но за прилежание я заслужила высший балл. Ведь старалась-то я на совесть.

Митч. Зачем же, если вам не было весело, Бланш?

Бланш. Так надо—закон природы.

Митч. Какой закон?

Бланш. Тот самый, который гласит, что леди должна развлекать джентльмена или выйти из игры. Посмотрите-ка у меня в сумочке ключ от двери. Когда так устанешь, пальцы совсем не слушаются.

Митч (*ищет*). Этот?

Бланш. Нет, милый, это от моего кофра, который скоро придется упаковывать.

Митч. Вы хотите сказать, что скоро уедете?

Бланш. Загостилась. Пора.

Митч. Этот?

Музыка затихает.

Бланш. А, эврика!.. Милый, так вы открывайте дверь, а я пока погляжу напоследок на небо. (*Облокачивается у перила.*)

Он отпер дверь и стоит, не зная, что делать.

¹ Мексиканские лепешки из кукурузы, с мясом и перцем.

Я ищу Плянд, Семь Сестер, но эти девицы не появились сегодня. А, нет, вот они! Бог их благослови!—идут себе всей компанией домой, после партии в бридж... Дверь открыта? Какой умница. Вы, кажется, уже собрались домой...

Митч (*неловко топчется на месте и откашливается*). Можно поцеловать вас... на сон грядущий?

Бланш. Почему вы каждый раз спрашиваете?

Митч. Я же не знаю, хотите вы или нет.

Бланш. Что ж вы так не уверены в себе?

Митч. Когда мы гуляли у озера и я поцеловал вас, вы...

Бланш. Милый, да не в поцелуе дело. Поцеловали—ну и прекрасно. Тут другое: фамильярность—вот чего не хотелось поощрять. А поцелуй—не жалко ни капельки. Мне даже польстило немножко, что вы так добиваетесь меня. Но, милый, вы же не хуже меня знаете: одинокой женщине, когда у нее никого на всем белом свете, нельзя давать волю чувствам—пропадет...

Митч. Пропадет?

Бланш. Да. А вы, вероятно, и привыкли иметь дело больше с такими, кому и пропадать—нипочем? С такими, что с первой встречи тут же и готовы?

Митч. Я не хотел бы, чтоб вы оказались не такой, какая вы есть. Таких, как вы, я еще не встречал ни разу, ни одной.

Бланш серьезно смотрит на него, но вдруг, словно не выдержав, расхохоталась и зажимает рот рукой.

Вы надо мной?

Бланш. Нет, милый, нет... Хозяева еще не вернулись, зайдем. Выпьем на прощанье. Не будем зажигать свет, хорошо?

Митч. Как вам больше нравится.

Бланш проходит в дом, Митч следует за ней. Наружной стены больше нет, смутно, в неясном освещении, проступает интерьер квартиры Ковальских.

Бланш (*задерживаясь на кухне*). В спальне уютней, идите туда. Что-то упало... Какая я неловкая. Никак не найду в темноте, где тут была выпивка.

Митч. Вам так хочется?

Бланш. Я хочу, чтоб вы выпили! Весь вечер вы были так нерешительны и мрачны, да и я тоже хороша—оба мы были нерешительны и мрачны, так хоть эти последние, считанные минуты вместе да будет у нас... *joie de vivre!*¹ Я зажгу свечу.

¹ Радость жизни (*франц.*)

Митч. Хорошо.

Бланш. Будем заправской богемой. Представим себе, будто сидим в маленьком артистическом кабаке, где-нибудь на Левом берегу, в Париже. (*Зажгла огарок свечи, вставляет в бутылку.*) Je suis la Dame aux Camelias! Vous êtes... Armand!¹ Понимаете по-французски?

Митч (*уныло*). Нет, я...

Бланш. Voulez-vous coucher avec moi ce soir? Vous ne comprenez pas? Ah, quel dommage!² По-моему, было бы чертовски приятно... А, нашла! Здесь как раз на двоих.

Митч (*без особого энтузиазма*). Хорошо.

Бланш (*входит в спальню со стаканами и свечой*). Садитесь. Снимите-ка пиджак, да расстегните воротничок.

Митч. Я лучше так.

Бланш. Нет, нет. Я хочу, располагайтесь со всеми удобствами.

Митч. Да неловко—я так потею. Рубашка совсем прилипла.

Бланш. Потеть полезно. Если не потеть, не проживешь и пяти минут. (*Снимает с него пиджак.*) Хороший пиджак. Что у вас за материал?

Митч. Называется альпака.

Бланш. Ах вот как! Альпака.

Митч. Да, облегченного типа.

Бланш. Вот оно что—облегченного...

Митч. Не люблю парусиновых пиджаков—пропотевают насквозь.

Бланш. А-а...

Митч. И они на мне не имеют вида. Мужчине с такой комплекцией надо одеваться с умом, а то будешь совсем громоздким.

Бланш. Но разве вы такой уж тяжеловес?

Митч. А думаете, нет?

Бланш. Ну, изящным вас, правда, не назовешь, но... широкая кость, представительность.

Митч. Благодарю вас. На рождество меня приняли в члены новоорлеанского атлетического клуба.

Бланш. Вот это да!

Митч. Лучшего подарка я и не получал. Работаю с гириями, плаваю и всегда в форме. Когда я начинал, живот у меня был слабоват, зато теперь—каменный! Любой может хватить что есть сил под вздох, а мне хоть бы что. Вот, ударьте. Да не бойтесь!

Она слегка дотрагивается пальцем до его живота.

¹ Я—дама с камелиями! А вы... Арман! (*франц.*)

² Не хотите ли переспать со мной сегодня? Не понимаете? Какая досада! (*франц.*)

Ну что?

Бланш. Господи! *(Прикасается рукой к его груди.)*

Митч. А угадайте, сколько я вешу, Бланш?

Бланш. Да на глазок—ну... сто восемьдесят?

Митч. Еще одна попытка... ну?

Бланш. Поменьше?

Митч. Да нет же—больше!

Бланш. Ну, при вашем росте даже и с огромным весом не будешь грузным.

Митч. Вес—двести семь фунтов, рост—шесть футов полтора дюйма. Рост—босиком, без обуви. И вес—без одежды, в чем мать родила.

Бланш. Боже милостивый! Какие захватывающие подробности...

Митч *(смутился)*. Да, мой вес, конечно, не такая уж интересная тема. *(Набравшись храбрости.)* А вы сколько весите?

Бланш. Я?

Митч. Да.

Бланш. А вы угадайте.

Митч. Можно поднять?

Бланш. Самсон! Ну, уж ладно, поднимайте.

Он становится позади нее, взялся руками за талию и легко поднимает в воздух.

Ну?

Митч. Как перышко.

Бланш. Ха-ха!

Он оп стил ее и придерживает за талию.

(С притворной застенчивостью.) Больше держать не обязательно.

Митч. Что? .

Бланш *(весело)*. Я сказала, уберите-ка руки, сэр.

Он неумело обнял ее.

(В голосе ее звучит мягкий укор.) Нет, Митч. Именно потому, что мы одни, вы должны быть джентльменом.

Митч. Шлепните, если зарвусь.

Бланш. Не понадобится. Вы настоящий джентльмен, такие уже почти перевелись. Не считите это за чопорность старой девы-учительницы. Просто я...

Митч. Что?

Бланш. Да просто, надо полагать, у меня слишком уж старомодные идеалы, только поэтому. *(Зная, что ему не видно, лукаво строит глазки.)*

Митч молча идет к выходу. Продолжительное молчание. Бланш вздыхает.

Митч (*застенчиво покашливает. После паузы*). А где Стэнли со Стеллой?

Бланш. Отправились прогуляться с мистером и миссис Хаббел.

Митч. А куда?

Бланш. В кино, кажется,—на последний сеанс.

Митч. Надо бы нам как-нибудь выбраться всем вместе.

Бланш. Нет. Ничего хорошего не вышло бы.

Митч. Почему же?

Бланш. Вы давно дружите со Стэнли?

Митч. Мы однополчане, из двести сорок первого.

Бланш. И с вами он, конечно, говорит откровенно?

Митч. А как же.

Бланш. А про меня он вам говорил что-нибудь?

Митч. Да почти нет.

Бланш. По вашей сдержанности ясно, что разговор все-таки был.

Митч. Ну, сказал что-то, особенно не распространяюсь.

Бланш. Но что? Каким тоном это было сказано?

Митч. А зачем вам, почему вы спрашиваете?

Бланш. Ну...

Митч. Вы что с ним—на ножах?

Бланш. Что вы хотите сказать?

Митч. Да мне кажется, что в его отношении к вам... просто непонимание, и только.

Бланш. Мягко сказано! Да если б не беременность Стеллы, я б у них и дня не прожила.

Митч. Он что, недостаточно обходителен?

Бланш. Он нестерпимо груб. Уж как только не куражится надо мной!

Митч. То есть как это?

Бланш. А так.

Митч. Даже и не верится.

Бланш. Не верится?

Митч. Да разве можно быть грубым с вами?.. Да нет, не представляю себе.

Бланш. А положение и в самом деле жуткое. Нет, вы поймите... Своего угла у меня здесь нет. Ночью между этой комнатой и той—только портьера. А он лезет прямо через комнату в одном нижнем белье. И каждый раз не допросишься хотя бы прикрывать за собой дверь... в ванную. Простота нравов уже какая-то безудержная... Вам, может быть, непонятно, что же тогда меня здесь держит? Ладно, откроюсь. Ведь учительского жалованья еле-еле хватает, чтоб свести концы с концами. За год я не отложила ни пенни, пришлось ехать на лето сюда. Вот и

терпи зятя. А он — меня, хотя я ему явно поперек горла... Да он, конечно, уже говорил вам, как люто меня ненавидит.

Митч. Ну, так уж и ненавидит...

Бланш. Ненавидит! Стал бы он иначе так надо мной издеваться? С первого же взгляда на него меня пронзила мысль: вот он — твой палач. И этот человек еще сотрет меня в порошок, если только... Да, да, конечно... тут ненависть настолько явно выраженная, что, пожалуй, не удивительно, если он... как-то по-особому, на свой лад, не по-людски... Нет, нет! От одной только мысли, что он меня... *(Жестом отмечает эту мысль. Допила виски.)*

Молчание.

Митч. Бланш...

Бланш. Да, милый.

Митч. Можно задать вам один вопрос?

Бланш. Да. Какой?

Митч. Сколько вам лет?

Бланш *(беспокойно)*. Зачем вам?

Митч. Я рассказывал про нас маме, и она спросила: «А сколько Бланш лет?» И я не знал, что сказать.

Снова пауза.

Бланш. Обо мне?.. Маме?

Митч. Да.

Бланш. С какой стати?

Митч. Я говорил, какая вы милая, как мне нравится.

Бланш. Вы были искренни?

Митч. Конечно. Сами знаете.

Бланш. А зачем вашей маме... сколько мне лет?

Митч. Она больна.

Бланш. Печально... И тяжело?

Митч. Недолго ей теперь... И несколько месяцев, верно, не протянет.

Бланш. О!

Митч. Ее все мучит, что я живу бобылем.

Бланш. А-а...

Митч. Хочет, чтобы я обзавелся семьей, пока она не... *(Голос прерывается, он несколько раз откашливается, в волнении то шаря руками по карманам, то вытаскивая руки и тут же снова начиная что-то искать в карманах.)*

Бланш. Вы ее очень любите?

Митч. Очень.

Бланш. Да, вы, наверное, если уж любите, то всем сердцем. Вам будет очень одиноко без нее, да?

Митч откашливается, кивает.

Я-то пошмаю, что это значит...

Митч. Остагься одному?

Бланш. Я тоже любила одного человека, любила и — потеряла.

Митч. Он умер?

Она подошла к окну, садится на подоконник и смотрит на улицу. Налила себе.

Это был мужчина?

Бланш. Мальчик, совсем еще мальчик... да и сама я в ту пору была еще так молода. В шестнадцать лет и вдруг такое откровение — любовь! И все сразу, сполна, без остатка. Словно ослепительный свет выхватил вдруг разом что-то, все время скрывавшееся в полутени, — так засверкало для меня весь окружающий мир... Но не было мне счастья! Поманило — и все. С мальчиком этим творилось что-то неладное: он оказался нервным, бесхарактерным и, совсем как-то не по-мужски, недотрогой... хотя по виду и не подумаешь — ничего женственного... Но было в нем это, да, было... Он искал у меня помощи. А я... что я тогда понимала! Я так ничего и не заметила ни во время свадебного путешествия, ни потом, когда мы вернулись; я знала только одно: есть какая-то загадка, мешающая мне подать ему помощь, которая ему необходима, а попросить, сказать — нет сил! Он был на зыбучем песке и цеплялся за меня, а я вместо того, чтобы вытаскивать его, гибла с ним заодно. И — не знала того! Ничего я не знала. Только одно — что люблю его безумно, а помочь не в моих силах — ни ему, ни себе. А потом я прозрела. Вышло так, что хуже и не придумаешь: просто я вошла, не постучавшись, в комнату — думала, никого нет... а она, как оказалось, не пуста, там были двое: этот мальчик, мой муж, и один его давний друг, постарше...

Нарастающий перестук колес локомотива за окном.

(Зажимает уши, уткнула голову в колени. Проектор ударил в окно, так что вся комната засверкала, засветилась ослепительным мертвенным светом, и локомотив с громовым лязгом проносится мимо. Когда перестук колес замирает в отдалении, медленно выпрямляется.) Мы сделали вид, что ничего нового мне не стало известно. Да, да, и в тот же вечер поехали, все втроем, в казино «Лунное озеро», порядком пьяные, и всю дорогу смеялись.

Далеко-далеко зазвучала в миноре еле слышная полька.

Мы отплясывали польку-варшавяночку. Как вдруг — танец в самом разгаре, а мой муж ни с того ни с сего бросает

меня, выбегает из казино. И почти тотчас же — выстрел.

Полька резко оборвалась.

(Замирает — вся прямая, напряженная. А полька продолжается — с полужапы, на которой была прервана, но теперь уже в мажоре.) Я выбежала... все побежали! Сбежались, теснятся вокруг чего-то страшного, что лежит на берегу озера, у самой воды. А я никак не могу протолкаться сквозь толпу поближе. Кто-то схватил меня за руку. «Не приближайтесь! Уходите! Незачем вам смотреть!» ...Смотреть? На что смотреть? И тут же — голоса, голоса... от одного к другому: «Аллан! Аллан! Аллан!..» Мой печальный мальчик! — револьвер в рот и выстрелил... полголовы так и снесло. *(Закрыв лицо руками, медленно раскачивается, зад-вперед.)* И все только потому, что там, в зале, на танцевальной площадке, я не удержалась и сказала: «А я видела. А я знаю. Какая же ты мразь...» И вот прожектор, освещавший целый мир, так же сразу и погас, и уже не было мне с тех пор в жизни света ярче, чем вот э-э-э... от стеариновой свечки.

Митч неуклюже поднимается, подался к ней. Полька становится громче.

Митч *(стоит у Бланш за спиной. Тихо прилекая ее к себе)*. Вам нужен друг. И мне — тоже. Так, может быть, мы с вами... а, Бланш?

Она смотрит на него отсутствующим взглядом. Потом с тихим стоном падает в его объятия. Хочет что-то сказать сквозь слезы и не находит слов. Он целует ее лоб, глаза, губы. Полька обрывается.

Бланш *(долгий, блаженный вздох)*. Как быстро вял господь... бывает же!

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

Пятнадцатое сентября, дело к вечеру. Портьеры между кухней и спальней раздвинуты, стол накрыт к именинному ужину — торт, цветы. Стелла уже заканчивает сервировку, входит Стэнли.

Стэнли. В честь чего такая роскошь?

Стелла. Сегодня день рождения Бланш.

Стэнли. А она дома?

Стелла. В ванной.

Стэнли *(передразнивая)*. «Омываем брезное тело»?

Стелла. Вроде того.

Стэнли. И давно?

Стелла. Да, считай, весь день.

Стэнли (с издевкой). «Отмокаем в горячей ванне»?

Стелла. Ну да.

Стэнли. Жарища сто градусов, а эта не вылезает из горячей ванны.

Стелла. Говорит, что тогда ей вечером будет прохладней.

Стэнли. А ты, как я понимаю, уже сбегала за кока-колой? И подала се величеству в ванну?

Стелла пожимает плечами.

Присядь-ка.

Стелла. Некогда, Стэнли,—дела.

Стэнли. Садись. Теперь у меня есть чем приструнить твою старшенькую!

Стелла. Да отвяжись же ты от нее, Стэнли, брось.

Стэнли. Эта фря еще будет обзывать меня хамом!

Стелла. Ты же все время изводил ее как только мог, изошрялся на все лады, а Бланш обидчива; да и пойми же ты наконец—ведь мы с Бланш выросли в совершенно иной обстановке, чем ты.

Стэнли. Слышали! Заладили—и все то же да про то же. А вот знаешь ли ты, что она наврала нам тут с целый короб?

Стелла. Нет, не знаю и знать...

Стэнли. А она—наврала. Но шила в мешке не утаишь. Теперь ее делишки всплыли на поверхность.

Стелла. Какие делишки?

Стэнли. Те, что я подозревал с самого начала. Но теперь у меня улики—верное дело, из самых первых рук, и сам все проверил!

Бланш в ванной напевает: простенький привязчивый мотивчик, и слова ее песенки становятся своеобразным сопровождением и контрастным фоном рассказа Стэнли.

Стелла (Стэнли). Не кричи.

Стэнли. Ишь ты, канарейка!

Стелла. Ну, так будь любезен, расскажи толком, что же это ты такое мог узнать о моей сестре.

Стэнли. Ложь номер один: все это чистоплюйство, которым она щеголяет. Знала бы ты только, как же она ломалась перед Митчем и как заморочила ему голову. Он-то совсем и поверил, будто она только и видела в жизни, что поцелуй какого-то молокососа. А сестрица Бланш отнюдь не лилия. Ха-ха. Да уж—лилия!

Стелла. Но что же ты слышал?.. От кого?

Стэнли. Снабженец с нашего завода уже много лет подряд ездит в Лорел и знает ее как облупленную, да в Лореле вообще нет человека, который не знал бы о ней

всю подноготную. Она там знаменита, как президент Соединенных Штатов, только не пользуется уважением ни партий, ни избирателей. И этот снабженец останавливается в отеле «Фламинго».

Бланш *(весело напевает)*

В цирке море—из бумаги,
В цирке пламя—без огня,—
Все бы стало настоящим,
Если б верил ты в меня.

Стелла. Ну и что?

Стэнли. А то, что и она обитала там же.

Стелла. Моя сестра жила в «Мечте»!

Стэнли. Да это уж после, когда дом уплыл из ее лилейных ручек. Перебралась во «Фламинго»! Захудалый отелишко,—лишь тем и хорош, что там не суют носа в частную жизнь постояльцев. Во «Фламинго» видали виды и на все смотрят сквозь пальцы. А похождения нашей Белой Дамы смутили даже администрацию «Фламинго». Настолько, что ее попросили покорнейше сдать ключ от номера и больше у них не показываться. Ее выставили оттуда, а недели через две она и заявила к нам.

Бланш *(поет)*

Цирк сверкает мишурою,
Мнимой роскошью дразня,—
Все бы стало настоящим,
Если б верил ты в меня.

Стелла. Какая гнусная ложь!

Стэнли. Конечно, тебя коробит от таких штук, еще бы! Ведь она и тебе задурила голову, не одному только Мигчу.

Стелла. Все это выдумки! И ни слова правды. Да будь я мужчиной, пусть бы это ничтожество только закнулось в моем присутствии.

Бланш *(поет)*

Без твоей любви,
Без твоей любви
Меркнет блеск цирковых чудес,
Без твоей любви,
Без твоей любви
Мне не светит солнце с небес.

Стэнли. Милая, все это проверено, комар носа не подточит. Но погоди, дай досказать. Вся беда Белой Дамы в том, что в Лореле уже не разгуляешься—там ее давно раскусили. Гульнут с ней раза два-три, да и возьмутся за ум—хватит... так и шла по рукам, и каждый

раз—начинай сначала: вечно та же комедия, те же ужимки, та же чушь собачья. А городишко-то слишком тесен, чтобы вся эта вольница тянулась бесконечно. И вот стала притчей всего города. Сначала она просто слыла за слабоумненькую, за городскую дурочку.

Стелла отшатнулась.

А последние два года— за гулящую девку. Вот потому-то твоя сестрица, эта путешествующая принцесса крови, и пожаловала этим летом на гастроли к нам— потому что мэр попросту велел ей избавить город от своего присутствия. Да, еще. Там, знаешь, под Лорелом военный лагерь... так вот, ваш дом, по милости твоей сестры, был занесен в список мест, куда солдатам заглядывать запрещается.

Бланш *(поет)*

В цирке море— из бумаги,
В цирке пламя— без огня,—
Все бы стало настоящим,
Если б верил ты в меня.

Стэнли. Вот тебе и утонченная натура, вот она— эта избранная и несравненная... Но это еще не все, дальше— больше: ложь номер два.

Стелла. Не хочу! Хватит... чтоб уши мои не слышали!

Стэнли. Ей теперь уже не вернуться к преподаванию. Да бьюсь об заклад, она, уезжая, и не думала возвращаться в Лорел! Ведь она оставила школу не по собственному желанию, не временно и не из-за нервов. Нет, шалишь! Ее с треском вышибли, не дожидаясь конца учебного года. И за что— говорить противно. Спуталась с семнадцатилетним мальчишкой!

Бланш *(поет)*

Цирк сверкает мишурою,
Мнимой роскошью дразня...

Воду в ванной пустили сильней, негромкие вскрикивания, смех, словно в ванне плещется расшалившийся ребенок.

Стелла. Меня просто мутит от всего этого...

Стэнли. Ну, а папаша пронюхал и— к директору школы. Эх, братцы, вот бы очутиться у того в кабинете, когда Белой Даме читали мораль. Вот посмотреть бы, как она крутилась! Да не тут-то было: так взяли за жабры— сразу поняла: допрыгалась. Ей порекомендовали смьтсья подобру-поздорову куда-нибудь, где ее еще не знают. По существу— высылка в административном порядке.

Бланш (*выглянула из ванной, голова повязана полотенцем*). Стелла!

Стелла (*в изнеможенни*). Да, Бланш?

Бланш. Еще одно полотенце, для волос. Только что вымыла.

Стелла. Сейчас. (*Идет к ней с полотенцем.*)

Бланш. В чем дело, родная?

Стелла. А что? Почему ты спрашиваешь?

Бланш. У тебя такое странное выражение лица!

Стелла. А-а... (*Попыталась засмеяться.*) Устала немножко, наверное, вот и все.

Бланш. Тебе надо принять ванну, когда я кончу.

Стэнли (*из кухни*). А вы когда-нибудь кончите?

Бланш. Очень скоро, не бойтесь... Недолго вашей душе томиться.

Стэнли. Да я не о душе и беспокоюсь—о почках!

Бланш закрыла дверь. Стэнли хохочет. Стелла медленно возвращается на кухню.

Ну, что скажешь?

Стелла. Не верю я—басня. А ваш снабженец подлец и негодяй—иначе не трепал бы языком. Да, вполне возможно, в его рассказах какая-то доля правды есть. Да, моя сестра небезупречна, наша семья хлебнула с ней горя, и я отнюдь не во всем ее одобряю. Она всегда была ветреной...

Стэнли. Ах, ветреница!

Стелла. Но в юности, совсем еще девочкой, она прошла через такое испытание, которое убило все ее иллюзии.

Стэнли. Ну да—испытание!

Стелла. Да. Я говорю о ее замужестве, ведь она вышла замуж почти ребенком! За одного мальчика, который писал стихи. Поразительной красоты был парень. Мне казалось, Бланш не то что любит его—боготворит саму землю, по которой тот ступает! Без ума была от него, считала его верхом совершенства, божеством. А потом... потом узнала...

Стэнли. Что?

Стелла. Красивый, талантливый юноша оказался выродком. Этого твой снабженец тебе не докладывал?

Стэнли. Ну, мы в далекое прошлое не заглядывали. Что это, старая история?

Стелла. Да... Старая история...

Стэнли подходит к ней, бережно кладет руки на плечи. Она мягко отстраняется и задумчиво, словно сама того не замечая, начинает втыкать в именинный торт тоненькие розовые свечи.

Стэнли. Сколько свечек будет в этом торте?

Стелла. Остановимся на двадцать пятой.

Стэнли. Ожидаются гости?

Стелла. Мы пригласили Митча.

Стэнли (*чуть смутился. Не спеша раскуривает новую сигарету от только что докуренной*). На Митча, пожалуй, сегодня лучше не рассчитывать.

Стелла (*замерла с очередной свечкой в руке, медленно поворачивается к Стэнли*). Почему? Что это значит?

Стэнли. Да Митч мне все равно что брат. Вместе трубили в двести сорок первом саперном. Работаем на одном заводе. Играем в одной команде. Ты подумала, какими глазами я смотрел бы на него, если бы...

Стелла. Стэнли Ковальский, ты рассказал ему, что...

Стэнли. Еще бы, черт побери, конечно, рассказал! Да меня бы совесть мучила до конца дней моих, знай я такое и допусти, чтоб моего товарища поймали!

Стелла. Митч порвал с ней?

Стэнли. А ты сама разве бы не...

Стелла. Я спрашиваю о Митче — порвал он с ней?

Бланш (*поет громче. Голос ее звонок, как колокольчик*)

Все бы стало настоящим,

Если б верил ты в меня.

Стэнли. Нет, не думаю — не обязательно порвал. Но теперь он знает, что почем. Вот и все.

Стелла. Стэнли, ведь она думала, что Митч... женится на ней. Я тоже надеялась.

Стэнли. Нет. Не женится. Может, раньше и собирался, но теперь... не станет же он кидаться на этот гадюшник. (*Встал.*) Бланш! Эй, Бланш! Вы разрешите мне войти наконец в мою — мою! — ванную? (*Пауза.*)

Бланш. Слушаюсь, сэр. Вот только секундочку — подсохнуть — потёрпите?

Стэнли. Прождав битый час, секундочку, конечно, можно... если она не затянется.

Стелла. И ее уже никуда не возьмут учительницей! Ну, что же ей делать, что с ней будет?

Стэнли. Так она у нас до вторника. Как было условлено, ты ведь не забыла? А чтобы не было никаких недоразумений, я сам купил ей билет на автобус. Прямым сообщением!

Стелла. Во-первых, Бланш ни за что не поедет автобусом...

Стэнли. Покатит, как миленькая, еще радехонька будет.

Стелла. Нет, не покатит... нет, не покатит!

Стэнли. Покатит! Это мое последнее слово. Во вторник уедет, и никаких!

Стелла. Что с ней будет? Куда ей деваться?

Стэнли. У нее все известно наперед — пойдет как по писаному.

Стелла. Что ты хочешь сказать?

Все та же песенка Бланш.

Стэнли. Эй, канарейка! Распелась? А ну-ка давайте из ванной! Сколько раз повторять?

Дверь из ванной распахивается, со звонким смехом выпорхнула Бланш, но, когда Стэнли проходит мимо, в лице ее мелькнул ужас. А он и не взглянул на нее, проходит в ванную, хлопнув дверь.

Бланш *(беря щетку для волос)*. Ох, до чего же все-таки хорошо после долгой горячей ванны! Такая благодать... как прохладно, как легко на душе...

Стелла *(из кухни, печально и недоверчиво)*. Правда, Бланш?

Бланш *(с силой проводит щеткой по волосам)*. Да — такой прилив сил. *(В руке ее весело зазвенел высокий стакан виски со льдом.)* Горячая ванна да холодный виски — и вся жизнь предстает совершенно в новом свете. *(Глянула из-за драпировки на Стеллу и перестает причешиваться.)* Что-то случилось! Что?

Стелла *(поскорее отворачиваясь в сторону)*. Ну что ты, Бланш, ничего не случилось.

Бланш. Неправда! Случилось... *(Расширившимися от страха глазами смотрит на Стеллу.)*

Та делает вид, будто поглощена приготовлением стола.

Где-то далеко-далеко пианино захлебнулось в бешеном пассаже и смолкло, словно мелодия со всего разгону налетела на что-то, сорвалась и — вдребезги...

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

Три четверти часа спустя.

За большими окнами — город, уже почти неразличимый в золотистых сумерках. Отблеск заката пламенет на водонапорной башне или большой нефтяной цистерне, на пустыре, за которым открывается вид на деловую часть города. Она пунктирно обозначена вдали светящимися точками окон — зажгли свет или еще не погас на них закат.

За столом — трое, невеселая праздничная трапеза идет к концу. Стэнли поглядывает мрачновато, словно задумал недоброе. Стелла смущена и печальна.

На лице Бланш застыла деланная, натянутая улыбка. Четвертый прибор на столе так и остался нетронутым.

Бланш *(прерывая общее молчание)*. Отпустили бы хоть какую-нибудь шуточку, Стэнли. Ну, расскажите же

что-нибудь, а? Что это на вас на всех вдруг нашло — не пойму. Потому что я отвергнута поклонником, да?

Стелла делает жалкую попытку рассмеяться.

Да, такого со мной еще не случалось, а опыт у меня немалый, и каких только мужчин я не знавала на своем веку, но чтобы самая настоящая отставка... Ха-ха! Давайте анекдот, да посмешней. Нужно же разрядить атмосферу.

Стэнли. По-моему, до сих пор вы моих анекдотов не одобряли, Бланш.

Бланш. Нет, если занятно и без непристойностей, то почему же?

Стэнли. Да где мне — у вас слишком тонкий вкус, еще не угодишь.

Бланш. Тогда давайте уж я сама.

Стелла. Правда, Бланш, расскажи! Тряхни стариной.

Вдали зазвучала музыка.

Бланш. Ну, что ж... только что бы вам такое... Сейчас, сейчас, надо заглянуть в наш репертуар. Ах да! Обожаю эти — из цикла о попугаях. А вы?.. Ну, ладно — об одной старой деве и попугае. Так вот, был у этой старой девы попугай, отчаяннейший сквернослов — такие знал виртуозные загибы, похлеще мистера Ковальского.

Стэнли. Х-ха!

Бланш. И утихомирить этого попугая было только одно средство — набросить на клетку покрывало, тогда он решал, что настала ночь и пора на боковую. И вот как-то раз — а дело было утром — только старая дева откинула с клетки покрывало на день, как вдруг... кого бы вы думали, видит у входа?.. Священника! Ну, она со всех ног к попугаю и поскорее — покрывало на клетку, и только уже после этого впускает священника. Попугай себе сидит смирихонько, тихо, как мышь, но стоило ей спросить гостя, сколько ему положить сахара в кофе, как тот вовсю: *(свистит)*... да как ляпнет: «Ну, черт его подери, и короткий же выдался нынче денек!» *(Запрокинула голову, смеется.)*

Стелла тоже делает безуспешные попытки казаться веселой. Стэнли — поль внимания на всю эту побасенку.

Он словно ничего не слышал, — тянется через весь стол, подцепил вилкой последний кусок торта и с аппетитом пожирает его, ухитрившись прямо рукой.

Насколько я понимаю, мистеру Ковальскому не смешно.

Стелла. Мистер Ковальский ведет себя по-свински и увлекся настолько, что до остального ему и дела нет.

Стэнли. Правда твоя, детка.

Стелла. Как ты весь извоzilся — лицо, руки... смотреть противно! Иди умойся и помоги мне убрать со стола.

Стэнли (*швыряет свою тарелку на пол*). А я вот как убираю со стола. (*Крепко схватив ее за руку*.) Не смей так обращаться со мной, брось эту манеру раз и навсегда. «Свинья... поляк... противный... грязный... вульгарный...» — только и слышишь от вас с сестрицей — затвердили! Да вы-то что такое? Возомнили о себе... королевы! Помните слова Хью Лонга¹: «Каждый — сам себе король». И здесь, у себя, я — король, так что не забываетесь! (*Сбросил со стола чашку с блюдцем*.) Вот, я убрал за собой. Хотите, уберу и за вами?

Стелла тихо заплакала. Стэнли величественно проишествовал к двери и, стоя на пороге, закуривает. За углом, в баре, заиграли черные музыканты.

Бланш. Что здесь происходило, пока я принимала ванну? Что он тебе говорил? Стелла!

Стелла. Ничего, ничего, ничего!

Бланш. Я догадываюсь — про нас с Митчем. Да, да, ты знаешь, почему Митч не пришел, и не хочешь сказать!

Стелла безнадежно качает головой.

Я позвоню ему.

Стелла. Лучше не надо.

Бланш. А я позвоню.

Стелла (*убитым тоном*). Не стоит, Бланш.

Бланш. Но ведь так же нельзя, должен же кто-то объяснить мне, в чем дело! (*Метнулась в спальню, к телефону*.)

Стелла выходит на крыльцо и укоряюще смотрит на мужа. Тот, проворчав что-то невнятное, отворачивается.

Стелла. Можешь радоваться — твоих рук дело... ни разу еще кусок не шел мне так поперек горла, как сегодня, когда я видела ее лицо и этот незанятый стул. (*Заплакала*.)

Бланш (*по телефону*). Алло! Будьте любезны, мистера Митчелла. А-а!.. Если позволите, я оставляю свой номер. Магнолия девяносто — сорок семь. И передайте ему, что дело неотложное... Да, да, очень важное дело... Благодарю вас. (*Потерянная, испуганная, задерживается у телефона*.)

¹ Американский политический деятель фашистского толка, строивший свою карьеру на лжедемократической демагогии. Убит в 1934 г., когда он был губернатором штата Луизиана, своими политическими противниками.

Стэнли (*медленно обернулся к жене, грубо хватая ее в объятия*). Уедет эта, родишь маленького, и все, все наладится. Снова заживем душа в душу, и все у нас пойдет по-прежнему. Как бывало. Помнишь? Какие ночи мы проводили вдвоем! Господи, солнышко мое, как привольно нам будет по ночам, ну, и пошутим же мы тогда, а? Совсем как раньше! И снова побегут у нас разноцветные огоньки... и некого опасаться, что услышат,—никаких сестер за занавеской!

Наверху громкий хохот, крики, взвизги.

(*Негромко засмеялся.*) Вон! Стив с Юнис...

Стелла. Вернемся. (*Идет в кухню и принимается зажигать свечи, воткнутые в белый торт.*) Бланш!

Бланш. Да? (*Возвращается к столу.*) Ах, эти свечи—милые, милые, милые... Не зажигай их, Стелла, не надо.

Стелла. Ну вот еще!

Вернулся в кухню и Стэнли.

Бланш. Сбереги их на дни рождения маленькому. Пусть всю его жизнь светят ему праздничные свечи, и пусть глазенки его светятся, как два синих огонька, зажженных на белом именинном торте...

Стэнли (*усаживаясь*). Какая поэзия!

Бланш (*промолчав, задумчиво*). Зря я звонила ему, не стоило.

Стелла. Да мало ли что могло случиться!

Бланш. Такое не прощается, Стелла. Нельзя спускать обид. Пусть не думает, что со мной все позволено.

Стэнли. Черт, ну и жарница же из ванной—все еще полна пару.

Бланш. Я уже трижды приносила вам свои извинения.

Вступает инанино.

Горячие ванны необходимы мне от нервов. Это называется гидротерапией. Вы—полячок, здоровый человек, существо без нервов... ну, и само собой понятно, откуда вам знать, каково это, когда от нервов места себе не находишь.

Стэнли. Никакой я вам не полячок! Выходцы из Польши—поляки, а не полячки. А я—стоцентный американец, родился и вырос в величайшей стране на земном шаре и дьявольски горжусь этим, так что нечего называть меня полячком!

Зазвонил телефон.

Бланш (словно того только и ожидала, встает). О, это меня, конечно, меня.

Стэнли. Еще неизвестно. Куда вы вскочили? (Не спеша направляется к телефону.) Слушаю! А-а, да, да, здорово, Мак! (Прислоняется к стене, с издевкой смотрит прямо в глаза Бланш тяжелым, пристальным взглядом в упор.)

Бланш испуганно прижалась к спинке стула. Стелла подалась вперед, положила ей руку на плечо.

Бланш. Не надо, Стелла. Что с тобой? Что ты смотришь на меня так жалостливо?

Стэнли (орет). Тихо, вы!! Завелась тут у нас одна, все шумит... Валяй дальше, Мак... У Райли? Нет, у Райли я играть не хочу. Разругался с ним еще на той неделе... Я пока еще, кажется, капитан команды, а? Вот так... А тогда мы не играем у Райли... Да, на Уэст Сайд или в «Гала». Порядок, Мак. Пока. (Вешает трубку и возвращается к столу.)

Бланш делает героические усилия, чтобы взять себя в руки, быстро отпивает глоток воды из своего бокала.

(Словно не замечая ее, лезет в карман. Не спеша, с расстановкой, притворно дружеским тоном.) Сестрица Бланш, а я припас вам подарочек к именинам.

Бланш. Ну, что вы, Стэнли... правда?.. Я никак не рассчитывала. Да и вообще, не знаю, что это Стелле вздумалось отмечать мой день рождения. Я-то предпочла бы и не вспоминать, что мне уже... двадцать семь! Да и что на него смотреть, на возраст — лучше не замечать!

Стэнли. Двадцать семь?..

Бланш (поспешно). Ну, так что же за подарок, Стэнли?

Он медленно протягивает ей маленький конвертик.

Это правда мне?

Стэнли. Да. Надеюсь, понравится.

Бланш. Да ведь это... это...

Стэнли. Билет! До самого Лорела! Автобус, прямым сообщением! На вторник.

Тихо, словно украдкой, зазвучала полька-варшавяночка и уже не умолкает. Стелла вскочила и отвернулась. Бланш попыталась улыбнуться — не вышло. Попробовала было рассмеяться — тоже не получается. Вскочила, выбегает в спальню. Хватается рукой за горло и тут же кинулась в ванную. Слышно, как она закашлялась, хрипит, словно давясь чем-то.

Ну, вот.

Стелла. Надо тебе было! Без этого не мог?

Стэнли. А я от нее мало натерпелся? Забыла?

Стелла. Незачем было бить ее так безжалостно— ведь ее и без того все, все покинули.

Стэнли. Благородная...

Стелла. Да, благородная!.. Была. Ты не знал ее раньше. Какая она была! Не было человека добрей, самоотверженней. А ваш брат, такие, как ты, растлили ее, втоптали в грязь, и то, что она такая, ваших рук дело.

Он проходит в спальню, снял рубаху, надевает спортивную— яркий, сверкающий шелк.

(Идет за ним.) И ты после этого можешь играть, сшибать свои кегли!

Стэнли. Запросто.

Стелла. Нет, не бывать этому. (Крепко вцепилась ему в рубашку.) Почему ты добиваешь ее?

Стэнли. Никого я не добиваю. Пусти. Порвешь ведь!

Стелла. Нет, я хочу знать— почему? Отвечай— слышишь?

Стэнли. Когда мы с тобой познакомились, ты смотрела на меня, как на плебея. Что ж, правда твоя, детка! Да— плебей, да— из хамов! Ты показала мне тогда этот снимок: большой дом с колоннами. Я вытащил тебя из-за этих колонн, стащил к себе, вниз, и когда у нас побежали, засветились разноцветные огоньки, то лучшего тебе и не надо было! И разве мы не были счастливы, плохо нам было, пока она не заявила к нам?

Стелла вся вдруг подалась вперед. Взгляд ее мгновенно становится сосредоточенно-отсутствующим, будто какой-то голос окликнул ее по имени. Осторожно-осторожно, слабо волоча ноги, с короткими передышками, направляется из спальни в кухню, придерживаясь за спинку стула, дальше— за край стола, как слепая, как заслушавшаяся чего-то.

(Застегивает и заправляет рубашку в брюки, не слыша ответа Стеллы, повторяет.) Ну, разве не счастливы мы были? Плохо нам с тобой было вдвоем? Пока она не пожаловала к нам... эта!.. То ей не так, и это не этак, а я ей— обезьяна... (Замечает, что со Стеллой что-то творится.) Эй, Стелла, что с тобой? (Подбегает к ней.)

Стелла (еле слышно). Проводи меня в больницу.

Он поддерживает ее и, тихо уговаривая, ведет к двери. Шепот его слышен все слабее. Ушли.

Голос Бланш (напевает тихо и тоскливо)

El pan de mais, el pan de mais,
El pan de mais sin sal.
El pan de mais, el pan de mais,
El pan de mais sin sal¹.

¹ Кукурузная лепешка, кукурузная лепешка, кукурузная лепешка, без соли (исп.).

КАРТИНА ДЕВЯТАЯ

Немного позднее. Бланш, сгорбившись, в неудобной, напряженной позе, сидит в кресле, обитом диагональю в зеленую и белую полосу. Она в ярко-красном атласном халатике. На столе перед ней—бутылка и стакан. В бешеном темпе звучит мотивчик польки-варшавяночки. Музыка лишь слышится Бланш, и она поет, чтобы избавиться от этого навяздения и от ощущения обступившей ее со всех сторон беды. Губы ее беззвучно шепчут что-то—скорее всего, слова, которые пелись на мотив этой полочки. Рядом—электрический веер-опахало.

На улице появился Митч. В синей спецовке—брюки и куртка из грубой бумажной ткани; небрит. Вышел из-за угла и поднимается на крыльцо. Звонит.

Бланш *(испуганно вздрагивает)*. Кто там?

Митч *(хрипло)*. Это я, Митч.

Полька обрывается.

Бланш. Митч?! Сию минуту. *(Заметалась, пряча бутылку в стенной шкаф; закрутилась перед зеркалом, наспех освежая лицо одеколоном и припудриваясь. Она так возбуждена, в таком нетерпении, дышит тяжело, прерывисто. Наконец—готова: подбегает к двери, впускает его.)* Митч!.. Да вас, по правде говоря, и впускать бы не следовало—так вы обошлись со мной! Совсем не по-рыцарски. Но все равно... добрый вечер, любимый! *(Подставила ему губы.)*

Но он словно и не заметил,—проходит, не задерживаясь, будто ее и нет, прямо в квартиру.

(Со страхом глядит, как он прошептал мимо, в спальню.) Боги мои, какая неприступность! И что за странный наряд... Да еще и небритый! Какое неуважение к даме... Но я вас прощаю. Прощаю, потому что вы пришли—и сразу на душе легче стало. Ваш приход уgomонил эту польку, мотив которой засел у меня в голове—не отвяжешься. А у вас не бывает такого—засядет что-нибудь в голову, и никак не избавишься? Да нет, конечно, вам ли, красная девица, с вашей-то силищей, мучиться от навязчивых идей.

Все это время, пока она не подошла к нему, он не спускает с нее тяжелого, пристального взгляда. По всему заметно, что по дороге сюда он порядком хватил.

Митч. А без этого—никак нельзя обойтись? *(Показывает на электрический веер.)*

Бланш. Можно.

Митч. Неприятная штука.

Бланш. Так выключим, милый. Я и сама их недолюбиваю. *(Нажала кнопку выключателя, и электровеер, чинно откланявшись, замер. Смуценно откашливается,*

глядя, как Митч заваливается на постель в спальне и закуривает, но возразить не решилась.) Не знаю, найдется ли у нас что-нибудь выпить... еще не успела посмотреть.

Митч. Это — Стэна... не надо мне его пошла.

Бланш. А это — не его. Не все же здесь принадлежит, обязательно Стэну. Есть в этом доме что-то и мое собственное. Что с вашей матушкой, Митч? Ей, видимо, хуже?

Митч. Откуда вы взяли?

Бланш. Но ведь у вас же что-то случилось?.. Нет, нет, не бойтесь, никакого перекрестного допроса не последует. Напротив, я... *(Рассеянно, словно собираясь с мыслями, потерла лоб.)*

Снова, словно приплясывая, вступает мотив полочки.

...я постараюсь сделать вид, будто совсем не замечаю в вас никакой перемены. Ну вот... опять эта музыка!

Митч. Какая еще музыка?

Бланш. Да все та же! Полочка, которую играли, когда Аллан... Погодите-ка! — сейчас, сейчас...

Далекий револьверный выстрел.

(Словно тяжесть с плеч.) А, вот и он... выстрел! После него она, как правило, умолкает.

Полька постепенно замирает.

Да... вот и перестала.

Митч. Вы что сегодня — чокнутая?

Бланш. Сейчас посмотрим, не найдется ли у нас чего... *(Подходит к стенному шкафу, притворяясь, что не знает, найдется там бутылка или нет.)* Да, к слову, вы уж извините — не одета. Но ведь я, в сущности, уже совсем было поставила на вас крест. Вы что же, забыли, что званы на ужин?

Митч. А мне уже и видеть вас больше не хотелось.

Бланш. Минуточку. Мне здесь не слышно, а вы так скупы на слова, что не хотелось бы упустить ни одного слова... Но что же я, собственно говоря, искала? Ах да... что-нибудь выпить. Мы тут весь вечер веселились до упаду, так что я и правда чокнутая. *(Делает вид, что неожиданно для себя напала на бутылку.)*

Оя, закинув одну ногу на постель, смотрит на Бланш с брезгливостью.

Так, что-то нашлось. А вы, я вижу, по-южному, со всеми удобствами... что же у нас тут такое, а?

Митч. Раз не знаете, значит, не ваша.

Бланш. Снимите-ка ногу с постели. Прямо на белое

покрывало! Да, да, вам, мужчинам, до таких мелочей и дела нет. А я столько труда положила, чтобы навести в этом доме порядок.

Митч. Да уж, только вашими молитвами...

Бланш. Но вы же видели, что здесь было раньше, до моего приезда. Ну, а теперь... посмотрите только! Не комната—игрушка! И уж теперь так и поведется, у меня на этот счет строго... Не знаю, с чем это смешивают... или прямо так? М-м-м... сладко. Очень сладко... Ужасно сладко... Ба, да это же ликер... ну конечно! Да, да, так и есть—ликер.

Митч только проворчал что-то.

Боюсь, вам он будет не по вкусу. Попробуйте все-таки, а вдруг—понравится?

Митч. Сказано вам было—не надо мне ничего из его запасов, сколько раз повторять! Да и вам нечего налегать, раз это его, а не ваше. Он и то уж жалуется, что вы набросились на его виски как бешеная кошка.

Бланш. Что за бред! И вы еще повторяете... Вот уж не ожидала! Но я-то выше этого и не удостоиваю такое подленькое оговаривание даже ответом.

Митч. Х-ха!

Бланш. Что все это значит? Вы что-то задумали. По глазам вижу...

Митч (*вставая с постели*). Что ж мы все сумерничаем?

Бланш. А мне так больше нравится. В сумерках как-то уютней.

Митч. Да я, кажется, так ни разу и не видел еще вас при свете.

Бланш беззвучно рассмеялась.

Ну да, ни разу.

Бланш. В самом деле?

Митч. Днем—ни разу.

Бланш. И по чьей же вине?

Митч. Днем вы не желаете показываться—все время так.

Бланш. Да что вы, Митч, ведь днем вы на заводе.

Митч. Но ведь есть же воскресенья. Сколько раз я вас звал в воскресенье погулять днем, и вечно у вас наготове отговорка. До шести вас не выгонишь, а там, глядишь, всегда найдется местечко, где света поменьше...

Бланш. Сами вы что-то темните, Митч,—никак не возьму в толк, что у вас на уме.

Митч. Да ничего особенного, Бланш. Просто я хочу сказать, что до сих пор так и не имел случая разглядеть

вас по-настоящему. Так давайте-ка включим свет, а?

Бланш (*испугана*). Свет? Какой еще свет? Зачем это?

Митч. Ну, хоть вот эту лампочку под бумажным фонариком... (*Срывает фонарик с лампы.*)

Бланш (*ахнула и на миг словно онемела от ужаса*). Зачем же так?

Митч. А чтобы разглядеть вас как следует, без дураков.

Бланш. Как-то даже и не верится... вы что, и правда решили поглумиться надо мной?

Митч. А это не глумление — просто реализм.

Бланш. А я не признаю реализма. Я — за магию.

Митч смеется.

Да, да, за магию! Я хочу нести ее людям. Заставлю их видеть факты не такими, как они есть. Да, я говорю не правду, не то, как есть, а как должно быть в жизни. И если тем погрешила, то будь я проклята именно за этот грех — ничего не имею против... Да не включайте же вы свет!

Митч подходит к штепселю. Включает свет и пытливо смотрит на нее. Бланш кричит, закрывает лицо руками. Он выключает свет.

Митч (*медленно, с горечью*). А вы, оказывается, постарше, чем я думал, да ладно, это бы еще куда ни шло. Но все остальное... господи! Звон о старомодности ваших идеалов, эта баланда, которую вы гут травили все лето. Ну, что вы — не девочка, что вам уже не шестнадцать, я, конечно, и сам соображал. Но я был таким дураком и верил, что вы со мной играете без обмана.

Бланш. А кто вам сказал, что я играю крашлеными? Мой любящий зять? Вот кому вы поверили.

Митч. Да я сначала обозвал его треплом. А потом выяснил, как обстоит дело. Сперва обратился к нашему снабженцу, тот постоянно бывает в Лореле. А потом связался по междугородному и потолковал с этим торговцем.

Бланш. С кем, с кем?

Митч. С Кифейбером.

Бланш. Кифейбер... торговец из Лорела. Да, знаю... все, бывало, свистит мне вслед на улице. Я поставила его на место. И вот теперь — оплатил, возводит напраслину, всякие небылицы.

Митч. Кифейбер, Стэнли, Шоу — трое! — ручаются за подлинность этих небылиц!

Бланш. А-а! Та-рран-там-тан, трое влезли в чан! И стал помойным чан...

Митч. Скажите, вы не жили в отеле «Фламинго»?

Бланш. Во «Фламинго»? Ну, что вы... В «Тарантуле»! Вот где я жила—гостиница под вывеской «У тарантула в лапах».

Митч (*сбитый с толку*). Тарантул?..

Бланш. Ну да! Огромный паучище... К нему я и завлекала свои жертвы. (*Налила себе в стакан.*) Да, я пугалась с кем понало, и нет им числа. Мне все чудилось после гибели Аллана... что теперь одни только ласки чужих, незнакомых, случайно встреченных, которые пройдут мимо, и все, могут как-то утолить эту опустошенную душу... Пожалуй, со страху... Да, да, то был именно ужас, он-то и гнал меня, и я в панике металась от одного к другому, рыскала в поисках опоры—хоть какой-нибудь!—где придется, с кем придется, что уж тут было собой-то дорожиться!.. Дошло наконец и до одного семнадцатилетнего мальчугана... да кто-то возьми и напиши директору школы: «Эта особа позорит звание учительницы!» (*Засмеялась, запрокинув голову: так судорожно—то ли смех, то ли рыдание... И слово в слово повторила: «Эта особа...» Горло у нее перехватывает, выжила.*) Справедливо? Да, пожалуй... наверное, позорила... как смотреть... Ну, и приехали—а вот и мы! Больше-то мне податься было некуда: все, уже пошла на слом. Знаете, каково это—пойти на слом? Вдруг оказалось, что молодости-то уже нет и в помине—закрутилась и словно вихрем унесло... и вот встречаю вас. Вам нужен друг—сами говорили... и мне—тоже. Я благодарила бога, что он послал мне вас... вы казались таким надежным—спасительная расселина в каменных кругах жизни, прибежище, которое не выдаст! Теперь ясно—не мне было просить от жизни так много, не мне было надеяться. Кифейбер да Стэнли с Шоу ославили зарвавшуюся аферистку на весь белый свет.

Молчание.

Митч (*установился на нее, не зная, что теперь думать*). Вы ввали мне, Бланш.

Бланш. Бросьте... не ввала!

Митч. Все было ложью, ложь на лжи, и на словах и в мыслях—одно вранье!

Бланш. Неправда! В сердце своем я не солгала вам ни разу...

Из-за угла показалась торговка—слепая мексиканка в черной шали. В руках у нее связки вырезанных из жести цветов, которые в таком почете у мексиканской бедноты—бойко идут на похороны, да и на все другие торжественные события... Выкликает она еле слышно, едва разберешь—неясно вырисовывающаяся фигура, вдруг возникшая на улице.

Мексиканка. Flores. Flores. Flores para los muertos. Flores. Flores...¹

Бланш. Что, что?.. Ах, да, кто-то за дверью... *(Идет к двери, открыла, смотрит.)*

Прямо перед ней — мексиканка.

Мексиканка *(в дверях, протягивая Бланш несколько жестяных цветов)*. Flores. Flores para los muertos...

Бланш *(в страхе)*. Нет, нет, не надо! Пока — не надо! Пока — не надо!.. *(Шарахнулась от мексиканки назад, в дом, поспешно захлопнув перед той дверь.)*

Мексиканка. Flores. Flores para los muertos...

Зазвучал мотив полочки.

Бланш *(словно сама с собой)*. Все идет прахом, рушится, выветривается... А люди — каются, попрекают друг друга... «Сделай ты то-то и то-то, так мне бы не пришлось делать того-то и того-то»...

Мексиканка. Coronas para los muertos...²

Бланш. Наследство умерших... Х-ха! Да и еще разное добро в придачу... наволочки в пятнах крови, например!.. «Нужно ей сменить белье»... «Хорошо, мама! Но ведь есть прислуга, так, может быть, негритянка сменит?»... Нет, конечно, прошли те времена. Все прошло, ничего не осталось. Только...

Мексиканка. Flores.

Бланш. Смерть... Я, бывало, по одну сторону кровати, она — по другую, а смерть — тут же, под боком... А мы не решаемся и вида подать, все притворяемся, что знать не знаем, что и не слышали про такую.

Мексиканка. Flores para los muertos. Flores. Flores.

Бланш. А что противостоит смерти? Желание, любовь. Так чему же вы удивляетесь? Есть чему удивляться!.. Неподалеку от «Мечты» — тогда она еще была нашей — находился военный лагерь, где муштровали новобранцев. И каждую субботу по вечерам ребята отправлялись в город и напивались.

Мексиканка *(совсем тихо)*. Coronas...

Бланш. ...а на обратном пути — бывало, уж и на ногах-то не стоят! — заворачивали к нам и выкликали под окнами: «Бланш!.. Бланш!» Старушка была совсем уже глуха и ни о чем не догадывалась. А я... я не упускала случая улизнуть и откликнуться на их зов... А потом

¹ Цысты. Цветы. Цветы для умерших. Цветы. Цветы... *(исп.)*

² Венки для умерших... *(исп.)*

патруль собирал у нас на лужайке их тела в грузовик... и — в путь-дорогу...

Мексиканка, не спеша, поворачивается, бредет обратно, ее заунывные причитания затихают. Бланш подошла к туалетному столику, оперлась на него. Молчание. Митч встает и решительно направляется к ней. Полька замирает. Митч обнял Бланш, держит ее за талию, попробовал повернуть лицом к себе.

Бланш. Что вам еще?

Митч *(неуверенно обнимая ее)*. То, чего я не мог добиться все лето.

Бланш. Ну, так женитесь на мне, Митч.

Митч. Да, пожалуй, теперь уж всякая охота пропала.

Бланш. Значит — нет?

Митч *(отпуская ее)*. Вы не настолько чисты, Бланш... Ну, как вас введешь в дом, ведь там — мама.

Бланш. А раз так — уходите.

Он пристально смотрит на нее.

Чтоб духа вашего здесь не было... а то я подниму на ноги всю улицу! *(У нее начинается истерика.)* Чтоб духа вашего не было, или я переполошу всю улицу...

Он все так же не спускает с нее испытующего взгляда.

(Кидается к окну, к этой огромной раме, в которую вставлен светлый квадрат нежной синевы ночного летнего неба... и кричит, как безумная.) Пожар!.. Пожар!.. Горим!..

Митч с перепугу разинул рот и поскорее — в дверь. Неуклюже затопал по лестнице и скрывается за углом. Бланш, шатаясь, отошла от окна, опускается на колени. Где-то далеко-далеко медленно, тоскливо зазвучало пианино.

КАРТИНА ДЕСЯТАЯ

Прошло еще несколько часов. Ночь.

Спровадив Митча, Бланш налегла на выпивку, не жалея сил. Выволокла свой кофр на середину спальни. Он стоит раскрытый и весь завален яркими цветастыми платьями. Так, за выпивкой и разборкой туалетов, она мало-помалу развеселилась и дошла до экстаза, в котором все радужно и море по колено: тут-то она и вырядилась в это порядком перепачканное и мятое вечернее платье из белого атласа и сбитые серебряные туфельки со сверкающими «брильянтиками» каблуками. Теперь прилаживает перед трюмо свою тиару из рейнских камешков и в восторженном самозабвении шепчет, словно она в обществе толпящихся вокруг нее поклонников.

Бланш. А не отправиться ли нам всем искупаться, на плотину у старой каменоломни — поплаваем при лунном свете, а? Только вот кто же в состоянии сесть за руль?..

Все мы такие пьяные. Ха-ха. Лучше нет, когда голова гудит: поплаваешь—и как рукой снимет. Только берегитесь—там, где затопленный карьер, хоть и глубоко, нырять надо с оглядкой... а то стукнешься головой о выступ—вынырнешь только через день... *(Дрожащей рукой подносит ручное зеркало к лицу, чтобы рассмотреть себя поближе. Всклинув, с такой силойхватила им по туалетному столику, что зеркало разбивается. Застонала негромко, делает тщетную попытку подняться на ноги.)*

На улице, из-за угла, показался Стэнли. Он все в той же спортивной рубашке ярко-зеленого шелка. С его появлением вступает простенький балаганный оркестрик, издали неназойливо вторящий последующей сцене. Вот он уже и на кухне, хлопнула закрывшаяся за ним дверь. Взглянув на Бланш, негромко присвистнул. Он в легком подпигии, по дороге прихватил домой несколько квартовых бутылок пива.

Ну, как там моя сестра?

Стэнли. Молодцом.

Бланш. А малышка?

Стэнли *(дружелюбно ухмыляясь)*. Появится только утром, так что мне посоветовали отправляться домой и вздремнуть ненадолго.

Бланш. Из чего следует, что мы остаемся здесь с глазу на глаз, так я вас понимаю?

Стэнли. Ага. Вы да я, да мы с вами, Бланш... Если только вы никого не прячете под кроватью. В честь чего это вы вырядились в пух и прах?

Бланш. Ах да, в самом деле—ведь телеграмма пришла уже без вас...

Стэнли. Вам?

Бланш. Да, получила телеграмму от одного давнего поклонника.

Стэнли. Добрая весть?

Бланш. Пожалуй... Приглашение.

Стэнли. Куда? На бал пожарных?

Бланш *(вскидывая голову)*. Прогулка на яхте по Карибскому морю!

Стэнли. Так, так. И что же теперь будет?

Бланш. Большой неожиданности не помню за всю свою жизнь.

Стэнли. Да уж, конечно, куда больше...

Бланш. Эта телеграмма просто как гром среди ясного неба!

Стэнли. Так от кого, вы говорите?..

Бланш. От одного давнего поклонника.

Стэнли. Это не тот, что подарил вам песцов?

Бланш. Мистер Шеп Хантли. Мой постоянный спутник на последнем курсе в колледже. С тех пор и не видела

его до прошлого рождества. Столкнулись на Бискайском бульваре. И вот, глядите—телеграмма!.. приглашает прокатиться по Карибскому морю! Только вот что надеть... ума не приложу. Перерыла все свое имущество в поисках чего-нибудь подходящего для тропиков.

Стэнли. И остановились на этой роскошной тиаре, осыпанной алмазами?

Бланш. Что, этот остаток бывшего величия? Ха-ха! Да это всего лишь рейнские камешки!

Стэнли. Фу ты, напасть! А я-то уж совсем было принял их за алмазы от Тиффани. *(Начинает растегивать рубашку.)*

Бланш. Ну и что ж. Зато там я буду окружена самой настоящей роскошью.

Стэнли. Ух-х... Из чего неопровержимо явствует, что никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

Бланш. Только было я совсем уж решила, что счастье начинает изменять мне...

Стэнли. ...Как на сцене—тут как тут появляется этот миллионер из Майами.

Бланш. Совсем он не из Майами. Из Далласа.

Стэнли. Да ну?

Бланш. Да, из Далласа... где золото бьет фонтаном...

Стэнли. Ну что ж, хорошо, что хоть откуда-то. *(Снимает рубаху.)*

Бланш. Прежде чем раздеваться дальше, хоть занавеску бы задержули.

Стэнли *(благодушно)*. Да я только рубашку. *(Обдирая с пивной квартовой бутылки обертку.)* Ключ для бутылок вам не попался?

Она отошла к туалетному столику, стоит, крепко сплетя пальцы.

Был у меня когда-то кузен, так тот, бывало, открывал пивные бутылки зубами. *(Прилиживаясь сорвать пробку о край стола.)* ...Это был единственный его талант—больше ничего не умел: человек-пробочник. И вот как-то раз—праздновали чью-то свадьбу—выломил себе все передние зубы зараз!.. А после того ему стало так стыдно за себя, что, только, бывало, начнут собираться гости, он потихоньку-потихоньку тут же смывается из дома.

Крышка с бутылки соскакивает, пивная пена высоко ударила сильным фонтаном.

(Заливается счастливым смехом, поднимает бутылку над головой.) Ха-ха! Дождик, дождик, по сильнее!.. *(Протягивает бутылку Бланш.)* Ну, зароем же топор войны, разопьем чашу дружбы и возлюбим друг друга! А?

Бланш. Нет, спасибо.

Стэнли. Да ну же!.. такая знаменательная для нас обоих ночь: вам—ваш нефтяник со всеми его миллионями, мне—мальш! *(Идет в спальню, к шифоньеру, нагнулся, доставая что-то из нижнего выдвижного ящика.)*

Бланш *(отступая)*. Что вам здесь нужно?

Стэнли. А вот... я всегда достаю ее по торжественным дням, вроде нынешнего. Шелковая пижама—в ней я был в свою первую брачную ночь!

Бланш. А-а...

Стэнли. Как только зазвонит телефон и мне скажут: «У вас родился сын!»—тут же раздеру ее и вывешу флаги! *(Размахивает в воздухе переливающейся всеми цветами радуги пижамной курткой.)* Сегодня, по-моему, нам с вами обоим есть от чего занестись. *(Перекинул пижаму на руку, уходит на кухню.)*

Бланш. Как подумаю, что это будет за блаженство иметь возможность оставаться наедине с собой,—готова заплакать от счастья!

Стэнли. А ваш миллионер из Далласа, он-то где же будет—так и предоставит вас самой себе?

Бланш. У нас с ним будет совсем не то, что у вас на уме. Этот человек—джентльмен и уважает меня. *(Лихорадочно импровизируя.)* Ему недостает меня, общения со мной. От великого богатства иной раз так одиноко. А образованная женщина, интеллигентная, воспитанная, может наполнить жизнь мужчины таким богатым содержанием. У меня есть все для этого, в избытке, могу дарить щедрой рукой и—не обеднею. Красота—недолговечна. Преходящее достояние! А красота духовная, блеск ума, душевная тонкость—и всем этим я наделена—не меркнут, не идут на убыль, а растут. С годами их только прибывает. Ну, не смешно ли... и меня-то—меня!—еще называют человеком без средств. Это когда в моем сердце заперты такие сокровища... *(Всклинув.)* По-моему, так я очень, очень богата. Но я вела себя глупо... метала бисер перед свиньями.

Стэнли. Свиньями? Х-ха!

Бланш. Да, свиньями. Свиньями! Я имею в виду не только вас, но и вашего дружка, мистера Митчелла. Он тут заходил ко мне. Хватило наглости явиться прямо в спечовке. И пересказывать мне все эти мерзости, подлейшее злопахательство, которого он набрался от вас! Ничего, я ему выправила подорожную по всем правилам...

Стэнли. Да ну?.. Х-ха!

Бланш. Но он тут же и вернулся. Пришел с корзиной роз выпрашивать прощения. Умолял простить его! Но не все прощается... Сознательной, заранее обдуманной жестокости нет прощения. Преднамеренная жестокость, по-

моему.—единственный грех, которому нет никаких оправданий, и единственный грех, в котором я еще ни разу не была повинна. Вот это я ему и выложила. Я сказала: «Благодарю вас, но величайшей глупостью с моей стороны было думать, что мы вообще можем хоть в чем-то подойти друг другу. Слишком уж по-разному сложилась жизнь у каждого из нас. Слишком уж чужды вы мне, а я вам и по происхождению, и по образу мышления. Надо быть реалистом и смотреть на все это прямо. Так что прощайте, друг мой, и простите! Не будем помнить друг другу зла и...»

Стэнли. Все это было еще до телеграммы вашего нефтяного миллионера из Техаса или уже после?

Бланш. Какой еще телеграммы?.. Нет, нет... после! В сущности говоря, телеграмма пришла, как раз когда...

Стэнли. В сущности-то говоря, никакой телеграммы не было и в помине.

Бланш. О-о!..

Стэнли. А этого вашего миллионера просто не существует! Да и Митч не возвращался к вам с розами, потому что я знаю, где он сейчас...

Бланш. О!

Стэнли. И все это одно только ваше воображение, чтоб его черт побрал!

Бланш. О!

Стэнли. Одно только вранье, дурацкие выверты, кривлянье!

Бланш. О!

Стэнли. Да посмотрели бы только на себя! Видели бы вы себя в своих паршивых обносках... словно ряженая на святках! Разжилась напрокат этим тряпьем у какого-то дерьмового старьевщика... Да еще и эту дурацкую корону нахлобучила—царицей вообразила себя, что ли?

Бланш. О-о... Боже мой!

Стэнли. Ну, я взялся за вас по-своему с самого же начала. Сколько раз было, что вы вот-вот и совсем уж задурите голову этому чудаку!.. Приехала, засыпала все в доме своей пудрой, забрызгала духами, напаялила на лампочку бумажный фонарик... вот тебе и Египет, а сама—царица Нильская: расселась на своем троне да знай себе хлещет мое виски! А я говорю: х-ха!.. х-ха! Слышали?.. Ха-ха-ха! *(Направляется в спальню.)*

Бланш. Не подходите! *(Зловещие тени замечались по стенам вокруг нее. Чудовищные эти образы обозначаются все более отчетливо и грозно. Затаив дыхание, она подбирается к телефону и отчаянно дергает рычажок.)*

Стэнли проходит в ванную, закрыл за собой дверь.

Дежурный, дежурный! Дайте, пожалуйста, междугородную... Мне нужно соединиться с мистером Шепом Хангли из Далласа... Он такая знаменитость, что адреса не требуется... Да спросите вы кого угодно... только спросите!.. Да подождите же!.. Нет, я не могу так сразу сию же минуту и отыскать... Но поймите вы, прошу вас... Я... нет, нет, подождите!.. Минуточку! Но кто-нибудь же должен... Ничего! Не давайте, пожалуйста, отбой!.. *(Положила трубку, бесшумно прокралась в кухню.)*

Ночь кричит пещеловеческими голосами, словно дикие джунгли заревели, заукали на все лады.

Тени и зловещие отблески заплясали, забилась, запольхали, запрыгали со стены на стену по всей квартире. Сквозь заднюю стену квартиры, становящуюся прозрачной, проступает улица, тротуар. Проститутка споткнулась о пьяного на земле. Тот гонится за ней вдоль по улице, догнал, между ними завязывается борьба. Свисток полисмена положил конец этой схватке. Обе фигуры исчезают. Почти тотчас же вслед за тем из-за угла появляется негр-тянка, завладевшая сумочкой, которую проститутка обронила на мостовой. В ажютаже от находки роется в сумочке.

(Прижимает костяшки пальцев к губам, медленно возвращается к телефону. Отчаянным шепотом.) Дежурный! Дежурный!.. Да при чем тут междугородная! Дайте телеграф. Да некогда же, нельзя терять ни минуты... Телеграф!.. *(Ждет, сгорая от нетерпения.)* Телеграф?.. Да, да. Именно—прошу отправить телеграмму... Записывайте. «В отчаянном, в отчаяннейшем положении. Помогите! Попалась в западню! Попалась...» О-о!

Дверь ванной распахнулась, появляется Стэнли в своей сверкающей шелковой пижаме. Ухмыляясь Бланш, завязывает пояс с кисточками на концах. Беззвучно охнув, она пятится от телефона. Он пристально смотрит на нее—пауза: счет до десяти. Из телефонной трубки раздастся какой-то скрежет.

Стэнли. Вы не повесили трубку. *(С подчеркнутой неторопливостью подходит к телефону, повесил трубку. Восстановив порядок, снова пристально смотрит на нее, по губам его медленно скользнула кривая усмешка, а сам он тем временем занимает позицию у входной двери, отрезав Бланш путь к бегству.)*

Пианино, звучавшее до сих пор еле вятно, ударило в полную силу, забарабанило. И тут же переходит в рев налетающего локомотива.

Бланш *(вся согнулась, зажимает уши крепко сжатыми кулаками и так и остается, пока грохот локомотива не замирает вдали. Выпрямившись, наконец.)* ...Пропустите... дайте пройти!

Стэнли. Пройти? Безусловно! Ну!.. Что ж вы стоите? *(Отступил на шаг, стал в самых дверях.)*

Бланш. Отойдите... вон туда. *(Показывает куда.)*

Стэнли (*ухмыляясь*). Мало вам места?.. Не пройдет?

Бланш. Вы загородили дорогу!.. Но я все равно уж как-нибудь да вырвусь отсюда.

Стэнли. Вы что, думаете, я покушаюсь на вашу честь? Ха-ха!

Вкрадчиво заговорило пианино. Бланш отворачивается от него, в бессильном отчаянии махнула рукой. И снова джунгли взревели всеми своими дикими нечеловеческими голосами.

(Шагнул к ней; стоит, покусывает кончик языка, высунутый меж зубами. Тихо.) Сейчас подумаем... а почему бы и правда не побаловаться с вами... что ж, пожалуй, вполне сойдете...

Бланш (*отступает в спальню*). Назад! Не подходите. Ни шагу, а то...

Стэнли. А то?

Бланш. Плохо вам будет — света белого не взвидите. Вот посмóтрите!

Стэнли. Так что же вы выкинете теперь?

Оба уже в спальне.

Бланш. Добром вам говорю — оставьте, вы меня и так уже довели.

Он делает еще шаг вперед. Бланш схватила со стола бутылку, с размаху разбивает ее и решительно встает с ним лицом к лицу, крепко сжимая в руке отбитое горлышко бутылки.

Стэнли. Это еще зачем?

Бланш. Да так... исполосую вам физиономию вот этим острым концом.

Стэнли. С вас станется.

Бланш. Увидите. Попробуйте только...

Стэнли. А-а... Так вот вы как хотите — пропадать, так с музыкой. Ну что ж, — милое дело! — будь по-вашему. *(Бросился на нее, опрокидывает стол. Она с криком отбивается горлышком бутылки, нанесла удар, но он перехватывает ее руку в запястье.)* Ну и тигр... Ну и тигр! Да бросьте же вы горлышко! Ну!.. Мы ведь назначили друг другу это свидание с первой же встречи.

Бланш застонала. Горлышко бутылки падает на пол. Она опускается на колени. Стэнли подхватывает безвольно обмякшее тело на руки, несет на постель.

В «Четырех двойках» надсадно загнусавила труба под сурдинку, с грохотом рванул ударник.

КАРТИНА ОДИННАДЦАТАЯ

Несколько недель спустя.

Стелла занята укладкой вещей Бланш. В ванной с шумом бежит вода из крана.

Портьеры между кухней и спальней задернуты примерно лишь наполовину—так, что видно сидящих вокруг кухонного стола игроков в покер: Стэнли, Митч, Стив, Пабло. В кухне все точно так же, как в недоброй памяти покерную ночь,—та же атмосфера грубой, inferнальной мужской откровенности. А сам дом, все здание словно вставлено, как в раму, в сияющую лазурь безоблачного неба.

Стелла бережно складывает в кофр одно за другим цветастые платья Бланш и плачет.

По лестнице сверху спускается Юнис, вошла в кухню. Голоса играющих зазвучали громче.

Стэнли. Рассчитывал на стрейт, и так оно и вышло, бог свидетель!

Пабло. *Maldita sea tu suerte!*¹

Стэнли. Говори по-людски, гризер².

Пабло. Да просто зло берет, до чего тебе, кобелю, сегодня удача.

Стэнли (*в полном упоении собой*). А что вы все смыслите в удаче! Удача с тем, кто знает свою удачу и не колеблется. Вот, например, в Салерно... я был убежден, что мое везение при мне. Ясно было, что прикупить до пяти четыре к одной на руках нечего и думать—простой расчет!.. а я—свое... и вышло по-моему. Такой у меня закон. И только тот и ведет забег в этой житухе по маленькой, кто верит в свою удачу.

Митч. Все «я» да «я»... Я-я-я!.. Я—такой. Я—сякой!.. Драл-драл-драл!.. Был-был-был!..

Стелла прошла в спальню, складывает вещи.

Стэнли. Что это с ним?

Юнис (*проходя мимо играющих*). Всегда говорила, мужики—твари бессердечные и бесчувственные, но уж такое просто и неслыханно. Дойти до такого уж свинства!.. (*Прошла за портьеры, в спальню.*)

Стэнли. Что это с ней?

Стелла. Как там малыш?

Юнис. Спит себе сном праведника. Вот, принесла вам винограду. (*Положила несколько гроздей на скамеечку. Понизив голос.*) А что Бланш?

Стелла. Принимает ванну.

Юнис. Как она?

Стелла. Ничего не ест, а только все просит пить.

Юнис. Как вы ей сообщили?

¹ Вот не везет! (*исп.*)

² Презрительное прозвище мексиканцев в США.

Стелла. Сказала, что мы договорились... что удалось устроить на отдых на лоне природы. А у нее это тут же как-то переплелось в уме с Шепом Хантли.

Бланш *(чуть приоткрыла дверь из ванной)*. Стелла!

Стелла. Да, Бланш?

Бланш. Если, пока я в ванной, мне позвонят, запиши номер телефона и скажи, что я сразу же позвоню.

Стелла. Хорошо.

Бланш. Да посмотри, не помят ли костюмчик из желтого шелка—в нем прохладней... Если он не очень помят, надену. А на отворот приколю своего морского конька—ту серебряную брошку с бирюзой. Поищи в коробочке сердечком, в ней у меня всякая мелочь. Да, вот еще, Стелла... там же—только посмотри хорошенько—должен быть букетик искусственных фиалок. Приколю их морским коньком на отворот жакета. *(Закрывает дверь.)*

Стелла *(оборачивается к Юнис)*. Не знаю, правильно ли я поступила...

Юнис. А что вам оставалось?

Стелла. Поверь я тому, что она рассказывает... да как же мне тогда оставаться со Стэнли, как мне тогда жить с ним?

Юнис. И не верьте ни единому слову. Жизнь не остановишь. Что бы там ни случилось, а раз уж взялся, знай тяни свою ляжку.

Бланш *(снова чуть приоткрывает дверь из ванной)*. Кроме вас—никого?

Стелла. Никого, Бланш, никого. *(К Юнис.)* Скажите ей, что она у нас сегодня очень красивая.

Бланш. Задерните портьеру... я пройду.

Стелла. Задернута, задернута.

Стэнли. ...Сколько прикушаешь?

Пабло. Пару.

Стив. Три.

Бланш *(появляется в янтарном свете, хлынувшим из двери. В красном атласном халатике, скульптурно подчеркивающим каждую линию, каждый изгиб ее тела, вся она сейчас трагически прекрасна, ослепительна. И тут же становится вятно различим мотив полочки, который она словно несет с собой. С лихорадочным оживлением, в котором прорываются истерические нотки)*. Только что вымыла волосы.

Стелла. А-а...

Бланш. Кажется, только плохо промыла.

Юнис. Какие чудесные у вас волосы!

Бланш *(клюет на эту приманку)*. С ними одни только хлопоты. Мне не звонили еще, не спрашивали меня?

Стелла. Кто не спрашивал?

Бланш. Шен Хантли...

Стелла. Да нет еще, пока не спрашивал, родная.

Бланш. Странно. А я...

При звуке ее голоса рука с картами у Митча бессильно, словно в изнеможении, опускается на стол, взгляд становится рассеянным, невидящим.

Стэнли (*хлопает его по плечу*). Эй, проснись!

Бланш испуганно подняла руку, словно для защиты; беззвучно, одними губами, шепчет имя человека, которого узнала по голосу. Стелла поскорей отворачивается в сторону. Бланш с оправленными в серебро зеркальцем в руке застывает в таком скорбном недоумении, что, кажется, в лице ее сейчас вся горечь знания и опыта человеческого... В конце концов она все-таки совлادала с собой, но голос дрожит: вот-вот начнется истерика.

Бланш. Что здесь происходит? (*Поворачивается от Стеллы к Юнис и снова к Стелле.*)

Напряжение, прозвевшее в ее голосе, отвлекает внимание игроков от карт. Митч опускает голову еще ниже, Стэнли отодвинулся со стулом от стола, словно собираясь встать. Стив успокаивающим жестом кладет ему руку на плечо.

(*Все так же.*) Что здесь произошло? Я хочу, чтобы мне объяснили, наконец, в чем дело.

Стелла (*силы вот-вот оставляют ее*). Тссс!.. Тссс!

Юнис. Тише, милочка, тише.

Стелла. Я тебя умоляю, Бланш...

Бланш. Что вы на меня все смотрите? У меня что-нибудь не так?

Юнис. Как вы сегодня хороши, Бланш. Ну разве она у нас не красавица?

Стелла. Да, да.

Юнис. Вы ведь, если не ошибаюсь, собираетесь ехать куда-то?

Стелла. Да, да. Бланш так хочет. Она у нас едет отдыхать.

Юнис. Просто позеленешь от зависти.

Бланш. Да помогите же мне одеться!

Стелла (*подавая платье*). Ты это просила?..

Бланш. Ладно, годится! Мне так не терпится поскорее выбраться отсюда... просто не дом, а западня какая-то.

Юнис. Какой прелестный у вас синий жакетик!

Стелла. Сиреневый.

Бланш. Обе вы ошибаетесь. Это флорентийская лазурь. Синева плагья мадонны на картинах старых мастеров. Виноград — мытый? (*Щиплет от грозди, принесенной Юнис.*)

Юнис. А?

Бланш. Я спросила — мыли виноград?

Юнис. Он с французского рынка.

Бланш. Это совсем не значит, что его мыли.

Благовест соборных колоколов.

А вот и колокола собора... единственно чистое, что есть в вашем квартале. Ну что ж, вот я и готова — пойду.

Юнис (*шепотом*). Еще, того и гляди, уйдет, не дожидаясь, пока за ней явятся.

Стелла. Подожди, Бланш.

Бланш. Не хочу проходить на виду у этих.

Юнис. Ну так подождите, пока кончат.

Стелла. Садись-ка и...

Бланш нехотя поворачивается от двери в полной растерянности. Стелла и Юнис подталкивают ее к креслу, она уступает и садится.

Бланш. Кажется, я уже так и слышу запах моря. Проведу весь остаток жизни на море. В море меня настигнет и смерть. Знаете, отчего я умру? (*Отрывает виноградину.*) Оттого что в один прекрасный день где-нибудь в открытом океане поем немытого винограда. И вот буду умирать... руку мою будет держать молодой, красивый корабельный врач с маленькими светлыми усиками и большими серебряными часами. И все будут говорить: «Бедная, бедная... хинин не помог. Этот немытый виноград препроводил ее душу прямо на небо».

Благовестят соборные колокола.

В море же меня и похоронят; зашьют в чистый-чистый белый саван и — за борт... в полуденный час, знойным летом... опустят меня прямо в океан... лазурный...

Благовест.

Как глаза моего первого возлюбленного!

На улице из-за угла дома показались врач и надзирательница; поднимаются по ступенькам крыльца. Сознание чрезвычайности своей миссии так и распирает их обоих, что, несомненно, следует отнести главным образом на счет той наглости, которая развивается у людей, состоящих на государственной службе — им мнится, что они на каком-то особом положении.

Врач звонит. Разом замер громкий говорок за картами.

Юнис (*шепотом, Стелле*). А вот и они, наверно.

Стелла обхватив кулаками зажала себе рот.

Бланш (*медленно поднимаясь*). В чем дело?

Юнис (*с деланной небрежностью*). С вашего позволения, отлучусь на минутку — взгляну только, кто там.

Стелла. Да, да.

Юнис идет на кухню.

Бланш *(нервно)*. Интересно, не за мной ли.

У входной двери идет тихий разговор шепотом.

Юнис *(возвращается, весело)*. Там кто-то пришел за Бланш.

Бланш. За мной! *(Испуганно переводит взгляд с одной на другую), с опаской поглядывает на портьеры.)*

Еле слышно звучала полечка.

Это тот джентльмен из Далласа, которого я поджидала?

Юнис. По-моему, он самый, Бланш.

Бланш. Я не совсем готова.

Стелла. Попросите его подождать на крыльце.

Бланш. Я... *(Скрывается за портьерой.)*

Негромко застучали барабаны.

Стелла. Все уложено?

Бланш. А серебряный туалетный прибор... забыли.

Стелла. Ах, да!

Юнис *(возвращается)*. Они ждут у дома.

Бланш. Они? Что значит — «они»?

Юнис. Да ведь с ним еще дама.

Бланш. Ума не приложу, что там еще с ним за «дама»? Как она хоть одета?

Юнис. Ну, как... очень просто... как им положено.

Бланш. Скорее всего, это... *(От волнения ей не хватает голоса.)*

Стелла. Так что ж, Бланш, пошли?

Бланш. Придется проходить через ту комнату?

Стелла. Я буду рядом.

Бланш. Как я сейчас?

Стелла. Прелестна.

Юнис *(как эхо)*. Прелестна!

Бланш робко подходит к портьерам. Юнис распахнула их перед ней.

Бланш *(вступает в кухню)*. Не вставайте, пожалуйста. Мне только пройти. *(Быстрым шагом прошла через кухню к выходу.)*

Стелла и Юнис — ни на шаг от нее. Картежники неловко поднялись из-за стола... все, кроме Митча, который остается сидеть, не поднимая глаз.

Бланш уже на улице. Остановилась как вкопанная — дух захватило.

Врач. Здравствуйте.

Бланш. Я совсем не вас ждала. *(И вдруг ахнула, кинулась назад, на крыльцо.)*

Путь ей преградила ставшая перед дверью Стелла.

(Испуганно шепчет Стелле.) Это не Шеп Хангли.

Где-то далеко-далеко звучит полька.

Стелла пристально смотрит на Бланш. Юнис взяла ее под руку. Молчание; слышно только, как твердой, уверенной рукой тасует карты Стэнли. Бланш, затянув дыхание, проскользнула в квартиру. Входит со странной, загадочной улыбкой, глаза широко открыты, ярко блестя. Стелла, пропустив сестру мимо себя, закрывает глаза, крепко сцепила руки. Юнис, успокаивая, приобняла ее, затем поднимается к себе, на верхний этаж.

Бланш, войдя, замирает в дверях. Митч по-прежнему сидит, не поднимая глаз, руки на столе. Остальные мужчины с любопытством рассматривают ее. Наконец она направилась в спальню, стараясь обойти стол подалеже. Стэнли отодвинул стул и встает с явным намерением заступить ей дорогу.

Надзирательница идет за Бланш по пятам.

Стэнли. Забыли что-нибудь?

Бланш *(агрессивно, почти выкрикивая)*. Да! Да вот... Забыла!.. Что-то забыла! *(Ринулась мимо него в спальню.)*

Зловещие тени и отблески причудливой формы снова заплесали по стенам. И снова просачивается полочка — мотив ее звучит фальшиво, и в этом его подчеркнуто намеренном искажении есть что-то издевательски страшное; польке подвывают, подтягивают на все лады жуткие, нечеловеческие крики — снова джунгли подают свой голос. Бланш стоит, загорюничавшись стулом, готовая к защите.

Стэнли *(отрывисто)*. Вы бы вошли, док, что ли, а?

Врач *(делая знак надзирательнице)*. Сестрица, а ну-ка выведите ее.

Надзирательница заходит с одной стороны, Стэнли — с другой. Полное отсутствие женственности в лице и фигуре надзирательницы заставляет даже самую стерильную чистоту ее платья казаться какой-то ненужной, зловеще неуместной.

Надзирательница *(голос ее так же оскорбляет слух, так же пугает и так же уныло однообразен, как звон пожарного колокола)*. Привет, Бланш.

Это приветствие повторяют как эхо и эхо эха таинственные голоса за стенами: словно долгое эхо, нарастая и замирая, покатилося волнами по глубокому ущелью.

Стэнли. Говорит, забыла что-то...

Теперь эхо отзывается угрожающим шепотом.

Надзирательница. Ничего, ничего.

Стэнли. Что вы забыли, Бланш?

Бланш. Я... я...

Надзирательница. Пустяки, не имеет значения. Захватим потом.

Стэнли. Ясно! Пошлем с багажом.

Бланш *(отступая, в полном смятении)*. Я же вас не знаю... Не знаю я вас!.. Не хочу... Отпустите меня!.. Ну, пожалуйста, пожалуйста...

Надзирательница. Да ну же, Бланш...

Эхо (*на все лады, то приближаясь, то издали*). Да ну же, Бланш!.. Да ну же, Бланш!!

Стэнли. Ничего вы у нас не забыли, кроме просыпанной пудры да старых пустых пузырьков от духов... разве что пожелаете прихватить заодно и вот этот бумажный фонарик. Нужен? Бумажный фонарик?.. (*Подходит к туалетному столику, схватил фонарик, сорвал с лампочки, протянул ей.*)

Бланш закричала, словно не фонарик порвали — ее саму рвут на части. Надзирательница решительно двинулась к ней. С диким криком Бланш попыталась прорваться мимо надзирательницы. Мужчины за столом повскакивали со своих мест. Стелла выбегает на крыльцо, Юнис за ней, успокаивать. Растерянно, перебивая друг друга, загомонили на кухне мужчины.

Стелла (*кидается в объятия подошедшей Юнис*). Боже мой, Юнис, помогите! Что же они с ней делают! Да не давайте же так мучить ее! О господи, ну богом вас заклинаю, не мучьте же вы ее, не мучьте! Что они над ней вытворяют! Да что же это такое! (*Пытается вырваться от Юнис.*)

Юнис. Нет, нет, милая... не надо, не надо. Там вам не место, не ходите. Побудьте пока со мной и не смотрите на них.

Стелла. Что же я сделала со своей сестрой! О господи, что я натворила!

Юнис. Все правильно, другого выхода у вас и не было. Ведь не здесь же ее оставлять... а куда ей еще деваться? Одна дорога...

Голоса мужчин становятся громче и заглушают разговор Стеллы с Юнис на крыльце.

Стэнли (*выбежав из кухни*). Эй! Доктор! Вошли бы сюда!

Врач. Жаль-жаль. Я обычно предпочитаю обходиться без этого.

Пабло. Скверная история.

Стив. Да разве так делают. Сказать ей надо было.

Пабло. Madre de Dios! Cosa mala, muy, muy mala!¹

Митч рванулся в спальню. Стэнли — наперерез, отталкивает его в сторону, став на пути.

Митч (*в ярости*). Это ты все подстроил, гад!

Стэнли. Брось этот треп! (*Отталкивает его.*)

Митч. Убью! (*Кинулся на него с кулаками.*)

Стэнли. А ну, уберите этого слизняка!

¹ Матерь божья! Скверное дело, очень скверное! (*исп.*)

Стив (*хватая Митча*). Брось, Митч!
Пабло. Верно. Чего уж тут поделаешь...

Митч, весь обмякнув, рухнул на стол, плачет. А тем временем надзирательница поймала Бланш, хватая ее за руку так, что уже не убежишь. Бланш отчаянно выкручивается, вцепилась в надзирательницу ногтями. Но плотная, сильная женщина мертвой хваткой берет ее за руки, Бланш с криком опускается на колени.

Надзирательница. А коготки-то вам придется подстричь. (*Взглянула на вошедшего в спальню врача.*) Смирительную рубашку, доктор?

Врач. Только в самом крайнем случае. (*Снимает шляпу, после чего обезчеловеченная казенная безличность всего его прежнего облика исчезает — теперь это, скорее, уже просто человек, по-человечески понятный. Голос его, когда он подходит к Бланш и склоняется над ней, звучит мягко, успокаивающе, внушая, что ничего страшного не происходит.*)

Стоило врачу окликнуть Бланш по имени, как ее страх несколько поулегся. Зловецкие тени исчезают со стен, нечеловеческие голоса и рев джунглей замирают, да и ее безутешные рыдания утишаются.

Мисс Дюбуа.

Она повернулась и смотрит на него с отчаянной мольбой.

(*Улыбнулся. Надзирательнице.*) Нет, до смирительной рубашки у нас не дойдет.

Бланш (*тихо-тихо*). Попросите ее отпустить меня.

Врач (*надзирательнице*). Отпустите.

Надзирательница отпускает Бланш. Стоя на коленях, та потянулась руками к врачу. Он бережно поднимает ее с пола, берет под руку и, осторожно поддерживая, выводит из спальни.

Бланш (*прижавшись к нему*). Не важно, кто вы такой... я всю жизнь полагалась па доброту первого встречного.

Картежники подаются назад, когда Бланш с врачом проходят по кухне. Она идет за ним послушно и доверчиво, словно слепая, а он — ее поводырь. Когда они сходят с крыльца. Стелла, вся осев на ступеньках, со слезами зовет ее, кричит: «Бланш! Бланш! Бланш!»

Бланш идет, не оглядываясь, с ней врач и надзирательница. Вот они уже и завернули за угол, ушли.

Юнис спускается к Стелле с верхнего этажа. на руках у нее малыш, завернутый в светло-синее одеяльце. Стелла, всклипывая, приняла малыша из ее рук. Юнис вышла на кухню, где все мужчины, кроме Стэнли, уже снова молча уселись на свои места за столом.

Стэнли (*вышел на крыльцо, стоит на ступеньках, смотрит на жену. Не совсем уверенно*). Стелла...

Она плачет безутешно, безудержно, взахлеб. И есть для нее какая-то странная сладость в том, что теперь она может, не сдерживая себя, оплакивать сестру, которая больше для нее уже не существует.

(Вкрадливо, нежно.) Да ну же, родная... Любимая!.. Ну-ну, любимая!.. Ничего... ничего... *(Опустился возле нее на колени, пальцы его подбираются к вырезу ее блузки.)* Ну, ну, любимая! Ничего... ничего...

Ее плач—уже сладкие слезы!—и его любовный шепот слышны все слабее и слабее за аккордами пианино, которому подпевает труба под сурдинку.

Стив. В эту сдачу—семь на развод.

Занавес

ОРФЕЙ СПУСКАЕТСЯ В АД

Перевод Я. Березницкого

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Долли Биннингс.
Бьюла Хэмма.
Коротыш Биннингс.
Пёс Хэмма.
Кэрол Катрир.
Ева Темпл.
Сестрица Темпл.
Дядюшка Плезент.
Вэл Зевьер.
Ви Толбет.

Леди Торренс.
Джейб Торренс.
Шериф Толбет.
Мистер Дубинский.
Женщина.
Дэвид Катрир.
Сиделка Портер.
Первый мужчина.
Второй мужчина.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Пролог

Декорация, решенная условно, изображает небольшой универсальный магазин и часть примыкающего к нему кафе-кондитерской в маленьком городке одного из южных штатов. Высокий потолок; потемневшие, должно быть от сырости и паутины, стены. В глубине большое замызанное окно, за ним—тревожно пустынный пейзаж, постепенно гонущий в поздних сумерках. Стоит дождливая пора—нот-вот зима сменится весной,—и сквозь окно иногда ничего не видно, кроме серебристых отблесков частого дождя. Позолоченными буквами старинного рисунка на стекле выведено: «Горренс. Универсальный магазин». Товары и торговое оборудование представлены на сцене очень скупо и условно. Торчком стоят большие бобины с намотанными на них рулонами тканей, бессмысленно торчит у тонкого белого столба черный торс портновского манекена. Вентилятор на потолке недвижим; с него свисают полоски линочной бумаги для мух. Несколько ступенек ведут к лестничной площадке и от нее дальше вверх. На площадке—унылая искусственная пальма в зеленовато-бурой кадке.

А кондитерская, часть которой видна сквозь широкую дверь под аркой, погружена в поэтический полумрак, как некая скрытая сущность пьесы. Еще одним, но гораздо меньшим игровым пространством является крохотная спальня, расположенная в нише. Ниша задернута занавеской с выцветшим и потускневшим, но все еще отчетливым рисунком в восточном стиле: золотое деревцо с алыми плодами и причудливые белые птицы.

При поднятии занавеса две женщины средних лет, но довольно молодого вида—Долли и Бьюла—накрывают легкий ужин на двух небольших, принесенных из кондитерской, столиках с черными, изящно изогнутыми железными ножками и мраморной в розовых и серых прожилках доской. Жены захудалых плантаторов, они одеты с безвкусицей шиком.

Вдалеке слышен гудок паровоза, и вслед за ним с разных сторон и на разном расстоянии—лай собак. Женщины прекращают хлопотать у столиков и с пронзительными криками бегут к двери под аркой.

Долли. Короты-ыш!

Бьюла. Песик!

Долли. Курьерский подходит!

Бьюла. Езжайте на станцию—надо их встретить!

Из-под арки появляются их мужья, тяжелые, краснолицые, хмурые; одежда на них в обтяжку (или наоборот: мешком), на обуви цалипла грязь.

Коротыш. Я скормил этому однорукому бандиту добрую сотню монет, а выплюнул он только пять.

Пес. Желудок, верно, не варит.

Коротыш. Надо будет потолковать с Джейбом насчет этих автоматов.

Оба выходят. Звук отъезжающей машины.

Долли. Только у Джейба и забот что игорные автоматы в кондитерской!

Бьюла. Что верно, то верно. Ходила я недавно к доктору Джонни за советом—у Песика снова нашли сахар

в моче—и, когда уж собралась уйти, спросила, что слышно об операции, которую Джейбу Торренсу делали в Мемфисе. Ну, и он...

Долли. Что?.. Как он ответил?

Бьюла. Надо бы хуже, да некуда—вот как!

Долли. Что же он сказал?

Бьюла. Ни словечка, ни единого словечка не вымолвил. Поглядел только на меня своими черными глазами и покачал головой—вот так.

Долли *(со скорбным удовлетворением)*. Сдается мне, этим самым безмолвным кивком он подписал Джейбу Торренсу смертный приговор.

Бьюла. Точно то же и я подумала. Они, видно, вскрыли его... *(Берет что-то попробовать со стола.)*

Долли. И тут же зашили снова! Вот-вот, так и я слышала.

Бьюла. Оказывается, в этих маслинах косточки.

Долли. А вы что думали—начинка?

Бьюла. Угу... А где сестры Темпл?

Долли. А где бы вы думали?

Бьюла. Шастают, верно, там, наверху. Если Леди застучает этих двух старых дев, она им скажет пару теплых словечек. С этой итальяночкой шутки плохи!

Долли. Ха-ха-ха, верно. В самую точку попали, милочка... *(Выглянув за дверь, провожает взглядом проносящуюся мимо машину.)* До чего ж у них там чудно наверху.

Бьюла. Вы были?

Долли. Была. Да и вы были—я видела вас, Бьюла.

Бьюла. А я и не отпираюсь. Человеку свойственно любопытство.

Долли. Отдельные спальни, и даже не рядом. В разных концах коридора. Грязища, темнота—господи! Знаете, на что мне показалось похоже? На нашу городскую тюрьму. И как только белые люди могут жить в такой конуре! Не понимаю...

Бьюла *(со значением)*. Чего ж удивляться? Ведь Джейб Торренс купил эту женщину.

Долли. Купил?

Бьюла. Да, купил, когда она была еще восемнадцатилетней девчонкой... Он ее купил, и купил по дешевке: как раз перед этим се... *(резко повернув голову, прислушивается к проезжающей мимо машине, затем продолжает)* ее бросил Дэвид Катрир, и сердце ее, понимаете ли, было разбито. Мм-ммм, каким тогда Дэвид был красавчиком! Они сошлись... ну вот как камень о камень—и вспыхнул огонь!—да, огонь.

Долли. Что?

Бьюла. Огонь! Ха... *(Чиркнув спичкой, зажигает один из канделябров.)*

Едва слышно начинает играть мандолина. Последующий монолог следует трактовать как откровенно экспозиционный. Произнося его с внутренней силой, приковывающей внимание зрителей, и адресуя непосредственно им. Долли отходит в глубину сцены, и уже через две-три фразы ощущение беседы между двумя женщинами исчезает.

Было это давно, еще до того, как вы с Песиком приехали к нам, в Двуречный округ. Да вы, должно быть, слышали... Отец Леди приехал из Италии, и, когда появился здесь, у него только и было что мандолина да обезьянка в зеленом бархатном костюмчике — ха-ха... Все по кабакам побирался — это еще до сухого закона было, — кто сколько подаст... Звали его просто Итальяшка — имени никто и не знал: Итальяшка, и все... ха-ха-ха...

Долли *(в глубине, голос ее едва слышен)*. А-ха-ха...

Бьюла *(присев на кончик стула и слегка наклонившись вперед, взглядом удерживает внимание зрителей)*. В голосе ее грусть воспоминаний. Если зал неспокоен, она встает и подходит вплотную к рампе, подобно актеру-Прологу в старых пьесах. Условность, с которой решен этот монолог, должна послужить ключом для решения всего спектакля). Боже ты мой, боже!.. Вот это-то и был папаша Леди. Потом ввели сухой закон, и Итальяшка — словно всю жизнь только тем и промышлял — стал из-под полы торговать спиртным. Купил по дешевке участок на северном берегу Лунного озера — там было старое русло, и все боялись, что река снова хлынет туда, — поэтому участок достался Итальяшке почти даром... *(Придвигает стул ближе к просцениуму.)* Разбил там сад, весь северный берег озера засадил фруктовыми деревьями и виноградом. Потом понастроил беседки, маленькие белые деревянные беседки со столиками и скамьями, где можно было выпить и посидеть с милым дружкой... Ха-ха-ха... И молодые парочки, вроде нас с Коротышкой, похаживали туда и весной и летом... Да, ничего не скажешь — весело мы там проводили времечко... Выпить у нас тогда было негде — как раз ввели сухой закон, он и сейчас в силе, да ведь сойди только с шоссе и свистни три раза по-птичьи, и тут же какой-нибудь черномазый выскочит из-за кустов с бутылкой!..

Долли. Да уж, верно! Ха-ха!

Бьюла. А тогда и впрямь негде было выпить — во всем округе негде, — кроме как у Итальяшки в винограднике. И вот мы ходили к нему, попивали красное итальянское вино и вытворяли в этих беседках черт-те что... Помню, как-то в воскресенье старый доктор Тукер — наш

методистский священник — обличал Итальяшку в церкви и вошел в такой раж, что у него кровоизлияние сделалось...

Долли. Господи, спаси и помилуй!

Бьюла. Вот так, мэм. И в каждой беленькой беседке было по лампе, и вот одна за другой, то там, то здесь, они гасли, гасли, и парочки начинали крутить любовь...

Долли. О-о-о!

Бьюла. Ух, какие чудные звуки можно было там услышать — шепот, плач, вздохи, стоны, смешки... *(Голос ее тих, она погружена в воспоминания.)* А потом снова, одна за другой, лампы зажигались, и Итальяшка с дочерью пели свои песни...

Мандолина играет громче, далекий голос напевает итальянскую песню.

А, бывало, хватится он ее, а Леди нет как нет.

Долли. Где же она была?

Бьюла. Где-нибудь в укромном местечке, с Дэвидом Катриром...

Долли. Аа-ааа! Ха-ха-ха...

Бьюла. ...старшим братом Кэрол Катрир. Они с Леди, бывало, скроются где-нибудь в саду, а старик папаша знай себе орет: «Леди, Леди!» Но как он ни драл глотку, сколько ни орал — она не откликнулась.

Долли. Попробуй откликнись: «Здесь я, папаша!», когда тебя тискает любовник.

Бьюла. И вот в ту самую весну... нет, уже позже — летом...

Долли снова удаляется из освещенной части сцены.

...старик дал маху. Стал продавать спиртное неграм. А «Тайное братство» тут как тут. Прискакали ночью, облили все бензином — сушь в то лето была не приведи господь! — и запалили. Все сожгли: виноградник, деревья, беседки. Мы с Коротышкой были на танцевальной площадке на другом берегу озера и смотрели, как занялся огонь. Десяти минут не прошло, как весь северный берег был в огне — так все и полыхало! И по всему озеру слышно было, как вопил Итальяшка: «Пожар, пожар, пожар!» — словно без него не знали, — и все небо будто горело огнем... Ха-ха-ха-ха... И ни одной пожарной машины — ну хоть бы одна выехала с пожарного двора — нет! А старикан Итальяшка схватил, бедняга, одеяло и бросился в сад гасить огонь голыми руками... Ну и сгорел... Угу, заживо сгорел...

Звуки мандолины обрываются, Долли вернулась к столу выпить кофе.

Иногда меня так и подмывает спросить у Леди...

Долли. Что спросить?

Бьюла. Неужто она и не подозревает, что ее муженек, Джейб Торренс, был предводителем в ту ночь, когда ее папашу сожгли в винограднике на берегу Лунного озера?

Долли. Бьюла Биннингс, у меня кровь стынет в жилах—даже подумать страшно! Как же могла она прожить с ним в браке двадцать лет, если б знала, что он сжег ее отца?

Отдаленный собачий лай.

Бьюла. Могла... Ненавидя—только и всего. Мало, что ли, таких, что ненавидят друг друга, а весь век вместе? А до денег они какие жадные, а?! Я уж давно подметила: как нет любви между мужем и женой, так оба только и думают, что о наживе. Сами-то вы не замечали, что ли? Замечали, конечно. Много ли нынче таких супружеских парочек, где сохраняется вечная привязанность? Иные уж до того доходят, что едва-едва терпят друг друга. Что—не так?

Долли. Святая правда, как на духу.

Бьюла. Едва-едва терпят друг друга. А иным и этого не удастся. По правде говоря, Долли Хэмма, я не думаю, что все эти мужья-самоубийцы в нашем округе так-таки сами и покончили с собой, как постановил суд. Ну, половина из них еще куда ни шло... А остальные...

Долли (*смакуя шуточку Бьюлы*). Значит, вы думаете, милочка, это благоверные спровадили их на тот свет?

Бьюла. Чего там думать? Я знаю... Есть и такие, которых начинает воротить от одного вида или запаха любезного муженька или драгоценной женушки еще до того, как закомпостируют обратный билет во время свадебного путешествия!

Долли. Как ни горько, а сущая правда.

Бьюла. И все-таки—липнут друг к другу.

Долли. Ваша правда—липнут.

Бьюла. Год за годом, год за годом копят денежки и всякое добро, богатеют, создают себе положение... И все-то их уважают—и в городе, и в округе, и в церкви, которую они посещают, и в клубе, к которому принадлежат, и так далее и тому подобное, и ни одна душа не знает, что они моют руки, если прикоснутся к чему-нибудь, чего касался их друг жизни!.. Ха-ха-ха-ха!..

Долли. Как вы можете смеяться, Бьюла, это так ужасно, так ужасно!..

Бьюла (*громче*). Ха-ха-ха-ха!.. Но вы же знаете: это правда.

Долли (*кивнув зрителям*). Да, она говорит сущую правду!

Бьюла. А там, глядишь, один помрет—рак или кондрашка хватит, мало ли от чего. А другой...

Долли. Пользуется добычей?

Бьюла. Вот-вот, пользуется добычей! Бог ты мой, как после этого он—или она—расцветает! Обзаводится новым домом, новой машиной, новой одеждой! Иные даже меняют церковь. Вдовушка заводит молоденького хахалю, вдовец начинает обхаживать какую-нибудь цыпочку... Ха-ха-ха-ха!.. Так вот сегодня утром я как раз и беседовала с Леди, когда она собиралась в Мемфис за Джейбом. «Леди,—говорю,—неужто вы не подождете с кондитерской, пока Джейб не оправится после операции?» А она мне: «Нечего откладывать—а вдруг придется ждать слишком долго». Так прямо и сказала: нечего откладывать—а вдруг придется ждать слишком долго. А всё деньги: столько вложено в эту кондитерскую, что хочешь не хочешь, а к пасхе кончай работы и открывай. К чему такая спешка, сбросите? А к тому. Джейб не сегодня завтра помрет—она знает, вот и торопится навести в делах порядок.

Долли. Ужасная мысль. Но верная. Ужасные мысли—почти всегда верные!

Обе внезапно вздрогнули, услышав донесшийся из глубины сцены, из затемненной ее части, легкий смех.

Освещение меняется, обозначая окончание пролога.

Картина первая

Обернувшись, женщины замечают под аркой, отделяющей лавку от кондитерской, Кэрол Катрир. Ей лет тридцать с небольшим, ее не назовешь миловидной, и все же она красива. Диковатая странная притягательность Кэрол резко, почти до гротеска, обострена той манерой краситься, которой танцовщица по имени Валли произвела недавно такой фурор в местах, где собирается цвет французской и итальянской богемы,—лицо и губы густо запудрены, глаза резко подведены черным, а веки тронуты синим. Она принадлежит к одному из старейших и наиболее уважасмых семейств в округе.

Бьюла. Кой-кому, видать, невдомек, что закрыто.

Долли. Бьюла!

Бьюла. А?

Долли. С чего это некоторые так размалевывают себя, не знаете?

Бьюла. А некоторых хлебом не корми, только чтоб на них обращали внимание. Любят пускать пыль в глаза.

Долли. Вот уж не хотела бы, чтобы на меня обращали такое внимание. Нет, не хотела бы...

Во время этого разговора, достаточно громкого для того, чтобы Кэрол его слышала, она подошла к телефону-автомату и опустила монету.

Кэрол. Дайте мне Новый Орлеан, пожалуйста. Тьюлейн, ноль три—семьдесят. Что? Хорошо, только подождите минуточку, не разъединяйте.

Медленно, словно напуганная видом Кэрол, по лестнице сверху спускается Ева Темпл. Кэрол открывает ящик кассы, берет оттуда несколько монет, возвращается к телефону и опускает их.

Бьюла. Она взяла деньги из кассы!

Боязливо, точно ребенок перед клеткою со львом, Ева проходит мимо Кэрол.

Кэрол. Здравствуйте, Сестрица.

Ева. Я Ева.

Кэрол. Здравствуйте, Ева.

Ева. Здравствуйте... *(Громким шепотом, Бьюле и Долли.)* Она взяла из кассы деньги.

Долли. Она может делать все, что ей вздумается,—она ведь из рода Катриров!

Бьюла. Потихе!..

Ева. А почему она босиком?

Бьюла. Говорят, когда ее последний раз задержали на шоссе, у нее пальто было надето прямо на голое тело.

Кэрол *(телефонистке)*. Да, да, я жду. *(Женщинам.)* У меня каблук застрял между досками тротуара—они у вас тут сгнили совсем,—ну и сломался. *(Показывает туфли, которые держит в руке.)* Говорят, если утром ломаешь каблук—суждено встретить свою настоящую любовь еще до темноты. Но когда я сломала каблук, было уже темно. Может быть, встречу свою настоящую любовь еще до рассвета? *(У нее удивительно чистый, как у ребенка, голос.)*

На площадке лестницы появляется Сестрица Темпл со старой вафельницей в руках.

Сестрица. Приехали?

Ева. Нет, это Кэрол Катрив.

Кэрол *(в трубку)*. Дайте, пожалуйста, еще несколько звонков, он, верно, пьян...

Сестрица проходит мимо нее так же боязливо, как Ева.

...Там в гостиной не проберешься—столько всего наставлено.

Сестрица. Ну и видок!

Ева. Ужас!

Кэрол. Берти? Это я, Кэрол. Здравствуй, милый. Ты что, споткнулся? Что-то там у тебя грохнуло. Я сию минуту выезжаю... Да, уже на шоссе... Все улажено, денежки свои я получила в обмен на обещание никогда не появляться снова в Двуречном округе. Пришлось пойти на

небольшой шантаж. Я заявила к ним на обед вся размазанная, с подведенными глазами и в своем жакетике с черными блестками — знаешь? Бетси Бу, жена моего брата, спрашивает: «Собираетесь на костюмированный бал, Кэрол?» — «Нет, — говорю, — хочу сегодня ночью прошвырнуться по шоссе, между вашим городком и Мемфисом, как, бывало, в старые времена, когда я жила здесь». Она выскочила из комнаты как ошпаренная и вернулась с чеком, на котором еще не высохли чернила! И точно такой я буду получать ежемесячно, если избавлю Двуречный округ от своего присутствия... *(Весело смеется.)* Как Джеки?.. Поцелуй за меня малютку, крепко-крепко!.. Берти, дорогой, я еду прямо к тебе, нигде не буду останавливаться, подсаживать даже никого не буду по дороге — разве только тебе привезти кого, а? Встретимся в погребке «Под звездами», или, уж если явно буду запаздывать, поспею выпить с тобой чашку кофе в «Утренней встрече» еще до того, как ночные заведения закроются на день... Я... Берти?.. Берти?.. *(Неуверенно смеется и вешает трубку.)* Так, а теперь... *(Вынимает из кармана пальто револьвер и идет за прилавок взять патроны.)*

Ева. Что она ищет?

Сестрица. Спроси у нее.

Ева *(подойдя ближе)*. Что вы ищете, Кэрол?

Кэрол. Патроны для револьвера.

Долли. У нее ведь нет разрешения на револьвер!

Бьюла. А у нее и шоферских прав нет.

Кэрол. Пусть только кто пристанет...

Долли. Шериф Толбет должен узнать об этом, как вернется со станции.

Кэрол. Сообщите ему, леди, сообщите. Я его уже однажды предупредила, что, если он еще раз остановит меня на шоссе, я разряжу в него эту штучку...

Бьюла. Если некоторые не в ладах с законом...

Ее прерывает панический визг Евы. Сразу же вслед за Еной вскрикивает Сестрица, обе бросаются к лестнице и взбегают на площадку. Долли тоже издает пронзительный крик и, отвернувшись, закрывает лицо руками. В лавку вошел колдун-негр. Лохмотья его укривлены множеством талисманов и амулетов: кости, перья, скорлупки. Его иссиня-черная кожа покрыта какими-то таинственными знаками, нарисованными белой краской.

Долли. Прогоните его, прогоните, он сглазит моего ребеночка!

Бьюла. Да помолчите же, Долли!..

Долли тем временем взбежала вслед за сестрами Темпл на лестничную площадку. Колдун подходит ближе, издавая невнятные звуки. Его беззубое шамканье — как шелест ветра в сухой траве. Он держит что-то в протянутой вперед трясущейся руке.

Что вы, не знаете этого сумасшедшего колдуна из Блу-Маунтин? Не сглазит он вашего ребеночка!

Когда негр входит в освещенный участок сцены, слышится примитивная мелодия или ритмическое постукивание ударных. Бьюла вслед за Долли поднимается на лестничную площадку.

Кэрол (*очень чистым, звонким голосом*). Подойди сюда, дядюшка, дай-ка взглянуть, что там у тебя. А, вижу: кость. Нет, нет, не надо, я не хочу ее трогать: на ней еще клочья мяса.

Женщины на площадке издают возгласы отвращения.

Это птичья кость, знаю. Но на ней еще следы гнили. Пусть полежит на голой скале долго-долго, пусть обмоет ее дождь, пусть высушит солнце, пока не сойдет с нее вся гниль, вся скверна. Тогда это будет добрый амулет — для белой магии, а сейчас он только для черной магии годен, дядюшка. Унеси его и сделай, что я сказала...

Почтительно кивнув, негр плетется к двери.

Постой, дядюшка Плезент. Прокричи-ка нам клич чокто.

Негр останавливается в кондитерской.

Он в родстве с этим индейским племенем. Знает их боевой клич.

Сестрица. Пусть воет где угодно, только не здесь!

Кэрол. Начинай, дядюшка Плезент. Клич чокто! Ты ведь знаешь его! (*Сняв пальто, садится на подоконник справа и пробует сама издать этот клич.*)

Негр закидывает назад голову и подхватывает клич: отрывистые, гортанные звуки, все более и более высокие по тону, завершаются пронзительно-диким, напряженно-страстным воплем. Женщины на лестничной площадке в испуге отшатываются и взбираются еще выше. И, словно вызванный этим кличем, появляется Вэл.

Ему лет тридцать. В крисоте его есть что-то дикое, словно бы сродни этому кличу. Он не носит ни джинсов, ни тенниски — на нем лоснящиеся от износа и не слишком туго облегающие ногу брюки из темной саржи и — что в первую очередь и бросается в глаза — куртка из змеиной кожи, отливающая белым, черным и серым. В руках — гитара, испещренная надписями.

(*Глядя на Вэла.*) Спасибо, дядюшка...

Бьюла. Эй, старик!.. Эй ты, чокто! Колдун! Проваливай отсюда, скотина черномазая, — нам надо сойти вниз!

Кэрол дает негру доллар. Тот выходит, бормоча себе под нос. Вэл придерживает дверь, пропуская Ви Толбет. Это грузная, рыхлая женщина лет сорока с небольшим. Она увлечена живописью в примитивном стиле, в руках у нее одна из ее работ.

Ви. Юбка зацепилась за дверцу «шевроле»... Порвалась, кажется.

Женщины спускаются вниз. Короткие приветствия, общее внимание сосредоточено на Вэле.

Не пойму, то ли здесь вправду темно, то ли я начинаю слепнуть? Весь день сегодня писала, десять часов просидела за мольбертом, не вставая, — только изредка отрывалась выпить кофе. Горюшила успеть — по вечерам я почти ничего не вижу. Удачно, кажется, получилось на этот раз. Но устала страшно. Ничто так не выматывает, как живопись. И не физическая даже усталость, а словно бы вся опустошена. Понимаете? Внутри. Будто все выгорело. И все-таки когда завершишь что-нибудь — ну, словно воспаряешь. Как поживаете, Долли?

Долли. Хорошо, миссис Толбет, благодарю вас.

Ви. Чудесно. А вы, Бьюла?

Бьюла. Не жалуюсь.

Ви. Все еще не могу ничего разглядеть. Кто это там? *(Показывает на фигуру Кэрл у окна.)*

Женщины многозначительно молчат.

(Внезапно.) Ах, это она! Я думала, родные выпроводили ее из наших мест...

У Кэрл вырывается чуть слышный горький смешок. Не отрывая глаз от Вэла, медленно проходит в кондитерскую.

Джейб и Леди вернулись?

Долли. Коротыш и Пес отправились за ними на станцию.

Ви. Прекрасно. Значит, я как раз вовремя. Я принесла свою новую работу. Только что закончила, еще не высохли краски. Я подумала, что Леди, быть может, захочет повесить ее в комнате Джейба, пусть там висит, пока он не оправится от операции. Люди, побывавшие на волосок от смерти, любят что-нибудь духовное... А? Да, да, это вознесенные Святого Духа...

Долли *(глядя на холст)*. Святого Духа?.. А где же у него голова?

Ви. Видите — сияние? Это и есть голова. Таким я его себе представляю.

Долли. А этот молодой человек с вами — кто он?

Ви. Боже мой, извините. Я так вымоталась, что позабыла о приличиях. Мистер Вэлентайн Зевьер. Миссис Хэмма. Миссис... простите, ради бога, Бьюла, всегда забываю вашу фамилию.

Бьюла. Охотно прощаю. Меня зовут Бьюла Биннингс.

Вэл. А с этим что делать?

Ви. Ах да—шербет. Мне пришло в голову, что Джейбу надо будет покушать что-нибудь легкое, и я захватила шербета.

Долли. Шербет? Какой шербет?

Ви. Ананасный.

Долли. Ананасный? Как раз мой любимый! Поставьте в холодильник, пока не растаял.

Бьюла (*заглядывая под салфетку*). Боюсь, уже поздно.

Долли. Неужто растаял?

Бьюла. Одна жижа!

Ви. Какая жалость! Поставьте все-таки на лед, может быть, снова затвердеет.

Женщины разглядывают Вэла.

Где у них холодильник?

Бьюла. В кондитерской.

Ви. А разве кондитерская работает? Я думала, Леди закрыла ее.

Бьюла. Закрыть—закрыла, а холодильник все там.

Вэл проходит в кондитерскую.

Ви. Мистер Зевьер не здешний. У него испортилась машина ночью, во время бури, и я позволила ему переночевать в арестантской. Он ищет работу, и я решила познакомить его с Леди и Джейбом: ведь Джейб не сможет теперь работать, и им понадобится помощник по магазину.

Бьюла. Правильно.

Долли. Угу.

Бьюла. Не пойму только, куда они запропали—курьерский давно пришел.

Долли. А может, это не курьерский?

Бьюла. Или, может, Коротыш решил заглянуть куда-нибудь по дороге пропустить стаканчик.

Долли. Ага... к Руби Лайтфут.

Они проходят мимо Кэрол к несвещенной части сцены. Кэрол встает, идет в лавку, приближается к Вэлу, смотрит на него с простодушным любопытством, с каким ребенок наблюдает за другим ребенком. Он не обращает на нее внимания, поглощенный своим делом: перочинным ножом пытается исправить пряжку от ремня.

Кэрол. Что это вы починаете?

Вэл. Пряжку.

Кэрол. Такие, как вы, вечно что-то чинят. Каблук мне не почините?

Вэл. А что с ним?

Кэрол. Почему вы притворяетесь, что не узнаете меня?

Вэл. Трудно узнать человека, с которым никогда не встречался.

Кэрол. Почему ж вы испугались, увидев меня?

Вэл. Испугался?

Кэрол. Да. Мне даже показалось, вы готовы улизнуть.

Вэл. Поспешать за женщиной приходилось, но бежать от нее—не припомню... Вы загораживаете свет.

Кэрол (*слегка отступив*). Простите. Так лучше?

Вэл. Благодарю вас.

Кэрол. Бойтесь, донесу?

Вэл. Что?

Кэрол. Бойтесь, донесу на вас? Нет, я не доносчица. Но понадобится—смогу доказать, что мы знакомы. Помните новогоднюю ночь в Новом Орлеане?

Вэл. Где бы мне раздобыть плоскогубцы?

Кэрол. На вас была эта самая куртка, и еще вы носили кольцо из змеиных чешуек с рубиновым глазком.

Вэл. Никогда не носил кольца из змеиных чешуек с рубиновым глазком.

Кэрол. С изумрудным глазком?

Вэл. И с изумрудным не носил. И вообще не носил никакого кольца из змеиных чешуек с каким бы то ни было глазком... (*Негромко насвистывает, глядя в сторону.*)

Кэрол (*с легкой улыбкой*). Может, оно было из драконьих чешуек—с изумрудным, или брильянтовым, или рубиновым глазком? Вы еще нам рассказывали, что это подарок женщины-osteопата, с которой вы где-то познакомились во время своих скитаний. Вы говорили, что каждый раз, когда у вас туго с деньгами, вы даете ей доплатную телеграмму, и как бы далеко вы ни были друг от друга, и сколько бы времени ни прошло со дня вашей последней встречи—она высылает вам телеграфный перевод на двадцать пять долларов, сопровождая их каждый раз одними и теми же трогательными словами: «Люблю. Когда вернешься?» И в доказательство—хоть поверить было и так нетрудно—достали из бумажника последнюю из этих милых телеграмм и показали нам... (*Запрокидывает голову и тихо смеется.*)

Вэл отводит взгляд еще дальше и настойчивей принимается за пряжку.

Всю ночь мы ходили за вами из одной пивной в другую, но познакомились только в пятой. Я первая подошла к вам, помните? Вы стояли у стойки, я прикоснулась к

вашей куртке и спросила: «Из чего она?» Вы ответили, что это змеиная кожа, и тогда я сказала: «Жаль, что не предупредили, я бы не стала ее трогать». А вы нагрубили мне. Вы ответили: «Может, это научит вас не давать рукам волю». Было уже за полночь, и я была пьяна. Помните, что я вам тогда сказала? Я спросила: «А что же еще остается делать в этом мире, как не цепляться обеими руками за все, что подвернется, пока все пальцы не обломаешь?» Я никогда раньше не говорила этого и даже как-то не задумывалась над этим, но потом мне стало казаться, что никогда еще не изрекала я такой неоспоримой истины: а что еще остается делать в этом мире, как не хвататься обеими руками за все, что подвернется, пока все пальцы не обломаешь... Вы метнули на меня взгляд, трезвый такой, серьезный взгляд, вроде бы даже кивнули мне слегка, потом взяли гитару и начали петь. А когда спели, сняли шляпу и пошли собирать деньги. Если в шляпу кидали бумажку, вы присвистывали. Мой кузен Берти и я бросили вам пять долларов, и вы присвистнули пять раз и сели за наш столик выпить. Джина с шинучкой. Вы показали нам все эти надписи на гитаре... Ну как, ни в чем не ошиблась?

Вэл. Что вам так приспичило доказывать, что мы знакомы?

Кэрол. А чтобы познакомиться покороче... Мне бы хотелось прошвырнуться с вами по шоссе сегодня ночью.

Вэл. Прошвырнуться?

Кэрол. Не знаете, как это делается? Садитесь вдвоем в машину, выпьете немного, а потом проедете немного, остановитесь где-нибудь у ресторанчика и потанцуете под проигрыватель, а потом выпьете еще немножко и проедете еще немножко, и снова привал—потанцуете под проигрыватель еще немножко, а затем—побочку танцы и будете только пить да мчаться вперед, а там и мчаться никуда не будете—только пить, а потом, наконец, и пить перестанете...

Вэл. Ну, и что тогда?

Кэрол. А это уж зависит от погоды и от партнера. Если ночь ясная, расстилаете одеяло среди надгробий на Кипарисовом холме—там местный приют для покойничков, а если погода похуже, ну вот как сегодня, скажем,—тогда подъезжаете к могелку на шоссе...

Вэл. Так примерно я и думал. Но эти маршруты не для меня. Пить без просыпу, курить до одурения, спать с кем попало—все это хорошо для двадцатилетних оболтусов, а мне сегодня стукнуло тридцать, и я уже покончил с такими прогулочками. *(Подняв на нее помрачневший взгляд.)* Молодость прошла.

Кэрол. К тридцати-то годам? Вряд ли. Мне и самой двадцать девять!

Вэл. Если с пятнадцати лет начинаешь ходить на все эти сборища и гулянки—к тридцати молодости как не бывало. (*Аккомпанируя себе на гитаре, поет балладу «Райские травы»¹.*)

Кэрол достает из кармана пальто бутылку виски и протягивает Вэлу.

Кэрол. Спасибо. Вы чудесно поете. Поздравляю вас с днем рождения, Зменная Кожа. От души поздравляю. (*Она совсем рядом с ним.*)

Ви. (*появляется из кондитерской, резко*). Мистер Зевьер не пьет.

Кэрол. Простите—не знала!

Ви. Если бы вы вели себя поприличнее, ваш отец не лежал бы в параличе!

Звук подъезжающей машины. Женщины бегут к двери, выкрикивая что-то на ходу. Входит Леди и, кивнув им, останавливается у порога, чтобы пропустить Джейба, за которым идут Пес, Коротыш и шериф Толбет. Леди здоровается с женщинами почти беззвучным шепотом: она слишком устала. Ей можно дать и тридцать пять и все сорок, но фигура у нее молодая и стройная. Лицо напряженное, нервное: потрясенное, которое перенесла она еще девушкой, привело к тому, что порой она бывает на грани почти истерической взвинченности и в голосе ее проскальзывают резкие нотки. Но, когда она спокойна, в ней снова появляется девичья мягкость, и она сразу лет на десять молодеет.

Леди (*в дверях*). Входи, Джейб, входи. Нам тут устроили торжественную встречу. Даже стол накрыли.

Входит Джейб. Есть что-то волчье в его изможденной фигуре и желтовато-сером лице.

Женщины от неловкости несут всякую чушь.

Бьюла. Смотрите, смотрите, кто это?

Долли. Да ведь это Джейб!

Бьюла. Он, оказывается, и не думал болеть! Да уж не с курорта ли он? Видите, как посвежел, какой у него чудный цвет лица.

Долли. Клянусь всемогущим богом, прекрасно выглядит!

---

¹ Баллада Теннесси Уильямса «Райские травы» опубликована в сборнике его стихотворений «В городах зимою»:

Я райские травы ногами топтал,
Весь день, пока солнечный диск снял.
Я райские травы ногами топтал,
Всю ночь, пока звезд хоровод мерцал.
Но настал мой черед по земле ступать.
И, рожая меня, застонала мать.
Быстротой мои ноги нынче ветру сродни,
Но по райской траве все тоскуют они.
Но по райской траве все тоскуют они.

Бьюла. Кого это он тут вздумал дурачить, скажите на милость? Ха-ха-ха, ну уж меня ему не разыграть.

Джейб. Ф-фу! Господи Иисусе!.. Как я... как я устал!..

Неловкое молчание. Все жадно уставились на этого полумертвеца с его напряженной волчьей улыбкой-оскалом и нервным покашливанием.

Коротыш. Послушай, Джейб, мы тут скормили твоим одноруким бандитам уйму денег.

Пес. И бильярдному автомату тоже дали жару.

Коротыш. Ха-ха!..

Ева (*появляется на лестнице. Кричит*). Сестрица! Сестрица! Кузен Джейб приехал!

Наверху грохот, сопровождаемый визгом Сестрицы.

Джейб. Господи!..

Кинувшаяся было к Джейбу Ева вдруг останавливается и начинает плакать.

Леди. Довольно, Ева Темпл. Что вы там делали наверху?

Ева. Не могу удержаться, я так рада его видеть! Какое счастье снова видеть нашего милого, дорогого кузена! Джейб, голубчик...

Сестрица. Где же он, где наш бесценный Джейб? Где наш бесценный, любимый кузен?

Ева. Вот он, вот он, Сестрица.

Сестрица. Да пребудет с ним благословение господне! Смотрите, как он посвежел, какой румянец!

Бьюла. Слово в слово, так я ему и сказала. У него такой вид, будто в Майами побывал и жарился под флоридским солнышком, ха-ха-ха!

Все эти реплики женщины произносят очень быстро, перебивая друг друга.

Джейб. Ни под каким солнышком я не жарился... Вы уж все извините, но праздновать я пойду наверх, в постель—устал малость. (*Едва волоча ноги, двинулся к лестнице.*)

Ева и Сестрица, всхлиывая и прижав к глазам платки, идут за ним.

А тут, гляжу, без меня перемены... Так-так-так... Обувной отдел снова сюда перенесли?

Вспыхнувшая между Леди и Джейбом враждебность, видимо, обычна в их отношениях.

Леди. Мы ведь всегда мучились из-за того, что мало света, и я...

Джейб. И потому ты перенесла обувь подальше от окна? Разумно, ничего не скажешь. Очень разумно, Леди!

Леди. Я уже говорила тебе, Джейб, здесь будут лампы дневного света.

Джейб. Так-так-так... Ладно. Позовем завтра парочку черномазых — помогут перетащить все обратно.

Леди. Как знаешь, Джейб. Магазин твой.

Джейб. Спасибо напомнила, а то я забыл.

Леди резко отворачивается. Джейб идет наверх. Коротыш и Пес за ним. Женщины суетятся и шушукуются внизу. Леди устало опускается на стул.

Бьюла. Не сойти ему больше по этой лестнице, помяните мое слово.

Долли. Нет, не сойти.

Бьюла. Его уж прошибает смертный пот. Заметили?

Долли. И желт, как лимон. До того желт, что...

Сестрица всхлипывает.

Ева. Сестрица! Сестрица!

Бьюла (*подходит к Леди*). Милая Леди, я, конечно, понимаю: вам неприятно говорить об этом, но мы с Песиком так тревожимся...

Долли. Мы с Коротышечкой тоже. Прямо места себе не находим...

Леди. О чем вы?

Бьюла. Об операции Джейба. Она прошла успешно, да?

Долли. Или, может быть, нет, не успешно?

Леди смотрит на женщин, словно не видя их. Все они, кроме Кэрол, обступили ее, изнывая от любопытства.

Сестрица. Для хирургического вмешательства было уже поздно, да?

Ева. Операция не удалась?

Сверху слышен громкий размеренный стук.

Бьюла. Поговаривают, его не стали даже оперировать.

Долли. Но мы верим и надеемся, что положение не безнадежно.

Ева. Мы надеемся всем сердцем, возносим за него молитвы.

На лице каждой из них блуждает неосознанная слабая улыбка. Леди переводит взгляд с одной на другую. Испуганно усмехнувшись, резко встает из-за стола и направляется к лестнице.

Леди (словно спасаясь бегством). Извините. Мне надо наверх. Слышите стук — Джейб зовет. (Поднимается наверх.)

Женщины смотрят ей вслед. Гнетущую тишину внезапно нарушает чистый и звонкий голос Кэрол.

Кэрол. Кстати, о стуках. У меня стуки в моторе. Вдруг начинается: тук-тук-гук! Я спрашиваю: кто там? И не знаю, то ли дух кого-то из предков вызывает меня, то ли мотор забарахлил — вот-вот заглохнет, и мне предстоит очутиться среди ночи одной на шоссе. Вы разбираетесь в моторе? Ну конечно, что спрашивать. Прокатитесь, пожалуйста, со мной немножко. Послушаете этот стук и...

Вэл. Некогда.

Кэрол. Дела?

Вэл. Мне обещали работу здесь, в лавке.

Кэрол. А я вам не работу предлагаю?

Вэл. Мне нужна оплачиваемая работа.

Кэрол. За платой дело не станет.

В отдалении громко шепчутся женщины.

Вэл. В другой раз. Завтра.

Кэрол. Я не могу ждать до завтра. Мне не разрешают оставаться на ночь в этом округе.

Шепот громче. Отчетливо прозвучало слово «распутная».

(Не оборачиваясь, с безмятежной улыбкой.) Это обо мне? Вы не слышите, что там судачат?

Вэл. Пусть их!..

Кэрол. Как это пусть?.. Они говорят, что я распутная, да?

Вэл. Не хотите пересудов, зачем же так размалевали себя? Зачем?..

Кэрол. Чтобы бросаться в глаза!

Вэл. Что?

Кэрол. Я — эксгибиционистка: люблю быть на виду, хочу, чтоб на меня обращали внимание, чтобы смотрели на меня, прислушивались, что я скажу... Хочу, чтоб знали о моем существовании, знали, что я живу! А вам не хочется, чтобы знали о вашем существовании, знали, что вы живете?

Вэл. Жить я хочу, а знают о том или нет — наплевать.

Кэрол. Зачем тогда играть на гитаре?

Вэл. А зачем выставлять себя на посмешище?

Кэрол. Вот-вот, все затем же.

Вэл. Не вижу ничего общего. (Все отступает от нее.)

Но она следует за ним.

Кэрол (*напористо, убежденно*). Я была когда-то реформисткой—Христовы болваны, так нас называли. Знаете, что это такое? Нечто вроде легкой формы эксгибиционизма. Выступала с пламенными речами, рассылала повсюду письма с протестами против истребления негров в нашем округе—их у нас большинство. Как это так, думала я, почему они обречены на вымирание, почему гибнут от пеллагры, медленно умирают от голода, если из-за каких-нибудь жучков или червей или слишком дождливого лета случится неурожай хлопка? Я пыталась добиться организации бесплатных больниц, ухлопала на это все деньги, которые оставила мне мама. А когда судили Уилли Макги—помните, тот негритянский мальчик, которого посадили на электрический стул по обвинению в недозволенной связи с какой-то белой шлюхой (*голос ее звучит страстным заклинанием*),—я всех подняла на ноги, только этим и жила! Напялила на себя мешок из-под картошки и пешком пошла в столицу штата. Была зима, я шла босиком, одетая в эту дерюгу, чтобы заявить свой персональный протест губернатору. О, я знаю, во всем этом было, наверно, и показное, но только отчасти, только отчасти. Было в этом и кое-что иное. Знаете, сколько я прошла? Шесть миль. Только на шесть миль удалось отойти от городка. И на каждом шагу все глумились надо мной, вопили, улюлюкали, иные даже плевали в лицо!.. На каждом шагу, на каждом шагу, все эти шесть миль, пока меня не арестовали! Угадайте—за что? За бродяжничество в непристойном виде! Да-да, так и было сказано в обвинительном заключении: бродяжничество в непристойном виде—картофельный мешок, который был на мне, они сочли недостаточно приличным одеянием... Впрочем, все это было давным-давно, и никакая я больше не реформистка, просто «непристойная бродяжка». Но они у меня еще узнают, эти гады, до какой степени непристойности может дойти «непристойная бродяжка», если она всю себя посвятит этому—вот как я!.. Ну вот я и рассказала вам свою историю... Житие эксгибиционистки, девушки, которая любила быть на виду. А теперь знаете что? Садитесь в мою машину и везите меня на Кипарисовый холм. Послушаем, о чем толкуют покойнички. Они ведь там разговаривают, да-да!.. Сойдутся на Кипарисовом холме и тараторят как сороки... И все про одно, и на все одно только слово: «Жить!..» Оно звучит без умолку: «Жить-жить-жить-жить-жить!» Вот все, что они знают, другого от них и не жди... Жить—и все тут!.. (*Открывает дверь*.) Как просто!.. Не правда ли, как просто?.. (*Выходит*.)

Голоса женщин, слиявшиеся до сих пор в неясный гул, слышны теперь четче.

Голоса женщин.

— Какое там виски? Наркотики!

— Конечно, ненормальная!

— Союз бдительных предупредил ее отца и брата, чтобы она здесь не появлялась.

— Совсем опустилаась!

— Какой позор!

— Разврат!

И, словно выведенный из себя их гусиным шипением, Вэл хватает гитару и выходит. На лестничную площадку спускается Ви Толбет.

Ви. Мистер Зевьер! Где мистер Зевьер?

Бьюла. Ушел, дорогая.

Долли. Придется примириться, Ви. Такой прекрасный кандидат в спасенные, и — перехватила оппозиция.

Бьюла. Отправился на Кипарисовый холм с этой девкой — Катрир.

Ви (*спускась*). Если уж кое-кто из вас, пожилых женщин, ведет себя неподобающим образом, чего же ожидать от молодежи?

Бьюла. О ком вы?

Ви. О тех, кто устраивают попойки! И допиваются до того, что уж и не разбирают, где свой муж, где чужой! О тех, кто прислуживают у алтаря, а сами не считают зазорным играть по воскресеньям в карты! О тех...

Бьюла. Стойте! Хватит! Теперь мне ясно, кто распускает эти грязные слетни.

Ви. Ничего я не распускаю. Я только повторяю то, что говорят другие. Я никогда не бывала на этих ваших сборищах.

Бьюла. Еще бы! Кому вы там нужны! Вы только огравываете людям жизнь! Ханжа по призванию.

Ви. Я пытаюсь исправить людские нравы. А вы, с вашими пьяными оргиями, сеете безнравственность! Я ухожу от вас! Ухожу! Я иду наверх. (*Поспешно поднимается по лестнице.*)

Бьюла. Как я рада, что высказала ей все, что думаю. Просто с души воротит от такого лицемерия! Поставим все в холодильник, чтоб не испортилось, и уйдем. Никогда еще не чувствовала такого омерзения!

Долли. О боже милосердный! (*Кричит наверх.*) Коротычка! (*Взяв тарелки с ужином, несет их к холодильнику.*)

Сестрица. Как они обе вульгарны!

Ева. Родители Долли из Блу-Маунтин. Простые голландцы. Лолли Такер рассказывала мне про отца Долли —

сидит на крыльце разутый и хлещет пиво прямо из ведра... Захватим эти цветы, Сестрица, украсим алтарь.

Сестрица. Да, а в приходской книге отметим, что это дар Джейба.

Ева. И бутерброды с маслинами тоже возьмем. Пригодятся для чаепития у служки епископа.

Долли и Бьюла проходят через магазин.

Долли. Успеем еще на последний сеанс.

Бьюла (*кричит*). Песик!

Долли. Коротыш!

Обе быстро выходят.

Сестрица. Сидит на крыльце босиком?

Ева. И пьет пиво прямо из ведра!

Берут свои зонтики и прочие вещи и выходят. По лестнице спускаются мужчины.

Шериф Толбет. Похоже, что Джейб пойдет на удобрение еще под нынешний урожай.

Коротыш. Да он всегда выглядел так, словно одной ногой уже в могиле.

Пес. А сейчас и вторая вот-вот ступит туда.

Идут к выходу.

Шериф. Ви!

Ви (*на площадке*). Тише! Что за базар! Мне надо переговорить с Леди об этом молодом человеке, но только не при Джейбе: он ведь думает, что сможет еще работать сам.

Шериф. Брось дурака валять. Идем!

Ви. Я, пожалуй, подожду, пока он вернется...

Шериф. Стоит только забрести в город бездомному бродяге, и на тебя тут же находит дурь. Надоело до смерти!

Громкий автомобильный гудок. Ви идет вслед за мужем. Шум отъезжающих машин. Отдаленный лай собак. Медленно меркнет свет, обозначая разрыв во времени между первой и второй картинами.

Картина вторая

Прошло два часа. Пустынный пейзаж за большим окном освещен призрачно-тусклым мерцанием луны, проглядывающей сквозь гонимые ветром облака. Доносится звонкий и чистый девичий смех — это Кэрол — и вслед за тем шум быстро отъезжающей машины.

Еще не затих вдалеке гул мотора и не умолкла кинувшаяся за машиной собака, как в лавку входит Вэл. «О боже!» — произносит он шепотом и, подойдя к столику, стирает бумажной салфеткой следы помады с губ и лица. Берет гитару, которую оставил на прилавке.

Звук шагов на лестнице. На площадке появляется Леди. Она дрожит от холода в своем фланелевом капотике. Нетерпеливо щелкает пальцами, успокаивая дряхлую собаку Беллу, которая, прихрамывая, плетется за ней. Не замечая Вэла, присевшего в тени, на прилавке, Леди подходит к телефону у нижних ступенек лестницы. В движениях ее отчаяние, голос хрипл и резок.

Леди. Дайте аптеку!.. Знаю, что закрыта: мой магазин тоже закрыт,—это миссис Торренс, у меня муж в тяжелом состоянии, только что из больницы... да-да, неотложный вызов! Разбудите мистера Дубинского, звоните ему, пока не ответит,—неотложный вызов!..

Пауза.

(Бормочет чуть слышно.) *Porca la miseria!*¹ Хоть бы сдохнуть скорее!.. Умереть!.. Умереть!..

Вэл (тихо). Что вы, хозяйка? Зачем?

Она издает сдавленный крик, оборачивается, замечает его и, не выпуская трубки, выхватывает что-то из ящичка кассы.

Леди. Что вам здесь нужно? Лавка закрыта, не знаете, что ли?

Вэл. Дверь была отперта, горел свет, вот я и решил вернуться, чтоб...

Леди. Видите, что у меня в руке? (Поднимает над прилавком револьвер.)

Вэл. Хотите пристрелить меня?

Леди. Да, если не уберетесь!

Вэл. Успокойтесь, Леди, я зашел за гитарой.

Леди. За гитарой?

Он приподнимает с серьезным видом гитару.

Ф-фу!..

Вэл. Меня привела миссис Толбет. Помните, я был здесь, когда вы вернулись из Мемфиса?

Леди. Аа-а!.. Да-да... И вы все время были здесь?

Вэл. Нет. Я уходил и вот вернулся.

Леди (в трубку). Я же просила давать звонки, пока не ответят!.. Звоните еще! Еще звоните!.. (Вэлу.) Уходили и вернулись?

Вэл. Да.

Леди. Зачем?

Вэл. Знаете эту девушку, что была здесь?

Леди. Кэрол Катрив?

Вэл. Она сказала, что у нее в машине мотор забарахлил, и просила исправить.

Леди. Исправили?

¹ Итальянское ругательство.

Вэл. Мотор в полном порядке, ничего у нее там не барахлило—то есть у нее-то самой что-то забарахлило, только...

Леди. Что у нее забарахлило?

Вэл. Зрение, наверно. Обозналась. Приняла меня за кого-то другого.

Леди. За кого же?

Вэл. За кобеля.

Леди. Она решила, что вы... *(Внезапно, в трубку.)* Мистер Дубинский? Простите, что разбудила, но я только что из Мемфиса—привезла мужа с операции. Я где-то посеяла коробочку со своими таблетками, а они мне нужны сегодня! Я не спала три ночи и с ног валюсь... Слышите—меня ноги не держат, я три ночи не спала, мне необходим сегодня люминал, и если вы не пришлете, ноги моей не будет в вашей аптеке!.. Так принесите сами, черт бы вас подрал, извините за изысканное выражение. Я ведь едва на ногах держусь, меня всю трясет! *(С яростью вешает трубку.)* *Manpaggia la miseria!*¹ О господи, вся дрожу. Как холодно. Точно в леднике. Здесь почему-то совсем не держится тепло. Потолок, что ли, слишком высок или еще что... Совсем тепло не держится. Ну, что вам еще? Мне надо наверх.

Вэл. Возьмите вот, наденьте. *(Снимает куртку и протягивает ей.)*

Она не сразу решается взять, вопросительно смотрит на Вэла, затем перешитительно берет ее в руки и начинает с любопытством ощупывать.

Леди. Из чего она? Совсем как змеиная кожа.

Вэл. Угадали.

Леди. На что вам куртка из змеиной кожи?

Вэл. Для приметности. Меня так везде и называют: Змеиная Кожа.

Леди. Где вас называют Змеиной Кожей?

Вэл. Ну, в пивных и во всяких таких местах, где я работаю... Но теперь все—я покончил с этим...

Леди. Вы что же—артист?

Вэл. Пою, играю на гитаре.

Леди. А!.. *(Надевает куртку, будто примеряя ее.)* А верно, теплая.

Вэл. Это я ее, должно быть, согрел своим телом.

Леди. Горячая у вас, видно, кровь...

Вэл. Верно.

Леди. Господи ты мой боже, что вы здесь ищите у нас?

¹ Итальянское ругательство.

Вэл. Работы.

Леди. Таким, как вы, работа не нужна.

Вэл. Что значит—таким, как я?

Леди. Тем, что бренчат на гитаре и расписывают, |
какая у них горячая кровь.

Вэл. Что правда, то правда. У меня температура
всегда градуса на два выше нормальной—как у собаки.
Для меня-то она нормальна, эта температура, как и для
собак... Правда!..

Леди. Хм!

Вэл. Не верите?

Леди. Нет, почему же... А впрочем, какая разница?

Вэл. Конечно... никакой.

Леди засмеялась—смех у нее неожиданно мягкий. Вэл улыбается
рассеянно и тепло.

Леди. Занятный вы малый! Как это вас сюда занесло?

Вэл. Я проезжал вчера вечером ваш городок, и у меня
в машине ось сломалась. Пришлось задержаться. Пошел к
тюрьме—укрыться от дождя. Миссис Толбет пустила
переспать в арестантской и посоветовала дожидаться вас—
говорит, вам может понадобится помощник по лавке, у
вас болен муж...

Леди. Понимаю... Нет, она ошиблась... А понадобится
—возьму из местных. Не доверяться же первому
встречному, у которого только и есть что гитара, змеиная
куртка и... собачья температура! *(Снова засмеялась, от-
кинув назад голову. Снимает куртку.)*

Вэл. Да не снимайте.

Леди. Нет, мне надо наверх, да и вам, наверно, пора.

Вэл. А мне—нескуда.

Леди. Что поделаешь: у всех свои заботы.

Вэл. Кто вы по национальности?

Леди. Почему вы спрашиваете?

Вэл. Вы похожи на иностранку.

Леди. Я дочь Итальяшки-бутлегера¹—его сожгли
здесь, в собственном саду!.. Возьмите вашу куртку.

Вэл. Как-как вы сказали? Про отца?..

Леди. А что?

Вэл. «Итальяшка-бутлегер»...

Леди. Да. Сожгли в его саду... А вам что? У нас тут
каждый знает эту историю.

Стук сверху.

Надо идти—зовет. *(Гасит свет над прилавком.)*

Вэл *(начинает негромко напевать «Райские травы»*,

¹ Торговец контрабандными или самогонными спиртными напитками.

аккомпанируя себе на гитаре. Резко останавливается). Я могу быть монтером...

Леди смотрит на него, взор ее мягок.

Могу исполнять любую работу, что придется. Сегодня мне стукнуло тридцать, Леди, и я порвал с прежней жизнью.

Пауза. Где-то вдалеке лает собака.

Я жил беспутно, но грязь не приставала ко мне. Знаете почему? *(Поднимает гитару.)* Спутница моей жизни! Она омывала меня своей живой водой, и всю скверну как рукой снимало. *(Чуть улыбаясь, тихо наигрывает на гитаре.)*

Леди. Что это за надписи на ней?

Вэл. Автографы музыкантов, с которыми доводилось встречаться.

Леди. Можно взглянуть?

Вэл. Включите свет, вон там, над собой.

Она включает над прилавком лампочку под зеленым абажуром. Нежно, точно ребенка, Вэл подносит ей гитару.

(Тихо, задушевно, ласково.) Видите это имя? Ледбелли?

Леди. Ледбелли?

Вэл. Величайший из музыкантов, когда-либо игравших на двенадцатиструнной гитаре! Он так на ней играл, что сумел тронуть каменное сердце тexasского губернатора, и тот выпустил его из тюрьмы... А это имя видите? Оливер! Кинг Оливер! Это имя бессмертно, Леди. Со времен архангела Гавриила никто так не играл на трубе!..

Леди. А это чье имя?

Вэл. Это? О, это имя тоже бессмертно. Имя Бесси Смит вечно будет сиять на небе, среди звезд!.. «Джим-Кроу» прикончил се. «Джим-Кроу» да «Джон Ячменное Зерно» доконали Бесси Смит. Она попала в автомобильную катастрофу и истекла кровью: не приняли в больницу для белых... Но хватит об этом. Взгляните вот на это имя. Оно тоже бессмертно.

Леди. Фэтс Уоллер? И его имя сияет среди звезд?

Вэл. Да, и его имя сияет среди звезд...

Голос Леди звучит тоже задушевно и тихо: обонх охватывает какое-то теплое чувство; стоят рядом, почти касаясь друг друга, их разделяет только гитара.

Леди. Опыт по части торговли у вас имеется?

Вэл. Всю жизнь только и знал, что шел с торгов.

Леди. Наш общий удел. Рекомендаций у вас никаких?

Вэл. Есть одно... письмецо. *(Достает из бумажника истертую, сложенную в несколько раз письмо, уронив при*

этом на пол множество фотокарточек и игральных карт из разных колод. С серьезным видом передает ей письмо и, опустившись на корточки, собирает свое имущество.)

Леди (внимательно рассмотрев рекомендацию, медленно читает). «Податель сего в течение трех месяцев работал в моей авторемонтной мастерской и зарекомендовал себя усердным, умелым, честным работником. Однако он отъявленный говорун, из-за чего я и вынужден расстаться с ним, хоть делаю... (подносит письмо ближе к свету) хоть делаю это скрепя сердце. С уважением...»

Вэл смотрит на нее с серьезной миной, слегка помаргивая.

Хм! Вот так рекомендация!

Вэл. Так все и сказано?

Леди. А вы разве не знали, что там сказано?

Вэл. Нет. Конверт был запечатан.

Леди. Н-да!.. Не очень-то вам поможет такая рекомендация.

Вэл. Пожалуй.

Леди. А впрочем...

Вэл. Что?

Леди. Не так уж важно, что о вас думают другие... В размерах обуви разбираетесь?

Вэл. Думаю, разберусь.

Леди. Что означает «75, Дэвид»?

Вэл молча смотрит на нее, медленно качает головой.

«75» — это длина: семь с половиной, а «Дэвид» — ширина: ширина «Д». Мелочь для сдачи сумеете отсчитать?

Вэл. Приходилось давать сдачу всякой мелочи.

Леди. Ха-ха!.. Ладно...

Пауза.

Видите, вон там за аркой еще одно помещение? Это кондитерская. Пока она закрыта, но скоро откроется снова, и мы еще посмотрим, к кому будут захаживать парочки вечерами после кино!.. Я хочу переоборудовать ее и заново украсить. Я уже все продумала. (Размечтавшись, говорит словно сама с собой.) На потолке и на стенах будут искусственные ветки фруктовых деревьев в цвету!.. Как сад весной!.. У моего отца был сад — на берегу Лунного озера. У нас там было пятнадцать маленьких белых беседок... И в каждой — столик... И каждая была увита плющом... Мы продавали красное итальянское вино, а из-под полы приторговывали виски с пивом. И все это у нас сожгли! И отец сгорел... С кем бы

я здесь ни встречалась, все думаю: может, и он из тех, что сожгли отца?..

Сверху стук Джейба — еще более громкий, чем раньше, — и его хриплый голос: «Леди!» В дверях появляется какая-то фигура и зовет: «Миссис Торренс!»

А, принес наконец мои таблеточки «баюшки-баю». (*Идет к двери.*) Спасибо, мистер Дубинский, простите, что потревожила, но, право, я...

Пробормотав что-то невнятное, аптекарь уходит.

Леди (*закрывает дверь*). Проваливай, старый ублюдок... (*Возвращается с коробочкой таблеток.*) Вас никогда не мучила бессонница?

Вэл. Я могу спать или не спать, когда угодно и сколько захочу.

Леди. В самом деле?

Вэл. Спать на голом цементном полу или двое суток шагать без привала и сна. Могу задержать дыхание на три минуты. Один раз заключил пари на десять долларов, что сумею это сделать, и выиграл. Могу за целый день ни разу не помочиться.

Леди (*пораженная*). Да что вы?

Вэл (*очень просто, словно о самом обычном*). Могу. Отбывал я как-то срок за бродяжничество, и меня приковали — как был, в кандалах, — на целый день к столбу, и весь день я так и простоял, ни разу не помочившись, чтоб вся эта сволочь знала, с кем дело имеет.

Леди. Теперь я понимаю, что имел в виду владелец авторемонтной мастерской, когда назвал вас отъявленным говоруном. Продолжайте: какие еще у вас таланты? Чем еще замечательно ваше умение владеть собой?

Вэл (*с усмешкой*). Говорят, женщина, если захочет, может умять мужчину. А я могу умять женщину.

Леди. Какую женщину?

Вэл. Любую, на выбор.

Леди дружелюбно засмеялась, запрокинув голову. Он улыбается ей с доверчивым простодушнем ребенком.

Леди. И выбирать нечего — у нас тут хоть пруд пруди таких, что хотели бы поймать вас на слове.

Вэл. Надо еще, чтоб я захотел.

Леди. Не беспокойтесь, любезный, я вас на слове ловить не стану.

Вэл. А я и сам покончил со всем этим.

Леди. Что так? Измочалили вконец?

Вэл. Нет, не измочалили. Просто осточертело.

Леди. Ах, осточертело!

Вэл. В этом мире, Леди, людей покупают и продают, как свиные туши в мясной лавке.

Леди. Тоже мне — новость!..

Вэл. Вы, может, думаете, люди в этом мире — всяк на свой манер? Нет, Леди, они делятся всего на два сорта: одних продают, другие — сами покупают... Хотя нет! Есть еще один сорт...

Леди. Какой же?

Вэл. Те, на которых тавро не выжжено.

Леди. Выжгут.

Вэл. Пусть еще заарканят — сам я не дамся.

Леди. Тогда вам лучше не задерживаться у нас.

Вэл. Знаете, есть такая птица — совсем без лапок. Она не может присесть и всю жизнь — в полете. Да-да. Я видел одну такую: она умерла и упала на землю. Вся нежно-голубая, и тельце с ваш мизинец. Да-да, тельце у нее было крохотное, с ваш мизинец, и легкое-легкое: возмешь на ладонь — легче пуха... Но крылья — с широким размахом, прозрачные, голубые, под цвет неба: насквозь видно. Это называется защитной окраской. Камуфляжем. В небе ее и не углядишь, и ястреб ей нипочем: он просто не замечает ее там, в синем небе, поближе к солнцу!

Леди. А когда пасмурно?

Вэл. А когда пасмурно, они взмывают еще выше — куда уж там проклятым ястребам! И у них совсем нет лапок, у этих маленьких птичек, вся жизнь — на крыльях, и спят на ветре: раскинут ночью крылышки, а постелью им — ветер. Не чета другим птицам — те на ночь складывают крылья и спят на деревьях...

Начинает звучать чуть слышная музыка.

...А этим птицам — постелью ветер, и они *(глаза заволочились, берет гитару и вторит чуть слышной далекой музыке)*... они никогда не слетают вниз, только мертвыми падают на землю!..

Леди. Хотела бы я быть такой птицей!

Вэл. И я хотел бы, как и многие, быть одной из таких птиц и никогда-никогда не запятнать себя грязью!

Леди. Если одна из этих птиц умрет и упадет на землю и вам случится найти ее — покажите мне!.. Может, вам только померещилось, что есть такие птицы?.. Не верится!.. Как хотите, не верится, что хоть одно живое существо может быть таким свободным! Покажите мне такую птицу, и я скажу: «Да, господь создал одно совершенное творение!» Я отдала бы всю эту лавку со всем ее товаром, чтоб стать этой маленькой птицей

небесного цвета... Чтобы хоть одну ночь постелью мне был ветер, а рядом — звезды...

Стук Джейба.

(Снова переводит взгляд на Вэла.) А приходится мне делить постель с мерзавцем, купившим меня на дешевой распродаже... Ни одного хорошего сна за последние пятнадцать лет! Ни одного! Ни одного!.. Боже мой!.. Что это я?.. Сама не знаю, почему так разоткровенничалась с незнакомцем... *(Открывает ящик кассы.)* Вот вам доллар, ступайте поешьте в ночном ресторане на шоссе. А утром придете, приставлю вас к делу. Пока поработаете приказчиком здесь, а откроется кондитерская — пригодитесь там... Захлопните за собой дверь, она замкнется... Хотя погодите — вот еще что. Давайте-ка договоримся кое о чем заранее.

Вэл. О чем?

Леди. Все эти ваши хваленые таланты мне ни к чему. Сами вы, по совести говоря, интересуете меня не больше, чем прошлогодний снег. Уясните себе это — у нас будут хорошие деловые отношения, нет — пеняйте на себя. Я, конечно, прекрасно вижу, что вы с придурью, но вокруг полным-полно придурков еще похлеще — и ничего: разгуливают на воле, а иные забрались так высоко — не достанешь. На том и порешим. Никаких фокусов я не потерплю. А теперь идите поешьте — вы голодны.

Вэл. Ничего, если оставлю ее здесь? Подругу жизни? *(Подразумевает гитару.)*

Леди. Оставьте, если хотите.

Вэл. Спасибо, Леди.

Леди. Не за что.

Вэл идет к двери. Издалека отчетливо доносится захлебывающийся собачий лай.

Вэл *(обернувшись, с улыбкой)*. А вы славная. Ничего я о вас больше не знаю, но мне редко доводилось встречать такого славного человека. Я буду вести себя примерно, работать — на совесть: довольны останетесь. А случится бессонница — сумею помочь. Одна знакомая, остеопат, научила меня несколькими манипуляциям: небольшая разминка позвоночника, и человек засыпает глубоким, здоровым сном. А теперь — покойной ночи! *(Выходит.)*

Пятисекундная пауза. Затем Леди запрокидывает голову и смеется — легко и радостно, как девушка. Поворачивается и, взяв гитару, заинтересованно и нежно проводит по струнам пальцами.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Картина первая

Там же, несколько недель спустя, днем. Столик и стул унесены в кондитерскую. Леди у телефона. Закончив разговор, вслух трубку.

Вэл стоит в дверях. Оборачивается и входит.

Неподыску от лавки упряжка мулов вытаскивает на обледеневшее шоссе соскользнувший с обочины грузовик. Слышн крик негра:
«Давай-давай-давай-давай!..»

Вэл (*идет к окну*). Грузовик с прицепом сполз ночью в кювет. Шестеро мулов тащат—никак не вытащат... Здоровенный, дьявол! (*С интересом смотрит в окно.*)

Леди (*выходит из-за прилавка*). Мне только что пожаловались на вас, мистер. Серьезно, пожаловались. Одна покупательница заявляет, что, не будь она вдова, ее муж пришел бы сюда и исколошматил вас до смерти.

Вэл (*шагнув к ней*). Такая низенькая, с розовыми волосами?

Леди. Вы хотите сказать: с розою в волосах?

Вэл. Нет—с розовыми. Низенькая женщина с волосами розового цвета, в пестром жакете с перламутровыми пуговицами—мешковат он на ней.

Леди. Я разговаривала с ней по телефону. Она не уточняла своих примет, а сказала, что вы позволяете себе лишнее. Я спросила: «В разговоре или в обхождении?» Она ответила—и то и другое. Этого-то я и опасалась, когда предупреждала вас на той неделе, чтобы вы не позволяли себе здесь фокусов.

Вэл. Эта низенькая женщина с розовыми волосами покупала у меня валентинку¹, и я ей только сказал, что меня самого зовут Вэл—Валентин. Через несколько минут входит какой-то негритенок и передает мне эту самую валентинку—на ней уже что-то написано. Я ее вроде еще не выбросил—погодите, сейчас пайду. (*Ищет в карманах и дает ее Леди.*)

Прочитав записку, Леди яростно рвет ее в клочки. Вэл закуривает сигарету.

Леди. Вместо подписи—поцелуй: отпечаток накрашенных губ!.. Ничего себе! И вы ходили на это свидание?.

Вэл. Нет, мэм. Потому-то она и пожаловалась. (*Кидает спичку на пол.*)

Леди. Поднимите спичку!

¹ Письмо с любовным признанием, отправляемое обычно без подписи в день св. Валентина (14 февраля).

Вэл. Вам бы ротой командовать! *(С подчеркнутой тщательностью поднимает спичку и выбрасывает за дверь.)*

Леди неотступно следит за ним взглядом. Вэл лениво идет обратно.

Леди. Вы и при ней вот так ходили?
Вэл *(у прилавка)*. Как это «вот так»?
Леди. Вразвалочку! Вразвалочку!

Вэл смотрит на нее пристальным, добродушно-недоумевающим взглядом.

И стояли перед ней тоже так? Так же близко?.. И в этой... в этой же позе?

Вэл. В какой позе?

Леди. Во всем у вас словно какой-то намек.

Вэл. На что намек?

Леди. А на то самое, с чем вы, по вашим словам, покончили, на... Да вы сами знаете... Для чего, думаете, я дала вам этот костюм — одела как приказчика?..

Вэл *(с грустью)*. Э-эх!.. *(Вздохнув, начинает снимать свою синюю куртку.)*

Леди. Зачем снимаете?

Вэл. Вот вам ваша куртка. Пойду брюки переодену. *(Вручив ей куртку, идет к нише.)*

Леди. Постойте! Простите меня! Слышите? Я плохо спала ночь! Постойте! Я ведь сказала: извиняюсь! Слышите? *(Зашла в нишу и выходит с гитарой Вэла.)*

Вэл *(следует за ней)*. Отдайте гитару, Леди. Вы находите у меня слишком много недостатков, как я ни стараюсь угодить вам.

Леди. Я ведь уже извинилась. Вам надо, чтоб я упала на колени и башмаки вам лизала?

Вэл. Ничего мне не надо, гитару только отдайте.

Леди. У меня к вам никаких претензий. Я довольна вами. Вполне.

Вэл. Что-то не похоже.

Леди. У меня нервы издерганы. *(Протягивает руку.)*
Мир!

Вэл. Значит, я не уволен и могу оставаться?

По-мужски пожимают друг другу руки. Она отдает гитару. Молчание.

Леди. Понимаете, мы ведь... не знаем друг друга. Еще только... только знакомимся.

Вэл. Вот-вот. Обнюхиваемся, как пара животных... *(Подходит к прилавку, облокичивается, убирает гитару за прилавок.)*

Леди *(ей неловко от подобного сравнения)*. Не совсем так, но...

Вэл. Не знаем друг друга... А как узнаешь? Когда-то я думал—на ощупь.

Леди. Как, как?

Вэл. Ощупью... ощупывая друг друга.

Леди (*садится в кресло для примерки обуви, переданное направо, к окну*). Вы хотите сказать... в близких отношениях?

Вэл. А потом мне стало казаться, что это еще больше отчуждает... Да-да, Леди, еще больше отчуждает...

Леди. Так как же, по-вашему, люди узнают друг друга?

Вэл (*сев на прилавок*). Знаете, как я ответил бы на ваш вопрос? Никому никогда не дано узнать никого. Все мы приговорены к пожизненному одиночному заключению в собственной шкуре. Поняли, Леди? Уверяю вас, это правда, и мы должны взглянуть ей в глаза: каждый из нас осужден отбывать пожизненный срок в этой одиночке: в собственной шкуре. Пожизненный!

Леди (*подойдя к нему*). Я не такая уж оптимистка, но со столь печальным выводом согласиться не могу. Нет, не могу!

Светлая, строгая сосредоточенность придает им обоим сходство с детьми. Лавка погружена в полумрак. Леди садится на стул справа от прилавка.

Вэл. Слушайте, что я вам расскажу. Было это давно, когда я был еще мальчишкой и жил на Ведьминой заводи. Родню мою разметало кого куда, как цыплячий пух по ветру, и жил я один, промышляя охотой да прячась от властей: ружье мое и силки не знали сезонных запретов. И все эти одинокие дни, все эти одинокие ночи я жил предчувствием какой-то перемены, я... я ожидал чего-то.

Леди. Чего?

Вэл. Чего мы все ожидаем? Что вот-вот что-то вдруг стрясется и какое-то событие придаст смысл нашему существованию. Мне трудно вспомнить сейчас это ощущение—дело прошлое, но я словно ожидал чего-то, как ответа на заданный вопрос... Но либо вопрос не тот, либо задан он не тому, кому следует, и ответа все нет как нет. Разве жизнь прекращается из-за того, что нет ответа? Нет, идет себе своим чередом, словно ответ уже дан: день за днем, ночь за ночью... А мы все ждем ответа на свой вопрос и живем как ни в чем не бывало, словно уже получили ответ. И вот в один прекрасный день...

Леди. Что?

Вэл. Мы ловимся на удочку.

Леди. Как—на удочку?

Вэл. Не притворяйтесь—сами знаете.

Леди. Любовь?

Вэл (*положив ей руку на плечо*). Да, на нее мы все и клюем—и вы, и я, и немало других дураков, вообразивших, будто любовь—это и есть ответ. Но это сущая правда, и чем скорее вы уверуете в нее, Леди, тем лучше.

Леди смотрит на него, размышляя.

(*Садится на табурет перед прилавком.*) Там, на заводи, я встретил девушку. Мне тогда было четырнадцать. В тот день у меня было такое чувство, что стоит мне еще два-три раза оттолкнуться багром, и лодка моя пристанет к той самой земле, по которой я так долго тосковал.

Леди. И ответом на ваш вопрос оказалась та девушка на заводи?

Вэл. Она заставила меня поверить в это.

Леди. Как?

Вэл. Она выбежала из хижины нагая, как и я в своей плоскодонке. Выбежала и постояла немного. Тело ее лучилось в солнечном свете, и мне мерещилось, что оно сияет, как небеса. Видели вы когда-нибудь, как бела внутри раковина? Ее тело отливало такой же перламутровой белизной. О боже, я помню, как изо мха вспорхнула птица, тень ее крыльев скользнула по телу девушки—и птица пропела одну только ноту, очень высокую и чистую, а девушка—словно только и ждала, чтоб до меня донесся этот призывный сигнал,—повернулась с улыбкой и ушла в хижину.

Леди. А вы—за ней?

Вэл. А я—за ней! Как хвост за птицей! Мне казалось, что в ней я найду ответ на томивший меня вопрос, но потом я уж не был в этом уверен, да и сам вопрос стал не более ясен, чем ответ на него, и...

Леди. И что?

Вэл. Пятнадцати лет я покинул Ведьмину заводь. Издохла моя собака, я продал лодку и ружье, натянул куртку из змеиной кожи и отправился в Новый Орлеан. Узнать, почем фунт лиха,—недолго.

Леди. Что же вы узнали?

Вэл. Узнал, что промышлять можно не только змеиной кожей и шкурами всей той дичи, которую я брал на заводи. И пустился во все тяжкие. Вот вам и ответ...

Леди. Нет, это не ответ!

Вэл. А если нет, может, вы мне и ответите?

Леди. Ответить вам я не могу, а только знаю, что распутство—не ответ. Если бы я думала, что иного ответа не существует, то взяла бы пистолет Джейба или его морфий и...

Женщина (*врывается в лифку*). Можно от вас позвонить?

Леди. Звоните, что спрашивать.

Женщина подбегает к автомату, опускает монету.

(*Вэл*.) Принесите мне бутылочку кока-колы из холодильника.

Вэл идет направо. Среди гама и суматохи последующей сцены Леди и Вэл остаются как замороженные, словно все еще обдумывая свой разговор. А тем временем на улице где-то вблизи уже минуту или две не прекращаются громкие автомобильные гудки.

Женщина (*в трубку*). Поместье Катриров!.. Мне нужно поместье Катриров!.. Дэвид Катрир или его жена — безразлично, кто бы ни подошел к телефону.

С улицы вбегает Бьюла.

Бьюла. Леди, Леди! Где Леди? Кэрол Катрир здесь и...

Женщина. Тише, пожалуйста! Я как раз звоню ее брату.

Леди садится у столика в кондитерской.

(*В трубку*.) Кто у телефона? Очень хорошо. Я насчет вашей сестры, Кэрол Катрир. Она сидит в своей машине у заправочной станции «Красная корона» и сигналист без умолку, потому что мой муж запретил обслуживать ее машину, и она сигналист, и сигналист, и сигналист, уже собралась целая толпа... а я-то думала, мистер Катрир, вы с вашим отцом приняли меры, чтобы она не показывалась больше в Двуречном округе... ей же лучше будет... и все у нас так думали...

Автомобильный гудок.

Бьюла (*возбужденная, с одобрением прислушиваясь к женщине*). Так!.. Хорошо!.. Скажите им, если...

Долли (*вбегают*). Она вышла из машины и...

Бьюла. Тс-ссс!

Женщина. Да, но я просто хотела предупредить вас, мистер Катрир: она снова в городе, и снова от нее житья нет, а мой муж уже звонит из «Красной короны» шерифу...

Долли выходит за дверь и всматривается в даль.

...и если ее снова заберут, я тут ни при чем: я вас предупредила.

Гудок машины.

Долли (*снова входит*). Да что же это делается?!

Бьюла. Что? Вышла? Куда теперь подалась?

Женщина. Вам лучше поторопиться, мистер Катрир. Да-да, постараюсь. Надеюсь, вы понимаете, мистер Катрир, мы, конечно, очень уважаем и вас, и вашего отца, и миссис Катрир, но обслуживать Кэрол не станем, просто отказываемся, она не... Аллю!.. Аллю!.. (*Со злостью вешает трубку.*)

Бьюла. Ну что? Приедет за ней?

Долли. Надо позвонить шерифу!

Бьюла выходит за дверь.

Возвращается Вэл с бутылкой кока-колы, подает ее Леди. Облокачивается на проигрыватель-автомат.

(*Подойдя к двери, Бьюле.*) Что там теперь?

Бьюла (*у двери*). Смотрите, смотрите! Вон как навалились на ее машину!.. А то весь проезд загородила, дрянь этакая!..

Они долго и возбужденно обсуждают эту новость, совсем позабыв о Леди. Низенькая женщина с заправочной станции стремительно выбегает из лавки.

Долли. А сама она где?

Бьюла. Входит в аптеку «Под белой звездой».

Долли кидается к телефону.

(*Подойдя к Леди.*) Дайте мне слово, Леди, что, если сюда явится эта девка Катрир, вы ее не пустите. Ладно?

Леди. Нет.

Бьюла. Как? Вы позволите ей войти?

Леди. Ко мне в лавку вход никому не заказан.

Бьюла. Вот как? Хотелось бы знать почему?

Долли. Тс-ссс! Я звоню.

Бьюла. Куда?

Долли. В аптеку «Под белой звездой»! Хочу удостовериться, что мистер Дубинский не станет обслуживать эту девку. (*Разыскав монету и опустив ее.*) Дайте мне звезду под белой аптекой!.. (*Топнув ногой.*) То есть аптеку «Под белой звездой»! Я так разволновалась, что язык заплетается...

Леди отдает бутылку Вэлу. Бьюла у окна.

Занято. Она еще не вышла?

Бьюла. Нет, еще в аптеке.

Долли. Может, они сами догадаются не обслуживать ее?

Бьюла. Как же, ждите! Дубинский обслужит краснозадую макаку, если та выложит на прилавок медяк и ткнет пальцем во что-нибудь!

Долли. Я, например, знаю, что когда она последний раз была здесь и зашла в кафе «Синяя птица», то битых полчаса просидела за столиком, и ни одна официантка даже близко не подошла!

Бьюла. Нашли с кем равнять! Они ведь местные, а Дубинский — чужак!

Долли подходит к прилавку.

Грош цена нашему бойкоту, если не все будут заодно. Вот и Леди сию минуту сказала, что обслужит ее, если она явится сюда.

Долли. Не может быть!

Бьюла. Спросите сами. Мне она заявила, что лавка открыта для всех, в том числе и для Кэрол.

Леди (*внезапно встает и, повернувшись к ним, кричит*). Какое мне дело, что она всем вам не по душе?! А мне вот нравится эта дикарка: я в восторге от того, что она доставляет столько неприятностей своему братцу! (*После этой вспышки отошла за прилавок.*)

Долли (*у телефона*). Тс-ссс!.. Мистер Дубинский? Говорит Долли Хэмма, жена мистера Песика Хэмма.

Неслышно входит Кэрол.

Скажите, пожалуйста, Кэрол Катрир случайно не у вас в аптеке?

Бьюла (*предостерегающе*). Долли!

Кэрол. Ее там нет.

Долли. Что?

Кэрол. Ее там нет. Она здесь.

Бьюла проходит в кондитерскую. Кэрол направляется к Вэлу.

Долли. Ах!.. Нет-нет, ничего, мистер Дубинский, я... (*В ярости вешает трубку и идет к двери.*)

Молчание. Взгляды всех — где бы кто ни стоял — прикованы к Кэрол. Она сидела всю ночь в открытой машине: волосы у нее разметались, лицо пышет жаром, глаза горят лихорадочным огнем. Держит она себя в этой сцене, словно загнанный зверек: смесь отчаяния с бесстрашием. Молчание наконец прерывает Леди.

Леди (*спокойно*). Здравствуйте, Кэрол.

Кэрол. Здравствуйте, Леди.

Леди (*с вызывающей сердечностью*). Я думала, вы в Новом Орлеане.

Кэрол. Да, была. Еще вчера вечером.

Леди. Как же вы так быстро добрались?

Кэрол. Гнала всю ночь.

Леди. В такую бурю?

Кэрол. Ветром сорвало крышу с машины, но я не остановилась.

Она не сводит глаз с Вэла, а он упорно не обращает на нее внимания: отворачивается, ставит бутылку кока-колы на стол.

Леди (*с нарастающим раздражением*). Случилось что дома? Кто-нибудь болен?

Кэрол (*отсутствующе*). Нет... Насколько мне известно, нет... Если бы что и случилось, я бы не знала: они... Можно присесть?

Леди. Да, пожалуйста.

Кэрол (*подходит к стулу у прилавка, садится*). Они ведь платят мне, чтобы я не появлялась здесь...

Молчание. Вэл неторопливо проходит мимо нее и идет к нише.

У меня, кажется, жар... Простудилась, должно быть, в дороге... Все вокруг словно в тумане...

Снова молчание, и только из глубины лавки, куда отошли Долли и Бьюла, ползет их приглушенное, свистящее шушуканье.

Леди (*сдерживаясь*). Вам что-нибудь нужно?

Кэрол. Все так далеко-далеко...

Леди. Я спрашиваю, Кэрол, вам здесь нужно что-нибудь?

Кэрол. Простите!.. Да.

Леди. Да? Что именно?

Кэрол. Нет-нет, не беспокойтесь, пожалуйста, я подожду...

Вэл выходит из ниши, на нем синяя куртка.

Леди. Подождете—чего? Ну, говорите же! Вам не придется ждать: скажите только—за чем пришли.

Звонит телефон.

Кэрол (*неопределенно*). Спасибо... не надо...

Леди. Снимите трубку, Вэл.

Долли шепчет что-то Бьюле.

Бьюла (*встает*). Нет, я должна сама убедиться в этом.

Долли. Но ведь она уже сказала: извольте.

Бьюла. Все равно я подожду.

Вэл (*в трубку*). Да, сэр, она здесь. Хорошо, передам. (*Вешает трубку, Леди.*) Это ее брат. Ему сообщили, что она здесь, и он едет за ней.

Леди. Дэвид Катрир сюда не войдет!!!

Долли. О-о-о!

Бьюла. Дэвид Катрир был когда-то ее любовником.

Долли. Да-да, помню, вы говорили.

Леди (*внезапно оборачивается к ним*). Бьюла! Долли! Что вы там расшипелись, как гусыни?! (*Выходит из-за прилавка.*) Ступайте лучше в «Синюю птицу» — там и наболтаетесь всласть за чашкой кофе!

Бьюла. Вот как?! Нас, кажется, выгоняют?

Долли. Я никогда не навязываюсь, и уж если мне где показали на дверь, больше там не бываю!

Обе выходят, хлопнув дверью.

Леди (*после паузы*). Зачем вы сюда явились?

Кэрол. Мне надо сообщить кое-что...

Леди. Мне?

Кэрол. Нет.

Леди. Кому же?

Кэрол медленно переводит взгляд на Вэла.

Ему?.. Ему?..

Кэрол слегка кивает.

Ну, так и сообщайте, пожалуйста, за чем дело стало?

Кэрол. Это носит... частный характер. Мне бы хотелось поговорить с ним с глазу на глаз.

Леди (*сняв с вешалки платок*). Сделайте одолжение, ради бога! Брат ваш доедет сюда со своей плантации минут через десять. Его голубой «кадиллак» — приданое богачки жены — уже, наверно, в пути. Но сюда я его не впущу! Я не желаю, чтобы он даже прикоснулся к дверной ручке... А насчет вашего «сообщения» — хоть оно и носит «частный характер» — мне все ясно. И ему тоже. Должна только предупредить: товару в лавке много, выбирайте любой, но парень этот не продается. А теперь пойду на шоссе поджидать голубой «кадиллак». Увижу — распахну дверь и заору что есть мочи, а вы, как услышите, выметайтесь мигом, чтобы духу вашего здесь не было! Понятно?¹

Леди выходит. Гулкий стук захлопнувшейся двери еще резче оттеняет наступившую тишину.

Рассеянное безразличие Вэла нельзя назвать враждебным: оно лишь несколько нарочито. В его отношении к Кэрол есть что-то и от

¹ Предыдущая сцена несколько затянута, и играть ее поэтому следует в очень быстром темпе: это поможет также обозначить различие между предыдущей сценой Леди и Вэла и последующей групповой сценой.

Сцену же Вэла и Кэрол, поскольку за ней следует бурное объяснение между Леди и Дэвидом, следует играть в несколько приглушенной тональности: очень важно, чтобы Вал не казался грубым с Кэрол, оба они чем-то должны напоминать одиноких бесприютных детей. — *Прим. автора.*

стремления держаться подалеже от соблазна, и от нежелания вязываться — своих забот хватает!

Гитару он держит с подчеркнуто озабоченной сосредоточенностью, берет тихий аккорд. Девушка смотрит на него, он издает негромкий, на одной ноте, свист и, прислушавшись, подтягивает струну, не глядя на Кэрл.

Вэл (*поглощенный своим занятием, тихо*). Вы, кажется, сказали хозяйке, будто должны сообщить мне что-то. Это правда, мисс?

Кэрл встает и нерешительно делает несколько шагов по направлению к нему. Он снова свистит, пробует струну, подтягивает колок.

Кэрл. Вы осыпали пеплом свой новый синий костюм.

Вэл. Это вы и хотели мне сообщить?

Кэрл (*отступив на шаг*). Нет. Нет, это... это был просто предлог, чтобы прикоснуться к вам. А сообщить мне вам надо, что...

Вэл. Ну?..

Начинает звучать гитара.

Кэрл. ...что хотелось бы мне держать что-либо в руках так же нежно и заботливо, как вы гитару... Что хотелось бы так же нежно и бережно обнять вас... (*Рука ее бессильно упала ему на колено.*)

Он еще раньше поставил ногу на табурет у прилавка.

Потому что вы... вы околдовали меня!

Вэл (*за тоном, которым он обращается к ней и который не назовешь грубым, — долгая история его отношений с женщинами: романтическая восторженность, с какой он воспринимал поначалу признания, подобные сделанному только что Кэрл, превратилась постепенно в нынешнюю настороженную подозрительность. Он кладет гитару и становится рядом с Кэрл*). Кому вы голову морочите! Да если вас мужчина прижмет, из вас дух вон. (*Небрежно берет ее за руку у запястья и приподнимает руку.*) Что это? Запястье, кисть? Нет. Тонкая веточка — двумя пальцами переломишь. (*Таким же небрежно-легким жестом оттягивает воротник ее пальто, обнажая шею. Проводит пальцем по вене.*) Девочка... Маленькая хрупкая девочка. Вы же вся просвечиваете, каждую жилку видать. Да вы хрустнете под мужчиной, как охапка хвороста...

Музыка постепенно стихает.

Кэрл (*не отводя от него взгляда, пораженная его пронизательностью*). Как странно!.. Вы и вправду видите меня насквозь! Да, отдаваться мужчине — такая мука! Но я

вынесла бы все: и боль, и муки, и опасность,— только бы на миг, хоть на единственный миг уйти от одиночества... Да и опасность—видите, какая я. Беременности мне не выдержать.

Вэл. Так улетай же, пташка, улетай, пока тебя не смяли.
(*Снова занят только гитарой.*)

Кэрол. Почему я вам так постыла?

Вэл (*обернувшись к ней*). Никто мне не постыл, пока не сует носа в мои дела.

Кэрол. А что я вам сделала дурного? Разве сказала кому хоть слово, когда увидела на вас часы моего кузена?

Вэл (*снимая часы*). Хотите верьте, хотите нет, но я сказал вам правду и повторю еще раз. Мне стукнуло тридцать, и я расплевался и с теми заведениями, где мы встречались, и с их завсегдатаями. «Укрозное местечко», погребок «Под звездами», «Музыкальный бар» и прочие ночные кабаки... Вот (*протягивает ей часы*)—возьмите этот хронометр со всеми его стрелками, со всеми его сутками, неделями и месяцами, со всеми его идиотскими лунными фазами. Возьмите! Я не был вором и, украв эти часы, понял: пора выбираться из трясины, пока не засосала. Возьмите и передайте вашему кузену Берти... (*Пытается силой вложить часы ей в руку.*)

Она не разжимает стиснутый кулак, вскрикнула от боли, но по-прежнему с яростным отчаянием смотрит ему прямо в глаза.

(*Вдохнув со свистом воздух, в бешенстве хватил часами об пол.*) С приветом!—вам и всей этой своре, с которой вы там крутите!

Кэрол (*сбрасывает пальто*). Ни с кем я не кручу! А хотела бы. С вами...

Гитара смолкает.

Вам здесь погибель, Змеиная Кожа. Вы сняли куртку, которая кричала: «Я свободен и одинок!», теперь на вас красивая синяя арестантская форма!.. Вчера среди ночи я вдруг проснулась от мысли о вас... снова о вас. Я гнала всю ночь, чтобы предупредить вас об опасности... (*Прикрывает рот дрожащей рукой.*) Я ехала к вам как вестник—с предостережением!.. Надеюсь, что вы не останетесь глухи, дадите увезти вас отсюда, пока не поздно...

Леди (*распахивает дверь и с криком врывается в лавку*). Уходите! Брат ваш идет! Сюда я его не пущу!

Кэрол подбирает пальто и, плача, идет в кондитерскую. Вэл идет к входной двери.

Заприте дверь! Не пускайте его!

Кэрл в кондитерской, уронив голову на столик, плачет. Леди взбегает по лестнице, но едва она поднимается до площадки, как в лавку входит Дэвид Катрир. Это высокий мужчина в охотничьем костюме. Он и ныне почти так же красив, как и в юности, но появилось в нем и что-то ущербное: сила узника, облеченного властью над другими узниками. В лице и глазах его есть что-то, напоминающее ту же отчаянную, вымученную ожесточенность, с которой Леди идет одна против всех.

Дэвид. Кэрл?

Вэл. Она там. *(Кивком показывает на полуосвещенную кондитерскую.)*

Дэвид *(двинулся к кондитерской)*. Кэрл!

Она встает со стула, медленно выходит из-под арки.

Ты нарушила соглашение.

Кэрл слегка кивает головой, глядя на Вэла.

(Жестко.) Ладно. Я отвезу тебя. Где твоё пальто?

Кэрл пробормотала что-то невнятное, не отводя взгляда от Вэла.

Где её пальто? Пальто моей сестры?

Вэл берет пальто, которое Кэрл уронила на пол, и отдает Дэвиду. Тот грубо набрасывает пальто ей на плечи и подталкивает Кэрл к выходу.
Вэл отходит в глубину.

Леди *(внезапно, резко)*. Подождите, пожалуйста!

Подняв глаза, Дэвид застывает на месте. Леди сбегает вниз.

Дэвид *(тихо, хрипло)*. Как... поживаете, Леди?

Леди *(повернувшись к Вэлу)*. Вэл, уходите!

Дэвид. Подожди в моей машине, Кэрл. *(Открывает дверь, пропуская сестру.)*

Кэрл бросает на Вэла последний безутешный взгляд. Вэл быстро проходит через кондитерскую. Хлопнула дверь. Слегка кивнув, словно бы с грустью ответив самой себе на мучивший ее вопрос, Кэрл выходит. Пауза.

Леди. Я ведь вам запретила появляться здесь.

Дэвид. Я пришел за сестрой. *(Поворачивается к выходу.)*

Леди. Нет, постойте!

Дэвид. Боюсь оставлять её одну на шоссе.

Леди. Я должна вам сказать кое-что, чего никогда не говорила раньше. *(Подходит к нему.)*

Дэвид снова оборачивается к ней, затем отходит чуть дальше, вглубь.

В то лето, когда вы меня бросили, я... носила под сердцем вашего ребенка.

Молчание.

Дэвид. Я... не знал.

Леди. Да, я не уведомила письмом — горда была, еще имела тогда гордость. Но у меня под сердцем был твой ребенок — в то лето, когда ты меня бросил, в то лето, когда сожгли в винограднике отца и ты умыл руки, решив больше не знаться с дочерью Итальяшки-бутлегера, и... *(не хватило дыхания, голос прервался, делает яростный жест, через силу продолжая)* взял в жены девицу из благородных, на деньги которой отстроил свое фамильное поместье и которая наплодила тебе... *(переведя дух)* таких родовитых наследничков...

Дэвид. Я... не знал.

Леди. Так знай! В то лето, когда ты меня бросил, у меня был под сердцем твой ребенок, и когда мне... когда я его лишилась, нож, который вырезал его из моего тела, вырезал вместе с ним и мое сердце!

Дэвид. Я... не знал.

Леди. Я хотела тогда умереть. Но смерть не приходит, когда зовешь ее, а всегда не вовремя и без приглашения. Я не хотела жить, а умереть не сумела и решилась на сделку — тоже вроде самоубийства. Ты продал себя! Я — себя! Тебя купили! Меня купили! Продажной дешевкой — вот кем ты сделал нас обоих.

Дэвид. Я... не знал.

Мандолина — чуть слышно: мелодия итальянской песенки.

Леди. Все это было и быльем поросло. Недавно случилось мне проехать ночью мимо тех мест: вдоль берега, где был виноградник. Помнишь? Помнишь виноградник моего отца?

Дэвид не отводит от нее глаз. Она отворачивается.

Не помнишь? Даже этого не помнишь?

Дэвид. Только это... только это я и вспоминаю, Леди...

Леди. Отцовская мандолина, песни, которые мы с ним распевали в винограднике...

Дэвид. Только это я и вспоминаю, Леди... Только это!

Леди. "Come ingrato!", "Come la rosa!"¹ И мы с тобой прятались где-нибудь, а он звал: «Леди! Леди!» *(Поворачивается к нему.)* Могла ли я отозваться, если мои губы были прижаты к твоим! *(Глубоко, со вздохом, вздохнула,*

¹ «Неблагодарное сердце», «Как роза» — названия итальянских песен.

глаза ее широко раскрылись, руки зажала рот, словно сказанное только что непереносимо для нее.)

Дэвид резко отворачивается. Музыка обрывается. Джейб начинает стучать, призывая ее наверх. Она идет к лестнице, останавливается и снова оборачивается к нему.

Я не из тех, кто прощает зло! Не смей появляться здесь снова! А если твоя распутеха-сестра заглянет сюда, пусть за ней приезжает кто угодно, только не ты, только не ты! Я не хочу снова ощущать в себе этот нож! *(Тяжело дышит, прижав руку к груди.)*

Дэвид отворачивается от нее и идет к двери.

(Делает шаг по направлению к нему.) Но жалеть меня нечего. Дела мои не так уж плохи. Мне есть чем заполнить жизнь. Вот эта лавка! А весной откроется кондитерская, она сейчас переоборудуется: я превращу ее в место, где будет встречаться молодежь, она станет похожа...

Взявшись за ручку двери, он медлит, стоя к ней спиной.

...станет похожа на отцовский виноградник, где народ собирался по вечерам пить вино и где ты оставил самое лучшее, что было в твоей жизни!

Дэвид. Леди, это...

Леди. Да?

Дэвид. ...правда! *(Открывает дверь.)*

Леди. Теперь иди. Я просто хотела, чтобы ты знал -- я еще поживу.

Дэвид выходит под непрекращающийся стук Джейба. Она застыла на месте. Медленно входит Вэл, она не сразу замечает его.

(Шепотом.) Какая же я дура!..

Вэл. Что?

Леди *(идет к лестнице)*. Какая дура!.. *(Тяжело ступая, с усилием поднимается по лестнице.)*

Освещение сцены медленно меняется, обозначая разрыв во времени между картинами.

Картина вторая

Свечерело. Вэл один, видимо, вот-вот уйдет. За окном яростно пламенеет закат. Большая, грузная женщина открывает дверь и останавливается на пороге, глядя прямо перед собой испуганными, словно ослепшими глазами. Это Ви Толбет.

Вэл. Здравствуйте, миссис Толбет.

Ви. Что-то у меня с глазами. Ничего не вижу.

Вэл (*подходит к ней*). Позвольте, помогу. Вам, наверно, било в лицо заходящее солнце, когда ехали сюда. (*Ведет ее к креслу для примерки обуви у окна справа.*) Вот сюда, присядьте, пожалуйста.

Ви. Спасибо... Большое спасибо.

Вэл. Я вас не видел с тех пор, как вы привели меня сюда узнать насчет работы.

Ви. Священник к вам еще не заходил? Отец Тукер? Я взяла с него слово обязательно побывать у вас. Я ему сказала, что вы у нас недавно и еще не приписаны ни к одному приходу. Мне бы хотелось, чтоб вы посещали нашу церковь.

Вэл. Это... очень любезно с вашей стороны, миссис Толбет.

Ви. Епископальную...

Вэл. Да-да, конечно.

Ви. Разверните, пожалуйста, эту картину.

Вэл. Сейчас. (*Срывает бумагу, которой обернута принесенная ею картина.*)

Ви. Вот она, наша церковь... Такой она рисуется в моем воображении. Вы знаете, Джейб и Леди не ходят в церковь, и, мне кажется, эту картину следует повесить у Джейба, пусть смотрит. Быть может, глядя на нее, бедняга хоть перед смертью обратит свой взор к Иисусу.

Вэл ставит картину к стулу, справа от прилавка, и, присев на корточки, долго и серьезно всматривается. Ви нервно покашливает, встает, нагибается, чтобы взглянуть на свое творение, неуверенно садится опять. Вэл тепло улыбается ей, снова смотрит на холст.

Вэл (*наконец*). А это что нарисовано? Вот здесь?

Ви. Это церковный шпиль.

Вэл. А-аа!.. Разве он красный?

Ви. Нет, но...

Вэл. Почему же вы нарисовали его красным?

Ви. Видите ли, я... (*Нервный смехок, она возбуждена, как ребенок, и возбуждение ее все растет.*) Просто он представился мне красным... Я рисую не то, что на самом деле, а то, что чувствую... Внешность обманчива, глазам доверять нельзя. Я рисую, когда мне привидится что-нибудь, когда меня посетят видения...

Вэл. Да-да, привидится... видения... (*Встает, кивает головой с подчеркнутой серьезностью.*)

Ви. Моя живопись основана на видениях, я художник-визионер.

Вэл. Да?

Ви (*со скромной гордостью*). Как раз за это меня так и хвалят в новоорлеанских и мемфисских газетах. Мой стиль называют примитивным, основанным на видениях.

Одна из моих работ выставлена в музее Одюбон-парка, и меня просили дать еще. Но я не могу писать по заказу: мне надо дожидаться видений... Я не могу рисовать без видений... Я не могу жить без видений!

Вэл. И всегда они у вас были?

Вн. Нет, только с тех пор, как я появилась на свет...
(*Останавливается, сама пораженная нелепостью своего ответа.*)

Оба внезапно смеются.

(*Поспешно продолжает, беспокойно вертясь на своем стуле и то и дело вскидывая стиснутые руки; ее пышная грудь тяжело вздымается от какого-то странного возбуждения.*) Я появилась на свет в сорочке. Это такая пленка, тонкая-тонкая, вроде вуали, она покрывала мне глаза. Это называется сорочкой. Если человек рождается в сорочке, значит, его будут посещать видения, и они меня действительно посещали... (*Останавливается, чтобы набрать дыхание.*)

Чуть меркнет свет.

Когда я была еще маленькой, умерла моя сестра, она прожила всего сутки после появления на свет. Пришлось крестить ее ночью, чтобы спасти ее душу.

Вэл. Угу... (*Сидит напротив нее и внимательно слушает, улыбаясь.*)

Ви. Священник пришел в полночь. Закончив обряд, он дал мне чашу со святой водой и попросил вылить — только обязательно на землю. А я не послушалась. Мне было страшно выходить ночью из дому, когда рядом... когда рядом — смерть! И я потихоньку прошла в кухню и вылила святую воду в раковину. Грянул гром, раковина сразу почернела, стала черная-черная!..

Толбет (*появляется на пороге*). Киска?! Ты что здесь делаешь?

Вн. Разговариваю.

Толбет. Выйди, подожди в машине. Мне надо на минутку к Джейбу. (*Поднимается вверх.*)

Ви (*медленно встает, берет холст и движется к прилавку*). Понимаете... с тех пор, как я занялась живописью, весь мир кажется мне совсем другим... Я не могу вам объяснить, но вокруг все точно... переменялось...

Вэл. Не объясняйте. Я вас понимаю. Пока вы не начали рисовать, все не имело смысла...

Ви. Что?.. Что не имело смысла?

Вэл. Существование!..

Ви (*тихо, задумчиво*). Да... Да-да... Существование не

имело смысла... *(Кладет холст на гитару, лежащую на прилавке, и садится на стул.)*

Вэл *(встает и подходит к ней)*. Вы живете в Двуречном округе. Жена местного шерифа — каких только ужасов вы не нагляделись!

Ви. Жуть...

Вэл. На ваших глазах людей забивали насмерть!

Ви. Да!

Вэл. Линчевали!

Ви. Да.

Вэл. Травили сбсжавших из тюрьмы собаками, и те рвали их в клочья.

Ви *(впервые в жизни ей удалось выразить весь свой ужас)*. Собаки! Тюремные собаки!..

Вэл. Да.

Ви. Разрывали беглецов!..

Вэл. Да.

Ви. В клочья! *(Привстала было, но, ослабев, снова падает на стул.)*

Вэл глядит мимо нее в темную лавку, в его светлых глазах угрюмый огонь. Чтобы последующая реплика не показалась излишне гладкой, актер может запинаться, подыскивая слова.

Вэл *(отступает на шаг)*. Бывает — взрыв ярости, но бывает и ярость без взрыва, сплошная, привычная, ровная... Смерч — не всегда вихрь: порой он движется медленно. Людские сердца точит гнилью, и гниют они медленно, постепенно...

Ви. Откуда вам...

Вэл. Известно? Я это видел. Я это знаю!

Ви. И я видела! И я знаю!

Вэл. Мы с вами видели все это из первого ряда партера. *(Опускается перед ней на корточки и касается ее лежащих на коленях рук.)*

Она вздрагивает.

И вот вы стали рисовать не явь, а то, что вам видится. Сами не зная зачем, без всякой подготовки — вы стали рисовать, словно сам бог коснулся ваших пальцев. *(Медленно и бережно он приподнимает ее руки.)* И двумя этими нежными женскими руками вы стали претворять в красоту это мрачное захолустье...

На лестничной площадке появляется Толбет. Молча смотрит вниз.

Да, вы сумели сотворить красоту... *(С какой-то странной бережностью подносит ее руки к губам.)*

У нее перехватило дыхание.

Толбет. Эй!

Ви вскакивает, тяжело дыша.

(Спускаясь, Вэлу.) А ну кончай это дело!

Вэл отходит.

(Ви.) Марш в машину! Я сейчас. (Пристально смотрит на Вэла.)

Ви, спотыкаясь, словно ничего не видя перед собой, направляется к выходу.

(После долгой паузы.) Джейб Торренс просил хорошенько поглядеть на тебя. (Подходит к Вэлу.) Вот я и поглядел! (Короткий кивок. Выходит.)

Лавка сейчас едва освещена. Вэл берет холст, заходит за прилавок и кладет его на полку. Взяв гитару, садится на прилавок. Медленно меркнет свет, обозначая конец картины. Аккомпанируя себе на гитаре, Вэл поет «Райские травы».

Картина третья

Когда Вэл заканчивает балладу, с лестницы спускается Леди. Он встает и включает лампочку под зеленым абажуром.

Вэл. Долгонько вы.

Леди. Дала ему морфий. Он, должно быть, совсем из ума выжил. Говорит такие ужасные вещи. Сказал, что я желаю его смерти.

Вэл. Вы уверены, что это не так?

Леди. Я никому не желаю смерти. Это так ужасно — умереть! (Медленно идет к окну справа.)

Вэл берет гитару и направляется к двери.

Вы уходите?

Вэл. Да, я запаздываю.

Леди. Куда запаздываете? Свидание?

Вэл. Нет...

Леди. Тогда обождите немного. Сыграйте что-нибудь. У меня совсем нервы развинтились...

Он идет обратно и облакачивается на прилавок. Едва слышно звучит гитара, сопровождая их разговор.

Какую я сегодня разыграла дуру!..

Вэл. Когда приходил брат той девушки?

Леди. Да... Как я могла себя так унижить?..

Вэл. Сестрица его сказала, что приехала предостеречь меня. Не пойму — от чего?..

Леди (*садится в кресло для примерки обуви*). Боже мой, что я ему наговорила!.. Где была моя гордость?

Каждый из них думает о своем. Тихо звучит гитара.

Вэл. Последнее время я, бывает, просыпаюсь по ночам от собственного крика... Сердце колотится, и, только взяв гитару, прихожу в себя... Что-то никак не привыкну к вашему городку... Не чувствую себя здесь в безопасности... Но и уезжать неохота... (*Резко останавливается.*)

За дверью захлебывающийся собачий лай.

Леди. Собак спустили с цепи. Кто-то удрал из тюрьмы—гонятся...

Вэл. Беги, приятель, беги! Быстрее беги, братишка! Тебе уж не бегать, если догонят! Никогда... (*берет гитару под мышку и идет к двери*) не бегать!..

Собачий лай переходит в свирепое, на одной ноте, рычание.

Взяли!..

Пауза.

Рвут в клочья.

Снова пауза. Рычат собаки. Выстрел. Собаки смолкают. Подойдя к двери и уже протянув к ней руку, кидает взгляд на Леди. Распахивает дверь. Сумеречную тишину нарушает лишь завывание ветра.

Леди. Погодите!

Вэл. Да?

Леди. Где вы устроились?

Вэл. Как «устроился»?

Леди. Где ночуете?

Вэл. Снимаю комнату в мотеле на шоссе.

Леди. Вам там нравится?

Вэл. Да.

Леди. Что именно?

Вэл. Удобная постель, теплая печурка, холодильник, душ.

Леди. Хотите сэкономить деньги?

Вэл. Вот уж никогда не удавалось!

Леди. Удастся, если перейдете сюда.

Вэл. Что значит «сюда»?

Леди. Сюда, в мой дом.

Вэл. Где же вы меня разместите?

Леди (*показывая на нишу*). Там, за занавеской.

Вэл. В примерочной?

Леди. Там есть раскладушка. На ней спала сиделка, когда у Джейба была первая операция... И ванная тоже здесь, внизу... Позову водопроводчика, проведет душ—

холодный и горячий... Я все устрою... Вам будет хорошо... *(Встает, подходит к лестнице.)*

Пауза.

Вэл опускает дверь, она захлопывается. Смотрит на Леди.

Вэл. Не люблю быть... обязанным.

Леди. Что вы! Это я вам буду обязана. Мне будет спокойнее по ночам, когда в доме еще кто-нибудь. А вам это ничего не будет стоить. Сэкономите деньги, которые платите за квартиру. Сколько вы платите? Десять долларов в неделю? Вот видите! За два-три месяца можете накопить столько, что... *(Короткий, словно испуганный, смехок. Широкий жест.)* Ступайте взгляните, подойдет вам или нет...

Но он остается недвижим, думая о чем-то своем.

(Дрожа от холода и обхватив себя руками.) Куда здесь только тепло уходит?

Вэл *(погруженный в свои размышления)*. Тепло уходит вверх.

Леди. Вам, с вашей собачьей температурой, холод, наверно, ничо чем. А меня так и пробирает.

Вэл. Да-да...

Леди *(теряя терпение)*. Ну что ж, посмотрите комнатушку или нет?

Вэл. Посмотрю комнатушку... *(Направляется к нише, проходит за занавеску. Включает там свет, отчего занавески с причудливым стилизованным рисунком — золотое деревцо с алыми плодами и белыми птицами — становится полупрозрачной.)*

С ревом пронесся грузовик, лучи фар скользнули по замерзшему окну. Громко вздохнув, Леди достает из-под прилавка бутылку и стакан, ставит на прилавок с шумом, который заставляет ее саму испуганно вскрикнуть и так же испуганно рассмеяться. Наливает себе и садится на стул справа от прилавка. Свет за занавеской гаснет. Выходит Вэл. Леди сидит, не глядя на него, словно окаменела. Он не спеша бредет обратно, заходит за прилавок и кладет гитару. Держит себя с какой-то мягкой грустью, как если бы ему снова — в который раз! — довелось испытать знакомое и давно угаданное разочарование. Медленно садится на край прилавка, берет бутылку и, вздохнув, наливает себе. Стены дома поскрипывают от мороза. Голос Леди хрипл и отрывист, ей с трудом удастся скрыть негерпение.

Леди. Ну как, подойдет?

Вэл. Всегда считал, что дареному коню в зубы не смотрят... Нравится мне эта картина, что висит там на стене. Где только не встречал ее. «Сентябрьское утро»¹

¹ Картина художника Поля Шаба, получившая когда-то неслыханную популярность благодаря рекламной уловке: владелец картины,

называется. Ха!.. Боюсь, беспокойно будет спать в соседству с такой картиной... Захочется включить свет и снова взглянуть. Как она съежилась там, эта девчоночка!.. вода, должно быть, ледяная!.. Ха-ха!.. Не даст она мне заснуть, эта картина...

Леди. Что вам с вашей собачьей температурой, с вашим самообладанием какая-то картина! Чтобы лишить вас сна, нужно что-нибудь по сильнее.

Вэл. Я просто шучу.

Леди. Я тоже просто шучу.

Вэл. Только я ведь, знаете, холостяк. А холостяки, бывает, приводят по ночам не только собственную тень.

Пауза.

Леди (*отпивает из стакана*). К вам туда ходят женщины?

Вэл. Пока нет. Но не хочется и стеснять себя насчет этого. Привычка, знаете. Работа была всегда ночная, а когда работаешь в городе по ночам — живешь в ином мире, чем те, что работают днем.

Леди. Да-да... Представляю себе...

Вэл. Город ночью и город днем — разные города, хоть носят одно и то же название. Они непохожи, как ночь и день. Есть что-то дикое в наших краях, ведомое лишь ночному люду.

Леди. Знаю.

Вэл. Мне тридцать лет, но измениться мгновенно нельзя. Нужно...

Леди. Время. Да, это так...

Небольшая пауза, которая приводит ее в замешательство.

Вэл (*соскальзывая с прилавка*). Вы были добры ко мне, Леди. Не пойму только, зачем я вам здесь по ночам?

Леди (*защищаясь*). Я сказала зачем.

Вэл. Чтобы проводить их вместе?

Леди. Да... то есть чтобы... чтобы охранять по ночам магазин.

Вэл. За ночного сторожа, значит?

Леди. Не совсем так, но...

Вэл. Вам здесь не по себе, одной, ночью?

Леди. Еще бы! Джейб по ночам кладет рядом с собой револьвер, но, если в лавку ворвутся грабители, ему даже и не подняться. А я смогу только кричать. Кю меня

выставивший ее в витрине, сумел спровоцировать судебный процесс по обвинению самого себя в оскорблении нравственности (на картине изображена нагая девушка на берегу озера). Процесс был выигран владельцем картины, а шумиха, поднятая вокруг этого дела, способствовала распродаже бесчисленного количества ее копий и репродукций.

услышит? У нашей ночной телефонистки сонная болезнь, наверно. А почему, собственно, вы так недоверчивы? Вы на меня так смотрите, будто я невесть что замышляю. Ведь есть же на свете порядочные люди. Я и сама... *(Сидит на стуле, не шелохнувшись, натянутая, как струна, губы ее плотно сжаты, глаза с силой зажмурены; дышит громко и прерывисто: ей неловко и за себя и за него.)*

Вэл. Я понимаю, Леди, но... Что это вы так сидите — будто застыли?

Леди. Ха!.. *(Отрывисто засмеявшись, откидывается на спинку.)*

Вэл. Все еще напряжены.

Леди. Знаю.

Вэл. Освободитесь. Расслабьте мышцы. *(Подходит к ней ближе.)* Хотите, покажу вам кой-какие уловки, которыми меня научила моя знакомая, остеопат, — я и сам ими пользовался.

Леди. Какие уловки?

Вэл. Манипуляции с суставами — после них чувствуешь себя свободно, как отпущенная струна. *(Заходит сзади нее.)*

Она наблюдает за ним.

Вы что — не доверяете мне?

Леди. Нет-нет, полностью доверяю, но...

Вэл. Хорошо. Наклонитесь вперед. Поднимите вверх руки. Сядьте боком.

Она выполняет все это.

Опустите голову. Совсем опустите. *(Устанавливает ей в определенное положение шею и голову.)* Теперь позвоночник. *(Упирает ей в поясницу колено и с силой надавливает.)*

Леди *(издает короткий испуганный смешок)*. Ха-ха!.. Такой звук, точно... точно доски в стенах скрипят от холода... ха-ха!

Вэл. Легче?

Леди. О да... Большое спасибо.

Вэл *(поглаживая ее шею)*. Какая у вас шелковистая кожа! И светлая... Прямо не верится, что вы итальянка.

Леди. Здесь, в Америке, считают, что все итальянцы непременно смуглые. Совсем не обязательно. Есть смуглые, а есть совсем и не смуглые. У родителей отца была смуглая кожа, а у родителей матери — светлая... *(Неловкий смешок.)*

Он понимающе улыбается ей. Она продолжает говорить, чтобы скрыть смущение. Он присаживается рядом с ней на прилавок.

Когда я была совсем маленькой, к нам приехала из Монте-Кассино сестра моей бабушки по материнской линии. Она приехала сюда, на чужбину, чтобы умереть в кругу родных. Я, правда, думаю, что, умирая, человек все равно одинок: что с родными, что без них. Она, я помню, лежала в своем углу долго-долго и все не умирала, так долго, что все мы почти позабыли о ней. Ее совсем не было слышно, она лежала и о чем-то думала. Помню, я как-то спросила у нее: «Zia¹ Тереза, как себя чувствуют люди, когда умирают?» Только ребенок может задать такой вопрос. И как ответила она мне — тоже помню. «Очень одиноко они себя чувствуют» — вот что она сказала мне в ответ. Ей, наверное, хотелось обратно в Италию, чтобы умереть там, на родине... *(Смотрит ему прямо в глаза, впервые с тех пор, как завела разговор о нише.)* Ванная, значит, у нас тут имеется, только позвать водопроводчика провести горячий душ. Так... *(Встает и неловко отходит от стула.)*

Он на нее теперь не смотрит: мысли его заняты, по-видимому, чем-то другим.

Схожу наверх за чистым бельем для вашей постели.

Быстро идет, почти бежит, к лестнице. Как только она скрылась наверху, он, пробормотав себе что-то под нос, идет к кассе. Громко кашляет, чтобы заглушить звук выдвигаемого ящика. Берет оттуда в кулак несколько бумажек и, снова кашлянув, задвигает ящик. Взяв гитару, выходит. Сверху спускается Леди с бельем в руках. Тоскливая темнота ползет в комнату сквозь оставшуюся открытой дверь. Леди идет к двери, выходит на улицу, останавливается за порогом. Смотрит в одну и в другую сторону вдоль темного шоссе. В бешенстве входит обратно, произносит какое-то итальянское ругательство, ногой или локтем захлопывает за собой дверь и швыряет белье на прилавок. Быстро подойдя к кассе, рывком открывает ящик и, обнаружив пропажу, яростно захлопывает его.

Вор! Вор! *(Поворачивается к телефону, срывает с рычага трубку, мгновение держит ее и с силой опускает на место. В отчаянии бредет обратно к двери и, открыв ее, стоит, взглядываясь в темную, беззвездную ночь.)*

Свет на сцене постепенно меркнет. Вступает гитара: блюз.

Картина четвертая

Той же ночью, спустя несколько часов. В лавку входит Вэл. В руках гитара. Не совсем твердыми шагами идет к кассе. Достав из кармана внушительную пачку денег, отсчитывает несколько бумажек и кладет в ящик кассы. Оставшуюся большую часть снова сует в карман.

¹ Тетя (итал.).

Наверху шаги. На площадку падает свет. Вэл быстро отходит от кассы. На площадке появляется Леди в белом атласном халатике, в руках карманный фонарик.

Леди. Кто там?

Гитара стихает.

Вэл. Я.

Леди (*освещает его фонариком*). Бог мой, как вы меня напугали!

Вэл. Не ждали разве?

Леди. Откуда же мне знать, вы это или кто-то другой?

Вэл. Вы предложили мне комнату.

Леди. Вы ушли, не сказав, берете ее или нет. (*Спускается вниз, луч фонарика все еще держит на Вэле.*)

Вэл. Разве я не сказал насчет дареного коня?

Леди. Сказать — сказали, но придете ли вы — я так и не знала.

Вэл. Я думал, вы сочли это само собой разумеющимся.

Леди. Я никогда ничего не считаю само собой разумеющимся.

Он направляется к нише.

Постойте, я спущусь. (*Идет вниз, луч фонарика на его лице.*)

Вэл. Вы меня ослепите своим прожектором. (*Смеется.*)

Она не отводит от него луч. Он снова двинулся к нише.

Леди. Постель не готова: я не ждала вас.

Вэл. Ничего.

Леди. Когда я спустилась с бельем, вы уже улизили.

Вэл. Да, я...

Она берет белье с прилавка.

Дайте-ка сюда. Сам застелю свое прокрустово ложе. А завтра вам придется подыскивать нового приказчика. (*Берет у нее белье и идет к нише.*) У меня выдался удачный вечерок. (*Показывает пачку денег.*)

Леди. Ого!

Он останавливается у входа в нишу. Она подошла к кассе, включает лампочку под зеленым абажуром.

Вы открывали только что ящик кассы?

Вэл. Почему вы спрашиваете?

Леди. Минуту назад мне послышалось, что его открывают. Вот я и спустилась.

Вэл. Прямо так — в белом атласном халатике...

Леди. Я спрашиваю: это вы открывали?

Вэл. Интересно, кто же, если не я?

Леди. Если не вы, то никто, а ящик все-таки открывали!.. *(Выдаивает ящик и поспешно пересчитывает деньги. Ее трясет от возбуждения.)*

Вэл. Как это вы сегодня не заперли выручку в сейф наверху?

Леди. Забываю иногда...

Вэл. Опасная забывчивость, Леди.

Леди. Зачем вы открывали ящик кассы?

Вэл. Я открывал его дважды: перед уходом и только что. Я позанимствовал у вас малую толику и вернул долг. Остаток — при мне. *(Показывает деньги.)* Мне удалось сегодня сорвать банк пять раз подряд. С таким уловом можно на время удалиться от дел... *(Снова кладет деньги в карман.)*

Леди. Младенчик вы, младенчик! Жалко мне вас.

Вэл. Жалко?

Леди. Жалко. Потому что вам уже никто не сумеет помочь. Вы тронули меня своей... необычностью, своими странными речами. Помните — птицы без лапок, спят на ветре... Вы показались мне такой же неприкаянной ничужкой, и мое глупое итальянское сердце раскисло: захотелось помочь вам... Дура я, дура!.. И поделом мне! Вы обобрали меня, пока я ходила наверх за простынями для вашей постели.

Вэл двинулся к двери.

Даже мое разочарование в вас — глупо! Надо же быть такой идиоткой!

Вэл *(останавливается, швыряет белье на прилавок)*. Вы разочаровались во мне, я — в вас!

Леди *(выходит из-за прилавка)*. Чем же это я вас разочаровала?

Вэл. Не было там раньше за занавеской никакой раскладушки. Вы все подстроили!

Леди. Была! Вы просто не замечали. Она стояла за зеркалом, сложенная!

Вэл. Не стояла она ни за каким зеркалом. И вы...

Леди *(перебивая)*. Я нарочно оставила деньги в кассе, чтобы выяснить, можно ли вам доверять.

Вэл. Все ваши деньги я вернул сполна...

Леди. Нет-нет-нет, теперь я убедилась: доверять вам нельзя. А если я кому не доверяю — он может убираться на все четыре стороны.

Вэл. И отлично! Рекомендательных писем я не жду.

Леди. Нет, почему же, я дам. Я напишу, что податель сего—отъявленный говорун! Но я не назову вас усердным и честным. Я напишу, что податель сего—отъявленный лентяй и ловко заговаривает зубы, а тем временем лапа его тянется к кассе.

Вэл. Я взял у вас меньше, чем вы должны мне.

Леди. Нечего увиливать! Я раскусила вас, мистер, и знаю теперь, кто вы такой!

Вэл. И я раскусил вас, Леди, и знаю теперь, кто вы такая.

Леди. Кто же я, по-вашему, такая?

Вэл. Вы и вправду хотите услышать?

Леди. Умираю от нетерпения!

Вэл. Женщина уже не первой молодости, не избалованная мужской лаской и подрядившая первого попавшегося, прямо с большой дороги, на двойную работу без сверхурочных: днем—за прилавком, по ночам—в постели...

Леди. Нет!.. Нет!.. Вы... *(Замахнулась.)* Клянусь богом, нет!.. Вы гнусный... *(Ей не хватает слов, бросается на него с кулаками.)*

Он схватил ее за руки у запястий. Несколько мгновений она борется с ним, пытаясь вырваться, затем, рыдая, бессильно падает на стул. Он осторожно отпускает ее руки.

Вэл. Это естественно. Вы так одиноки...

Леди *(судорожно рыдает, уронив голову на прилавок)*. Зачем вы вернулись?

Вэл. Положить обратно деньги, которые брал из кассы. Не хотелось оставлять по себе недобрую память. *(Берет гитару и направляется к двери.)*

Она переподиг дыхание, затем внезапно вскакивает, бежит к выходу и, раскинув руки, преграждает ему дорогу, словно распягая на двери.

Леди. Нет! Нет!.. Не уходите!.. Я не могу без вас!..

Несколько секунд он смотрит ей прямо в лицо. Взволнованный неподдельной страстью, прозвучавшей в ее крике, поворачивается и медленно идет к нише. Отдергивает занавеску и, обернувшись, смотрит на нее.

...Жить!.. Жить!.. Снова жить!!!

Чуть слышно вступает гитара: «Любовная песня Леди». Вэл заходит в нишу, задергивает занавеску. Включает свет, отчего занавеска становится полупрозрачной. Видно, как он садится с гитарой в руках. Леди берет белье и медленно, как замороженный ребенок, движется к нише. У самого входа останавливается, застывает на месте в нерешительности, в смятении. Но он начинает нашептывать слова песни—вполголоса и с такой нежностью, что она наконец находит в себе силы откинуть занавеску, войти к нему. Вэл смотрит на нее долгим пристальным

взглядом. Ова задергивает за собой занавеску. Освещенный лампочкой, висящей в глубине ниши, слегка светится причудливый рисунок: золотое деревцо с алыми плодами, белые невиданные птицы. Еще несколько мгновений тихо звучит гитара. И — умолкает. Сцена погружается в темноту, только рисунок на занавеске все еще светится.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина первая

Раннее утро. Страстная суббота. В нише горит свет. Вэл, полуодетый, сидит на краю койки и курит. Тяжело дыша, сверху сбегает Леди. Она не причесана, в халате и шлепанцах.

Леди (*панически, свистящим шепотом*). Вэл! Вэл! Он идет вниз!

Вэл (*голосом, еще хриплым со сна*). Кто? Куда идет?

Леди. Джейб!

Вэл. Джейб?

Леди. Он самый.

Вэл. Ну и что ж такого?

Леди. Да встань же, черт побери, и оденься как следует! Эта проклятая сиделка сказала ему, что он может спуститься вниз и проверить, как идет торговля. Хочешь, чтоб он застал тебя на постели, полуодетого?

Вэл. А разве он не знает, что я здесь ночую?

Леди. Никто не знает — только ты и я.

Сверху доносятся голоса.

Боже милостивый! Уже идет.

Голос сиделки. Не торопитесь. Только не торопитесь. Потихоньку, ступенька за ступенькой, — не торопись.

Медленное шарканье ног на верхних ступеньках. Профессионально гнусавое ободряющее покривание сиделки.

Леди (*в панике*). Надень рубашку! Выходи оттуда!

Голос сиделки. Вот так. Потихоньку, ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой. Обопритесь мне на плечо и потихоньку вниз: ступенька за ступенькой!

Вэл поднимается с койки, вид у него довольно заспанный. Судорожно вздохнув, Леди задергивает занавеску и, тяжело дыша, как выбившийся из сил бегун, отходит от ниши с деланной улыбкой на лице. На лестничной площадке показываются Джейб и сиделка, мисс Портер, и в то же мгновение из-за бегущих по небу облаков выглянуло солнце. Джейб и сиделка освещены ярким светом, падающим на них сквозь узкое окошко на площадке. Они представляют собой странное и ужасающее зрелище: высокий мужчина в черном завошшенном костюме.

висящем на нем, как пустой мешок,—глаза на желтом лице горят злобным огнем—оперся на плечо коренастой, низенькой женщины с волосами не то светло-розового, не то оранжевого цвета, в крахмально-белом одянии и с обычными для тех, кто нанят ходить за умирающим, чуть презрительными ободряющими интонациями приторно мурлыкающего голоса.

Сиделка. Взгляните, мистер Торренс, вот и солнышко выглянуло. Какое оно яркое-яркое...

Леди. Мисс Портер, здесь, внизу... здесь холодно.

Джейб. Что она сказала?

Сиделка. Сказала, что там, внизу, холодно.

Леди. Прохладно... Еще... не нагрелся воздух.

Сиделка. Он твердо решил сойти вниз, миссис Торренс.

Леди. Знаю, но...

Сиделка. Он ведь такой настойчивый—не удержись.

Джейб *(обессиленный)*. Давайте... давайте передохнем малость.

Леди *(оживленно)*. Да-да! Отдохните немного...

Сиделка. Хорошо. Отдохнем.

Они садятся рядом на скамеечку под искусственной пальмой. Джейб впился глазами в падающий на них из окошка луч света—старый свирепый зверь при последнем издыхании. Шум в нише. Чтобы заглушить его, Леди издает какой-то испуганно-конвульсивный смешок, потирает руки и, подойдя к лестнице, притворно кашляет.

Джейб. В чем дело, Леди? Что ты так взбудоражилась?

Леди. Как же, Джейб! Ведь это просто чудо! Просто не верится!

Джейб. Во что не верится?

Леди. Что ты спускаешься вниз.

Джейб. Думала, уж не спущусь?

Леди. Я не думала, что так скоро. А вы, мисс Портер, думали, что он так скоро оправится?

Джейб встает.

Сиделка. Отдохнули?

Джейб. Да, пойдёмте.

Сиделка. Он себя превосходно чувствует, миссис Торренс... Постучите по дереву, чтоб не сглазить.

Леди. Да-да, надо постучать по дереву... по дереву... *(Намеренно громко барабанит костяшками пальцев по прилавку.)*

Вэл выходит из ниши. Опираясь на сиделку и едва волоча ноги, Джейб медленно продолжает свой спуск.

Осторожнее, Джейб, не переутомись. Правда, мисс Портер?

Сиделка. Я всегда стремлюсь активизировать пациента. Это мой метод.

Леди (*Вэлу, свистящим шепотом*). Кофе кипит! Сними этот чертов кофейник с конфорки! (*Испуганным жестом велит Вэлу идти в нишу.*)

Джейб. С кем это ты говоришь, Леди?

Леди. С Вэлом... с приказчиком Вэлом. Я ему велела... принести тебе... принести тебе стул.

Джейб. С кем, с кем?

Леди. С Вэлом. С приказчиком Вэлом. Я ведь говорила, ты же знаешь.

Джейб. Пока нет. Только мечтаю познакомиться. Где он?

Леди. Здесь. Здесь он, Джейб. Вэл здесь.

Вэл выходит из ниши.

Джейб. Ишь ты, какая ранняя пташка!

Леди. Ранней пташке достается самый жирный червячок.

Джейб. Верно. А где же червячок?

Леди (*громко*). Ха-ха!..

Сиделка. Осторожнее, мистер Торренс! Ступенька за ступенькой.

Леди. В страстную субботу у нас всегда от покупателей отбою нет, только под рождество бывает больше — да и то не всегда. Вот я и велела Вэлу прийти сегодня на полчаса раньше.

Джейб, оступившись, падает к подножию лестницы. Леди испуганно вскрикивает. Сиделка спешит вниз на помощь ему. Подошедший Вэл поднимает Джейба на ноги.

Вэл. Не ушиблись?

Леди. Боже мой!

Сиделка. Какой ужас!

Джейб. Ничего-ничего. Все в порядке!

Сиделка. Вы уверены, мистер Торренс?

Леди. Ты уверен, Джейб?

Джейб. Пустите. (*Пошатываясь, идет к прилавку. Тяжело дыша, облакачивается и со злобной усмешкой пристально смотрит на Вэла.*)

Леди. Боже мой!.. Боже ты мой!..

Джейб. Это, значит, и есть тот парень, что работает здесь?

Леди. Да, тот самый приказчик, которого я наняла для работы по лавке.

Джейб. И каков из него рабочий?

Леди. Очень хороший! Очень!

Джейб. Больно смазлив. Женщины небось глаз не сводят.

Леди. Девчонки-школьницы как только кончат занятия, так всей гурьбой сюда: выются здесь, как мухи над приманкой!

Джейб. А которые постарше? Их он тоже приманивает? Что проку в девчонках, настоящие покупательницы — замужние женщины. У тех водятся деньжонки: они мастерицы вымогать у мужей и транжирить. Какое у тебя жалованье, паренек? Сколько я тебе плачу?

Леди. Двадцать два пятьдесят в неделю.

Джейб. Дешево ты его заполучила.

Вэл. Еще комиссионные.

Джейб. Комиссионные?

Вэл. Да. Один процент с оборота.

Джейб. Вот как? Не знал.

Леди. Я была уверена, что при нем торговля пойдет лучше. Так и вышло.

Джейб. Еще бы!

Леди. Вэл, подайте стул Джейбу. Ему надо сесть.

Джейб. Нет, садиться не хочу. Хочу взглянуть на новую кондитерскую.

Леди. Конечно! Обязательно посмотри, Джейб! Вэл, включите свет в кондитерской. Слышите, Вэл! Я хочу, чтоб Джейб взглянул, как я ее отделала. Мне есть чем похвастаться.

Вэл проходит в кондитерскую и включает там свет: зажигаются лампочки под арками, освещается изнутри проигрыватель-автомат.

Пойди посмотри на нее, Джейб. Мне в самом деле есть чем похвастаться!

Джейб смотрит на нее несколько секунд, затем, медленно волоча ноги, идет к сияющей призрачным светом кондитерской. С улицы начинают доноситься возгласы зазывалы и звуки органчика, сперва едва слышные, затем все более и более громкие, отчетливые. Сиделка идет с Джейбом, поддерживая его за локоть.

Вэл (*повернувшись к Леди*). Он — сама смерть.

Леди (*отходя от него*). Тс-ссс!

Вэл встает за прилавок.

Сиделка. Прелестно! Просто прелестно!

Джейб. Вот-вот. Так уж прелестно, что дальше некуда...

Сиделка. Никогда не видела ничего подобного!

Джейб. А другие, думаете, видели?

Сиделка (*проходит обратно в лавку*). Кто это все так разукрасил?

Леди (с вызовом). Я разукрасила. Сама.

Сиделка. Да что вы?! Нет, в самом деле, прелесть как хорошо.

Выкрики зазывалы и бравурная мелодия органчика доносятся теперь очень громко и отчетливо.

Джейб (идет обратно). Цирк, что ли, приехал или карнавал сегодня?

Леди. Что?

Джейб. Да вон на шоссе кто-то горланит. Вроде цирковой зазывала с органчиком.

Леди. Нет, это не цирковой зазывала. Рекламное шествие — объявляют о торжественном открытии кондитерской Горренс сегодня вечером.

Джейб. Как ты сказала — что они там объявляют?

Леди. Открытие нашей кондитерской. Утром обойдут весь Глориоз-Хилл, а днем — весь Сансет и весь Лайон. Иди поскорее сюда, Джейб, и ты увидишь их. Они как раз проходят мимо. (Возбужденная, бежит к двери, распахивает.)

Музыка все ближе и ближе.

Джейб. Шустрая у меня жenuшка, мисс Портер. Во что мне влетит эта дурацкая затея?

Леди. Пустяки, Джейб. Совершеннейшие пустяки — не поверишь, как дешево. (Она разговаривает теперь с истерической оживленностью.) Я наняла их за бесценок.

Джейб. И большой этот самый «бесценок»?

Леди (закрывает дверь). Сушая ерунда: семь пятьдесят в час. А обойдут все три города в округе!

Звуки затихают вдаль.

Джейб (со сдерживаемой яростью). Шустрая у меня жenuшка, мисс Портер... Шустрая, говорю. (Выключает свет в кондитерской.) Папаша ее, Итальяшка, тоже шустрый был старичок, да сгорел!

Леди вскрикивает.

(Медленно, с угрожающей усмешкой.) У него был виноградник на северном берегу Лунного озера. Новая кондитерская вроде бы смахивает на этот виноградник. Но Итальяшка дал маху. Здорово дал маху. Вздумал привечать черномазых. И мы сожгли его. Спалили и дом и сад со всеми виноградными лозами. И сам Итальяшка сгорел, пытаюсь погасить огонь. (Отворачивается.) Мне, пожалуй, пора наверх.

Леди. Ты сказал — «мы»?

Джейб. Меня чего-то трясет...

Сиделка (*поддерживая его за руку*). Да-да, пойдете наверх.

Джейб. Пошли... (*Идет с сиделкой к лестнице.*)

Снова доносятся звуки органчика.

Леди (*кричит*). Джейб, ты сказал — «мы»? Ты сказал: «Мы сожгли»?

Джейб (*остановившись у нижних ступенек лестницы и обернувшись к ней*). Да, я сказал: «мы»! Я сказал: «Мы сожгли». Ты не ослышалась, Леди.

Сиделка. Потихоньку, ступенька за ступенькой, ступенька за ступенькой... Не волнуйтесь, мистер Торренс, не волнуйтесь...

Они медленно поднимаются вверх. Шествие проходит перед самой лавкой, зазывалу, быть может, даже видно в окно.

Голос зазывалы (*выкрикивает в рупор*). Не забудьте, друзья, сегодня вечером торжественное открытие кондитерской Торренс! Бесплатная выпивка. Раздача подарков. Не забудьте: сегодня вечером торжественное открытие кондитерской!

Возгласы его стихают. Джейб и Сиделка скрываются наверху. Органчик умолк. Хриплый крик Джейба.

Сиделка (*сбегает вниз, кричит*). У него кровь хлынула горлом! (*Бежит к телефону.*) Доктора Бьюкенена! (*Повернувшись к Леди.*) У вашего мужа кровь горлом!

Снова громкая, бравурная мелодия органчика.

Леди (*видимо, так и не слышала, что ей сказали сиделка. Вздыхает*). Ты слышал, что он сказал? Он сказал — «мы» это сделали! «Мы» сожгли дом... сад... виноградные лозы... Итальяшка сгорел, сражаясь с огнем...

Свет на сцене меркнет, звуки органчика затихают.

Картина вторая

Наступил вечер. Заходит солнце. Вал один. Стоит как вкопанный почти у самого просцениума, в центре, застыл в настороженной позе — так, прислушиваясь, стоят дикие животные, почувавшие близкую опасность. Слегка нахмурившись и повернув влево голову, внимательно вглядывается за пределы сцены. Отрывисто пробормотав что-то, достает сигарету и подходит к входной двери. Открывает ее и стоит у порога, всматриваясь куда-то в даль. Весь день, не переставая, шел дождь и вскоре польет снова, но как раз сейчас ослепительное солнце проглянуло на мгновение сквозь разрывы в облаках. Почти одновременно неподалеку — женский крик: громкий, хриплый крик восторга и ужаса. Женщина подбегает ближе — крик повторяется. За окном появляется Ви Толбет, ослепленная и словно обезумевшая: одной рукой прикрывает глаза, другой —

судорожно ощупывает стену, пытаясь найти вход в магазин; дышит тяжело и прерывисто. Вэл отступает в сторону, берет ее за руку, чтобы помочь войти. Несколько мгновений она стоит, ничего не видя перед собой, бессильно прислонившись к овальному стеклу двери и пытаясь отдышаться.

Ви. Я... Я... ослеплена!

Вэл. Вы ничего не видите?

Ви. Да!.. Ничего!..

Вэл (*подводя ее к стулу перед прилавком*). Присядьте, миссис Толбет.

Ви. Где?

Вэл (*осторожно подталкивая ее*). Вот здесь.

Ви со стоном опускается на стул.

Что у вас с глазами, миссис Толбет?

Ви (*протяжно и глубоко вздохнув*). Видение!.. Глазам моим предстало видение, которого я ждала, о котором молилась всю свою жизнь!

Вэл. Вам предстало видение?

Ви. Да!.. Очи Спасителя! Их взор ослепил меня. (*Терзаемая болью, наклонилась вперед, прижав руку к глазам.*) Взор Спасителя выжег мне глаза!

Вэл. Откиньтесь на спинку.

Ви. Глазницы горят огнем!..

Вэл (*идет в кондитерскую*). Я приготовлю вам холодные примочки.

Ви. О, я заранее знала, что мне предстанет видение: все, все предсказывало это!..

Вэл (*в кондитерской, у холодильника*). Да, это, наверное, не может не потрясти—видение. (*Произносит это негромко и очень серьезно, накалявая кусочки льда и заворачивая их в носовой платок. Подходит к ней.*)

Ви (*с детской наивностью*). Я полагала, что увижу Спасителя вчера, в страстную пятницу. Но я ошиблась. Если бы вы знали, как я была огорчена! Весь день я томилась, ждала этого видения, но день прошел, и ничего особенного не случилось. Но сегодня...

Вэл кладет платок со льдом ей на глаза.

...сегодня я уже примирилась, взяла себя в руки и вышла из дому, чтобы помолиться в пустой церкви и поразмышлять о завтрашнем воскресении Христовом. И вот, когда я шла по дороге, погруженная в мысли о таинстве пасхи, пелена (*произносит это слово врасстяжку, с содроганием*)... пелена вдруг словно пала с глаз моих. Свет!.. Ослепительный свет!.. Он будто иглами пронзил мне глаза...

Вэл. Свет?

Ви. Да-да, свет!.. Мы ведь живем между светом и тенью... Свет и тень, свет и тень—таков мир, в котором мы живем...

Вэл. Да. Между светом и тенью. *(Кивает головой в знак того, что понимает ее и полностью согласен с ней.)*

Они сейчас словно двое детей, наткнувшихся невзначай, на обычной проселочной дороге, на смысл жизни.

Ви. Мир света и тени—вот в каком мире мы живем... И они... они слиты друг с другом: тень со светом...

Через окно в лавку вглядывается какой-то мужчина.

Вэл. Да. они смешаны в нашем мире: тень и свет.

Ви. И вот тогда... *(запинаясь, словно вглядываясь в представшее ей видение)* я услышала удар грома! Небо разверзлось!.. И там, в разверзшихся небесах, я увидела... да-да, уверяю вас,—увидела огромные, сияющие очи воскресшего Христа... Не распятого, а воскресшего! То есть, я хотела сказать, воскресшего после распятия—большие, сияющие очи воскресшего Христа! И затем—что-то невероятное... *(Подняв обе руки, широко загребают ими воздух, пытаясь описать апокалиптическую смятенность атмосферы.)* И его десница! Невидимая!!! Я не видела его десницу, но она коснулась меня—здесь! *(Берет руку Вэла и прижимает к своей большой грузной груди.)*

Толбет *(пожалется в кондитерской, в ярости)*. Жена!

Ви вскакивает со стула, сбрасывая примочку с глаз. У нее вдруг перехватило дыхание, и она резко отшатнулась: ужас и разрушенный экстаз, испуг и вера—все смешалось в ее взгляде.

Ви. Это ты?!

Толбет. Жена!

Ви. Ты-ы?!

Толбет *(приближаясь к ней)*. Жена!

Ви *(протяжно)*. Глаза-а! *(Ослабев, как подкошенная, падает на колени, протягивая руки к Вэлу.)*

Вэл пытается поднять ее. Двое или трое мужчин за окном всматриваются в лавку.

Толбет *(отталкивая Вэла)*. Руки прочь! Не смей прикасаться к ней! *(Грубо хватает ее и тащит к двери.)*

Вэл двинулся было следом, чтобы помочь Ви.

Ни с места! *(У двери, Вэлу.)* Я сейчас вернусь.

Вэл. Я не собираюсь уходить.

Толбет (*выходя с Ви за дверь*). Зайди сюда, Пес, и того парня тоже прихвати с собой.

Голос за дверь. Он спутался с женой шерифа, а тот застукал их.

Другой голос повторяет то же самое в некотором отдалении. Входит Пес Хэмма, молча становится у двери. На улице не утихает возбужденный говор. Последующую сцену надо играть не нажимая, как бы между прочим, словно это обычный знакомый ритуал.

Вэл. Что вам здесь нужно?

Пес не отвечает. Вынул из кармана складной нож, открыл, отходит направо. Появляется Коротыш.

Голоса (*за открытой дверью*). Ишь, сука, чего себе позволяет!..

— Петли захотел, подонок...

— Точно, чего с ним нянчиться!

Вэл. Вам что?

Коротыш закрывает дверь и, вынув из кармана складной нож, молча стоит у порога. Вэл переводит взгляд с одного на другого.

Уже шесть часов. Магазин закрыт.

Коротыш и Пес посмеиваются: сухой, царапающий смехок, похожий на шуршание опавших листьев. Вэл направляется к двери, но, увидев вошедшего Толбета, резко останавливается.

Толбет. Кому я сказал—ни с места!

Вэл. Я никуда не иду.

Толбет. Ну-ка, стань подальше, вон под тем светом.

Вэл. Под каким светом?

Толбет. Под тем. (*Показывает.*)

Вэл заходит за прилавок.

Хочу проглядеть фотографии разыскиваемых лиц. Может, и по тебе решетка сучает?

Вэл. Никто по мне не сучает.

Толбет. По такому красавчику, да чтоб никто не сучал?!

Коротыш и Пес смеются. Вэл—за прилавком; затененная зеленым абажуром лампочка, под которой он стоит, бросает на него резкий свет.

Толбет перебирает фотографии, которые достал из кармана.

Какой у тебя рост?

Вэл. Не мерил.

Толбет. Вес?

Вэл. Не взвешивался.

Толбет. Шрамы, отметины на теле есть?

Вэл. Нет, сэр.

Толбет. Расстегни рубашку.

Вэл. Зачем? *(Не выполняет приказания.)*

Толбет. Расстегни ему рубашку, Пес.

Быстро шагнув к Вэлу, Пес раздирает ему рубашку до самого пояса. Вэл рванулся вперед, но Пес и Коротыш наставили на него ножи, и он отшатнулся.

Вот так-то лучше. Стой и не рыпайся. Чем занимался прежде?

Коротыш присаживается на ступеньки.

Вэл. Когда «прежде»?

Толбет. Прежде, чем явился сюда.

Вэл. Бродил по белу свету, играл...

Толбет. Играл?

Пес *(придвигаясь к центру сцены)*. Во что играл? С кем?

Коротыш. В кошки-мышки с чужими женами?

Пес смеется.

Вэл. Нет. Играл на гитаре и пел... *(Дотрагивается до гитары на прилавке.)*

Толбет. Дай-ка взглянуть.

Вэл. Смотрите. Только не трогайте. Я никому не позволяю дотрагиваться до нее, кроме музыкантов.

Пес и Коротыш подходят ближе.

Пес. Что ты скалишь зубы, парень?

Коротыш. Да он вовсе не скалит зубы — просто рот подергивается, как лапа у дохлой лягушки.

Смеются.

Толбет. Что там за мазня на твоей гитаре?

Вэл. Имена. Подписи.

Толбет. Чьи?

Вэл. Музыкантов. Мертвых и живых.

Они читают вслух имена, начертанные на гитаре: Бесси Смит, Ледбелли, Вуди Гатри, Джелли Ролл Моргон и другие. Коротыш и Пес склонились над гитарой, направив открытые ножи на Вэла. Пес дотрагивается до деки, притягивает гитару к себе. Вэл внезапно с кошачьей ловкостью вскакивает на прилавок и бежит по нему, увертываясь от их рук.

Сиделка *(сбегает на площадку)*. Что здесь происходит?

Толбет *(одновременно с ней)*. Стой! Кому говорят — стой!

Хриплые крики Джейби.

Сиделка (*возбужденная, на одном дыхании*). Где миссис Торренс? У меня наверху тяжелобольной, а жена его исчезла.

Джейб громко стонет.

Через мои руки прошли согни больных, но никогда я еще не видела, чтобы жена не обращала ни малейшего внимания на...

Джейб снова стонет. Когда сиделка возвращается наверх, стоны его стихают.

Толбет (*не дав договорить сиделке*). Пес! Коротыш! Прочь от прилавка! Сходите-ка проведайте Джейба, оставьте нас с парнем с глазу на глаз. Ступайте наверх. Коротыш, Пошли, Пес.

Идут наверх. Вэл, тяжело дыша, стоит на прилавке.

Толбет (*усаживается в кресло для примерки обуви. Держит он себя сейчас, оставшись наедине с Вэлом, с какой-то странной, чуть ли не конфузливой мягкостью: он словно распознал его чистоту и устыдился на какое-то мгновение той садистической жестокости, с которой он и его подручные поступают с Вэлом*). Ну ладно, ладно, паренек. Слезай. Не трону я твою гитару.

Вэл сырывает с прилавка.

Но сказать я тебе кое-что скажу. Есть один такой округ, на границе которого стоит столб с надписью. Надпись такая: «Черномазая бестия! Да не падут на тебя в этом округе лучи заходящего солнца!» И все! Никаких угроз, просто дружеский совет: черномазая бестия, да не падут на тебя в этом округе лучи заходящего солнца! (*Хрипло смеется, встает и делает шаг по направлению к Вэлу.*) Так вот, сынок. Ты не черномазый, и мы с тобой в другом округе, но мне все же хотелось бы, чтоб ты представил себе, скажем, такую надпись: «Да не падут на тебя, паренек, в этом округе лучи восходящего солнца!» Я сказал «восходящего», а не «заходящего», потому что солнце уже заходит и ты не успеешь собраться. Но, я думаю, если тебе действительно дорог тот инструмент, что ты держишь в руках, ты облегчишь мою задачу и не позволишь лучам восходящего солнца коснуться тебя у нас в округе. Дошло?

Вэл смотрит на него, тяжело дыша, лицо его непроницаемо.

(*Идет к двери.*) Надеюсь, дошло. Я не люблю насилия.

(Обернувшись и кивнув Вэлу, выходит на улицу, освещенную пламенем вечерней зари.)

Далеко вдаль лают собаки. Вступает гитара — медленный грустный блюз «Песий вой». Пауза. Вал недвижим, он только медленно покачивает в руках гитару. Наконец его встревоженный, отсутствующий взгляд твердеет. Коротко кивнув сам себе головой, распахивает занавеску и, войдя в нишу, снова задергивает ее. Свет на сцене меркнет, обозначая перерыв между картинами.

Картина третья

Через полчаса. Сцена освещена более условно, чем в предыдущих картинах. Помещение погружено в полумрак, ясно различимы только вертикальные линии столбов и некоторые отдельные предметы, как, например, пальма на лестничной площадке. Отчетливо видна также кондитерская, превращенная Леди в призрачный бумажный виноградник. Действие происходит на фоне вечернего пейзажа, открывающегося за большим окном. Порывисто свистящий ветер метет по небу облака, и колдовской пейзаж то вдруг озаряется лунным светом, то снова тускнеет. Свора тюремных собак все еще не утомилась: время от времени слышен их яростный захлебывающийся лай. Мимо лавки в загадочной спешке то и дело сплывают какие-то фигуры, они поднимают призывным жестом руки и что-то тихо выкрикивают. Выхваченные из мрака светом лампочки, висящей за дверью, они подобны теням в подземном царстве. В начале картины сцена пуста, слышен только звук шагов: кто-то спускается по лестнице. С улицы врываются Долли и Бьюла.

Долли (приглушенный крик). Песик?!

Бьюла (так же). Короты-ыш!

Ева (показывается на площадке, тихо, в тоне ее превосходства привилегированного посетителя, допущенного к постели больного). Потише, пожалуйста! Мистер Биннингс и мистер Хэмма наверху у Джейба... (Продолжает спускаться.)

На площадке появляется всхлипывающая Сестрица.

Спускайся осторожнее, Сестрица.

Сестрица. Помоги мне. Я едва держусь на ногах.

Ева не обращает на ее просьбу внимания, смотрит на Долли и Бьюлу.

Бьюла. У него все еще идет кровь?

Ева. Кровотечение, кажется, удалось остановить. Ах, Сестрица, Сестрица, возьми себя в руки! Всем нам рано или поздно приходится сталкиваться с этим.

Долли. Он без сознания?

Ева. Нет, кузен Джейб в твердой памяти и здравом рассудке. Сиделка Портер говорит, что для человека, потерявшего столько крови, у него пульс удивительного наполнения. Ему, конечно, сделали переливание...

Сестрица. Дважды.

Ева (*подходит к Долли*). Да. И еще впрыснули глюкозу. И сразу, как по волшебству, к нему возвратились силы.

Бьюла. А она наверху?

Ева. Кто?

Бьюла. Леди.

Ева. Нет! Говорили, к косметичке зашла, а с тех пор ничего не слышала о ней.

Бьюла. Не может быть!

Ева. Спросите Сестрицу.

Сестрица. Она все еще не отказалась от мысли...

Ева. ...устроить сегодня торжественное открытие кондитерской. Включи там свет, Сестрица.

Сестрица проходит в украшенную кондитерскую и включает там свет. Изумленные восклицания Долли и Бьюлы.

В ее поступках, разумеется, нет и капли благоразумия. Она окончательно спятила, но это все-таки не извиняет ее. Час назад, примерно в пять, она звонила, но даже не заикнулась о Джейбе, даже не назвала его имени. Спросила только, прислала ли Руби Лайтфут ящик виски «Сиграм». И сразу повесила трубку, не успела я... (*Идет направо.*)

Бьюла (*входит в кондитерскую*). О, теперь мне все понятно! Теперь я вижу, что она здесь устроила. Электрическая луна, звезды из серебряной бумаги, искусственные виноградные лозы!.. Вот, оказывается, во что она превратила это помещение — в виноградник на Лунном озере!

Долли (*усаживаясь в кресло для примерки обуви, внезапно*). Вот она!.. Вот она идет!

Сестры Темпл в кондитерской отходят в сторону, их теперь не видно. Входит Леди. На ней дождевик с капюшоном. В руках большая бумажная сумка с покупками и картонная коробка.

Леди. Ну, чего умолкли, валяйте дальше. То-то мне икалось сегодня.

Бьюла (*входит в лавку*). Леди!.. О боже мой, Леди!

Леди. Что это вы произносите мое имя таким жалостливым тоном? А? (*Откидывает капюшон, кладет сумку и коробку на прилавок. Глаза сверкают.*) Вэл! Вэл! Где мой приказчик, не знаете?

Долли отрицательно качает головой.

Сидит, наверно, в «Синей птице» и уминает бифштекс с жареной картошечкой и капустным салатом — и все за семьдесят пять центов...

Шум в кондитерской.

Кто там, в кондитерской? Это вы, Вэл?

Из кондитерской выходят сестры Темпл и надменно шествуют мимо
нее.

Уходите, красотки?

Сестры Темпл выходят из лавки.

Слава тебе, господи, убралась. *(Смеется. Сбрасывает плащ на прилавок. На ней нарядное платье с глубоким вырезом, на шее тройная жемчужная нить, к корсажу приколот бант из пурпурных атласных лент.)*

Бьюла *(печально вздохнув)*. Сколько лет мы знакомы, Леди?

Леди *(заходит за прилавок, вынимает из коробки бумажные колпаки и свистульки)*. Много. Много лет, Бьюла. Вы, наверное, еще помните, как мои родители приехали сюда на грузовом пароходишке из Палермо... По пути мы заходили в Венесуэлу — в Каракас, папа там еще купил обезьянку. Шарманка и обезьяна — вот все, что мы везли с собой. Я и сама была тогда чуть больше обезьянки, ха-ха!.. Помните обезьянку, Бьюла? Тот, кто продал ее папе, утверждал, что она совсем молоденькая, но он солгал: обезьянка была стара, на ладан дышала. Ха-ха!.. Но зато какая была нарядная! *(Выходит из-за прилавка.)* На ней был зеленый бархатный костюмчик и маленький красный колпачок, который она подкидывала и ловила. Да еще у нее был бубен, она собирала в него денежки после представления. Ха-ха-ха... Шарманка играла, а обезьянка все плясала и плясала на солнцепеке, ха-ха! «O Sole Mio!» да-да-да-дааа. *(Садится на стул у прилавка.)* Однажды она слишком долго плясала на солнцепеке — она была дряхлой обезьянкой — и свалилась замертво... И тогда папа обернулся к зрителям, поклонился и сказал: «Представление окончено, обезьянка сдохла». Ха-ха!..

Небольшая пауза.

Долли *(с зашкивающей ехидностью)*. Просто удивительно, до чего Леди умеет владеть собой.

Бьюла. Да-да, просто удивительно!..

Леди. Что касается меня — представление еще не окончено, и обезьянка еще не сдохла! *(Вдруг.)* Вэл!.. Это вы, Вэл?

Кто-то вошел в дверь кондитерской — задрезжали под порывом ветра подвешенные там колокольчики, Леди рванулась к арке, но останови-

¹ «O мое солнце!..» *(итал.)*

лась, увидев пошедшую Кэрол. На ней демисезонное пальто и матросская шапочка с загнутыми вниз полями, на которых выведено название корабля и какая-то дата: то ли память о чем-то уже прошедшем, то ли напоминание о предстоящем.

Долли. Вот вам и первый посетитель, Леди.

Леди (*заходит за прилавок*). Кондитерская закрыта, Кэрол.

Кэрол. Там вывеска: «Открытие сегодня».

Леди. Для вас — закрыта.

Кэрол. Мне придется побыть здесь немного. Задержали мою машину: у меня, видите ли, нет прав — их еще раньше у меня отобрали. Хочу попросить кого-нибудь перевезти меня через реку.

Леди. Можете взять такси.

Кэрол. Мне сказали, ваш приказчик уезжает сегодня, и я хотела...

Леди. Кто вам сказал, что он уезжает?!

Кэрол (*идет к прилавку*). Шериф Толбет. А начальник полиции посоветовал договориться с вашим приказчиком. Раз уж ему сегодня тоже придется пересезжать через реку, он мог бы сесть вместо меня за руль.

Леди. Вам дали неверные сведения!

Кэрол. А где он? Я не вижу его.

Леди. Зачем вы его преследуете? Он вами не интересуется. С чего бы это вдруг ему уезжать сегодня?

Дверь кондитерской снова открывается. Леди выходит из-за прилавка.

Вэл? Это вы, Вэл?

Из кондитерской выходит колдун-негр. Он быстро и невинно бормочет себе под нос, протягивая вперед руку, в которой зажато что-то. Бьюла и Долли с возмущенными возгласами бегут к двери.

Нет, нет, не нужна мне ваша ворожба! Уходите!

Негр оборачивается и хочет уйти.

Кэрол (*проходит в глубину сцены*). Дядюшка! Клич чокто! Я дам тебе доллар.

Тяжко вздохнув, Леди недовольно отворачивается. Негр кивает, запрокидывает голову и, вытянув свою индюшечью шею, издает ряд отрывистых, лающих звуков, все более и более высоких по тону, завершающихся долгим, напряженно-страстным воплем.

Вопль этот вызывает бурную реакцию у каждого, кто его слышит. Бьюла и Долли выбегают из лавки. Леди недвижима, но у нее перехватывает дыхание. Пес и Коротыш сбегают вниз с негодующими криками и, не обращая внимания на Леди, хватают негра и выгаликивают за дверь, в то время как жены их взывают с улицы: «Коротыш!», «Песик!» Вэл распахивает занавеску и выходит из ниши, словно только и ожидал этого вопля, чтобы появиться. Сверху доносятся хриплые, яростные крики Джейба; затем он в изнеможении умолкает.

(Подходит к самому краю сцены. Себе и зрителям.) Еще сохранилась какая-то дикость в наших краях! Их населяли раньше дикари и дикарки, и в сердцах их была дикая нежность друг к другу. А теперь край наш точит хворь. Чихоточный неоновый румянец горит у него на щеках, сжигает его. И не только его, не только наш край... Я буду ждать за дверью в машине. Быстрее моего домика на колесах нет ничего во всем Двуречном округе. *(Выходит.)*

Леди *(смотрит на Вэла широко открытыми вопрошающими глазами. Рука ее судорожно прижата к горлу. С наигранной беспечностью)*. Что ж ты не сопровождаешь ее?

Вэл. Я никого не собираюсь сопровождать. Один приехал и уеду как-нибудь тоже без попутчиков.

Леди. Тогда надень белую куртку. Будешь прислуживать сегодня в кондитерской.

Вэл пристально смотрит на нее, не двигаясь с места.

(Хлопнув два раза в ладоши.) Живей, живей, поторапливайся! Сеанс кончится через полчаса, и они все махнут прямо сюда!.. Тебе надо еще успеть наколоть лед для коктейлей.

Вэл *(повторяет, словно бы думая, что она не в своем уме)*. «Наколоть лед для коктейлей»? *(Идет к прилавку.)*

Леди. Да. Затем позвонишь Руби Лайтфут и скажешь ей, что мне нужна еще дюжина полуинтовых бутылок виски «Сиграм». Спрашивают они шипучку, но ты под прилавком нальешь, что следует. Ничего-ничего: я подмажу кого следует, чтоб нас не трогали. *(Прерывисто вздыхает, прижав руки к груди.)* Но вот за чем гляди в оба: чтобы не продавать спиртное подросткам. Ни в коем случае! Если не сумеешь определить возраст на глаз — требуй шоферские права: там проставлен год рождения. Отпускай только тем, кто родился до... Сейчас соображу... Значит, надо отнять двадцать один год от... Ну ладно, потом посчитаю... Ну чего стал как пень? Пошевеливайся! Слышал, что я сказала?! Вот бестолочь, право!..

Вэл *(кладет гитару на прилавок)*. Еще вопрос, Леди, кто из нас бестолочь.

Леди. Живо, сказала я! Живо!

Вэл. Чем это ты себя так подхлестнула, а? Вожжа под хвост попала... или, может, бензендринчика глотнула с черным кофе — для храбрости?

Насмешка его беззлобна, пожалуй, даже участлива, но решение принято: он уже не здесь, он снова в ночных кабаках, среди тамошних девок, спаивающих посетителей за мзду от хозяина, среди выступающих там

актеришек. Он стоит у прилавка и, когда Леди стремглав бросается кондитерскую, хватается за обнаженную руку, притягивает к себе держит за обе руки, не отпуская.

Леди. Что это ты?!

Вэл. Хватит трепыхаться, как рыбка на крючке!..

Леди. Ступай, надень белую куртку и...

Вэл. Сядь. Нам нужно поговорить.

Леди. У меня нет времени.

Вэл. Есть дело. Надо обсудить.

Леди. В другой раз.

Вэл. Отмени эту затею. Кондитерская сегодня не откроется.

Леди. Можешь прозакладывать свою драгоценную жизнь — откроется!

Вэл. Вот уж не стал бы.

Леди. Тогда я прозакладываю свою жизнь, драгоценную или недрагоценную: кондитерская сегодня откроется.

Вэл. Твоя жизнь — твоя, моя — моя... *(Грустно пожив плечами, отпускает ее руки.)*

Леди. Да нет, ты, наверно, просто не до конца понимаешь. Здесь, наверху, убийца!.. Убийца моего отца!.. Человек, который сжег отцовский виноградник, сжег мою жизнь, сжег три человеческие жизни: две живые и одну неродившуюся... Это он заставил меня совершить убийство, он!.. *(На мгновение она застыла.)* Теперь он умирает, и я хочу, чтоб перед смертью он увидел — виноградник снова открыт! Услышал, как виноградник, который он когда-то сжег, воскрес из мертвых, здесь, сегодня, а сам он подыхает. Это необходимо, это просто необходимо, и никакая сила на земле не сможет помешать этому. Не в том даже дело, черт побери, что я так хочу, не в том!.. Нет, это просто должно случиться, должно, чтобы... чтобы расквитаться... чтобы... чтобы... не дать себя одолеть, втоптать в грязь! Понял?.. Ты понял меня? Для того чтобы выкарабкаться из грязи! О нет, теперь я не дам себя одолеть, теперь я выкарабкаюсь, выкарабкаюсь! *(Обнимает его.)* Спасибо, что остался со мной! Бог тебя благословит за это!.. А теперь иди. Иди и надень белую куртку...

Вэл смотрит на нее, как бы колеблясь между естественным влечением сердца и тем, чему научила его жизнь с тех пор, как он покинул Ведьмину заводь. Затем снова пожимает плечами все с тем же грустным вздохом и идет в нишу. Надевает куртку, достает из-под раскладушки обернутый в брезент тючок со своими пожитками. Леди берет с прилавка бумажные колпаки, свистульки, маски, проходит в кондитерскую и раскладывает по столикам. Затем идет обратно, но, увидев Вэла, который выходит из ниши в своей куртке из змеиной кожи и с пожитками в руке, резко останавливается.

Я просила тебя надеть белую куртку, а ты надел куртку из змеиной кожи, в которой приехал сюда.

Вэл. В ней приехал, в ней и уезжаю.

Леди. Как ты сказал? Уезжаешь?

Вэл. Да, мэм, я сказал «уезжаю». Осталось только уладить одно небольшое дельце: получить жалованье...

Леди (*только теперь ее пронзил ужас — состояние, подобное тому, которое в бое быков называют «моментом истины», когда матадор со своей шагагой идет прямо на бычьи рога, чтоб нанести последний, смертельный удар*). Значит... значит, ты... выходишь из игры, так, что ли?

Вэл. Вещи уже собраны. Поспею к автобусу, что идет на юг.

Леди. Так-так... Почему ж не поспеть?.. Только я не из тех, кого можно одурачить, дружок. Она ожидает тебя за дверью в своей роскошной машине, и ты...

Шаги на лестнице. Они отшатнулись друг от друга. Вэл ставит тючок на пол и отходит в глубину. На лестничной площадке показывается сиделка.

Сиделка. Миссис Торренс, вы здесь?

Леди (*подходит к лестнице*). Да. Я здесь. Уже вернулась.

Сиделка. Могу я попросить вас подняться? Мне надо поговорить с вами о мистере Торренсе.

Леди (*кричит сиделке*). Одну минуточку. Сейчас поднимусь.

Наверху захлопывается дверь.

(*Поворачивается к Вэлу*.) Так как же, миленький? Ты, я гляжу, напуган чем-то?

Вэл. Мне угрожали насилем, если я останусь здесь.

Леди. Я плачу кому надо, чтобы быть в безопасности в этом округе, немало плачу. И за себя, и за тебя.

Вэл. Нет, мэм, мой срок здесь истек.

Леди. Ты говоришь об этом, словно отбыл срок в тюрьме.

Вэл. Я застрял здесь дольше, чем следует, Леди.

Леди. Понятно. А как же я?

Вэл (*подходит к ней*). Я мог бы уйти, не дожидаясь тебя, но хотелось сказать тебе кое-что. Я никогда не говорил этого никому. (*Кладет ей руку на плечо*.) Я люблю тебя, Леди. Чувствую, что по-настоящему люблю тебя. (*Целует ее*.) Я буду ждать за пределами округа, назначь только время и...

Леди (*отодвигаясь от него*). Нет, нет, нет, миленький, нечего заливать мне насчет любви! Кому угодно,

только не мне! Велика ли трудность сказать «люблю», когда тебя ждут за дверью, чтобы умчаться отсюда — бесплатно и с удобствами!..

Вэл. Помнишь, что я тебе сказал в тот вечер, когда мы впервые встретились?

Леди. Как не помнить? Все помню! И про собачью температуру, и про какую-то птицу... ах да, у которой нет лапок, и она должна спать на ветре!..

Вэл. *(перебивая)*. Нет, не это. Не это!

Леди. Ах да — насчет того, что ты можешь умять женщину. Я еще сказала: «Чушь!» Беру свои слова назад! Можешь! Ты можешь умять женщину! До того умять, что она свалится замертво, и после этого ты еще будешь пинать ее ногами, чтобы удостовериться, что она уж не сумеет встать...

Вэл. Да нет, другое. Помнишь, я говорил тогда насчет того, что покончил с...

Леди. Помню, помню!.. Нечего сказать — долго ты сумел удержаться на первой своей постоянной работе.

Вэл. Да, долго. Слишком долго.

Леди. Четыре месяца и пять дней, дружочек. Так. И сколько же я тебе, выходит, должна?

Вэл. Я просил сохранять все деньги и выдавать мне только...

Леди. ...на пусущные расходы? Верно. Могу дать полный отчет, до последнего цента. Ты получил восемьдесят пять... нет, девяносто долларов. В общем, сущие пустяки — кот наплакал. А хочешь знать, сколько получишь еще? Если только получишь, конечно? Изволь! Обойдусь без бумаги и карандаша: все уже подсчитано. Я должна тебе пятьсот восемьдесят шесть долларов, и это уже не кот наплакал, миленький ты мой!.. Но только знай... *(переводит дух)* если попытаешься удрать сегодня — а ты ведь заранее не поставил меня об этом в известность, — не получишь ничего, ровно ничего! Большой, круглый нуль — вот все, на что можешь рассчитывать!

Чьи-то возгласы у дверей кондитерской: «Эй вы, там! Открыто у вас, что ли?»

(Бросается туда с криком.) Закрыто! Закрыто! Уходите!

Вэл направляется к кассе.

(Оборачивается к нему, тяжело дыша.) Берегись, приятель! Если только дотронешься до кассы, я распахну настежь дверь и заору: «Приказчик грабит лавку!»

Вэл. Леди!

Леди *(в неистовстве)*. Ну?..

Вэл. Хватит!..

Леди. Ну?..

Вэл. Хватит, говорю! Ничего у тебя не выйдет! Уйду и без денег.

Леди. О, значит, ты меня плохо понял! С деньгами или без них, но ты отсюда не уйдешь!

Вэл. Я уже собрал свои пожитки. *(Поднимает с пола тючок.)*

Леди *(бежит к прилавку и хватается гитару)*. Тогда я пойду наверх и соберу свои. А это захвачу с собой, чтобы быть уверенной, что ты меня подождешь...

Вэл *(снова ставит тючок на пол, подходит к ней)*. Леди!..

Леди *(замахнувшись гитарой)*. Не подходи!..

Вэл. Зачем тебе...

Леди. Не подходи!..

Вэл. ...моя гитара?

Леди. Для безопасности, чтоб ты не...

Вэл. Что с тобой, Леди? Ты сегодня с самого утра словно не в себе...

Леди. С утра? Дольше, гораздо дольше!.. Пусть твоя «подруга жизни» побудет со мной, пока не соберусь. Я ухожу!.. Если ты уходишь, то и я с тобой. Ухожу!.. Куда угодно, но ухожу!

Он делает шаг по направлению к ней.

(Заходит за прилавок.) Не веришь мне? А что мне, по-твоему, делать? Ну что, скажи?! Остаться здесь, в этой лавке, среди бутылок и ящиков, а ты укажишь черт знает куда, не сказав даже, куда тебе писать?..

Вэл. Я дам тебе свой адрес.

Леди. Благодарю! Благодарю покорно!.. Что мне с ним прикажешь делать—миловаться там за занавеской? «Ах, мой милый адресочек, обними меня, поцелуй меня, будь мне верен до гроба!» *(Глумливо сюсюкает, потом горло ее перехватывает спазма, с глухим сдавленным рыданием прижимает стиснутый кулак ко рту.)*

Он осторожно приближается к ней, протягивает руку к гитаре. Она отступает назад, кусает губы, глаза ее сверкают. Сверху слышен стук Джейба.

Ни шагу дальше! Хочешь, чтоб я разбила ее?

Вэл. Он стучит наверху—зовет.

Леди. Знаю!.. Это Смерть стучит и зовет меня!.. Думаешь, я не слышу эти звуки: вроде как кости постукивают друг о друга! Можешь спросить меня, каково жить там наверху—со Смертью в одной клетке,—и я отвечу. У меня вся кожа холодеет, когда он прикасается

ко мне. Но я терпела, я терпела все эти годы. Я сердцем, наверно, знала, что кто-нибудь придет и выведет меня из этого ада! И ты пришел!.. Ты пришел за мной! Взгляни же теперь на меня! Я снова живу, я снова живой человек!! *(Судорожное рыдание. Совладав с собой, продолжает уже чуть спокойнее.)* Теперь уж я не буду чахнуть во мраке. Способен ты это понять своей башкой?.. Так слушай внимательно. Не только твое несчастное жалование—все, что только у меня есть в этой проклятой лавке, все, что накопила здесь Смерть,—все это твое! Дождись только, пока Смерть сдохнет, и тогда мы уйдем! Понял?.. Теперь ты понял? Тогда надевай белую куртку. Сегодня вечером—праздник! Мы торжественно открываем... *(бежит в кондитерскую)* новую кондитерскую!..

Взял бежит за ней и хватает ее за руку, в которой она держит гитару.

(Высвобождается яростным рывком.) Не тронь меня, а то от твоей гитары одни щепки останутся! Ну!.. Попробуй только!..

Быстрые шаги на лестнице.

А, мисс Портер.

Жестом велит Взлу отойти. Он заходит в нишу. Леди кладет гитару на пол, у проигрывателя.

Сиделка *(спускаясь, настороженно)*. Что это вы так задержались?

Леди. У меня тут масса... *(Голос оборвался. С безмолвной яростью глядит она в непреклонное лицо сиделки.)*

Сиделка. Масса чего?..

Леди. ...дел—их надо... надо уладить... *(Глубокий, судорожный вдох; ее стиснутый кулак прижат к груди.)*

Сиделка. Мне послышалось, будто вы здесь с кем-то препирались.

Леди. Да-да... Какой-то пьяница, проезжий, поднял шум—я отказалась продать ему виски...

Сиделка *(подходит к двери)*. А-а!.. Мистер Торренс спит: он принял снотворное.

Леди. Вот и хорошо... *(Садится в кресло для примерки обуви.)*

Сиделка. Я ему дала гипосульфит в пять часов...

Леди. Скажите, мисс Портер, эти лекарства—разве не ослабляют они сердца?

Сиделка. Да, понемногу.

Леди. И сколько обычно это длится... ну, словом, долго ли выдерживает сердце действие этих лекарств?

Сиделка. Зависит от возраста пациента, от состояния сердца. А что?

Леди. Никак нельзя сделать так, чтобы... чтобы... облегчить их действие?

Сиделка. Что вы имеете в виду, миссис Торренс?

Леди. Я хочу сказать—сократить мучения больного?..

Сиделка. О, я понимаю вас, миссис Торренс! (*Защелкивает сумочку.*) Понимаю, что вы имеете в виду! Но убийство—всегда убийство, какие бы обстоятельства ему ни сопутствовали.

Леди. Кто вам сказал об убийстве?

Сиделка. Вы сказали: «Сократить мучения больного».

Леди. Да, как милосердный хозяин сокращает мучения животного, когда оно в агонии...

Сиделка. Человек и животное—не одно и то же, миссис Торренс. И я вовсе не считаю, что...

Леди (*перебивая*). Не читайте мне проповеди, мисс Портер. Я просто хотела узнать...

Сиделка (*перебивая*). Я не читаю вам проповеди. Я только ответила на ваш вопрос. А если вам нужен кто-нибудь, чтобы укоротить жизнь вашего мужа...

Леди (*вскакивает, перебивая ее*). Как вы смели?..

Сиделка. Я вернусь в половине одиннадцатого.

Леди. Не надо!

Сиделка. Что?

Леди (*заходит за прилавок*). Не возвращайтесь в половине одиннадцатого. И вообще вы здесь больше не нужны.

Сиделка. Обычно меня освобождает от ухода за пациентом сам врач.

Леди. На этот раз вас освобождает от ухода за пациентом жена пациента.

Сиделка. Об этом мы еще поговорим с доктором Бьюкененом.

Леди. Я сама позвоню и договорюсь с ним. Вы мне не нравитесь. Ухаживать за больным, видимо, не ваше дело. У вас холодные глаза. Вам, наверно, доставляет удовольствие видеть страдания больного.

Сиделка. Я знаю, почему вам не нравятся мои глаза. (*Щелкает замочком сумки.*) Потому что они пронизательны, от них ничто не укроется.

Леди. Что вы так уставились на меня?

Сиделка. Не на вас, а на ту вон занавеску. Оттуда идет дымок: верно, что-то горит. (*Двинулась к нише.*)

Леди. Нет!. Не смейте. (*Хватает ее за руку.*)

Сиделка отталкивает Леди и подходит к нише. Вэл встает с раскладушки, раздвигает занавеску и холодно смотрит на нее.

Сиделка. Ах, извините, ради бога! (*Поворачивается к Леди.*) Стоило мне только взглянуть на вас в прошлую пятницу утром, когда я впервые пришла сюда, и я сразу поняла: вы беременны.

Леди вздрагивает.

А стоило мне только взглянуть на вашего мужа, и я сразу поняла: не от него. (*Отворачивается и надменно шествует к двери.*)

Леди (*внезапно вскрикивает*). Спасибо!.. Спасибо, что сказали. Я не смела поверить, что это правда!

Сиделка. Похоже, вы не испытываете ни капли стыда?

Леди (*в упоении*). Нет, я не испытываю стыда. Я испытываю радость! Огромную радость!

Сиделка (*мстительно*). Почему бы вам тогда не нанять глашатая раструбить это повсюду?

Леди. Вы сделаете это бесцельно. Ступайте, раструбите повсюду, чтобы все знали, все, все!

Сиделка выходит. Вэл быстро идет к двери, запирает. Затем подходит к Леди.

Вэл. Это правда—что она сказала?

Потрясенная тем, что услышала, Леди медленно движется к прилавку. Затем на лице ее появляется изумленно-счастливое выражение. На прилавке—груда серебряных и золотых бумажных колпаков для торжественного открытия кондитерской.

(*Резким шепотом.*) Она сказала правду, эта женщина?

Леди. Ты похож на перепуганного мальчугана.

Вэл. Она пошла трезвонить по всему городу.

Пауза.

Леди. Тебе надо уйти—оставаться здесь опасно. Возьми из кассы все, что тебе следует, и уходи. Уходи, уходи. Возьми ключи от моей машины и поскорее уезжай за реку: тебе надо уехать в другой округ. Ты выполнил то, ради чего приехал сюда...

Вэл. Значит... значит—правда?..

Леди (*садясь на стул у прилавка*). Правда, истинная правда! В теле моем зародилась новая жизнь! Это иссохшее дерево, мое тело, снова зацвело, снова пустило побеги... Ты дал мне жизнь, теперь иди, иди!..

Медленно, словно в благоговении, он склоняется перед ней, мягким движением берет ее сплетенные пальцы и подносит к губам; дышит на них, пытаясь согреть. Она сидит, вытянувшись, закрыв глаза и словно окостенев,—как ясновидящая.

Вэл. Почему ты мне раньше не сказала?

Леди. Если женщина так долго была бездетной, ей трудно поверить, что она еще способна зачать. Росла у нас когда-то между домом и садом маленькая смоковница. Она никогда не плодоносила, говорили, она совсем бесплодна. Дни шли за днями, весны сменялись веснами — и все без толку: она уже совсем было начала сохнуть и умирать... И вот однажды на том самом деревце, о котором все думали, что оно уже не сможет плодоносить, я заметила крохотный зеленый росточек! *(Хватает с прилавка позолоченную картонную дудку.)* Я побежала в сад, промчалась через виноградник с криком: «Папа, папа, смоковница жива, на ней появился плод!» И таким это казалось чудом, что маленькая смоковница после десяти бесплодных весен снова зацвела, что необходимо было отпраздновать. Я бросилась к шкафу, открыла ящик, где хранились елочные украшения, достала их все: стеклянные бусы, колокольчики, нити, звездочки, сосульки, мишуру!.. И повесила на деревце; я украсила смоковницу звездочками, нитями, блестящими — в честь того, что она выиграла битву со смертью, снова зазеленела и обрела жизнь! *(Встает в порыве восторга.)* Раскрой коробку! Раскрой коробку с елочными украшениями, надень их на меня: стеклянные бусы и звездочки, колокольчики, сосульки и мишуру!.. *(Словно в бреду, нахлобучивает себе на голову карнавальный колпак из позолоченной бумаги и бежит к лестнице. Трубя в игрушечную дудку, с подчеркнутой торжественностью поднимается по ступенькам.)*

Вэл пыгается ошарошить ее.

(Вырывается и взбегает на площадку, трубя в дудку и выкрикивая.) Я победила!! Я победила тебя, Смерть! Я снова жива!.. *(Внезапно запинаясь, издает сдавленный крик и нетвердыми шагами отступает назад. С криком ужаса бросилась вниз. Сбежав с лестницы, умолкла; пошатываясь, как слепая, отступает в глубь лавки; рука тянется к Вэлу.)*

Наверху медленные тяжелые шаги и хриплое дыхание Джейба.

(Стонет.) О боже!.. О боже!..

На площадке, рядом с искусственной пальмой в тускло отсвечивающей зеленоватой кадке, появляется Джейб. Пурпурный, весь в грязных пятнах халат висит на нем как на скелете. Исчавший, желтый, он и впрямь — как сама смерть. Склонившись вниз, злобно вглядывается в полумрак лавки: смерть, отыскивающая намеченную жертву.

Джейб. Уу-у, гады!.. Гады!.. *(Ухватившись одной*

- А вот у меня тут кое-что почище веревки!
- Что там у тебя?
- Что там у него такое?
- Паяльная лампа!!
- Господи!..

Секундная пауза.

- Пошли, что ли, какого черта мы тут околачиваемся?
- Постой, проверю, работает ли она...
- Погоди!.. Погоди!..
- Глядите!!

Темноту пререзает вспышка синего пламени, и в отблесках его в кондитерской возникает фигура Кэрол. Возбужденные хриплые выкрики сливаются с яростным гудением огня; склонившиеся над огнем, освещенные его бешеной синей струей, физиономии мужчины кажутся лицами демонов.

- Вот это да-а!
- Работает!..

Они выбегают из лавки. Слышен их гомон. Взрываются отъезжающие машины, шум их быстро затихает. Почти полная тишина; слышно только, как вдали лает собака.

Появляется старый колдун, в руках у него охапка одежды; осмотрев вещи, он роняет их одну за другой на пол—все, кроме куртки из змеиной кожи. Держит ее в вытянутой вверх руке и что-то быстро и возбужденно бормочет беззубым ртом.

Кэрол (*негромко, мягко*). Что там у тебя, дядюшка? Подойди, я взгляну.

Негр подходит к ней.

А-а!.. Его куртка из змеиной кожи. Я дам тебе за нее золотое кольцо. (*Медленно снимает с пальца кольцо.*)

Где-то вдалеке неистовый крик боли и ужаса. Она напряженно прислушивается и, когда тот замер, понижаясь кивает.

Непокорные и своевольные оставляют, уходя, свою чистую шкуру, свои белые зубы и кости. И амулеты эти переходят от одного такого неприкаянного к другому, от одного к другому—как знак того, что владеющий ими шествует все тем же непокорным путем...

Издали доносится еще более неистовый крик ужаса и муки. И—замирает. Кэрол набрасывает на себя куртку, словно ей зябко и она хочет согреться. Кивнув негру, протягивает ему кольцо. Идет к двери, но на полпути останавливается, увидев входящего шерифа.

Шериф (*направив в лавку луч карманного фонарика*). Ни с места! Никому не двигаться!

Она проходит мимо шерифа, будто не замечая его, и скрывается за дверью.

(В бешенстве.) Ни с места! Стой!

За дверью звенит ее смех. Он бросается за ней с яростным криком.

Стой! Стой!

Тишина. Негр стоит посреди сцены, он вскинул голову, на губах—
затаенная улыбка.

Медленно идет занавес

НОЧЬ ИГУАНЫ

Перевод З. Гинзбург

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мэксин Фолк.
Педро.
Панчо.
Преподобный Шеннон.
Хэнк.
Джудит Феллоуз.
Герр Фаренкопф.
Фрау Фаренкопф.
Хильда.
Вольфганг.
Шарлотта Гуделл.
Ханна Джелкс.
Джонатан Коффин (дядушка).
Джейк Лэтта.

Как с братом брат, из тьмы могил
Переключались мы.
Но зарастают мхом уста
И наши имена.

Эмили Дикинсон

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Действие происходит в Мексике, в Пуэрто-Баррио, летом 1940 года, в маленькой и довольно запущенной гостинице на зеленом склоне горы, у подножия которой протянулся дикий пляж — «caleta». Но тогда Пуэрто-Баррио — еще не тот феешенебельный курорт, каким стал в наши дни. Двадцать лет назад вокруг были только бедные индейские селения, тихий, пустынный пляж и буйные пальмовые чащи — то было действительно, один из самых диких и живописных уголков на свете.

Крытая веранда отеля «Коста Верде» обрамлена парапетом, огнибающим все это весьма ветхое сооружение. Но зрителям виден лишь фасад террасы и одна из боковых ее сторон. Под верандой, слегка возвышающейся над уровнем сцены, кусты с яркими цветами, напоминающими по форме колокольчики, и несколько кактусов — кругом густая листва джунглей. Сбоку тянется вверх высокая кокосовая пальма. Ее ствол весь в зарубках, чтобы легче было лезть сбивать кокосы для ром-коко. На веранду выходят завешанные mosquito сетками двери номеров — темных каморок, разделенных тонкими перегородками. Вечером эти каморки освещаются изнутри, и каждая становится отдельным интерьером. Mosquito сетки придают этому слабому внутреннему освещению особую таинственность. От боковой стороны веранды спускается вниз к шоссе и к пляжу через пальмовые заросли тропинка, изобильно скрытая ярко цветущими кустами. На веранде подвешен полотняный тамак, беспорядочно составлены старые кресла, качалки, плетеные стулья.

При поднятии занавеса слышны крики и возгласы группы чем-то возбужденных туристок, только что подъехавших на автобусе к подножию горы, на склоне которой стоит «Коста Верде». Из-за угла веранды появляется хозяйка гостиницы, миссис Мэксин Фолк, пышущая здоровьем, плотная, смуглая женщина лет сорока пяти, в лице ее неясная чувственность. В обтягивающих брючках и расстегнутой блузе, она выходит из-за угла веранды в сопровождении мексиканца Педро, стройного, смазливового парня лет двадцати. Он нанят не только для черной работы в отеле, но и для любовных утех хозяйки. Педро направляет рубашку в брюки, отирает с лица пот, как после гяжелой работы на самом солнцепеке. Увидев человека, поднимающегося вверх по тропинке, Мэксин радостно вскрикивает: «Шеннон!»

Голос Шеннона. Привет!

Мэксин. Ха! *(Смеется она странно: будто один раз громко тявкает собака, и затем останавливается, раскрыв рот, — словно тюлень в ожидании, когда ему бросят рыбку.)* Моя агентура уже донесла, что вы появились. *(Педро.)* Anda, hombre, anda! ¹ *(По мере приближения Шеннона радость ее заметно растет.)*

Шеннон появится не сразу, и минуту-другую переключается с ней, оставаясь для зрителя невидимым.

¹ Здесь: Сюда, парень, сюда! *(исп.)*

Ха! Мои шпионы успели донести, что на прошлой неделе вы проехали через Сальтильо с целым автобусом женщин. Ха! Сколько же из них не устояло перед вами? Ха!

Шеннон *(тяжело дышит, снизу)*. Дух Цезаря Великого... перестаньте... не кричите.

Мэксин. Неудивительно, что вы еле ноги волочите. Ха!

Шеннон. Велите парню втащить мой чемодан.

Мэксин *(распоряжается)*. Pedro! Anda—la maléta! Pancho, no seas flojo! Ve y trae el equipaje del señor¹.

Панчо—второй мексиканец—выбежал из-за веранды и мчится вниз по тропинке. Педро с мачете в руках—на пальме, сбивает кокосы для ром-коко.

Шеннон *(громко снизу)*. Фред!.. Эй, Фред!

Мэксин *(сразу посерьезнев)*. Фреду не слышать вас,

Шеннон. *(Поднимает сбитый кокос и, приблизив к уху, трясет, определяя, есть ли в нем молоко.)*

Шеннон *(снизу)*. А где же Фред? На рыбалке?

Мэксин ударом мачете вскрывает кокос. Рысцой возвращается Панчо с сильно потрепанным чемоданом Шеннона, сплошь заклеенным ярлычками отелей всех стран.

Появляется Шеннон. Он в помятом белом полотняном костюме. Обливается потом, тяжело дышит, глаза блуждают. Шеннон—типичный ирландец, лет тридцати пяти. Явно не в себе—то ли чем-то очень взволнован, то ли нервы не в порядке. Он молод, но уже потерпел крушение, и чувствуется, что и в будущем его ждет, по-видимому, еще немало колотушек.

Мэксин. Ну! Дайте посмотреть на вас!

Шеннон. А что на меня смотреть, лучше оденьтесь.

Мэксин. Э... У нас такой вид, словно вы здорово развлекались!

Шеннон. Да и по вас не видно, чтобы вы скучали. Подите оденьтесь!

Мэксин. Черт возьми, я же одета. Не ношу платья в сентябре. Будто сами не знаете!

Шеннон. Ладно... но хоть блузу застегните.

Мэксин. И давно вы опять взялись за свое, Шеннон?

Шеннон. То есть?

Мэксин. Запили...

Шеннон. Черт, да у меня просто голова кружится... лихорадка треплет. С утра было больше тридцати девяти.

Мэксин. Что с вами?

Шеннон. Малярия... малярия... Где Фред?

Мэксин. Умер.

Шеннон. Вы сказали—умер?

¹ Педро! Берн чемодан! Панчо, что рот ранил! Беги скорей вниз, тащи вещи сеньора! *(исп.)*

Мэксин. Да. Фред умер.

Шеннон. От чего?

Мэксин. Недели две назад поранил руку рыболовным крючком. Загноилась, потом заражение крови, и через два дня — конец. *(К Панчо.) Vête!*¹

Шеннон. Боже мой!

Мэксин. Все не могу поверить...

Шеннон. Ну, на неутешную вдову вы мало похожи.

Мэксин. Фред был стар, дитя мое. Я ведь на десять лет моложе. Мы уже давно с ним не жили...

Шеннон. А какое это имеет значение?

Мэксин. Прилягте, выпейте ром-коко.

Шеннон. Нет, нет, лучше холодного пива. С этим ром-коко стоит только начать и уже не отстанешь... Значит, Фред умер? А я-то мечтал, как буду лежать в этом гамаке, толковать с Фредом...

Мэксин. Да, с Фредом уже не потолкуешь, Шеннон... Диабетик с заражением крови, да если еще порядочной больницы нет поблизости, и нескольких дней не прогянет.

Снизу гудок автобуса.

Почему ваши дамы не идут сюда? Они вам гудят.

Шеннон. Ну и пусть их гудят, пусть гудят... *(Слегка пощатывается.)* У меня малярия. *(Подходит к тропинке, раздвигает кусты и кричит вниз.)* Хэнк! Хэнк! Вытряхивайте их из автобуса, тащите сюда! Скажите, здесь здорово кормят. Скажите, что... *(Голос у него срывается. Шатаясь, подходит к веранде и, тяжело дыша, опускается на нижнюю ступеньку.)* Самая ужасная группа за все десять лет моей работы гидом. Ради бога, помогите уломать их. Я не могу, я должен отдохнуть.

Мэксин подает ему пиво.

Спасибо. Посмотрите, выходят они из автобуса?

Мэксин раздвигает кусты, смотрит.

Вышли или все еще сидят эти стервы? Учительницы из женского баптистского колледжа в Техасе! Одиннадцать! Одиннадцать мегер...

Мэксин. Целая футбольная команда старых дев.

Шеннон. Да, а я вместо мяча. Ну что, вышли?

Мэксин. Одна. Пошла в кусты.

Шеннон. Ладно, ключ от зажигания у меня. Вот в этом кармане. Без меня им не двинуться с места, разве что пешком.

Мэксин. Опять гудят.

¹ Иди отсюда! *(исп.)*

Шеннон. Фантастика! Эту группу мне нельзя потерять. Я сейчас на испытании. Месяц назад тоже подобралась такая же сволочная компания. Добились моего увольнения. И теперь «Бюро Блейка» дало мне испытательный срок. Если и с этой группой не повезет—меня тут же уволят... О боже, все еще сидят в автобусе? (*С трудом подымается, подходит к тропинке, раздвигает кусты, смотрит вниз и кричит.*) Хэнк! Тащите их из автобуса-а-а! Гоните сюда-а-а!..

Голос Хэнка (*снизу*). Они хотят вернуться в го-о-оро-од!

Шеннон. Не выйдет в го-о-оро-од! Уф... Пять лет назад я был гидом у Кука, совершал кругосветные путешествия со специальными группами... Отошедшие от дел финансисты с Уолл-стрит, решившие пожить в свое удовольствие. Мы разъезжали в шикарных машинах—«Пирс-Эрроуз», «Эспано-Суиза»... Ну что, лезут из автобуса?

Мэксин. Выбиваетесь из сил, Шеннон?

Шеннон. Какое там, уже выбился! Выдохся! (*Встает и снова кричит.*) Хэнк! Идите сюда! Сию же минуту! Надо обсудить положение. Черт-те что! Фантастика! (*Снова садится на ступеньки, обхватив голову руками.*)

Мэксин. Они не выходят из автобуса. Шеннон... все равно ведь вам уже не справиться с этой группой—нервы не те, Шеннон. Да пусть они катят себе дальше, а вы оставайтесь.

Шеннон. Вы же знаете, в каком я положении. Ну, потеряю работу, а дальше что? Мэксин, радость вы моя, да служба у «Блейка»—и так уж предел падения. Выползает они из автобуса? Вышли наконец?

Мэксин. По тропинке подымается мужчина.

Шеннон. А, Хэнк! Вы должны мне помочь обломать его.

Мэксин. Угощу ром-коко.

Хэнк (*появляется на веранде, ухмыляется*). Шеннон, эти леди не желают идти сюда. Придется вам спуститься вниз.

Шеннон. Фантастика! Не пойду. Ведь ключ от зажигания у меня в кармане. И останется там три дня.

Хэнк. Не выйдет, Шеннон. Черт подери, не дадите ключ—они отправятся в город пешком.

Шеннон. И по дороге будут падать как мухи от солнечных ударов... Фантастика, совершенная фантастика!.. (*Задыхаясь, весь в поту, кладет руку на плечо Хэнка.*) Хэнк, я надеюсь на вас. Поможете? При такой трудной группе мне—руководителю, и вам—шоферу надо держаться друг друга, если они ополчатся на нас.

Ведь сейчас вопрос стоит, кто кого — двое мужчин или этот выводок мокрых куриц! Понимаете, Хэнк?

Хэнк. Так-то оно так... *(Хихикает.)* Если бы не эта девчонка... забила в уголке на заднем сиденье и ревя ревет. Не знаю, черт побери, было у вас с ней что или не было, только они-то думают, было, потому что она все время глаз не осушает.

Шэннон. Вот что, Хэнк. Плевать мне, что они думают. Там, где гидом Лоренс Шеннон, он один хозяин; только он решает, куда ехать, когда ехать, — весь распорядок путешествия во всех подробностях. Иначе я слагаю с себя ответственность. Поэтому идите и вытащите их из автобуса, пока они там не задохлись. В случае чего тащите их силой и гоните сюда. Слышите? И не спорьте со мной. Миссис Фолк, дорогая! Дайте Хэнку рекламный образец меню вашего ресторана, пусть покажет этим дамам. Здесь у нас такой повар-китаец, глазам своим не поверите, когда увидите меню. В Шанхае был шефом в лучшем клубе. Я его уговорил перейти к ней сюда. К тому же фанатик европейской кухни... Хотите — бефстроганов, хотите — любые блюда французской кухни. Миссис Фолк, дорогая, вручите ему одно из ваших неопишуемых меню.

Передавая Хэнку листок, Мэксин посмеивается, словно она участвует в званном розыгрыше.

Спасибо. Вот, ступайте к ним, покажите им это сказочное меню, опишите вид с горы...

Хэнк берет меню, ухмыляясь и покачивая головой.

Выпейте холодного пива и...

Хэнк. Лучше бы вам самому к ним спуститься.

Шэннон. Я не сойду с этой веранды еще по крайней мере двое суток. А это что еще? Живой гротеск в манере Иеронима Босха?

Неожиданно, словно в дурном сне, появляется семейка Фаренкопф — немцы, живущие в отеле. Они огибают веранду и идут к тропинке, ведущей на пляж. Их костюмы отвечают требованиям приличия лишь в минимальной степени. Розово-золотистые барочные купидоны разных габаритов — их роскошные телеса так и просятся на полотна Рубенса. Хильда, новобрачная, появляется верхом на большой резиновой надутой лошадке. Глаза ее сверкают, на устах — восторженная улыбка. «Но, но, лошадка!» — кричит она, галопируя в сопровождении своего юного мужа. Вольфганг, такого вигнеровского тенора. За ними ее папаша, герр Фаренкопф, владелец танкового завода во Франкфурте. В руках портативный коротковолновый приемник, из которого несется треск и горластый голос немецкого диктора, передающего репортаж о битве за Англию. За ним маменька, фрау Фаренкопф, — здоровенная, жирнущая, с полной сумкой снеди для пикника на пляже. Немцы хором зашевают нацистский марш.

А-а, и тут нацисты! И чего это их столько нанесло сюда в последнее время?

Мэксин. Мексика, дорогой мой,— это парадная дверь в Южную Америку и черный ход в Штаты— вот почему.

Шеннон. Ага, а теперь, когда Фреда не стало, вы устраиваетесь швейцаром у этих дверей?

Мэксин подсаживается к нему в гамак.

Уходите, пока вы мне кости не сломали. Если уж пришла охота крушить, накололи бы мне лучше льду, приложить к голове.

Мэксин вынимает кусочек льда из своего стакана и водит им по лбу Шеннона.

О господи...

Мэксин (*усмехаясь*). Ха! Значит, спутались с цыпленочком, Шеннон, а старые куры заклохотали.

Шеннон. Сама напросилась, правду говорю. Но ей еще нет и семнадцати, только через месяц исполнится. Так что все оборачивается серьезно, и даже очень. Девочка оказалась скороспелкой не только в делах любовных— она еще и вундеркинд, музыкальное чудо.

Мэксин. При чем тут музыка?

Шеннон. А при том, что она путешествует под крылышком, вернее под конвоем, своей проклятой учительницы пения, которая даже в автобусе устраивает хоровые спевки. О, боже ты мой! Удивляюсь, как это они и сейчас не голосят хором. Верно, совсем уж задохлись в автобусе, а то бы завели елейными голосками что-нибудь трогательное и благонаравное... О боже!..

Мэксин посмеивается.

Каждый вечер, как отужинают да выложат мне все свои жалобы— и еда-то им плоха, и чего-то, по расчетам учительницы математики, им недодали,— да еще нескольких дам, ходивших обследовать кухню, успеет вырваться, начинается концерт. Наша канарейка— эта самая девочка— открывает клюв, и пошло: песенки Кэрри Джекобса Бонда, песенки Этелберта Невина. Представляете, Мэксин, после целого дня адских мук— к примеру, трижды подряд спустит шина или обнаружится течь в радиаторе, как было на Тьерра Кальенте... (*Воспоминания словно прибавили ему сил, и он медленно приподымается в гамаке.*) А раз вечером пришлось под проливным дождем ползти в гору с риском для жизни на крутых поворотах над пропастью... а под сиденьем у шофера— учтите!— стоял, как полагали мои училочки, термос с холодной водой, но мне-то было доподлинно известно: там была

холодная текила¹... и вот после того, как еще один такой восхитительный денек, казалось, уже позади, наш вундеркинд, мисс Шарлотта Гуделл, сразу после ужина, чтоб я не успел удрать, начинает душераздирающую и нестерпимую для человеческого уха песенку Кэрри Джекобса Бонда «Конец прекраснейшего дня». И самое страшное — ни тени юмора!

Мэксин. Ха!

Шеннон. Вам-то, конечно, «ха!». Да, забыл еще — накануне... нет, за день до того, в Чильпансинго у нас вышли из строя тормоза. И вот — надо же! — в отеле, где мы застряли на ночь, нашелся старый рояль, который не открывали, должно быть, с тех пор, как убили императора Максимилиана. Так эта техасская канарейка раскрывает клюв и щебечет: «Я люблю вас всей душой». А сама устала на меня, да еще с ужимками такими... вся так и млела, пока ее конвоир, эта чертова учительница пения — сто лошадиных сил, — не хлопнула крышкой рояля и не потащила ее из гостиной. Но ее тащат, а наша мисс канарейка опять раскрыла клюв и вопит: «Ларри, Ларри, я люблю вас всей душой!» А ночью вхожу к себе в комнату и обнаруживаю, что я там не один.

Мэксин. К вам вселился вундеркинд?

Шеннон. Ко мне вселился призрак!.. Вселился в душную комнатенку с одной кроватью не шире гладильной доски и такой же жесткой. И призрак уже там — потел и улыбался мне.

Мэксин (*усмехаясь*). А, призрак! Значит, за вами опять гоняются призраки?

Шеннон. Совершенно верно, дорогая, — единственно, кто вышел со мной из автобуса.

Мэксин. И сейчас он уже здесь?

Шеннон. Неподдалеку.

Мэксин. Где? На веранде?

Шеннон. Скорее, притаился за верандой. Где-нибудь поблизости, но он вроде индейцев сиу, которые до захода солнца не нападают. Послезакатный призрак. (*Услышав долгий настойчивый гудок автобуса, вылезает из гамака.*)

Мэксин

У меня есть крошка-тень,
Точный мой портрет.
Одного я не пойму —
Есть в ней прок или нет.
Мой двойник, она за мной
Ходит по пятам.

¹ Мексиканская водка.

Чуть хочу нырнуть в кровать.
А она уж там¹.

Шеннон. Истинная правда. Вместе со мной прыгает и постель.

Мэксин. Когда спите один или...

Шеннон. Да я уже три ночи не спал.

Мэксин. Ну, сегодня огоспишься, мальчик.

Снова гудок.

Шеннон (*опасливо поглядывает вниз*). Сколько нужно времени, чтобы выпарить целый педагогический совет баптистского колледжа из автобуса, который остановился на самом солщенике при сорока градусах в тени?!

Мэксин. Вон, выползают.

Шеннон. Так... Значит, в этом раунде я победил. Что они там делают? Вам не видно?

Мэксин. Окружили вашего приятеля Хэнка.

Шеннон. И рвут на куски?

Мэксин. Одна здорово заленила ему, и он забился в автобус. А она сюда подымается.

Шеннон. О тень Великого Цезаря! Наверное, эта сволочь — учительница пения.

Голос мисс Феллоуз (*пронзительно*). Шеннон! Шеннон!

Шеннон. Ради бога, помогите мне справиться с ней.

Мэксин. Вы же знаете, мальчик, не выдам. Но почему бы вам не перестать гоняться за малолетками и не проявить побольше здорового интереса к взрослым женщинам?

Голос мисс Феллоуз (*пронзительно*). Шеннон!

Шеннон (*кричит вниз*). Подымайтесь сюда, мисс Феллоуз. Я уже все устроил. (*К Мэксин.*) О боже, она прет в гору, как разъяренный бык!

Мисс Феллоуз продирается сквозь заросли по тропинке.

Мисс Феллоуз, никогда этого не делайте! Летом в тропиках, да еще во время полнолуния, нельзя подыматься в гору, словно вы ведете в атаку кавалерийский полк на совершенно неприступный...

Мисс Феллоуз (*тяжело дыша, в ярости*). Мне не нужны ни ваши предостережения, ни ваши советы! Мне нужен ключ от машины!

Шеннон. Миссис Фолк, разрешите вам представить — мисс Джудит Феллоуз.

¹ Стихи в переводе Н. Мелковой.

Мисс Феллоуз. Этот человек вошел с вами в сделку?

Мэксин. Я не понимаю, о чем вы...

Мисс Феллоуз. Работает у вас на процентах?

Мэксин. А зачем мне платить проценты? Мне и так приходится больше отказывать туристам, чем...

Мисс Феллоуз (*прерывая ее*). Но это не «Эмбос Мундус». А в проспекте сказано, что в Пуэрто-Баррио мы должны остановиться в «Эмбос Мундос», в центре города.

Шеннон. Да, на площади. Вот вы расскажите ей насчет этой площади.

Мэксин. А что насчет площади?

Шеннон. Расскажите, какая там жарница, шум, какая там вонь и сколько мух. Бродячие собаки дохнут прямо на...

Мисс Феллоуз. А здесь, по-нашему, лучше?

Шеннон. Вид с этой веранды не хуже, а по-моему, даже лучше, чем вид с пика Виктории в Гонконге или с верхней террасы дворца самого султана в...

Мисс Феллоуз (*перебивая*). Мне нужен вид чистой кровати, ванны, которая работает, и пицци, которую можно есть и переварить, и которая не заражена всякими...

Шеннон. Мисс Феллоуз!

Мисс Феллоуз. Уберите руку с моего плеча!

Шеннон. Только взгляните на это меню. Повар — китасец, вывезенный мной из Шанхая! В позапрошлом, то есть в одна тысяча девятьсот тридцать восьмом, году он был шефом в Королевском колониальном клубе в...

Мисс Феллоуз (*перебивая*). Есть телефон?

Мэксин. Конечно, в моем кабинете.

Мисс Феллоуз. Я хочу позвонить. Где ваш кабинет?

Мэксин (*к Панчо*). Lévala al teléfono! ¹

Мисс Феллоуз в сопровождении Панчо направляется в кабинет. Безнадежно вздыхая, Шеннон прислонился к стене веранды.

Ха!

Шеннон. Зачем вам понадобилось...

Мэксин. Что?

Шеннон. Выйти в таком виде! Вам смешно, а мне...

Мэксин. В каком виде? Чем я вам не понравилась?

Шеннон. Говорил вам — застегните блузу. Или вы так гордитесь своим бюстом, что вам жаль застегнуть пуговицу? Подите к телефону, послушайте — неужели она в самом деле звонит «Блейку» и добивается моего увольнения?

¹ Проводи к телефону! (*исп.*)

Мэксин. Пусть лучше не пробует, пока не заплачит за вызов. *(Уходит в кабинет.)*

У нижних ступенек веранды появляется Мисс Ханна Джелке. Шеннон отворачивается к стене и с коротким вскриком ударяет по ней кулаком.

Ханна *(в изумлении останавливается)*. Простите.

Шеннон озадаченно смотрит на нее. Она выглядит необычно, в ней есть что-то не от мира сего, почти призрачное. Словно ожившая средневековая статуя святой из готического собора. На вид ей можно дать и тридцать лет, и все сорок. Ханна — воплощенная женственность и вместе с тем кажется словно бесполой и без возраста. На ней пестрое бумажное платье, на плече висит большая сумка.

Ханна. Это отель «Коста Верде»?

Шеннон *(сразу успокаиваясь)*. Да. Он самый.

Ханна. А вы... не управляющий?

Шеннон. Хозяйка сейчас вернется.

Ханна. Благодарю вас. Не знаете, не найдется здесь два свободных номера — для меня и для моего дедушки? Он в такси, ждет внизу, на дороге. Я не хотела вести его в гору, пока не узнаю, есть ли комнаты?

Шеннон. В такое время, не в сезон, здесь много свободных комнат.

Ханна. Чудесно! Просто замечательно! Пойду высажу его из такси.

Шеннон. Может, вам помочь?

Ханна. Нет, благодарю вас. Прекрасно справимся сами. *(Приветливо кивает ему и уходит по тропинке через заросли.)*

Шеннон ложится в гамак, вытягивается. Падает кокос, издали прокричал попугай. На веранде появляется Мэксин.

Шеннон. Ну что она, позвонила?

Мэксин. Вызывала техасского судью. Из Блоунг Рок. И готова оплатить вызов.

Шеннон. Значит, хлопочет о моем увольнении. И шьет мне дело о совращении, наказуемом законом.

Мэксин. Что значит «наказуемое законом»? Никогда не могла понять.

Шеннон. Это тот случай, когда девушка моложе двадцати совращает мужчину.

Мэксин хихикает.

Ничего смешного, дорогая моя Мэксин.

Мэксин. И на что вам нужны такие зеленые, или, вернее, почему вы вбили себе в голову, что они вам нужны?

Шеннон. Да никакие мне не нужны... независимо от возраста.

Мэксин. Зачем же тогда путаться с ними?

Он не отвечает.

А. Шеннон?

Шеннон. Нужна же хоть какая-нибудь человеческая близость, милая Мэксин.

Мэксин. Какой у вас размер ботинок?

Шеннон. Не понимаю, к чему вы клоните.

Мэксин. Башмаки у вас прохудились, а если не ошибаюсь, запасных вы с собой в поездку не берете. После Фреда осталась пара хороших ботинок, у вас, кажется, один размер.

Шеннон. Я любил старину Фреда, но не хочу залежать в его башмаки, дорогая.

Мэксин (*снимая с Шеннона поношенные полуботинки*). Да у вас и носки рваные. Фредовы носки будут вам как раз впору. (*Растегивает ворот его рубашки.*) О, вы, я вижу, надели свой золотой крест? Плохой признак — опять подумываете о возвращении в церковь?

Шеннон. Да, Мэксин, это мой последний тур. Сегодня утром я написал своему старому епископу. Полное покаяние, полная капитуляция.

Мэксин (*вынимая конверт из влажного кармана его рубашки*). Если речь идет об этом письме, то старик не сможет его прочесть, пусть вы его на этот раз и пошлете, — так оно пропотело на вас. (*Проходит за угол веранды.*)

По тропинке, утирая пот с лица, поднимается Хэнк. При виде развалившегося в гамаке Шеннона начинает злиться.

Хэнк. Может, вытащите свой зад из гамака?

Шеннон. Ни за что.

Хэнк. Шеннон, живо вон из гамака! (*Дает Шеннону пинка под зад.*)

Шеннон. Хэнк, если вы не справляетесь в тяжелой обстановке, значит, вы занимаете свое место не по праву. Я вам дал определенные указания. И очень простые. Надо было вытащить их из автобуса и...

Появляется Мэксин с кружкой горячей воды, бритвенным прибором и полотенцем.

Хэнк (*снова поддав Шеннону, на этот раз сильнее*). Шеннон, вон из гамака.

Шеннон (*предупреждает*). Хватит, Хэнк! Немного фамильярности — куда ни шло, но вы заходите слишком далеко.

Мэксин начинает намывать ему лицо.

Что это вы?

Мэксин. Вам что, не приходилось бриться и стричься у парикмахерши?

Хэнк. Девочка в истерике.

Мэксин. Не дергайтесь, Шеннон.

Шеннон. Хэнк, истерия—нормальное явление. Все женщины—истерички, натура такая. Опасное оружие в руках женщины, и только тот мужчина достоин называться мужчиной, которого истерикой не проймешь. Вы хотите заставить меня поверить, что у вас кишка тонка? Если так, я не смогу...

Мэксин. Не дергайтесь!

Шеннон. Я и не дергаюсь. (Хэнку.) ...взять вас с собой в следующую поездку. Поэтому идите и...

Хэнк. Вы хотите, чтобы я пошел к ним и доложил, что вы здесь прохлаждаетесь в гамаке, пока на вас наводят красоту?

Мэксин. Скажите, что преподобный Ларри возвращается в лоно церкви, так что они могут проваливать в свой Техас.

Хэнк. Пивка бы мне.

Мэксин. Угощайтесь на здоровье. Холодильник у меня в кабинете. (Указывает ему, куда пройти.)

Шеннон (после ухода Хэнка). Как ужасно, Мэксин,—самому в пору волком взвыть, а ты и тут должен морочить людям голову. Мэксин! Вы меня порезали!

Мэксин. Вы все время вертитесь.

Шеннон. Подровняйте немножко бороду, и ладно.

Мэксин. Сама знаю. Беби, поплаваем сегодня ночью? Даже если море будет беспокойно, а?

Шеннон. О боже...

Мэксин. Эти мальчишки-мексиканцы... как они плавают ночью! Ха! Я их заметила, когда они ныряли с балконов отеля «Кебрада» с высоты в двести футов. Но их оттуда выгнали за то, что они слишком уж угождали гостям. Тут-то мне и удалось их заполучить.

Шеннон. Узнаю вас—нигде своего не упустите. Вцепились в жизнь мертвой хваткой.

Мэксин. А какой еще хваткой в нее вцепиться—живой? Этого никто не умест... разве что Фред умел... (Кричит: «Фред!»... Далекое эхо на соседних холмах еле слышно отвечает ей.) А теперь одно только эхо откликается, когда его позовешь... (Освежает Шеннону лицо лосьоном.) Милый старый Фред—он всегда оставался для меня загадкой. Так был кроток, так на все глаза закрывал. Даже зло брало. Мужчина и женщина должны вечно подхлестывать друг друга—понимаете, о чем я говорю? Я наняла этих мальчишек-пловцов еще за полгода до смерти

Фреда, а он... думаете, обратил внимание? Задело его хоть столечко, когда я начала с ними плавать по ночам? Ничуть... уйдет себе на рыбалку... на всю ночь... А утром просыпашься—опять собирается на рыбалку. А ведь, бывало, поймает рыбину и тут же обратно в море отпускает.

Возвращается Хэнк, садится на ступеньки и пьет пиво.

Шеннон. Загадка старого Фреда проста: тихий и достойный был человек—вот и вся его загадка... Скажите-ка своим пловцам полуночным, пусть выгребут из автобуса барахло моих туристов, да поживей, пока эта учительница пеня треплется там по телефону и не может влезаться.

Мэксин (*кричит вниз*). Педро! Паучо! Muchachos! Trae las maletas al anexo! Pronto!

Педро и Паучо кидаются по тропинке.

(*Усаживается в гамак, прижимаясь к Шеннону.*) Я помещу вас у себя под боком, в бывшей комнате Фреда.

Шеннон. Хотите, чтоб я влез не только в его носки и башмаки, но и в его комнату, рядом с вашей? (*Неодобрительно смотрит на Мэксин. Понимая, что у нее на уме, и скептически посмеиваясь, снова развалился в гамаке.*) Ну нет, дорогая... Конечно, я все время мечтал, как сяду в гамак на этой веранде, посреди пальмовых чащ, над тихой морской бухтой... Только это и давало мне силы в теперешней поездке, и поддерживало в мыслях о возвращении... к истинному призванию...

Мэксин. Ха! Так у вас все-таки случаются проблемы, когда вы способны сообразить, что прихожане ходят в церковь не ради безбожных проповедей?

Шеннон. Черт бы вас побрал, да я ни разу в жизни не произнес безбожной проповеди...

Из-за угла веранды появляется мисс Феллоуз; она устремляется к Шеннону и Мэксин—та выскакивает из гамака.

Мисс Феллоуз. Я уже позвонила. Счет за разговор мне переведут в Техас.

Мэксин пожимает плечами и отходит в сторону. Мисс Феллоуз выходит на середину веранды.

Шеннон (*сидя в гамаке*). Извините, мисс Феллоуз, я не встаю, но мне... Присядьте, пожалуйста, на минутку—хочу вам признаться кое в чем.

Мисс Феллоуз. Интересно, в чем же?

¹ Ребята! Тащите-ка багаж в пристройку! Да поживей! (*исп.*)

Шеннон. У каждого может наступить в жизни такой момент. Я потерпел аварию, но...

Мисс Феллоуз. А как это возместится нам?

Шеннон. Я что-то не совсем понимаю вас, мисс Феллоуз. *(Садится прямо и смотрит на нее, кротко, смущенно, явно рассчитывая смягчить наконец это каменное сердце.)* Я открываю вам душу, сознаюсь, что дошел до точки, натянул ляжку, что называется, до отказа, а вы: «А как это возместится нам?»! Не надо, мисс Феллоуз, прошу вас. Не заставляйте меня поверить, будто взрослый, разумный человек может требовать с ближнего еще и каких-то возмещений, когда ближний и без того дошел до точки и нет ему дальше ходу, как он ни рвется... как ни тщится доказать, что все ему нипочем. Не надо... не надо... это бы...

Мисс Феллоуз. Что? Договаривайте.

Шеннон. ...поколебало, если не совсем разрушило во мне и без того некрепкую веру в то, что человек от рождения добр.

Мэксин *(появляясь на веранде с носками Фреда)*. Ха!

Мисс Феллоуз. И вы еще смеее спокойненько сидеть тут, вернее сказать, лежать, да, да—валяться и разглагольствовать о...

Мэксин. Ха!

Мисс Феллоуз. ...о человеческой доброте! А сами понятия не имеете даже об элементарнейшей пристойности. Ну и лежите здесь, валяйтесь. А мы едем!

Шеннон *(поднимается с гамака)*. Мисс Феллоуз, по-моему, руковожу группой все-таки я, а не вы.

Мисс Феллоуз. Вы?! Да вы только что сами признали, что не годитесь для такой работы.

Мэксин. Ха!

Шеннон. Мэксин, может быть, вы...

Мисс Феллоуз *(холодно прерывает его, в приведенном гневе)*. Вот что, Шеннон. Мы, девушки, работали, как каторжные, трудились весь год в поте лица ради этой поездки в Мексику, а поездка оказалась сплошным надувательством.

Шеннон *(про себя)*. Фантастика!

Мисс Феллоуз. Да, сплошным надувательством! Вы не придерживались ни расписания, указанного в проспекте, ни разрекламированного там маршрута. И нам не важно, кто кого водит за нос: ваша фирма нас или вы фирму—я уже пустила в ход все свои связи и не остановлюсь ни перед чем.

Шеннон. О мисс Феллоуз, да разве нам обоим не ясно, что все эти истерические выходки, которые джентльмену по рождению и по воспитанию и не пристало

бы выслушивать, в данном случае просто несостоятельны и вызваны совсем не теми тривиальными причинами, на которые вы ссылаетесь. Так не лучше ли сразу назвать истинную причину...

Мисс Феллоуз. Причину чего?

Показывается Шарлотта.

Шеннон. Вашей ярости, мисс Феллоуз. Вашей...

Мисс Феллоуз. Шарлотта. Иди вниз к автобусу!

Шарлотта. Джуди, они там...

Мисс Феллоуз. Что тебе сказано! Сейчас же вниз!

Шарлотта повинуется, как вышколенная собачонка. Мисс Феллоуз снова устремляется к Шеннону, который, подойдя к ней ближе, примирительно опускает руку ей на плечо.

Мисс Феллоуз. Руки прочь!

Мэксин. Ха!

Шеннон. Фантастика! Ну, мисс Феллоуз, погорячились, и хватит, а? Пожалуйста! А теперь я в самом деле прошу вас разрешить дамам подняться сюда, чтобы убедиться, как здесь удобно, и сравнить это с тем, что они видели в городе. Мисс Феллоуз, ведь еще есть на свете уголки, полные очарования, а в других местах одна скучища да убогая имитация модных тexasских мотелей.

Но мисс Феллоуз бросается к тропинке посмотреть, послушалась ли ее Шарлотта. Шеннон идет следом, все еще надеясь умиловить ее. Мэксин еще раз произносит свое «ха!» и, когда Шеннон проходит мимо, хочет ласково погладить его, но он отбрасывает ее руку, продолжая звать к мисс Феллоуз.

Мисс Феллоуз. Я, кстати, заглянула в номера: по сравнению с ними самые захудалые мебелирашки— апартаменты у «Ритца».

Шеннон. Мисс Феллоуз, я служу у «Блейка» и потому не вправе сказать вам со всей откровенностью, как неточен их рекламный проспект. Да они попросту и Мексики-то не знают толком. А я знаю. Так же доподлинно, как и другие пять континентов на...

Мисс Феллоуз. Мексика— континент? Вы что, не учили географии?

Шеннон. У меня степень доктора богословия, которую я получил в Сьюэни, география же за последние десять лет стала моей специальностью, дорогая моя мисс Феллоуз. Назовите-ка мне туристическое агентство, в котором бы я не работал. Не сможете! А сейчас я работаю у «Блейка» только потому...

Мисс Феллоуз. Потому что вам жизнь не в жизнь без невинных несовершеннолетних девчонок.

Шеннон. Ну, ну, мисс Феллоуз... *(Снова касается ее плеча.)*

Мисс Феллоуз. Уберите руку!

Шеннон. Я уже давно замечаю, что вы почему-то сердитесь и в плохом настроении, но...

Мисс Феллоуз. О, так вам кажется, что одна я в плохом настроении?! А по-вашему, колесить в этом душном автобусе по проселкам, да с горы на гору, пока всю душу не вытрясет...

Шеннон. Мне одно ясно: вы — заводила этого бунта.

Мисс Феллоуз. Вся группа больна дизентерией.

Шеннон. Ну, уж это не моя вина.

Мисс Феллоуз. Именно ваша!

Шеннон. Еще до въезда в Мексику, в Нью-Ларедо, на границе, я собрал вас и роздал отпечатанные на гектографе инструкции, в которых сказано, что можно есть и чего нельзя, что можно пить и что не рекомендуется...

Мисс Феллоуз. Дело не в том, что мы ели, а где нас кормили.

Шеннон *(качая головой, как метроном)*. Это у них не дизентерия.

Мисс Феллоуз. Но это результат питания в таких заведениях, которые без всяких разговоров закрыла бы любая санитарная комиссия...

Шеннон. Минуточку...

Мисс Феллоуз. ...за несоблюдение элементарных правил гигиены.

Шеннон. Да это не дизентерия, не амебное заражение, а самый обыкновенный...

Мэксин. «Месть Монтесумы!»! Вот как мы это называем.

Шеннон. Я ведь раздавал пилюли, снабжал вас микстурой, поскольку знал наперед, что ваши дамы скорей выберут «Месть Монтесумы», чем потратят пять сентаво на минеральную воду в бутылках.

Мисс Феллоуз. Вы сбывали ваши пилюли с прибылью в пятьдесят центов с пузырька!

Мэксин. Ха-ха! *(Ударом мачете раскрывает кокос и приготавливает ром-коко.)*

Шеннон. Знаете, мисс Феллоуз, шутки шутками, но такие обвинения...

Мисс Феллоуз. Я справилась о цене в аптеке, я вас давно подозревала.

Шеннон. Мисс Феллоуз, я — джентльмен и не позволю оскорблять себя. Имейте в виду: я не потерплю таких оскорблений даже от члена своей группы. И мне кажется, мисс Феллоуз, вы не должны еще забывать, что разгова-

риваете с лицом, посвященным в сан.

Мисс Феллоуз. С расстригой, выдающим себя за священника!

Мэксин. Может, выпьете ром-коко? Для гостей—
бесплатно. *(Не услышав ответа, пожимает плечами и
выпивает ром-коко сама.)*

Шеннон. Мисс Феллоуз, в каждой партии найдется
недовольный, которому все не так, как ни старайся
сделать поездку... более интересной, не стандартной,
придать ей нечто своеобразное, какой-то особый «штрих
Шеннона».

Мисс Феллоуз. Жулика... Попа-расстриги!

Шеннон. Мисс Феллоуз, не надо, не надо, не надо...
Уймись! *(Он близок к истерике. Выкрикивает что-то
нечленораздельное, потрясает кулаками, мечется по ве-
ранде и, пытаясь перевести дух, прислоняется к столбу.)*
Не надо... не унижайте... человеческой... гордости!

Женский голос *(снизу)*. Джуди?! Они уносят багаж!

Мисс Феллоуз *(кричит)*. Девушки! Девушки! Дер-
жите чемоданы! Не давайте уносить наши вещи в эту
мусорную яму!

Женский голос. Джуди! Нам с ними не справиться!

Мэксин. Эти парни понимают только по-испански.

Мисс Феллоуз *(Мэксин, в ярости)*. Будьте любезны
приказать им отнести наш багаж в автобус. *(Кричит
вниз.)* Девушки! Держите свои вещи! Не давайте уносить
их! Мы поедem обратно в А-ка-пуль-ко! Слышите?

Женский голос *(внизу)*. Джуди, девушки хотят
сначала поплавать.

Мисс Феллоуз. Иду! *(Бежит вниз, на ходу кричит
мексиканцам.)* Эй вы! Мальчики! Muchachos! Несите вещи
вниз!

Вскоре крики замирают. Шеннон, вконец расстроенный, ходит по
всранде.

Мэксин *(качая головой)*. Шеннон, отдайте ключ, и
пусть убираются.

Шеннон. А я?

Мэксин. Останетесь здесь.

Шеннон. В спальне Фреда?! Ну да, конечно, в
спальне покойного Фреда.

Мэксин. Может обернуться и хуже.

Шеннон. Хуже? Ну что ж, пусть... Пусть хуже!..
Пусть!

Мэксин. Ну, ну, малыш...

Шеннон. Если может быть еще хуже—пускай. *(Цеп-
ляясь за перила лестницы, смотрит широко открыты-
ми, потерянными глазами. Грудь бурно вздымается, как*

у бегуна после длинной дистанции. Он весь в поту.)

Мэксин. Давайте-ка ключ от машины. Я отнесу его шоферу, а вы пока выкупаетесь, беби, отдохнете, выпьете ром-коко.

Шеннон неуверенно качает головой. Из пальмовой чащи слышатся резкие крики птиц. На тропинке голоса.

Голос Ханны. Дедушка, ты потерял свои темные очки?

Голос дедушки. Нет. Я их снял. Солнца-то нет.

На тропинке появляется Ханна, она везет дедушку в кресле на колесах. Дед очень стар, но у него могучий голос, и потому всегда кажется, что он кричит что-то очень важное. Дедушка — поэт и актер. В нем чувствуется гордость, которую он всюду несет, как знамя. Его белый полотняный костюм безупречен; столь же выдержаны в стиле, как и черный шнурок галстука, — черная трость с золотым набалдашником и густая белая поэтическая грива.

Дедушка. С какой стороны море?

Ханна. Море внизу, под горой, дедушка.

Дед оборачивается, прикрывая глаза рукой.

Отсюда его не видно.

Старик глух, и Ханне приходится кричать.

Дедушка. Но я уже чувствую запах моря.

Ветерок пробегает по листьям джунглей.

Колыбель жизни! *(Тоже кричит.)* Жизнь ведь началась в море.

Мэксин. Тоже из вашей группы?

Шеннон. Нет.

Мэксин. Парочка тронутых.

Шеннон. Тише! *(Пристально смотрит на Ханну и деда, и, кажется, один их вид действует на него гипнотически, снимая напряжение.)*

Старик подслеповато поглядывает вниз, а Ханна с надеждой смотрит на всранду — человек гордый, она, если уж просит, верит, что люди отзовутся.

Ханна. Здравствуйте.

Мэксин. Привет.

Ханна. Вам не доводилось везти человека вот так, в кресле, в гору, сквозь заросли?

Мэксин. Нет, я не повезла бы даже и под гору.

Ханна. Но теперь, когда это уже позади, я не жалею. Какой вид для художника! *(Тяжело дышит, осматривается вокруг, ищет в сумке носовой платок, чувствуя, что лицо ее горит и все в поту.)* Мне говорили в городе, что

здесь идеальное место для художника, и надо сказать, так, оно и есть.

Шеннон. У вас на лбу царапина.

Ханна. А, так я и знала...

Шеннон. Надо смазать йодом.

Ханна. Благодарю вас, потом.

Мэксин. Что вам угодно?

Ханна. Я бы хотела видеть хозяина.

Мэксин. Это я.

Ханна. О, вы хозяйка?! Очень приятно. Разрешите представиться, я—Ханна Джелкс, миссис...

Мэксин. Фолк... Мэксин Фолк. Чем могу быть полезна? *(Тон ее отнюдь не выражает намерения и вправду быть им полезной.)*

Ханна *(живо обернувшись к деду)*. Дедушка, здешняя хозяйка леди из Штатов.

Дедушка *(поднимая лежащую у него на коленях веточку дикой орхидеи и церемонно протягивая ее Мэксин, кричит Ханне)*. Преподнеси даме эту ботаническую диковину, которую ты нашла на горной тропинке.

Ханна. Мне кажется, это дикая орхидея. Верно?

Шеннон. Лаэлия тибичина.

Ханна. О!

Дедушка. Но скажи ей, Ханна, скажи, что до темноты цветы эти лучше хранить в холодильнике,—на солнце они привлекают мух! *(Хихикая, почесывает укус на подбородке.)*

Мэксин. Вам нужны комнаты?

Ханна. Да, да. Только мы не успели предупредить заранее.

Мэксин. Видите ли, милая, в сентябре «Коста Верде» закрыт. Исключение делается лишь по особой договоренности, и поэтому...

Шеннон. А это есть особый случай. Исключительный...

Мэксин. Кажется, вы сами сказали, что они не из вашей группы.

Ханна. Прошу вас, допустите нас в число избранных.

Мэксин. Смотрите-ка!

Дед попытался выбраться из кресла. Шеннон еле успевает подбежать подхватить старика, чтобы тот не упал.

Ханна *(тоже бросилась было к деду, но, увидев, что Шеннон уже подхватил его, снова обращается к Мэксин)*. В первый раз за двадцать пять лет наших путешествий мы приехали, не заказав номера заранее.

Мэксин. Дорогая моя, старику-то место в больнице.

Ханна. Нет, нет, просто утром он немного повредил

колени. Ему нужно хорошенько выспаться, отдохнуть — и завтра он будет снова на ногах. Дедушка моментально справляется со всякими недомоганиями, поразительно быстро для такого *молодого* — ему девяносто семь.

Шеннон. Легче, легче, дедушка. Опирайтесь на меня. *(Ведет старика на веранду.)* Теперь две ступеньки вверх. Раз, два... Ну, вот и хорошо, дедушка! *(Доводит его до веранды и усаживает в качалку.)*

Дедушка еле дышит, но все поспевает.

Ханна *(живо)*. У меня нет слов, чтобы выразить вам свою благодарность за то, что вы нас принимаете. Просто счастье для нас!

Мэксин. Ну что ж... такого старца не отправишь тут же в обратный путь. Но как я вам сказала, в сентябре «Коста Верде» закрыт. Я принимаю сейчас немногих и по особой договоренности. Мы работаем в этом месяце на особых условиях.

Дедушка *(неожиданно прерывая и очень громко)*. Ханна, скажи этой леди, что колясочка у меня временная. Скоро я уже способен буду ползать, потом ковылять, а в недалеком будущем начну скакать, как старый... горный... козел... Ха-ха-ха-ха...

Ханна. Да, дедушка, я уже все сказала.

Дедушка. Мне тоже не нравится передвигаться на колесах.

Ханна. Да, дедушка считает, что закат Европы начался именно с изобретения колеса. *(Весело смеется, но на Мэксин все это не действует.)*

Дедушка. И скажи еще этой хозяйке... э-э... этой леди... что я знавал отели, в которых не принимали собак, кошек, обезьян, а в некоторых не слишком добивались особой привилегии нянчиться с младенцами в возрасте около ста лет, ха-ха... которых привозят в колясочках... с цветами вместо детских погремушек... *(Хихикает с чуть страшноватым полубезумным выражением лица.)*

Ханне скорей всего хочется закрыть ему рот рукой, но приходится улыбаться.

...Ха-ха... с флягой коньяку вместо колечка для зубов, которые еще только режутся. Но ты скажи ей, что эти... э-э... уступки возрасту дело временное...

Ханна. Дедушка, я сказала, что вожу тебя в кресле, потому что ты повредил колено.

Шеннон *(про себя)*. Фантастика!

Дедушка. А как только отдохну, я сам покачу сго и сброшу с горы, прямо в море. И скажи ей...

Ханна. Да? Что, дедушка? *(Она уже не улыбается. И)*

тон ее и взгляд полны нескрываемого отчаяния.) Что сказать, дедушка?

Дедушка. Скажи ей, если она простит мне мое постыдное долголетие и эту... временную немощь... я преподнесу ей—с автографом!—последний экземпляр моего первого томика стихов, опубликованных в день... Когда, Ханна?

Ханна (безнадежно). В день вступления на пост президента Улисса Гранта, дедушка.

Дедушка. «Утренний рожок». Где книга? Должна быть у тебя. Отдай ей сейчас же.

Ханна. Потом, попозже. (К Мэксин и Шеннону.) Мой дедушка—поэт, Джонатан Коффин. Ему девяносто семь лет, а в следующем месяце, пятого октября, исполнится девяносто восемь.

Мэксин. Да, старики—занятный народ. Телефон! Извините, я сейчас. (Уходит.)

Дедушка. Что, наговорил лишнего?

Ханна (тихо, Шеннону). Боюсь, да. Кажется, она не расположена нас пустить.

Шеннон. Пустит, не беспокойтесь.

Ханна. В городе никто не хотел пускать, и, если мы здесь не устроимся, придется опять катить его через заросли. А куда? Что впереди? Дорога?! А куда? Только в море... Сомневаюсь, чтобы оно расступилось перед нами.

Шеннон. Вам не придется уходить. Я пользуюсь некоторым влиянием на хозяйку.

Ханна. О, пожалуйста, пустите его в ход. Я прочла в ее глазах одно лишь слово—отчетливо, большими буквами: «нет!»

Шеннон наливает воды из кувшина и подает стакан старику.

Дедушка. Это что—выпивка?

Шеннон. Вода со льдом, дедушка.

Ханна. Как вы добры! Спасибо вам. Я, пожалуй, дам ему еще парочку солевых таблеток. (Быстро вынимает флакон из сумки.) Может, и вам? Я вижу, вы тоже в испарине. В жаркое время, да еще под Тропиком Рака нужно остерегаться обезвоживания.

Шеннон (наливая другой стакан воды). А вы сейчас и в финансовом отношении тоже немного обезвожены?

Ханна. О да! Досуха, до костей, и, кажется, хозяйка это понимает. Впрочем, понять не так уж и трудно—достаточно было увидеть, как я тащу его в гору на себе. Хозяйка как будто неглупая женщина. Она, конечно, сразу смекнула, что такси нам не по карману.

Голос Мэксин. Панчо!

Ханна. Женщине всегда труднее найти общий язык с

хозяйкой, чем с хозяином. Если можете повлиять на нее, очень прошу вас, убедите ее, пожалуйста, что завтра, а то и сегодня дедушка уже будет на ногах, и если нам хоть немного повезет, то к этому времени и наши финансовые дела подналадятся. А, вот она. Помогите нам. *(Невольно хватает его за руку.)*

Мэксин выходит на веранду, продолжая звать Панчо. Является Панчо, посасывая плод манго, сок которого капает ему на подбородок и шею.

Мэксин. Панчо, беги на пляж, скажи господину Фаренкопфу, что ему звонят из германского посольства.

Панчо смотрит на нее, не понимая, и Мэксин повторяет свое распоряжение по-испански. Шумно посасывая манго, Панчо лениво спускается по тропинке.

Беги! Я говорю, беги! Согге, согге!

Чуть ускорив шаг, Панчо скрывается в зарослях.

Ханна. Как они грациозны, эти мексиканцы!

Мэксин. Да, грациозны, как кошки, и так же вероломны.

Ханна. Может быть, вы нас... запишете сейчас?

Мэксин. Записать недолго, раньше нужно получить с вас шесть долларов, если хотите поужинать. В несезонное время именно так приходится вести дела.

Ханна. Шесть долларов?..

Мэксин. Да, по три с персоны. В сезон мы работаем по европейскому расписанию, а не в сезон, как сейчас, переходим на свой, американский.

Ханна. О, и в чем же... э-э... различия? *(Пытаясь выиграть время, взглядом взывает к Шеннону о помощи.)*

Но его внимание поглощено гудками автобуса.

Мэксин. Вместо трехразового питания у нас сейчас двухразовое.

Ханна *(приближаясь к Шеннону, чуть громче)*. Завтрак и обед?

Мэксин. Завтрак и холодный ленч.

Шеннон *(в сторону)*. Да, действительно холодный. Наколотый лед, если сами наколете.

Ханна *(раздумывая)*. Без обеда?

Мэксин. Да, без.

Ханна. Понимаю, но только мы... тоже работаем обычно на особых условиях. Я бы хотела вам объяснить.

Мэксин. Что значит — «работаем»? И на каких «условиях»?

Ханна. Вот наша карточка. Может быть, вы уже слышали о нас! *(Подает карточку Мэксин.)* О нас много писали. Мой дедушка — старейший из живущих и еще

пишущих поэтов. Он читает свои стихи. А я работаю акварелью... я художник-моменталист. Мы путешествуем вместе и оплачиваем свои путешествия дедушкиными выступлениями и продажей моих акварелей и моментальных портретов углем или пастелью.

Шеннон (*про себя*). У меня жар.

Ханна. Обычно во время завтрака и обеда я хожу между столиками отеля. Надеваю рабочую блузу художника, живописно измазанную красками, с широким байроновским воротником и изящно повязанным шелковым бантом. Я никогда не навязываюсь людям, просто показываю свои работы и мило улыбаюсь. И только если приглашают, присяду к столику и делаю моментальный набросок пастелью или углем. А если не приглашают, тоже мило улыбаюсь и иду дальше...

Шеннон. А дедушка что делает?

Ханна. Мы с ним вместе медленно проходим между столиков. Я представляю его как старейшего из всех живущих в мире и еще пишущих поэтов. Если просят, он читает свои стихи. К несчастью, все его стихи написаны очень давно. Но, знаете, он начал писать снова. Впервые за двадцать лет взялся за новую поэму!

Шеннон. Но еще не кончил?

Ханна. Вдохновение еще посещает его, но способность сосредоточиться, конечно, несколько ослабела.

Мэксин. Как, например, сейчас.

Шеннон. Кажется, задремал. Дедушка! Что, если уложить его в постель?

Мэксин. Подождите. Я сейчас вызову такси, и их отвезут в город.

Ханна. Прошу вас, не надо. Мы обошли все городские гостиницы—нигде не пускают. Боюсь, что мне остается рассчитывать только на ваше... великодушие.

Очень заботливо Шеннон поднимает старика и ведет его в одну из комнат, выходящих на террасу. С пляжа слышатся возгласы купающихся. Солнце прячется за островком в море. Быстро темнеет.

Мэксин. Пожалуй, придется вас оставить. Но только на одну ночь.

Ханна. Благодарю вас.

Мэксин. Старик будет в четвертом номере, вы займете третий. Где ваш багаж? Никакого багажа?!

Ханна. Я спрятала его под пальмами, внизу, где начинается тропинка.

Шеннон (*кричит Панчо*). Живо принеси вещи этой леди! Слышишь? Чемоданы... под пальмами. Скорее! Бегом!

Мексиканцы бегут вниз.

Дорогая Мэксин, а за меня вы согласны получить по чеку, датированному более поздним числом?

Мэксин (*хитро*). Да уж не завтрашним ли?

Шеннон. Спасибо! Щедрость всегда была основным свойством вашей натуры.

Мэксин. Ха! (*Уходит.*)

Ханна. Я ужасно боюсь, не было ли у дедушки небольшого удара во время нашего перехода в горах. (*Говорит с удивительным спокойствием.*)

И сейчас же порыв ветра разносится по склону. Снизу снова слышатся крики купающихся.

Шеннон. У очень старых людей бывают такие небольшие «мозговые явления», как их называют врачи. Это не настоящий удар, а просто небольшие мозговые... явления. И их симптомы так быстро исчезают, что старики иногда даже и не замечают, что с ними было что-то не так.

Разговаривают, не глядя друг на друга.

Появляются мексиканцы с древними чемоданами, сплошь заклеенными ярлычками отелей и всяческих бюро путешествий—знаками далеких странствий их владельцев.

Ставят чемоданы возле лестницы.

Сколько же раз вы объехали вокруг света?

Ханна. Почти столько же, сколько раз земля обошла вокруг солнца. Иногда мне кажется, что весь этот путь я прошла пешком.

Шеннон (*поднимая ее чемодан*). Какой номер у вашей комнаты?

Ханна (*устало улыбаясь*). По-моему, третий.

Шеннон. Кажется, тот самый, над которым крыша протекает. (*Идет с чемоданами в третий номер.*)

В дверях своего кабинета появляется Мэксин.

Но вы это узнаете, только когда пойдет дождь, а тогда будет уже поздно, и придется вплавь выбираться оттуда.

Ханна слабо улыбается, теперь стала заметна вся ее непомерная усталость.

(*Выходит с ее вещами из третьего номера.*) Так и есть, тот самый. Берите мой и...

Ханна. Нет, нет, мистер Шеннон. Если пойдет дождь, я найду себе сухое местечко.

Мэксин (*из-за угла веранды*). Шеннон!

Небольшая пантомима между Ханной и Шенноном. Он хочет внести вещи в комнату номер пять. Она хватается его за руку и указывает за угол веранды, давая понять, что не нужно вызывать недовольство владелицы отеля. Мэксин еще раз и уже громче зовет его. Шеннон уступает мольбам Ханны и вносит ее вещи в комнатенку с худой крышей.

Ханна. Большое вам спасибо, мистер Шеннон. (*Исчезает за москитной сеткой.*)

Шеннон направляется к своей комнате, и в эту минуту к углу веранды подходит Мэксин.

Мэксин (*подражая голосу Ханны*). «Большое вам спасибо, мистер Шеннон!»

Шеннон. Не будьте дрянью, Мэксин. Есть люди, которые искренне говорят «спасибо». (*Проходит мимо нее и спускается по лесенке с веранды.*) Пойду поплаваю.

Мэксин. В это время вода тепла как кровь.

Шеннон. А так как у меня сейчас жар, то мне и будет в самый раз. (*Быстро спускается вниз по тропинке к пляжу.*)

Мэксин (*следуя за ним*). Подождите, я тоже...

Хочет сказать, что пошла бы с ним, но он пропустил ее слова мимо ушей и быстро исчезает в зарослях. Она сердито пожимает плечами и возвращается на веранду. Опершись обеими руками на парапет, смотрит на закатное солнце, словно это ее личный враг.

Доносится долгий прохладный вздох океана.

Голос дедушки (*словно вторя этому звуку*)

Ветвь апельсина смотрит в небо

Без грусти, горечи и гнева.

И так, спокойствие храня.

Следит за угасаньем дня...

Внизу, в маленьком ресторанчике на пляже, звучит исполняемая маримба-джазом мелодия популярной в тысяча девятьсот сороковом году песенки «Слово женщины...»

На сцене темнеет, затем медленно опускается занавес.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Прошло несколько часов, скоро зайдет солнце, но сейчас его золотистый, с красноватым отблеском, свет заполняет всю сцену. На густой листве тропических растений блестят капли дождя. Из-за угла веранды выходит Мэксин. Уступив правилам хорошего тона, она сменила к обеду короткие узкие брючки на белые полотняные, а синюю рабочую блузу — на красную. Расставляет складные столики для обеда, который будет подан на веранде. За этим делом и ведет разговор.

Мэксин. Мисс Джелкс?

Ханна (*в дверях своей комнатки, приподымая москитную сетку*). Да, миссис Фолк?

Мэксин. Могу я с вами поговорить, пока буду

¹ Род ксилофона.

накрывать к обеду?

Ханна (*выходит в своей блузе художника*). Конечно. Я и сама хотела с вами поговорить.

Мэксин. Прекрасно.

Ханна. Я хотела спросить, есть ли у вас ванна, где мог бы помыться дедушка? Сама я предпочитаю душ, но дедушка там может упасть, и, хоть он и утверждает, что он — резиновый, перелом бедра в его возрасте — дело нешуточное. И поэтому я...

Мэксин. А я хотела поставить вас в известность, что звонила в «Каса де Хеспедес» насчет вас с дедушкой, могу устроить.

Ханна. Так не хотелось бы нам опять трогаться с места.

Мэксин. «Коста Верде» — не для вас. Видите ли, мы обслуживаем людей, которые не доставляют особых хлопот, и, честно говоря, привыкли к клиентам помоложе.

Ханна (*разбирая складной столик*). Да-а... Ну что ж... А что это, «Каса де Хеспедес», — меблированные комнаты?

Мэксин. Это пансион. Там вас и кормить будут, и даже в кредит.

Ханна. Где он находится?

Мэксин. В центре города. Если дедушка заболит, там и врач под рукой. Ведь вам и об этом приходится думать.

Ханна (*серьезно кивнув головой, больше про себя*). Да, и об этом, но...

Мэксин. Что вы делаете?

Ханна. Хочу помочь.

Мэксин. Не надо! Я не принимаю помощи от своих постояльцев.

Ханна (*продолжая накрывать на стол, в смущении*). Все-таки позвольте мне, прошу вас. Вилка с одной стороны, а ложка... (*Голос ее замирает.*)

Мэксин. Прежде всего салфетки подкладываются под тарелки, а то ветром сдует.

Ханна. Да, на веранде становится ветрено.

Мэксин. На побережье уже задувают штормовые ветры.

Ханна. Когда мы путешествовали по Востоку, нас, случалось, застигал в пути тайфун. Но иной раз даже радуешься такому разгулу стихий — как-то легче на душе, верно? (*Это тоже сказано больше про себя. Она уже расставила тарелки на бумажных салфетках.*) Миссис Фолк, когда, по-вашему, нам нужно съехать?

Мэксин. Завтра мальчики отвезут вас в моем никапе. Бесплатно.

Ханна. Вы очень добры. (*Останавливая Мэксин, собирающуюся уйти.*) Миссис Фолк!

Мэксин. (*неохотно поворачиваясь к ней.*) Да?

Ханна. Вы знаете толк в нефрите?

Мэксин. В нефрите?

Ханна. Да.

Мэксин. А что?

Ханна. У меня есть небольшая, но очень интересная коллекция. Я спросила, потому что самое главное в изделиях из нефрита—работа, резьба. (*Снимает с себя нефритовое украшение.*) Вот, например, резьба—настоящее чудо. Такая маленькая вещица, а вырезаны две фигурки: легендарный принц Ака и принцесса Анг... и летящая цапля над ними. Скорей всего, чудодей, гнувший спину над этой тончайшей резьбой, получил за работу жалкий куль рису, семью прокормить месяц, и то лишь впроголодь. Зато скупщик, завладевший этим сокровищем, сбыл его англичанке уж по меньшей мере фунтов за триста стерлингов. А та, когда это маленькое нефритовое чудо успело ей поднадоесть, подарила его мне—я нарисовала ее не такой, какой она стала теперь, а какой она мне увиделась в лучшую пору ее жизни. Видите, какая резьба?

Мэксин. Вижу, милая. Но я не принимаю вещей в заклад, у меня гостиница.

Ханна. Знаю, но не примете ли ее в виде обеспечения, в счет хотя бы нескольких дней?

Мэксин. Вы совсем на мели?

Ханна. Да, совсем...

Мэксин. Вы как будто гордитесь этим.

Ханна. Я не горжусь, но и не стыжусь. Просто нам еще не случалось попадать в такой переpleт.

Мэксин (*нехотя*). Пожалуй, вы говорите правду, но и я не лгу: после смерти мужа я в таких тисках—хоть топись, и, не будь жизнь все-таки милей денег, я, верно, бросилась бы за ним в океан.

Ханна. В океан?!

Мэксин (*с философским спокойствием*). Да. Я точно выполнила его волю. Мой муж, Фред Фолк, был первым мастером среди рыболовов-любителей на всем западном берегу Мексиканского залива. Он побивал все рекорды по отлову меч-рыбы, тарпана, королевской сельди, барракуды и, когда дни его уже были сочтены, просил на смертном одре, чтобы его бросили в море... да, прямо в бухте, чтобы его даже не зашивали в брезент, а бросили в рыбацком костюме. И вот старый рыбак пошел на корм рыбам—уж теперь рыбка сочтется со старинной Фредди. Что вы на это скажете?

Ханна (*пристально поглядывая на Мэксин*). Не думаю, чтоб он об этом пожалел.

Мэксин. А я думаю... И меня бросает в дрожь. (*Ее отвлекает семейка немцев.*)

Те дружно шагают по тропинке под марш. Из зарослей появляется Шеннон. Он в купальном халате, липнувшем к мокрому телу. Все внимание Мэксин сразу переключается на него одного — она то затихает, то словно бьет яростными вспышками, как провод под высоким напряжением.

Ханна в этой сцене звучит как бы контрапунктом к Мэксин. На мгновение Ханна закрывает глаза, снова открывает, и в ее взгляде — весь ее стоицизм и все отчаяние борьбы за пристанище, в котором ей отказывают.

Шеннон (*подходит к веранде, и теперь он — главный на сцене*). Вон они, дорогая моя Мэксин, идут ваши покорители мира. И поют «Хорст Вессель». (*Подымаясь на веранду, зло посмеивается.*)

Мэксин. Шеннон, прежде чем входить на веранду, вы бы хоть смыли с себя песок.

Появлению возвращающихся с пляжа немцев предшествует фашистский марш, который они горланят во всю глотку. Обнаженные бронзово-красные тела, словно сошедшие с полотен Рубенса. Женщины слегка прикрыли себя мокрыми гирляндами зеленых водорослей. Молодой муж, оперный тенор, дует в большую раковину. В руках его тества коротковолновый радиоприсмичек, который все еще передает нарастающий гром битвы за Авглию.

Хильда (*скачет верхом на своей резиновой лошадке*). Гоп, гоп, гоп.

Господин Фаренкопф (*в экстазе*). Лондон горит! Центр города в огне.

Вольфганг колесом вкатывается на веранду, проходит несколько шагов на руках и с громким возгласом падает. Мэксин вместе с немцами громко хохочет.

Пива! Пива! Пива!

Фрау Фаренкопф. Нет, сегодня — шампанского!

И, пока они обходят веранду, продолжается веселье, крики и скачка на лошадке. Шеннон входит на веранду, и Мэксин сразу умолкает. Но ей жаль, что нельзя посмеяться, и немного завидно.

Шеннон. Мэксин, дорогая, вы, кажется, превращаете свой отель в мексиканский Берхтесгаден?

Мэксин. Я ведь сказала, смойте песок.

Крики немцев, требующих пива, заставляют ее пройти за угол веранды.

Ханна. Мистер Шеннон, может быть, вы знаете пансион «Каса де Хеспедес»? Что он собой представляет?

Взгляд Шеннопа почти безучастен.

Мы... мы подумываем о том, чтобы завтра перебраться туда. Можете нам его порекомендовать?

Шеннон. То же, что Черная яма в Калькутте.

Ханна (*задумчиво кивая*). Так я и думала. Мистер Шеннон. Не заинтересуется ли случайно кто-нибудь в вашей группе моими акварелями? Или портретами углем?

Шеннон. Не думаю! Боюсь, они недостаточно калорийны, чтобы мои дены решились на них раскошелиться. О тень Великого Цезаря! (*Это вырвалось у него, когда он услышал, как его зовут пронзительным голосом.*)

Словно юная Медя, врывается Шарлотта. Бежит к веранде. Шеннон мигом исчезает у себя в комнатке и так поспешно захлопывает за собой дверь, что прищемил кусок mosquito net, тут же весело подхваченной ветром.

Шарлотта (*вбегают на веранду*). Ларри!

Ханна. Вы кого-нибудь ищете?

Шарлотта. Да, нашего гида, Ларри Шеннона.

Ханна. О, мистера Шеннона. По-моему, он пошел на пляж.

Шарлотта. Я только что видела, как он поднимался с пляжа в гору. (*Она в напряжении и вся дрожит. Обширивает взглядом веранду.*)

Ханна. Ах, вот как! Но все же...

Шарлотта. Ларри! (*Ее вопли растревожили птиц, и они отвечают ей разноголосым гомоном.*)

Ханна. Передать ему что-нибудь?

Шарлотта. Нет. Я буду ждать, пока он не выйдет из своего убежища.

Ханна. Может быть, присядете? Я художница. Сейчас разбираю папку акварелей и рисунков, и посмотрите, что нашла. (*Показывает Шарлотте рисунок.*)

Шеннон (*из своей комнаты*). О боже!

Шарлотта (*услышав голос Шеннона, устремляется к нему*). Ларри, впустите меня! (*Стучится в дверь.*)

Из-за угла веранды появляется герр Фаренкопф с радиоприемником. Он почти обезумел от победных репортажей.

Ханна. Гутен абенд!

Фаренкопф кивает головой и скалит в улыбке зубы. Поднимает руку, призывая к молчанию. Ханна кивает в знак согласия, подходит к нему и показывает один за другим свои рисунки. Фаренкопф продолжает улыбаться. Ханна не понимает, то ли он улыбается, одобряя ее рисунки, то ли наслаждается передачей по радио. Он смотрит на рисунки и время от времени кишит. Вся эта пантомима проходит будто серия диапозитивов.

Шарлотта (*со слезной мольбой*). Ларри, откройте, впустите меня. Я знаю, вы здесь, Ларри!

Фаренкопф. Помолчите, пожалуйста, минутку. Сей-

час будут передавать запись речи фюрера в рейхстаге, произнесенной *(смотрит на часы)* восемь часов назад и переданной в Мехико газетой «Дойче нахрихтен». Помолчите, пожалуйста. Битте...

Из радиоприемника — голос, смахивающий на лай бешеного пса. Шарлотта по-прежнему барабанит к Шеннону. Ханна жестом предлагает немцу пройти на заднюю веранду; Фаренкопф, отчаявшись услышать что-нибудь, встает. Свет, отражаясь, вспыхивает на стеклах его очков. — словно у него во лбу автомобильные фары. Он быстро кланяется и уходит за веранду, проводя по пути размятку, как японский борец, выходящий на арену.

Ханна. Может быть, покажите вам мои работы на той веранде? *(Идет за ним, но рисунки выпали из папки и разлетаются. Она собирает их с грустным и озабоченным видом всеми забытого ребенка, одиноко рвущего цветы.)*

Шеннон украдкой выглядывает из окна, но тут же скрывается, увидев Шарлотту; метнувшись к нему, она наступает на разбросанные рисунки. Ханна тихонько вскрикивает, но стон ее почти не слышен из-за гвалта, который поднимает Шарлотта.

Шарлотта. Ларри! Ларри! Меня ищет Джуди. Впустите, пока она меня не застучала здесь.

Шеннон. Вам нельзя сюда! Замолчите, тогда выйду.

Шарлотта. Ладно. Выходите.

Шеннон. Отойдите же от двери, дайте пройти.

Она чуть подвинулась; у Шеннона, выходящего из комнаты, вид приговоренного, идущего на казнь.

(Прислонился к стене, утирая платком пот с лица.) Откуда мисс Феллоуз прознала, что произошло сегодня ночью? Вы ей сказали?

Шарлотта. Я не говорила. Она сама догадалась.

Шеннон. Догадываться — еще не значит знать. Если она только догадывается, то еще ничего не знает. Если, конечно, вы не врете и действительно не проболтались.

Ханна собрала рисунки и тихонько отходит в самый дальний угол веранды.

Шарлотта. Не надо так разговаривать со мной.

Шеннон. Пожалуйста, не усложняйте мне жизнь. Ради бога, не усложняйте мою и без того трудную жизнь.

Шарлотта. Почему вы вдруг так изменились?

Шеннон. У меня малярия. Не усложняйте мне... малярию.

Шарлотта. Вы ведете себя так, словно ненавидите меня.

Шеннон. А вы — так, что меня вышибут с работы.

Шарлотта. Это Джуди, а не я.

Шеннон. Зачем вы запели «Я люблю вас всей душой», обращаясь ко мне?

Шарлотта. Потому что я правда люблю вас всей душой!

Шеннон. Дорогая детка, разве вы не понимаете, что самое погибельное для девушки в вашем... неустроенном положении—это запутаться в чувствах к человеку в моем неустроенном положении? А?

Шарлотта. Нет, нет, нет, я...

Шеннон (*перебивая ее*). А двое неустроенных таких дел натворят—весь мир охватит пожаром, да как рванет... и тогда уж дела не поправишь. И в отношениях между двумя людьми, так же как и...

Шарлотта. Я знаю только одно, Ларри: после того что было между нами в Мехико, вы должны на мне жениться.

Шеннон. Человек в моем положении не может жениться. Ничего хорошего из этого не получится, да и не положено мне, нельзя! Хорошо еще, если хоть на службе-то удержишься. (*То и дело сбрасывает ее руки со своих плеч.*) Вы что, не видите, дорогая, у меня и без вас голова идет кругом!

Шарлотта. Я не верю, что вы меня не любите.

Шеннон. Дорогая, да кто же способен поверить, что его не любит тот, кого он сам любит... как ему кажется! Но это верно, дорогая: я никого не люблю. Таким уж я создан, и я тут ни при чем. В тот вечер я доставил всех вас в отель, пожелал вам в холле спокойной ночи и только поцеловал в щечку, как маленькую девочку,—вы и вправду маленькая. А вы, едва я открыл дверь, ворвались ко мне в номер, и никакими силами нельзя было вас выжить. А ведь я пытался—о боже!—даже припугнуть вас, только бы вы ушли. Не помните?!

Вдали слышен голос мисс Феллоуз, зовущей Шарлотту.

Шарлотта. Да, помню. Как, натешившись мной, вы меня ударили, Ларри... по лицу. Закрутили мне руку, чтоб я стала на колени и вместе с вами помолилась о прощении.

Шеннон. Я всегда так делаю, когда истерзан и опустошен. Не могу же я подписать чек, если в банке моей души ничего нет на счету.

Шарлотта. Ларри, позвольте мне помочь вам.

Голос мисс Феллоуз (*приближаясь*). Шарлотта! Шарлотта! Шарли!

Шарлотта. Помогите мне, а я помогу вам.

Шеннон. Беспомощный беспомощному—не помощник.

Шарлотта. Впустите меня! Джуди идет!

Шеннон. Отвяжитесь же! И—пошли вы!.. *(С силой отталкивает ее и скрывается у себя в комнате, хлопнув дверью и закрыв на задвижку. Прихваченный дверью кончик сетки бьется на ветру.)*

Едва на веранде показывается мисс Феллоуз, Шарлотта скрывается в соседней комнате. Ханна, наблюдавшая всю эту сцену, идет к середине веранды, где встречается с мисс Феллоуз.

Мисс Феллоуз. Шеннон! Шеннон! Где вы?

Ханна. Мистер Шеннон, кажется, пошел на пляж.

Мисс Феллоуз. И Шарлотта Гуделл с ним? Молоденькая такая блондинка из нашей группы?

Ханна. Нет, с ним никого не было, он пошел один.

Мисс Феллоуз. Я слышала, хлопнула дверь.

Ханна. Это моя.

Мисс Феллоуз *(указывая на дверь с прихваченным кончиком москитной сетки)*. Это ваша комната?

Ханна. Да, моя. Я вышла полюбоваться закатом.

Мисс Феллоуз *(слышит плач Шарлотты в комнате Ханны. Распахивает дверь)*. Шарлотта! Выходи, Шарли! *(Хватает Шарлотту за руку.)* Чего стоит твое слово? Ничего?! Ты же обещала мне держаться от него подальше.

Горько плача, Шарлотта отбивается от мисс Феллоуз, но та опять хватается за руку, на этот раз крепче, и тащит ее из комнаты.

Я говорила по междугородному телефону с твоим отцом насчет этого человека, и он добивается постановления об его аресте,— пусть только посмеет сунуться в Штаты.

Шарлотта. Мне все равно!

Мисс Феллоуз. А мне—нет! Я отвечаю за тебя.

Шарлотта. Я не хочу обратно в Техас!

Мисс Феллоуз. Нет, хочешь! И вернешься. *(Крепко ухватив за руку, уводит ее с веранды.)*

Ханна выходит из комнаты, куда вошла после того, как мисс Феллоуз выволокла оттуда Шарлотту.

Шеннон *(из своей комнаты)*. О боже!..

Ханна *(подходит к его двери, стучит)*. Мистер Шеннон, путь свободен!

Шеннон не отвечает и не появляется.

(Кладет папку, берет дедушкин белый полотняный костюм, который успела выгладить и повесить на веранде, подходит к комнате деда и кричит.) Дедушка! Пора обедать! Через несколько минут ты сможешь увидеть очень красивый закат, предвещающий бурю.

Голос дедушки. Грядет-у!

Ханна. И рождество грядет, да лишь один раз в год.

Голос дедушки. Уж скорес — День независимости.

Ханна. День независимости уже прошел. Теперь грядет День всех святых, а за ним — День благодарения. Но ты, я надеюсь, грядешь раньше. *(Приподымая москитную сетку в его двери.)* Вот твой костюм. Я выгладила. *(Входит к нему.)*

Дедушка. Здесь ужасно темно, Ханна.

Ханна. Сейчас включу свет.

Шеннон выходит из своей комнаты: у него вид человека, потерпевшего крах. В руках предметы облачения священнослужителя. Черный шелковый священнический нагрудник свободно висит на его тяжело дышащей потной груди. Поверх он вешает массивный золотой крест с аметистом и пытается застегнуть круглый выкрахмаленный воротничок. Из комнаты деда, заканчивая свой «артистический» туалет, выходит Ханна, повязывая на ходу шелковый бант. Занятые каждый своим делом, они напоминают двух бродячих актеров, серьезно готовящихся к предстоящему им сейчас выступлению на площади, которое может стать для них последним.

(Взглянув на Шеннона.) Собираетесь отправлять церковную службу, мистер Шеннон?

Шеннон. Черт бы побрал! *(Указывая на воротничок.)* Помогите, пожалуйста.

Ханна *(подойдя к нему)*. А если не собираетесь, зачем вам это тяжелое обмундирование?

Шеннон. На меня возводят обвинение, будто я лишенный сана самозванец — вот зачем. Пусть эти леди знают — я еще ношу рясу и облечен саном...

Ханна. А разве этого прекрасного золотого креста недостаточно, чтобы убедить ваших леди?

Шеннон. Нет. Они знают, что я его выкупил из заклада в Мехико, и подозревают, что он вообще оттуда.

Ханна. Постойте минутку спокойно. *(Пытается застегнуть сзади воротничок.)* Готово. Петелька пообтрепалась, боюсь, не удержит запонку. *(Опасения оправдались — запонка падает на пол.)*

Шеннон. Куда она делась?

Ханна. Вот она. *(Поднимает запонку.)*

Шеннон срывает воротничок, комкает и бросает с вранды. Задыхаясь валится в гамак.

(Спокойно вынимает блокнот и начинает его рисовать. Сначала он не замечает.) Вы давно не служите в церкви, мистер Шеннон?

Шеннон. А какое это имеет отношение к цене риса в Китае?

Ханна *(мягко)*. Никакого.

Шеннон. А к цене кофе в Бразилии?

Ханна. Снимаю свой вопрос. И прошу прощения.

Шеннон. Если ответить по-человечески, так я и

прослужил-то всего год после посвящения в сан.

Ханна (*подвигаясь ближе, чтобы лучше видеть его, и быстро рисуя*). И в тот же год получили отпуск, полагающийся после семи лет службы?

Шеннон. Да... отпуск у меня получился порядочный.

Слышится голос дедушки, повторяющего одну и ту же стихотворную строку.

Что это—дедушка сам с собою разговаривает?

Ханна. Нет, он сочиняет. Ему приходится полагаться на память, он плохо видит, писать и читать ему уже трудно.

Шеннон. Кажется, застрял на одной строке.

Ханна. Да. Боюсь, теперь и память ему изменяет. А это для него самое страшное. (*Говорит почти равнодушно, словно все это не имеет для нее значения.*)

Шеннон. Вы меня рисуете?

Ханна. Пытаюсь. Вы трудная модель. Когда мексиканский художник Сикейрос писал портрет американского поэта Харта Крейна, ему пришлось написать его с закрытыми глазами,—в них было столько муки, что художнику было больно писать их открытыми.

Шеннон. Простите, но я не буду ради вас закрывать глаза. Я сам себя гипнотизирую... во всяком случае, пытаюсь загипнотизировать, всматриваясь в блики на листе апельсиновых деревьев.

Ханна. Ничего. Ваши глаза можно рисовать и открытыми.

Шеннон. В течение года у меня был свой приход, а потом... Сана меня не лишили, но в церковь и на порог не пускали.

Ханна. О! Почему же?

Шеннон. За соvrащение и ересь... в одну и ту же неделю.

Ханна (*быстро рисуя*). И при каких обстоятельствах... случилось первое из грехопадений?

Шеннон. Да, соvrащение предшествовало ереси... на несколько дней. Молоденькая учительница воскресной школы напросилась принять ее неофициально. Она была довольно хорошенькая, а жилось ей невесело. Единственная дочь, но родители—и отец и мать—по характеру напоминали старых дев, отец только что не ходил в юбке. (*Расхаживает по веранде, приходя все в большее возбуждение, все злее издеваясь над своими грехами.*) И вот она делает безумное признание.

Ханна. В любви?

Шеннон. Не издевайтесь, дорогая.

Ханна. Что вы! И не думала.

Шеннон. Естественное или, наоборот, противостественное влечение помешанной... к помешанному — вот что это было. А я в то время был самым жалким ханжой. Я и говорю: «Преклоним, дочь моя, колена и помолимся вместе». Так и сделали: опустились на колени... да вдруг упали на ковер и... Когда мы встали, я ее ударил. Да, по лицу. И обозвал потаскушкой. Она убежала. А на следующий день новость: порезала себя отцовской бритвой. «Старая дева» — папочка сохранял еще обыкновение бриться.

Ханна. И насмерть?!

Шеннон. Да нет, чуть-чуть поцарапалась — кровь еле показалась. А все-таки скандал.

Ханна. Да, могу себе представить, что это... вызвало пересуды.

Шеннон. Вот именно, вот именно. *(На минуту отстраняется, воспоминания устрашают его.)* И вот в воскресенье всхожу я на кафедру и, как увидел эти самодовольные, тупые осуждающие рожи, захотелось вдруг разбудить, ошарашить этих тупиц... и я их ошарашил. У меня была наготове проповедь, смиренная, покаянная. Я ее бросил, засунул куда-то в алтарь. «Так знайте же, — сказал, нет, вскричал я, — мне уже осточертело произносить проповеди во славу какого-то дряхлого мошенника». Так и сказал, так и прокричал. «Вся ваша теология, все заповеди, все мифы основаны на представлении о боге как о старом мошеннике. И по совести, я не хочу и не могу продолжать отправлять службы во славу этого... этого...»

Ханна *(спокойно)* ...старого мошенника?

Шеннон. Да, злого, скорого на гнев старика. Ведь его же всегда расписывают этаким впавшим в детство, слабым, сварливым старикашкой, вроде тех, что живут в богадельне и потеют над головоломками, а если не получается, со злости опрокидывают столик. Да, да, говорю вам, теология именно... это и утверждает, обвиняя бога в том, что он жестокий старый злодей да еще осуждает весь мир и безжалостно карает тех, кого сам же создал, карает их за собственные ошибки, допущенные при их сотворении. Ну и тут, конечно... ха-ха, ха... разразилась настоящая буря...

Ханна. Уже вне церкви?

Шеннон. Да, мои прихожане так разбушевались, что забыли про меня. Вскочили со скамей и ринулись к своим черным, как тараканы, автомобильчикам... ха-ха-ха... а я, черт возьми, вопил им вслед... Гнал за ними бегом и все кричал... *(Остановился перевести дух.)*

Ханна. И все выкатились?

Шеннон. А я ору им вслед: «Бегите домой, закройте

все окна и двери, чтобы не слышать истинной правды о своем боге!»

Ханна. Им, беднягам, конечно, ничего другого и не оставалось.

Шеннон. Дорогая мисс Джелке, Плезант-Вэлли в Виргинии—это фешенебельное предместье большого города, и все эти бедняги были весьма состоятельны.

Ханна (*слегка улыбаясь*). И какова же была... м-м... развязка?

Шеннон. Развязка? Ну что ж, сана меня не лишили. Просто больше не допускали в церковь в Плезант-Вэлли и, кстати, запрятали меня в сумасшедший дом... с диагнозом: тяжелое нервное расстройство. Это их больше устраивало. Вот я и пошел по этой дорожке... вожу экскурсии по божьему свету. И заметьте, гид—духовное лицо с крестом и крахмальным воротничком, подтверждающими его сан. Вещественные доказательства!

Ханна. Чего, мистер Шеннон?

Шеннон (*с некоторой робостью*). Того, что лично я представляю себе бога не как старого мошенника, а как... (*Умолкает.*)

Ханна. Вы не договариваетесь...

Шеннон. Нынче ночью разыграется буря, страшный электрический ураган. И тогда вы поймете, как представляет себе преподобный Лоренс Шеннон бога всемогущего, который время от времени посещает сотворенный им мир... Я хочу вернуться в церковь и проповедовать, что бог—это... гром и молния... и... и... (*Протягивает руку в сторону океана.*) Вот он! Вот это он! (*Показывает на величественный, почти апокалиптический золотой закат.*) Вот в этом его величие, дарующее забвение! И я стою пред ним на ветхой веранде этой убогой гостиницы, да еще не в сезон, предстаю пред ним в этой нищей развращенной стране, захваченной жадными до золота конкистадорами, которые вместе с распятием принесли с собой еще и стяги инквизиции. Да, и...

Пауза.

Ханна. Мистер Шеннон!

Шеннон. Да?

Ханна (*слегка улыбаясь*). У меня такое чувство, что вы со всеми вашими прозрениями еще вернетесь в лоно церкви. И если тогда выдастся еще одно недоброе воскресное утро, окинете взглядом своих прихожан, их тупые, самодовольные физиономии и отыщете среди них несколько старых, совсем старых лиц, в глазах которых вы прочтете страстную мольбу о помощи, о вере и надежде... И тогда, мне кажется, вы не станете кричать,

как в Плезант-Вэлли. Вы отложите припасенную вами жестокую проповедь, спрячете ее где-нибудь в алтаре и заговорите, о... нет, может быть, совсем не станете проповедовать, а только...

Шеннон. Что?

Ханна. Просто подбодрите их, потому что вы, мистер Шеннон, знаете, как порой необходимо людям слово утешения.

Шеннон *(после минутной паузы)*. Дайте взглянуть. *(Забирает у нее рисунок, который явно производит на него большое впечатление.)*

Ханна смущена. Пауза.

Ханна. Где, вы сказали, разместила хозяйка вашу грушу?

Шеннон. Она вслепа мексиканцам отнести их багаж во флигель.

Ханна. А где этот флигель?

Шеннон. Да здесь же, под горой. Но все мои леди, кроме молоденькой Меден и другой Меден, постарше, отправились на лодке со стеклянным дном обзирать чудеса подводного мира.

Ханна. Ну что ж, когда вернутся, они смогут обзирать и мои акварели с помеченными на них ценами.

Шеннон. Да, вы энергичное создание, честное слово! Фантастически хитрая пролаза.

Ханна. Да, вроде вас, мистер Шеннон. *(Мягко отбирает у него блокнот.)* Мистер Шеннон, если дедушка выйдет до моего возвращения из своей каморки под номером четыре, будьте добры, присмотрите за ним. Я постараюсь не задерживаться. *(Хватает панку и быстро уходит.)*

Шеннон. Фантастика! Абсолютная фантастика!

Порыв ветра в пальмовых зарослях, и последние блики заходящего солнца рассыпаются по веранде золотыми монетами. Снизу слышатся крики. Появляются мексиканцы, еле удерживая в руках только что пойманную и завернутую в рубашку игуану. Она бьется изо всех сил, стараясь вырваться. Мексиканцы останавливаются перед кактусами, возле веранды, припавшая игуана к стойке. Шум привлекает внимание Мэксин, она выходит на веранду.

Педро. Tenemos fiesta².

Панчо. Comeremos bien³.

Педро. Dámela, dámela. Yo la ataré⁴.

¹ Большая тропическая ящерица.

² Сегодня у нас будет пир *(исп.)*.

³ Поедим как следует *(исп.)*.

⁴ Давай ее сюда Я ее привяжу *(исп.)*.

Панчо. Yo la cogí—yo la ataré!¹

Педро. Lo que vas a hacer es dejarla escapar!²

Мэксин. Amarrarla fuerte! Ole, ole! No la dejes escapar Déjala moverse!³ (Шеннону.) Они поймали игуану.

Шеннон. Я и сам вижу, Мэксин.

Мэксин подносит ром-коко к самому лицу Шеннона. Привлеченные шумом и криками мексиканцев, на веранде появляются немцы.

Фрау Фаренкопф (подбегает к Мэксин). В чем дело? Что случилось? Змея? Поймали змею?

Мэксин. Нет. Ящерицу.

Фрау Фаренкопф (наигрывая отвращение). У-у-у-у... ящерица! (Изображает такой ужас, словно перед ней сам Джек-потрошитель.)

Шеннон (Мэксин). Любите игуанье мясо?

Фрау Фаренкопф. Вы будете ее есть? Есть? Эту большую ящерицу?

Мэксин. А они очень вкусные. Напоминают куриное белое мясо.

Фрау Фаренкопф бежит к своим, все они возбужденно обсуждают по-немецки историю с игуаной.

Шеннон. Если вы имсете в виду мексиканских кур, то это не слишком аппетитно. Мексиканские куры питаются падалью, от них и пахнет падалью.

Мэксин. Нет, я имею в виду техасских курочек.

Шеннон (мечтательно). Техасских... (Беспокойно ходит взад и вперед по веранде.)

Внимание Мэксин раздвигается: то она не может оторвать глаз от Шеннона, его высокой, стройной фигуры, ни на минуту не остающейся в покое, то вдруг ее привлекают извивающиеся в борьбе с игуаной тела мексиканцев, лежащих на животе под верандой. Она в раздумье, словно старается разобраться, кто из них сильнее влечет ее простое и чувственное естество.

(Оборачивается и видит ее глаза, устремленные на него.) Эта игуана—самец или самка?

Мэксин. Ха! А кому интересно, какого она пола?..

Шеннон проходит мимо, почти касаясь ее.

Разве что другой игуане?

Шеннон. А вы никогда не слышали стншка про игуану? (Отбирает у нее ром-коко и, кажется, вот-вот выпьет, но лишь с гримасой понюхал.)

Мэксин посмеивается.

¹ Я поймал, я и привяжу! (исп.)

² Да ты ее упустишь! (исп.)

³ Привязывайте крепче! Скорей, скорей! Смотри не упусти. И чтобы двигаться могла! (исп.)

Жил гаучо юный по имени Бруно.
Слово «любовь» понимал он вот так:
«Женщины — прелесть, овечки — smak,
Но игуана — numero uno¹».

На последних словах выплескивает ром-коко прямо на спину Педро,
который с криком вскакивает с земли.

Педро. Hijo de la...²
Шеннон. Qué? Qué?³
Мэксин. Vete!⁴

Шеннон хохочет. Игуана удирает, мексиканцы с криками бегут за ней.
Она уже почти скрылась в зарослях, но один из них настигает ее и
ловит.

Панчо. La iguana se escapó⁵.
Мэксин. Cógela, cógela! La cogiste? Si no la coges, te
morderá el culo. La cogiste?⁶
Панчо. La cogí!⁷

Мексиканцы с игуаной снова скрываются под верандой.

Мэксин (*оборачиваясь, Шеннону*). Мне показалось,
ваше преподобие, или вы и вправду чуть не свернули с
пути истинного и готовы выпить?

Шеннон. Один запах спиртного уже вызывает у меня
тошноту.

Мэксин. А примете внутрь, не почувствуете запаха.
(*Прикасается к его вспотевавшему лбу.*)

Шеннон смахивает ее руку, как докучливого комара.

Ха! (*Направляется к столику с напитками.*)

Шеннон (*смотрит на нее с недоброй усмешкой*).
Дорогая моя Мэксин, того, кто сказал, что вам идут
штаны, плотно облегающие зад, нельзя назвать вашим
искренним другом... (*Отворачивается от нее.*)

В комнате дедушки шум падающего тела и хриплый, испуганный крик.

Мэксин. Я знала, знала, что так будет! Старик
грохнулся.

Шеннон бежит в комнату дедушки, за ним Мэксин.

Пока ловили сбежавшую игуану, постепенно стемнело.
Здесь, по сути, конец картины. Однако переход к следующей не надо
обозначать ни затемнением, ни занавесом. В полутьме появляется герр

¹ Первый класс (*исп.*).

² Сукин... (*исп.*)

³ Что? Что? (*исп.*)

⁴ Перестаньте! (*исп.*)

⁵ Игуана убежала (*исп.*).

⁶ Ловите, ловите ее! Поймал? Если не поймаешь, она тебя цапает...
Поймал? (*исп.*)

⁷ Поймал! (*исп.*)

Фаренкофф, включает свет на веранде. Матовый свет большого шара, висящего посреди веранды, придает эпизодам, которые разыгрываются в этой части сцены, нечто нереальное. О большой жемчужно-матовый шар бьются ночные бабочки, гигантские мотыльки с тонкими, как паутинки, крылышками. И свет от прилипших к шару крылышек стал опаловым и чуть сказочным.

Шеннон выводит старого поэта на веранду. Вид у старика безупречен — белоснежный костюм, черный шнурок галстука. Когда он проходит под матовым шаром, его львиная грива отликает серебром.

Дедушка. Кости целы. Я ведь резиновый.

Шеннон. Путешественнику случается и падать во время его странствий.

Дедушка. Ханна! (Его зрение и слух так ослабели, что он принимает Шеннона за Ханну.) Я совершенно уверен, что здесь закончу поэму.

Шеннон (очень громко и ласково). И у меня такое же чувство, дедушка.

Мэксси выходит вслед за ними из комнаты деда.

Дедушка. Никогда еще ни в чем не был так уверен.

Шеннон (ласково, с легкой усмешкой). И я тоже.

Фаренкофф (все это время, прижав к уху радиоприемничек, с восторгом слушает какую-то тихую передачу. Выключает приемник и, очень возбужденный, обращается ко всем). От центра Лондона до берега Ла-Манша — все в огне! Геринг, сам фельдмаршал Геринг, называет это «новой фазой нашей победы»! Бомбы! Зажигательные бомбы! Супербомбы! Каждую ночь!

Дедушка (до него доходит только повышенный тон этой тирады, которую он воспринимает как просьбу прочесть стихи. Стучит по полу своей тростью, откидывает голову и начинает читать стихи в приподнятом декламационном стиле)

Буйной и быстрой быть юности надо,
Ночь напролет танцевать до упаду,
И, ослепленный...

(Запинается, на лице испуг и смущение.)

Все это очень веселит немцев.

Вольфганг (подходит к деду и кричит ему прямо в ухо). Сэр! Ваш возраст? Сколько вам лет?

Ханна (появляется на веранде. Подбегает к дедушке и отвечает за него). Девяносто семь.

Фаренкофф. Сколько?

Ханна. Девяносто семь. Без малого сто лет.

Фаренкофф по-немецки повторяет это сообщение своей сияющей жене и дочери.

Дедушка (*перебивая их*)

...ликующий взгляд
Не устремлять ни вперед, ни назад;
Сдабривать шутки...

(*Снова запнулся.*)

Ханна (*подсказывая, крепко держит деда под руку*)

...вином искрометным,

(*Вместе с дедушкой*)

Не сожалел о дне мимолетном,
Не замечая, как близок закат.
Юный всегда слепоте своей рад.

Немцы шумно развеселились. Вольфганг аплодирует поэту прямо в лицо. Дедушка хотел раскланяться, но он слаб и, наклонясь вперед, не очень уверенно опирается на трость. Шеннон крепко берет его под руку.

Ханна (*показывает Вольфгангу рисунки*). Если я правильно поняла, вы проводите здесь свой медовый месяц?

Он не отвечает ей; фрау Фаренкопф хохочет и как заведенная кивает головой.

(*Повторяет по-немецки.*) Habe ich recht, daß Sie auf Ihrer Hochzeitsreise sind? Was für eine hübsche junge Braut! Ich mache Pastell-Skizzen... darf ich, würden Sie mir erlauben?.. Würden Sie, bitte... bitte...¹

Фаренкопф запекает нацистскую песню и ведет свою семейку к столику с ведерком шампанского. Шеннон усаживает дедушку за другой столик.

Дедушка (*очень веселый*). Ханна! Какой у нас сегодня улов?

Ханна (*смущенно*). Дедушка, сядь и не кричи, пожалуйста.

Дедушка. А? Что они положили тебе в ручку, Ханна, серебро или бумажки?

Ханна (*почти в отчаянии*). Дедушка, не кричи! Садись за стол. Нора ужинать.

Шеннон. Подкрепиться пора, дедушка!

Дедушка (*несколько озадаченно, не понимает*). Но сколько все-таки тебе выдали?

Ханна. Дедушка, прошу тебя!

Дедушка. Но они купили... удалось продать акварель?

Ханна. Ничего я им не продавала, дедушка.

Мэксин. Ха!

¹ У вас медовый месяц? Как прелестна новобрачная! Я рисую настелью... не могла бы я?.. Вы мне позволите?.. Прошу вас... (*нем.*)

Ханна (*оборачивается к Шеннону. Ее обычное спокойствие изменяет ей*). Не садится и не унимается.

Дедушка (*подмигивая и улыбаясь, с видом опытной кокетки*). Ха! Здорово мы их выпотрошили, Ханна?

Шеннон. Сядьте, мисс Джелкс. (*Он говорит мягко, но настойчиво.*)

Она сразу повинуется.

(*Берет руку дедушки и вкладывает в нее смятый мексиканский банкнот. Громко.*) Сэр! Сэр! Тут пять... долларов. Я кладу их вам в карман.

Ханна. Мы не принимаем милостыни, мистер Шеннон...

Шеннон. Да что вы, я дал ему пять песо.

Дедушка. Неплохо за одно стихотворение!

Шеннон. Сэр! Сэр! Достоинства ваших стихов несоизмеримы с жалким денежным вознаграждением.

Как-то по особому, чуть шутливо нежен со стариком—все старое, умирающее так трогает нас, так ранит наши чувства, что рождается потребность в нежности, которую уже ничто не может сдерживать. Это относится не только к Шеннону, но и к Ханне. И в отношении друг к другу они тоже перешли границы обычной сдержанности.

Дедушка. А? Да... (*Он вконец измучен, но у него еще хватает сил кричать.*) Мы тут можем сорвать большой куш, а?

Шеннон. Можете быть совершенно уверены!

Мэксин. Ха!

Шеннон метнул на нее свирепый взгляд. Мэксин с любезной улыбкой отходит к немцам.

Дедушка (*задыхаясь и слегка пошатываясь, виснет на руке Шеннона, думая, что это Ханна*). А что... в ресторане... очень много народу? (*Оглядывается, ничего не видя.*)

Шеннон. Да, яблоку упасть негде. И еще за дверью стоит толпа.

Но старик не слышит.

Дедушка. Ханна, если здесь есть бар, где пьют коктейли, нам надо бы сначала там поработать. Куй железо, пока горячо... хо-хо... пока горячо...

Это уже смахивает на бред. И только такая сильная женщина, как Ханна, может сохранять выдержку.

Ханна. Он принимает вас за меня, мистер Шеннон. Помогите ему сесть и, пожалуйста, побудьте с ним минутку...

Отходит от стола и делает несколько глубоких вдохов и выдохов, словно ее только что вытащили из воды. Шеннон усаживает старика в кресло, и

тут дедушку сразу покидает лихорадочная живость, он откидывается на спинку и дремлет.

Шеннон (*приближаясь к Ханне*). Что это вы так глубоко дышите?

Ханна. Одним в такую минуту нужно выпить, другие глотают пилюли. А я делаю несколько глубоких вдохов.

Шеннон. Вы принимаете все слишком близко к сердцу. А ведь это естественно в его возрасте.

Ханна. Да, да, знаю. Но за эти два-три месяца у него уже не раз бывали подобные «небольшие мозговые явления», как вы их называете. А совсем еще недавно он был таким молодцом. Приходилось показывать паспорт, чтобы подтвердить, что он действительно старейший из ныне живущих поэтов. Мы кое-что зарабатывали и сводили концы с концами. Увидев, как он слабеет, я стала уговаривать его вернуться в Нантакет. Но маршрут всегда определял он, и тут он уперся, и ни в какую: «Нет, в Мексику!»... И вот мы здесь, на этой ветреной вершине, словно два пугала для птиц. Автобус, на котором мы ехали из Мехико, сломался на высоте пятнадцати тысяч футов над уровнем моря. Тут у него как раз и случилось это расстройство... Меня не так убивает потеря слуха и зрения, как эта... затуманенность сознания,— она меня просто убивает. Ведь до самого последнего времени у него была удивительно ясная голова. А вчера? Я истратила почти все, что у нас оставалось, на это кресло на колесах, чтобы привезти его сюда. Он настаивал, чтобы мы двигались дальше, пока не дойдем до моря... до «колыбели жизни», как он его называет... (*Замечает, что тело дедушки безжизненно обмякло. Делает глубокий вдох и спокойно подходит к нему.*)

Шеннон (*мексиканцам*). Servicio! Aquí!¹

Властный тон оказывает свое действие — мексиканцы уже подают рыбу.

Ханна. Какой вы добрый человек, мистер Шеннон. Не знаю, как вас благодарить. Сейчас разбудю его. Дедушка! (*Тихонько хлопает в ладоши у самого уха деда.*)

Старик просыпается и смущенно посмеивается.

Дедушка, смотри, полотняные салфетки. (*Вынимает из кармана салфетку. Шеннону.*) Я всегда ее ношу с собой на случай, если подадут бумажные.

Дедушка. Здесь просто изумительно... Ханна, надеюсь, что здесь можно заказывать «а-ля карт». Я бы заказал что-нибудь очень легкое, чтобы не клонило ко

¹ Подавайте! Быстрей! (*исп.*)

сну. Я хочу еще поработать после ужина... Собираюсь закончить здесь свою поэму.

Ханна. Дедушка! Мы обрели друга. Познакомься, дедушка,—его преподобие мистер Шеннон.

Дедушка (*стараясь окончательно стряхнуть дремоту*). Его преподобие?

Ханна (*громко*). Мистер Шеннон—епископальный священник, дедушка.

Дедушка. Служитель бога?

Ханна. Служитель бога, в отпуске.

Дедушка. Ханна, скажи ему, что я уже слишком стар для крестин, но еще слишком молод, чтобы меня отпевать. Вот если бы подвернулась богатая вдовушка,—на это я еще горазд, и тут мне больше сорока не дашь,—тогда без священника не обойдешься...

Он в восторге от своих шуточек. Отчетливо представляется, как он перекидывается этими безобидными остротами с бездельниками, возлежащими в шезлонгах всех отелей, где он бывал еще на рубеже двух столетий, или с профессорскими женами в маленьких колледжах Новой Англии. Сейчас все это выглядит немного смешно и трогательно—и его желание понравиться, и его игривость, и эти шуточки. Но Шеннон поддерживает этот тон, старик отвлекает его от мыслей о себе.

«Скерцо» этой сцены идет под аккомпанемент ветра, дующего с моря все сильнее и сильнее и волнующего листья тропических растений на горе. В небе все чаще сверкает молния.

А ведь если верить дамам, лишь немногим из них переваливает за сорок. Хо-хо-хо... Ханна, попроси его... благословить нашу трапезу. Мексиканская пицца, безусловно, нуждается в благословении.

Шеннон. Не прочтете ли молитву вы, сэр? Я присоединюсь. (*У него развязался шнурок на башмике.*)

Дедушка. Скажи, что я окажу ему эту услугу лишь при одном условии.

Шеннон. При каком, сэр?

Дедушка. Когда я после ужина удалюсь к себе, вы составите компанию моей дочери. Я ложусь спать с курами, а встаю с петухами, хо-хо-хо! Значит, вы—священнослужитель? Женаты или холосты?

Шеннон. Холост, сэр. Ни одна нормальная цивилизованная женщина не пошла бы за меня, мистер Коффин.

Дедушка. Что он говорит, Ханна?

Ханна (*в смущении*). Дедушка, прочти молитву.

Дедушка (*не слыша ее слов*). Я называю ее дочерью, а на самом деле она дочь моей дочери. Мы заботимся друг о друге с тех пор, как она сразу потеряла и отца и мать—это была первая автомобильная катастрофа на острове Нантакет.

Ханна. Читай молитву, дедушка.

Дедушка. Она у меня не модная вертушка: не

гонится за модой и не вертится. Ханна так воспитана, что была бы замечательной женой и матерью, но... я старый эгоист и не отпускаю ее от себя.

Ханна (*кричит ему прямо в ухо*). Дедушка, дедушка, молитву!

Дедушка (*с усилием подымаясь*). Да, молитву... «Благослови, господи, трапезу нашу и нас самих, во славу твою! Аминь!» (*Падает в кресло.*)

Шеннон. Аминь.

Сознание дедушки затуманивается, голова клонится вниз, он что-то шепчет про себя.

А стихи у него стоящие?

Ханна. Дедушка пользовался довольно широкой известностью перед первой мировой войной и еще некоторое время после войны, хотя первоклассным поэтом его не считали.

Шеннон. Широкой известностью в узком кругу — так, что ли?

Ханна. Пусть так, зато вдохновение его никогда не было «узким». Я горжусь, что я его внучка. (*Вынимает из кармана пачку сигарет, но только заглянула в нее и снова прячет в карман.*)

Дедушка (*бессвязно*). Ханна, сегодня... слишком жаркое утро для... для такой горячей каши. (*Уныло посмеиваясь, качает головой.*)

Ханна (*с быстрой, испуганной улыбкой, смущенно*). Видите, еще не пришел в себя, — ему кажется, что сейчас утро.

Шеннон. Фантастика, фантасстика!

Ханна. Кажется, «фантастика» — ваше любимое слово, мистер Шеннон?

Шеннон (*мрачно поглядывая вниз с веранды*). Да, верно. Вы же понимаете, мисс Джелкс, живешь двойной жизнью — реальной и выдуманной, фантастической. Кто знает, какая из них настоящая?

Ханна. По-моему, обе, мистер Шеннон.

Шеннон. Но если живешь своими фантазиями, как было со мной в последнее время, а дело делать надо в реальности, плохо приходится — преследуют призраки. (*Это сказано как что-то уже глубоко личное.*) Мне казалось, здесь я одолею их, но положение изменилось. Я не знал, что хозяйка овдовела, превратилась в веселую вдовушку... (*Посмеивается почти как дедушка.*)

Мэксин (*весело напевая что-то про себя, подкатывает маленький столик с ведерком льда, кокосами и целым набором бутылок*). Кому коктейль?

Ханна. Спасибо, миссис Фолк, нам не надо.

Шеннон. Дорогая Мэксин, никто не пьет коктейли между рыбой и жарким.

Мэксин. А дедушке неплохо бы выпить, чтобы проснуться. Старикам вино полезно, оно их подбадривает. *(Кричит в ухо деду.)* Дедушка, пуншу? *(Почти касается Шеннона бедром.)*

Шеннон. Мэксин, у вас зад,—извините, мисс Джелкс,—у вас, Мэксин, ляжки слишком объемисты для этой веранды.

Мэксин. Ха! А мексиканцам нравятся, если судить по тому, как они меня циплют в автобусах. Да и немцам тоже. Каждый раз, когда я прохожу около господина Фаренкопфа, он ухитряется меня ущипнуть.

Шеннон. Ну что ж, пройдите еще разок, может, ущипнет.

Мэксин. Ха! Смешаю дедушке коктейль, чтобы он дотянул до конца обеда.

Шеннон. Идите, идите к своим нацистам. Я сам смешаю. *(Подходит к столику с напитками.)*

Мэксин *(Ханне)*. А вам, дорогая? Содовой с лимонным соком?

Ханна. Спасибо, ничего не хочется.

Шеннон. Мэксин, не заставляйте нервных людей еще больше нервничать.

Мэксин. Дайте лучше я смешаю пунш для дедушки. А то вы черт знает что делаете, Шеннон.

Яростным толчком Шеннон запускает винный столик, словно таран, прямо в живот Мэксин. Бутылки летят на пол. Мэксин с такой же силой запускает столик в Шеннона.

Ханна. Миссис Фолк, мистер Шеннон! Что за ребячество! Ради бога, перестаньте!

Привлеченные шумом, подбегают немцы и заливаются радостным смехом. Шеннон и Мэксин, ухватившись за столик с разных сторон, толкают его друг на друга, свирепо оскалившись, как два гладиатора в смертельной схватке. Немцы заливаются смехом и болтают по-немецки.

Мистер Шеннон, перестаньте! *(Немцам.)* Bitte! Nehmen Sie die Spirituosen weg! Bitte, nehmen Sie sie weg!¹

Шеннон вырвал столик из рук Мэксин и с силой двинул его в сторону немцев. Те визжат от восторга. Столик с грохотом стукнулся о стену веранды. Шеннон спрыгнул со ступенек, скрывается за листвой. В зарослях кричат иттицы. Наконец немцы возвращаются к своему столику, и внезапно наступает тишина.

Мэксин. Совсем с ума сошел, скотина ирландская!.. Сук... су... сумасшедший!

Ханна. Миссис Фолк, он ведь пытается бросить пить.

¹ Уберите, пожалуйста, бутылки! Уберите все отсюда! *(нем.)*

Мэксин. А вы не вмешивайтесь! Все время вмешиваетесь не в свое дело!

Ханна. Мистер Шеннон... в опасном состоянии.

Мэксин. Я знаю, дорогая, как с ним обращаться. А вы только сегодня с ним встретились. Вот коктейль для дедушки.

Ханна. Пожалуйста, не называйте его дедушкой.

Мэксин. Шеннон же называет.

Ханна (*беря у нее бокал*). Но у него это не звучит так высоко, как у вас. Мой дедушка — джентльмен в самом прямом значении этого слова. Настоящий джентльмен.

Мэксин. А вы кто?

Ханна. Его внучка.

Мэксин. И все?

Ханна. По-моему, вполне достаточно.

Мэксин. Да вы уж дошли до точки! Используете больного старика, чтобы пролезать в гостиницы, не заплатив даже за день вперед. Да-да, таскаете его за собой, как мексиканские нищенки таскают больных детей, чтобы разжалобить туристов.

Ханна. Я вам сказала, у меня нет денег.

Мэксин. Да, а я вам ответила, что недавно овдовела и попала в такой переплет, что в нору было вместе с мужем самой броситься на дно морское.

В зарослях показывается Шеннон, но ни Мэксин ни Ханна не замечают его.

Ханна (*стараясь быть спокойной*). Завтра на рассвете я пойду в город, поставлю мольберт на площади, буду продавать акварели, рисовать портреты туристов. Я не слабый человек. И такая неудача, как здесь, у меня не часто случается.

Мэксин. И я тоже не слабый человек.

Ханна. Да про вас и не скажешь. Перед вашей силой даже страх испытываешь.

Мэксин. И правильно. Но интересно, как вы доберетесь до Акапулько без денег на такси или хотя бы на билет в автобусе?

Ханна. На своих двоих, миссис Фолк. Мы, островитяне, хорошие ходоки. И если вы сомневаетесь в моих словах и действительно думаете, что я дошла до точки, могу посадить дедушку в кресло, повезти вниз по этой тропинке к шоссе и дальше по шоссе в город.

Мэксин. И будете катить десять миль, в грозу?

Ханна. Да, буду! И довезу!

В этой перепалке она превосходит Мэксин душевной силой. Обе стоят у

стола.

Дедушка во сне откидывает голову.

Мэксин. Я бы вас не пустила.

Ханна. Но вы же недвусмысленно дали понять, что не хотите оставить нас даже на эту ночь.

Мэксин. В грозу старика сдунет с коляски, как опавший лист.

Ханна. И все-таки он не захочет оставаться там, где ему не рады. И я этого не хочу. Ни для него, ни для себя, миссис Фолк. *(Мексиканцам.)* Где наше кресло на колесах? Куда вы поставили кресло моего дедушки?

Их разговор разбудил дедушку.

Дедушка (не разобравшись в ситуации, пытается встать, стучит тростью по полу и начинает декламировать)

Мир любовью называет
Давний тот мотив,
Что старик скрипач играет,
В кабаке подпив.
Обезумев и шатаясь,
Он выводит...

Ханна. Дедушка, не сейчас! Только не сейчас, дедушка!.. Ему показалось, что его попросили читать стихи. *(Усаживает его на место.)*

Ханна и Мэксин все еще не подозревают о присутствии Шеннона.

Мэксин. Успокойтесь, дорогая.

Ханна. А я совершенно спокойна, миссис Фолк.

Мэксин. Зато я не спокойна, вот беда.

Ханна. Я понимаю, миссис Фолк. Вы недавно потеряли мужа. И может быть, тоскуете о нем сильнее, чем отгадете себе в том отчет.

Мэксин. Нет. Вся беда в Шенноне.

Ханна. Вы хотите сказать, в его нервном состоянии и...

Мэксин. Да нет. В самом Шенноне. Я хочу, дорогая моя, чтобы вы отступились от него. Вы не для Шеннона, и Шеннон не для вас!

Ханна. Миссис Фолк, я старая дева, и мне уже под сорок.

Мэксин. Я-то чувствую, как вы оба трепещете. Я издали чую подобную дрожь, которая начинает бить сразу двоих. И как только вас сюда принесло, я сразу ее почувствовала в вас и Шенноне. И, верьте мне, только это повело к недоразумениям между нами. Оставьте Шеннона в покое, дорогая, и живите себе здесь с вашим дедушкой, пока не надоест.

Ханна. Миссис Фолк, похожа я на женщину-вамп?

Мэксин! Они разные бывают. Каких только вамп и здесь не насмотрелась!

Шеннон (*подходя к столику*). Мэксин, я вам уже говорил—не заставляйте нервных людей еще больше нервничать. Но вы не слушаете.

Мэксин. Вам бы в самый раз выпить.

Шеннон. Предоставьте мне самому решать за себя.

Ханна. Может, присядете к нам, мистер Шеннон, и поедите? Пожалуйста! Сразу станет легче.

Шеннон. Я не голоден.

Ханна. Тогда просто посидите с нами. Пожалуйста...

Шеннон присаживается к столу Ханши.

Мэксин (*в сторону Ханши, с угрозой*). Ну, хорошо... хорошо...

Дедушка (*слегка приподнимаясь, бормочет*). Изумительно... изумительное местечко...

Мэксин отходит и откатывает столик с винами в сторону немцев.

Шеннон. И вы бы в самом деле ушли?

Ханна. Вам не приходилось играть в покер, мистер Шеннон?

Шеннон. Хотите сказать, просто блефовали?

Ханна. До некоторой степени.

Поднимается ветер. И кажется—это глубокий вздох океана волнует листву джунглей.

Сейчас начнется гроза. Надеюсь, ваши дамы уже не катаются по морю на своей лодке со стеклянным днищем, обозревая подводные чудеса?

Шеннон. Плохо вы знаете этих леди. Но они, пожалуй, успели вернуться и уже танцуют в ресторанчике под пианолу да строят новые козни, как бы полончее выжить меня с работы.

Ханна. А чем вы займетесь, если вас...

Шеннон. Выкинут? Вернусь в церковь или... поплыву напрямиком в Китай.

Ханна вынимает смятую пачку сигарет и, обнаружив, что остались только две штуки, решает их приберечь до случая и снова прячет в карман.

Можно попросить у вас сигарету, мисс Джелкс?

Она подает пачку.

(*Комкает и выбрасывает за перила.*) Никогда не курите этих сигарет. Их делают из окурков, которые пищие собирают в мусорных ямах в Мехико. (*Вынимает коробочку английских сигарет.*) Курите! Импортные. В герметической упаковке. Единственная роскошь, которую я себе позволяю.

Ханна. Ну что ж, благодарю вас, выкурю, поскольку вы выбросили мои.

Шеннон. Я хочу вам сказать кое что о вас самой. Вы — леди, настоящая леди! И широкая натура.

Ханна. А собственно, чем я заслужила подобный комплимент?

Шеннон. Это не комплимент, просто констатация подмеченного мною факта. Подмеченного несмотря на то, что сейчас я не способен ничего замечать вокруг себя. Вы вынули свои мексиканские сигареты, увидели, что осталось только две, и, помня, что не можете себе позволить купить даже эту дешевую отраву, спрятали их на крайний случай. Верно?

Ханна. Все подмечено с беспощадной точностью, мистер Шеннон.

Шеннон. Но когда я попросил сигарету, вы сразу, не колеблясь, предложили мне всю пачку.

Ханна. А вы не делаете из мухи слона?

Шеннон. Напротив, дорогая, — превращаю слона в муху, большое свожу к малому. *(Взял сигарету в зубы, но у него нет спичек.)*

Ханна даст ему прикурить.

Где вы научились зажигать спички на ветру?

Ханна. О, мало ли каким полезным мелочам пришлось научиться. Лучше бы научиться чему-нибудь посерьезней.

Шеннон. Например?

Ханна. Например, как вам помочь, мистер Шеннон...

Шеннон. Теперь я знаю, почему меня тянуло сюда.

Ханна. Чтобы встретиться с человеком, который умеет зажигать спички на ветру?

Шеннон *(взгляд его опущен, голос слегка дрогнул)*. Чтобы встретить человека, который хочет мне помочь, мисс Джелкс. *(Смущен, быстро отворачивается, чтобы она не успела заметить слезы у него на глазах.)*

Она смотрит на него с той же нежностью, как на дедушку.

Ханна. Вы так давно не встречались ни с кем, кто хотел бы вам помочь, или же вы...

Шеннон. Что?

Ханна. ...так были заняты борьбой с самим собою, что просто не замечали, когда люди по мере сил хотели вам помочь? Я знаю, чаще всего люди дьявольски мучают один другого, но иногда им удается разглядеть и понять друг друга, и тогда, если они не безнадежно жестоки, им хочется помочь друг другу всем, чем могут... А теперь —

хотите помочь мне? Присмотрите за дедушкой, пока я уберу акварели с веранды во флигеле, а то вот-вот разразится гроза.

Он быстро кивает и закрывает лицо ладонями. Она шепчет: «Спасибо!» — и быстро уходит с веранды. На полпути, при ударе грома и шуме начинающегося дождя, Ханна оборачивается.

Шеннон (*подошел к дедушке*). Дедушка! Дедушка! Давайте-ка встанем, пока нас не застиг дождь. Дедушка! Дедушка. Что? Что?

Шеннон помогает ему встать. Бережно отводит в глубь веранды. Ханна бежит к флигелю. Мексиканцы быстро убирают посуду, складывают столики и ставят их к стене. Шеннон и дедушка стоят у стены и смотрят на грозу — так ждут расстрела, бесстрашно глядя на прицелившихся уже солдат.

Мэксин (*очень возбуждена, отдает приказания мексиканцам*). Pronto, pronto, muchachos! Pronto, pronto! Elevaros todas las cosas! Pronto, pronto! Recoge los platos. Apúrate con el mantel!¹

Педро. Nos estamos dando prisa².

Панчо. Qué el chubasco lave los platos!³

Семейка немцев воспринимает грозу как апофеоз вагнеровской оперы; вскочив на ноги, они восторженно поют, пока мексиканцы убирают их стол. Яркие вспышки молний рвутся в небе, и кажется, будто гигантская белая птица устремилась к вершине горы Коста Верде. Прижимая к груди акварели, появляется Ханна.

Шеннон. Все успели собрать?

Ханна. Да, и как раз вовремя. Вот он, ваш бог, мистер Шеннон!

Шеннон (*спокойно*). Да, вижу, слышу, узнаю его. И если он не понял, что я узнал его, то да поразит он меня своей молнией. (*Отходит от стены к краю веранды.*)

Серебряная пелена дождя, завесившая веранду, поглощает свет, делая очертания фигур на веранде еле различимыми. Все теперь серебрится, блестит. Шеннон протягивает руки под потоки дождя, поворачивает их, словно хочет охладить. Подставляет ладони, чтобы набрать в них воды и смочить разгоряченный лоб. Дождь все усиливается, ветер доносит звуки маримба-джаза. Шеннон отрывает руки от горящего лба и протягивает их сквозь пелену дождя, будто хочет дотянуться до чего-то. Ничего не видно, кроме этих протянутых рук. И вдруг яркая молния освещает у стены фигуры Ханны и дедушки, стоящих позади Шеннона, и в то же мгновение гаснет матовый шар, свисающий с потолка веранды. И пока медленно опускается занавес, яркое пятно света не меркнет на протянутых руках Шеннона.

¹ Скорей, скорей, мальчики! Поторопитесь! Собирайте все со столиков! Скорей, скорей! Убирайте тарелки! Скатерть, скатерть складывайте! (*исп.*)

² Да мы и так спешим (*исп.*).

³ Пусть дождем тарелки вымоет! (*исп.*)

В постановке все эти сценические эффекты не должны заслонять гораздо более важное — людей. Это ни в коем случае не должно быть эффектом «под занавес». Слабая, еле слышная на ветру музыка маримба-джаза из ресторана доносится, пока не зажгутся огни в зале.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Там же, несколько часов спустя. Третий, четвертый, пятый номера слабо освещены. В третьем номере мы видим Ханну, а в четвертом дедушку. За столиком на веранде Шеннон, сняв рубашку, пишет письмо епископу. Все столики, кроме этого, сложены и составлены к стене. Мэксин вешает на веранде гамак, снятый на время обеда. Электричество все еще не зажглось, в номерах горят керосиновые лампы. Небо совсем очистилось, светит полная луна, и вся веранда залита ослепительно ярким серебряным светом, отражающимся в каждой капле недавнего дождя. Тропический ливень проник всюду, и даже на веранде здесь и там поблескивают серебром небольшие лужицы. В стороне горшок с углями от москитов, которые особенно злобствуют после тропического дождя, как только ветер поутихнет.

Шеннон лихорадочно быстро пишет и то и дело хлопает себя по голове, спине, груди, убивая москитов. Он весь в поту, дышит, как бегун после длинной дистанции, и что-то шепчет про себя, то и дело шумно вздыхая и откидывая назад голову; в отчаянии глядит в ночное небо. За москитной сеткой, на стуле, очень прямо сидит Ханна с маленькой книжкой в руках, делая вид, что читает. Но глаза ее устремлены на Шеннона — словно она его ангел-хранитель. Волосы ее распущены. Дедушка, слегка расклевываясь взад и вперед, сидит на узкой кровати, явно пытаясь вспомнить строфы новой поэмы, которую пишет уже «двадцать с чем-то лет» и которая, он это знает, будет для него последней. По временам слышится музыка из приморского рестораничка.

Мэксин. Что, ваше преподобие, готовите проповедь на будущее воскресенье?

Шеннон. Я пишу очень важное письмо, Мэксин. *(Прямой намек, чтобы ему не мешали.)*

Мэксин. Кому, Шеннон?

Шеннон. Декану школы богословия, в Сьюэни.

Мэксин про себя повторяет: «Сьюэни».

И был бы вам очень признателен, дорогая Мэксин, если бы вы еще сегодня послали его с Педро или Панчо в город, чтобы оно могло уйти рано утром.

Мэксин. А мальчики уже удрали в пикапе в ресторан пить холодное пиво и обнимать горячих потаскушек.

Шеннон. Фред умер... и тем лучше для него...

Мэксин. Дитя мое, вы неправильно понимаете мое отношение к Фреду. Мне его очень недостает. Но последнее время мы уже не только не спали вместе, но даже и не разговаривали по-людски. Никаких ссор, никаких недоразумений. Но если за весь день мы перекинемся парой слов — то уже длинный разговор.

Шеннон. Фред знал, когда меня преследовали мои призраки, ему все бывало ясно без слов. Посмотрит и скажет: «Ну что, Шеннон, опять навалилось?»

Мэксин. Ну вот, а со мной только «да» и «нет».

Шеннон. Может быть, он понимал, что вы стали свиньей?

Мэксин. Ха! Вы прекрасно знаете, как мы с Фредом уважали друг друга. Но вы же понимаете... такая разница в возрасте...

Шеннон. А Педро и Панчо на что?

Мэксин. Слуги... Они недостаточно уважают меня. Если дашь слугам слишком много воли, они перестают вас уважать, Шеннон. А это, как бы вам сказать... унижительно.

Шеннон. Тогда почаще ездите в город на автобусе, чтобы мексиканцы побольше вас тискали и щипали. Или уж пусть герр Фаренкопф вас уважит как следует...

Мэксин. Ха! Вы меня убиваете... Я уж подумывала, а не распродать ли все и вернуться в Штаты, в Техас? Открыть неподалеку от какого-нибудь бойкого городишка—Хьюстона или Далласа, например,—туристский кемпинг и сдавать взаем кабинки деловым людям, когда им срочно потребуется уютный и укромный уголок, где можно сверхурочно подиктовать миленькой секретарше, которая не умеет писать на машинке и не знает стенографии, несколько деловых писем... Ром-коко бесплатно, в ванной—биде... Я хочу ввести в Штатах биде...

Шеннон. Неужели вам только это и нужно в жизни, Мэксин?

Мэксин. И да и нет, беби. Любить человека—одно дело, а только спать с ним—совсем другое. Даже я это понимаю.

Шеннон встает.

Но мы оба подошли уже к тому перевалу, когда надо устраиваться в жизни основательно, а не витать в облаках.

Шеннон. Я не хочу заживо гнить.

Мэксин. Зачем же? Разве я допущу! Я помню один ваш разговор с Фредом на этой веранде. Вы рассказывали, с чего пошли все ваши напасти. Вы сказали, что мама укладывала вас в кроватку, когда вам еще не хотелось спать, и тогда вы предались пороку маленьких мальчиков. Но однажды она застучала вас на месте преступления и здорово отлупила. Вы сказали, что мама вынуждена была вас наказать, потому что, как видно, бог прогневался не меньше, чем она. И уж лучше, что она сама вас наказала, а то бог наказал бы еще строже.

Шеннон. Я ведь рассказывал Фреду!

Мэксин. А я все слышала. По вашим словам, вы так любили и бога, и маму, что перестали грешить, дабы их не огорчать. Но грех доставлял вам тайные радости, и вы загнали зло и на маму и на бога за то, что они вас лишили такого удовольствия. И вы отомстили богу своими безбожными проповедями, а маме — тем, что принялись портить молоденьких девушек.

Шеннон. Я не произнес ни одной безбожной проповеди и никогда не произнесу, не смогу произнести, когда вернусь в лоно церкви.

Мэксин. А вы не вернетесь. Кстати, вы упомянули в своем письме декану школы богословия, что вас обвиняют в соращении, наказуемом законом?

Шеннон *(так сильно оттолкнув стул, что тот опрокинулся)*. Да оставьте вы меня в покое в конце концов? С тех пор как я здесь, у вас, вы ни минутки не дали мне передохнуть. Пожалуйста, оставьте меня в покое! Ради бога!

Мэксин *(безмятежно улыбаясь его ярости)*. О беби...

Шеннон. Что значит: «О беби»? Что вам нужно от меня, Мэксин?

Мэксин. Только вот это... *(Нежно тормошит волосы Шеннона.)*

Шеннон *(отбрасывая ее руку)*. О боже... *(Покачивая головой, с беспомощным смешком, спускается с веранды.)*

Мэксин. Мой повар-китаец всегда твердит одно: «Не надо потеть!.. Не надо потеть!» Он говорит, что в этом вся философия. Вся его китайская философия в трех словах: «Не надо потеть!» С вашей-то репутацией, да еще под угрозой судебного преследования за соращение, где уж вам вернуться в церковь! Разве что к «Святым вертунам», если в их секте будут молоденькие вертушки, а на полу их святилища найдется охапка сена.

Шеннон. Съезжу в город на автобусе и сегодня же отправлю письмо. Сам! *(Идет к тропинке, но слышит внизу голоса, раздвигает листву, осматривает путь.)*

Мэксин *(спускаясь с веранды)*. Не забудьте о призраке, он где-нибудь здесь.

Шеннон. Мои дамы что-то замышляют. Собрались на дороге, возле автобуса.

Мэксин: Объединились против вас, Шеннон. *(Подходит к нему.)*

Он отодвигается в сторону.

Мэксин смотрит вниз. В своей комнате Ханна встает из-за стола (она освободила его, чтобы писать письма), снимает с крючка халат, который носят в театре Кабуки, и надевает его, как актеры надевают костюм в своей уборной.

Комната дедушки слабо освещена. Он все еще раскачивается взад и вперед, сидя на краешке кровати, и еле слышно бормочет строфы неоконченной поэмы.

Да... А вон еще какой-то маленький толстячок, сдается мне — Джейк Лэтта. Ну да, Джейк Лэтта. Видно, послали принять у вас группу, Шеннон.

Шеннон взглянул вниз и дрожащими руками пытается зажечь сигарету.

Ну и пусть. «Не надо потеть!» Вон идет сюда... Поговорить с ним вместо вас?

Шеннон. Я и сам могу. Не вмешивайтесь, пожалуйста. *(Старается взять себя в руки.)*

Во время последующей сцены Ханна стоит неподвижно за москитной сеткой — кажется, будто эта фигура написана на холсте.

Лэтта *(появляется снизу, запыхавшись, но сияя приветливой улыбкой. Подымается по ступеням веранды)*. Привет, Ларри.

Шеннон. Здорово, Джейк. *(Вкладывая только что написанное письмо в конверт.)* Миссис Фолк, дорогая, это надо отправить воздушной почтой.

Мэксин. Но раньше надо написать адрес.

Шеннон. О! *(Смеется, выхватывает у нее письмо. Шарит по карманам, ищет записную книжку, силясь справиться с волнением; пальцы дрожат.)*

Лэтта *(подмигивая Мэксин)*. Как он тут, Мэксин?

Мэксин *(с легкой улыбкой)*. Заставить бы его выпить, лучше бы себя почувствовал.

Лэтта. А вы не можете?

Мэксин. Нет, даже ром-коко не пьет.

Лэтта. Выпьем ром-коко, Ларри.

Шеннон. Пейте сами, Джейк, а у меня группа дам, о которых надо заботиться. Я-то знаю, в нашей работе бывают моменты, требующие хладнокровия и абсолютной трезвости. А вы, Джейк? Еще не сделали этого открытия? Кстати, каким ветром вас занесло сюда? Вы здесь с группой?

Лэтта. Я приехал, Ларри, принять вашу.

Шеннон. Интересно! По чьему же распоряжению, Джейк?

Лэтта. Получил в пути телеграмму с предложением принять вашу группу и присоединить к моей... поскольку у вас легкий нервный припадок и...

Шеннон. Покажите телеграмму. Ну?!

Лэтта. Шофер сказал, вы забрали ключ от зажигания.

Шеннон. Верно. Ключ у меня... это моя группа, и ни автобус, ни группа не двинутся с места, пока я не распоряжусь.

Лэтта. Ларри, вы больны, дорогой. И не доставляйте мне неприятностей.

Шеннон. Из какой тюрьмы, жирное вы ничтожество, вас выручили под залог?

Лэтта. Отдайте ключ, Ларри.

Шеннон. Где вас откопали? Никакой группы у вас нет! С тридцать седьмого года вам не поручали никаких групп.

Лэтта. Отдайте мне ключ от автобуса, Ларри, и поскорей!

Шеннон. Этому свиному рылу?!

Лэтта. Миссис Фолк, где комната его преподобия?

Шеннон. Ключ у меня. *(Хлопнув себя по карману.)* Здесь, вот в этом кармане! Хочешь взять? Попробуй, достань, жирная харя!

Лэтта. Миссис Фолк, какие слова употребляет его преподобие...

Шеннон *(вынимая ключ)*. Видел? *(Снова прячет ключ.)* А теперь проваливай туда, откуда явился. Моя группа остается здесь еще три дня, потому что не все леди в состоянии сейчас продолжать путешествие, так же... так же, как и я...

Лэтта. Они уже садятся в автобус.

Шеннон. А как вы собираетесь его завести?

Лэтта. Ларри, не заставляйте звать шофера, чтобы поддержать вас, пока я выну ключ. Хотели посмотреть телеграмму компании? Вот, пожалуйста. *(Показывает.)* Прочтите.

Шеннон. Вы сами послали эту телеграмму.

Лэтта. Из Хьюстона?

Шеннон. Попросили кого-нибудь послать из Хьюстона. Что это доказывает? А «Бюро Блейка» — что оно собой представляло, до того как заполучило меня? Ровно ничего! Ничего! И, вы полагаете, меня отпустят? Хо-хо! Эх, Лэтта, вся текила, которую вы в жизни выпили, и все ваше распутство кинулись вам в голову.

Лэтта громко зовет Хэнка.

Вы что, не понимаете, что значит моя работа для фирмы? Не видели проспектов, в которых специально упоминается — подчеркивается! — что гидом особых групп является его преподобие Лоренс Шеннон, доктор богословия, путешествующий вокруг света, лектор, сын священнослужителя и внук епископа, прямой потомок двух губернаторов колониальных времен?

Мисс Феллоуз читала проспект и помнит, что там сказано обо мне.

Мисс Феллоуз (*Лэтте*). Взяли ключ?

Лэтта (*зажигая сигарету грязными дрожащими пальцами*). Сейчас придет шофер, леди, и отберет у него.

Шеннон. Ха-ха-ха-ха... (*Так смеется, что вынужден прислониться к стене веранды.*)

Лэтта (*касаясь пальцем лба*). Свихнулся...

Шеннон. Ну что ж, у этих леди... во всяком случае, у некоторых из них, если не у всех... в первый раз в жизни была возможность лично свести знакомство с джентльменом и по рождению и по воспитанию, с которым при других обстоятельствах им бы вовек не познакомиться; не говоря уже, конечно, о возможности оскорблять его, обвинять и...

Мисс Феллоуз. Шеннон! Все девушки уже в автобусе, и мы хотим немедленно уехать. Сию же минуту отдайте ключ!

На тропинке показался Хэнк. Весело шастыкает, но его не замечают.

Шеннон. Не будь у меня такого чувства ответственности за группы, которыми я руковожу, я бы с удовольствием уступил вашу—она мне достаточно неприятна—этому дегенерату, Джейку Лэтте. Да, я бы отдал ключ, который у меня в кармане, даже этому подонку Лэтте... Но, к счастью для вас, я не настолько безответствен. Нет, нет... Вне зависимости от того, как относятся ко мне члены группы, я всегда чувствую себя ответственным за них до той минуты, пока не привожу их к конечному пункту путешествия.

На веранду поднимается Хэнк.

Привет, Хэнк! Вы мне друг или враг?

Хэнк. Ларри, я должен получить у вас ключ, надо уезжать.

Шеннон. Значит, враг! А я на вас надеялся, Хэнк. Думал, вы мне друг.

Хэнк скручивает ему руки, Лэтта изымает ключ. Ханна закрывает глаза рукой.

Ладно, ладно, отпяти. Силой. И это освобождает меня от всякой ответственности. Забирайте всех леди в этом автобусе и сматывайтесь. Эй, Джейк, а вам приходилось видеть в Техасе этаких мегер? (*Кивает в сторону мисс Феллоуз.*)

Она подскакивает к нему и дает пощечину.

Благодарю вас, мисс Феллоуз! Лэтта, минуточку! Я не хочу остаться на мели. У меня в этом маршруте были всякие непредвиденные расходы. И не осталось денег на билет до Хьюстона и даже до Мехико. Если компания действительно предложила вам принять мою группу, они, конечно... *(почти задыхаясь)* я в этом совершенно уверен!—должны были дать вам кое-что для меня в счет... выходного пособия? По крайней мере столько, чтобы доехать до Штатов...

Лэтта. Я не получал для вас денег.

Шеннон. Мне неприятно не верить вам, но...

Лэтта. Мы довезем вас до Мехико. Сядете с шофером.

Шеннон. Вы бы на моем месте, конечно, так и сделали, Лэтта... Но я нахожу это унижительным. Ну! Отдавайте мои деньги.

Лэтта. Компания вынуждена возместить этим леди половину стоимости их тура. На это и пойдет ваше выходное пособие. И мисс Феллоуз говорит, что вы и так повыманили деньжат у девушки, которую совратили...

Шеннон. Мисс Феллоуз, вы действительно сказали такую...

Мисс Феллоуз. В ту ночь, когда Шарлотта пошла с вами в город, она потратила двадцать долларов.

Шеннон. После того как я истратил все свои деньги...

Мисс Феллоуз. А на что? На проституток в притонах, куда вы ее водили?

Шеннон. Мисс Шарлотта потратила свои двадцать долларов после того, как я истратил все, что у меня было с собой. И мне никогда не нужны были... я никогда не хотел иметь ничего общего с проститутками...

Мисс Феллоуз. Вы водили ее в такие притоны, как...

Шеннон *(перебивая)*. Я показал ей то, что ей хотелось увидеть. Спросите сами. Я показал ей Сан-Хуан-де-Летран, показал ей Тенампа и другие места, не обозначенные в проспекте. Я показал ей не только висячие сады, дворец Максимилиана, часовню безумной императрицы Карлотты, мадонну из Гваделупы, памятник Хуаресу, остатки цивилизации ацтеков, меч Кортеса, головной убор Монтесумы, но и кое что другое—все, что она просила показать. Где она? Где мисс... О, она там, в автобусе. *(Перегибается через перила и кричит вниз.)* Шарлотта! Шарлотта!

Мисс Феллоуз *(хватая его за руку и оттаскивая от перил)*. Не смейте!

Шеннон. Чего не сметь?

Мисс Феллоуз. Звать ее, говорить с ней, приближаться к ней, подлый вы человек...

С торжественностью и быстротой кукушки, выскакивающей из часов, чтобы возвестить время, в углу веранды появляется Мэксин. Появляется и стоит здесь, некстати улыбаясь, смотрит, не мигая, своими большими, словно нарисованными на круглом улыбающемся лице глазами.

Ханна неподвижно держит одной рукой позолоченный японский веер, другой откидывает сетку на двери, будто хочет броситься на помощь Шеннону. В ее позе есть что-то напоминающее танцовщицу театра Кабуки.

Шеннон (*вновь становится отменно вежливым*). Ну что ж, и не надо. Я только хотел, чтобы она подтвердила мои слова: что я показывал ей все это по ее просьбе, а не по собственной инициативе. Я только предложил свои услуги, когда она сказала, что ей хотелось бы посмотреть достопримечательности, не обозначенные в проспекте... которые не всегда показывают туристам. Например...

Мисс Феллоуз. Например, ваш номер в отеле? И что еще? Она вернулась вся искусанная блохами.

Шеннон. Ну, ну, пожалуйста, не преувеличивайте. От Шеннона еще никто блох не набирался.

Мисс Феллоуз. Но ее платье пришлось отдать в дезинфекцию.

Шеннон. Я понимаю ваше раздражение, но вы все-таки слишком далеко заходите, давая понять, что Шарлотта у меня набралась блох. Я не отрицаю того...

Мисс Феллоуз. Подождите, пока фирма получит мое письмо!

Шеннон. Я не отрицаю, вполне возможно, что могут искушать блохи, когда осматриваешь ту часть города, которая обычно скрыта от глаз публики, далека от больших бульваров, от элегантных ночных клубов и даже от фресок Диего Риверы, но...

Мисс Феллоуз. Это вашему преподобию, лишенному сана, надо произносить с кафедры.

Шеннон (*угрожающе*). Вы это слишком часто повторяете. (*Хватает ее за руку.*) И на этот раз при свидетелях. Мисс Джелкс! Мисс Джелкс!

Ханна (*приподнимая москитную сетку*). Да, мистер Шеннон! В чем дело?

Шеннон. Вы слышали, что эта...

Мисс Феллоуз. Шеннон! Уберите руку!

Шеннон. Мисс Джелкс, скажите только, вы слышали, что эта... (*Голос вдруг срывается странным рыдающим звуком. Подбегает к стене и начинает колотить по ней кулаками.*)

Мисс Феллоуз. Я потратила сегодня весь вечер на междугородные переговоры — больше двадцати долларов извела, чтобы выяснить личность этого самозванца.

Ханна. Только не самозванца. Вы не смеете так говорить!

Мисс Феллоуз. Вас выгнали из церкви за атеизм и совращение девушек!

Шеннон (*оборачиваясь*). Перед богом и людьми — вы лжете, лжете!

Лэтта. Мисс Феллоуз, я хочу, чтобы вы знали — наша компания была введена в заблуждение насчет прошлого этого типа. И теперь фирма, конечно, позаботится, чтобы Шеннона внесли в черный список и не допускали к работе ни в одной туристической компании в Штатах.

Шеннон. А как насчет Африки, Азии, Австралии?! Я ведь путешествовал по всему свету, Джейк, по всему божьему свету. И никогда не придерживался в точности маршрутов, обозначенных в проспектах. Всегда говорил тем, кто хотел: смотрите! смотрите! Побывайте и на дне больших городов! И если сердцам их были еще доступны хоть какие-то человеческие чувства, я бесплатно предоставлял им эту возможность — чувствовать и проникаться состраданием. Никто из них никогда этого не забудет! Никто! Никогда!

В словах его такая страсть, что все некоторое время безмолвствуют.

Лэтта. Ну что ж, валитесь опять в гамак и лежите, — на большее вы не способны, Шеннон. (*Подходит к краю тропинки и кричит.*) Все в порядке. Трогаемся! Привяжите багаж на крышу. Сейчас идем!

Лэтта и Мисс Феллоуз спускаются по тропинке.

Голос дедушки (*вдруг — диссонансом ко всему происходящему*)

Ветвь апельсина смотрит в небо
Без грусти, горечи и гнева...

Шеннон глубоко, шумно издыхает и бежит с веранды вниз по тропинке. Ханна протягивает к нему руку, зовет его. На веранде появляется Мэксин. Винзу кикни-то суматоха — негодующие выкрики, визгливый смех.

Мэксин (*бросаясь к тропинке*). Шеннон! Шеннон! Вернитесь! Вернитесь! Pancho! Pedro, traerme a Shannon! Qué está haciendo allí? ¹ Ради бога, верните его кто-нибудь!

Тяжело дыша, возвращается вконец измученный Шеннон. За ним следует Мэксин.

¹ Педро! Панчо, верните Шеннона! Куда все подевались? (*исп.*)

Мэксин. Шеннон, ступайте к себе в комнату и не выходите, пока они не уедут.

Шеннон. Не распоряжайтесь!

Мэксин. Делайте что сказано, не то я вас отправлю... сами знаете куда.

Шеннон. Не толкайте меня, Мэксин, не тащите меня.

Мэксин. Хорошо, а вы делайте, что вам говорят.

Шеннон. Шеннон повинуются только Шеннону.

Мэксин. По-другому запосте, когда опять упрячут туда, где вы были в тридцать шестом. Помните, что было в тридцать шестом?

Шеннон. Ладно, Мэксин, дайте только... вздохнуть, оставьте меня, прошу вас. Никуда я не уйду, полежу здесь, в гамаке.

Мэксин. Пойдите в комнату Фреда — там вы будете у меня на глазах.

Шеннон. Потом, Мэксин, только не сейчас.

Мэксин. Почему вы всегда заявляетесь сюда именно перед припадком, Шеннон?

Шеннон. Из-за гамака, Мэксин, из-за этого гамака в зарослях джунглей...

Мэксин. Подите к себе в комнату и оставайтесь там, пока я не вернусь. О господи, деньги! Они же не разочлись еще со мной, черт бы их драл! Надо бежать получить с них по этому проклятому счету, пока они... Панчо, *vijilalo, entiendes?*¹ (*Бежит вниз и кричит.*) Эй, вы там! Подождите минуточку!

Шеннон. Что я наделал? (*Ошеломленно покачивает головой.*) Что я там натворил, не припомню?!

Ханна приподнимает москитную сетку в своей комнате, но не выходит. Ее фигура мягко освещена и снова напоминает средневековую скульптуру святой. На светлом золоте ее волос отблески света, и руках — серебряная щетка, которой она расчесывала волосы.

Боже милостивый, что я наделал? Что же я там натворил? (*Обращаясь к мексиканцам, вернувшимся снизу.*) *Que hice? Que hice?*²

Оба мексиканца заливаются смехом.

Панчо. *Tu measte en las maletas de las señoras!*³

Шеннон пытается посмеяться вместе с мексиканцами, которые корчатся от хохота, но его смех быстро сменяется всхлипами. Снизу слышится сердитый голос Мэксина — она препирается с Лэттой. Потом резкий крик мисс Феллоуз и общая перебранка, покрываемая гудением мотора.

Шеннон. Вот и отбывают мои дамы... Ха-ха-ха... Уезжают мои... (*Оборачивается и, встретившись с сер-*

¹ Последни за ним, слышишь? (*исп.*)

² Что я сделал? Что я такого сделал? (*исп.*)

³ Ты помочился на чемоданы тех сеньор! (*исп.*)

езным, сочувственным взглядом Ханны, снова пытается засмеяться.)

Она слегка качает головой и жестом останавливает его. Потом опускает сетку, и теперь ее неясно освещенная фигура видна, как в тумане.

...дамы, последние мои дамы... ха-ха-ха... (Наклоняется над парапетом веранды и вдруг рывком выпрямляется и с нечеловеческим воплем начинает рвать на себе цепь, на которой висит золотой крест.)

Панчо безучастно смотрит, как цепь презается ему в шею.

Ханна (подбегает к Шеннону). Мистер Шеннон, перестаньте! Вы пораните себя. А это вовсе не обязательно, сейчас же перестаньте! (Панчо.) *Agárrale las manos!*¹

Мексиканец не очень охотно пытается выполнить ее просьбу. Но Шеннон бьет его и яростно продолжает себя истязать.

Шеннон, позвольте мне, я сама сниму с вас крест. Можно?

Он опускает руки, она старается расстегнуть застежку, но у нее дрожат пальцы, и ничего не получается.

Шеннон. Нет, нет, так его не снять. Я сам должен разорвать эту цепь.

Ханна. Подождите, я уже расстегнула. (Снимает с него крест.)

Шеннон. Спасибо. Возьмите его себе. Прощайте. (Бежит к кустам, скрывающим тропинку.)

Ханна. Куда вы? Что вы задумали?

Шеннон. Хочу сделать заплыв. Прямо в Китай!

Ханна. Нет, нет, только не сегодня, Шеннон! Завтра... завтра, Шеннон.

Но он уже раздвигает кусты, усеянные цветами, напоминающими колокольчики, и устремляется вниз. Ханна бежит за ним, крича на ходу: «Миссис Фолк!» Слышится голос Мэксина, зовущий мексиканцев: «*Mis-hachos, cogerlo! Atarlo! Está loco. Tíraelo aquí!*»² Через несколько мгновений Мэксин и мексиканцы уже тащат Шеннона сквозь кусты на веранду. Связывают и укладывают в гамак. Сейчас он борется уже больше для виду. Но Ханна, наблюдая, как его связывают, ломает руки.

Ханна. Всревки режут ему грудь!

Мэксин. Ничего, ничего. Он только представляется, играет. Ему это нравится. Знаю я этого ирландского ублюдка, никто его так не знает! А вы, дорогая моя, не вмешивайтесь. Он разыгрывает такие штуки регулярно, будто по календарю. Каждые полтора года... А два раза

¹ Держите его за руки! (исп.)

² Мальчики, ловите его! Держите! Он сошел с ума! Тащите его сюда! (исп.)

ухитрился разыграть здесь свои припадочки, и мне пришлось платить врачу. Сейчас позвоню в город, вызову доктора. Пусть впрыснет ему что-нибудь покрепче... А если завтра ему не станет лучше, придется отправить в тот же сумасшедший дом, где он уже был в прошлый раз, когда тут у нас заболел. *(Выходит.)*

Пауза.

Шеннон. Мисс Джелкс!

Ханна. Да?

Шеннон. Где вы?

Ханна. Здесь, у вас за спиной. Могу я вам чем-нибудь помочь?

Шеннон. Сядьте, чтобы я видел вас. И говорите что-нибудь все время, не переставая. Я должен побороть этот страх.

Пауза. Ханна придвигает стул к его гамаку. С пляжа возвращаются немцы. В восторге от сцены, которую разыграл перед ними Шеннон, они, почти нагие, маршем последовали за ней на веранду, собрались вокруг связанного Шеннона и смотрят на него, словно на зверя в клетке. Болтают меж собой по-немецки, кроме тех случаев, когда обращаются к Шеннону или Ханне. Их крупные, умащенные лосьоном тела блестят в свете луны. Они все время хихикают.

Ханна. Будьте добры, оставьте его, пожалуйста, в покое.

Немцы делают вид, будто не понимают ее.

Фрау Фаренкопф *(наклоняется над Шенноном и говорит громко и медленно на языке, который плохо знает)*. Правда, что вы сделали пи-пи на чемоданы этих леди из Техаса? Ха-ха-ха... Подбежали к автобусу и прямо перед дамами сделали пи-пи на их чемоданы?

Негодующий протест Ханны покрывается раблезианским хохотом немцев.

Фаренкопф. Das ist wunderbar! Wunderbar!¹ Ха? Какой жест! А?! Вот и показали этим леди, что вы есть настоящий американский джентльмен! Ха? *(Поворачивается к остальным и шепчет что-то неприличное.)*

Обе женщины в полном восторге. Хяльда, задыхаясь от смеха, падает в объятия мужа.

Ханна. Миссис Фолк! Миссис Фолк! *(Устремляется к появившейся на веранде Мэксин.)* Попросите, пожалуйста, этих людей оставить его в покое. Они издеваются над ним, как над зверем, попавшим в западню.

Смеясь, весело дурачась, немцы уходят с веранды.

¹ Это замечательно! Замечательно! *(нем.)*

Шеннон (*вдруг громко кричит*). Возвращение к детству... ха-ха... Возвращение к детству... Инфантильный протест... ха-ха-ха-ха... инфантильное озлобление против мамы и бога, ярость против проклятой детской кроватки, ярость против всего... всего... Возвращение к детству!

Все ушли. Ханна и Шеннон остались с глазу на глаз.

Шеннон. Развяжите меня.

Ханна. Пока нельзя.

Шеннон. Я не могу этого вынести.

Ханна. Придется немного потерпеть.

Шеннон. Меня охватывает страх.

Ханна. Я знаю.

Шеннон. От страха можно умереть.

Ханна. Те, кому это нравится, как вам, мистер Шеннон, не умирают. (*Вошла в свой номер.*)

Он как раз позади гамака. Комната освещена, и мы видим, что она вынимает из чемодана, стоящего на кровати, чайник, жестянку с чаем и спиртовку. Возвращается с ними на веранду.

Шеннон. Что вы хотели сказать своей оскорбительной фразой?

Ханна. Какой фразой, мистер Шеннон?

Шеннон. Будто мне нравится.

Ханна. Ах... этой!

Шеннон. Да, этой.

Ханна. Я не хотела вас оскорбить, просто наблюдаю. Я ведь не сужу людей — рисую их, и все. Только рисую... Но, чтобы верно изобразить, приходится очень внимательно наблюдать их, не правда ли?

Шеннон. И вы заметили, верней, нам кажется, мисс Джелкс, что вы заметили, будто мне нравится лежать в этом гамаке связанным, как свинья, которую повезут на бойню?

Ханна. А кому бы не захотелось пострадать, искупить свои грехи и грехи всего человечества, мистер Шеннон, если это можно сделать, лежа в гамаке, на котором вас распяли не гвоздями, а всего лишь веревками, да еще на горе, которая куда привлекательней Голгофы. Мне видится даже, как вы изгибаетесь и стоите в этом гамаке... И ведь ни гвоздей, ни крови, ни смерти... Не слишком мучительное распятие за грехи всего мира, мистер Шеннон! (*Чиркает спичкой и зажигает спиртовку.*)

Отсветы чистого синего пламени создают в той части вранды, где идет сцена, какое-то совершенно особое освещение. Голубое пламя спиртовки мягко отражается нежным, блеклым шелком синего халата, подаренного Ханне актером театра Кабуки, который позировал ей в Японии.

Шеннон. Именно в эту минуту, когда вы мне так нужны, вы против меня. Почему?

Ханна. А я не против вас, мистер Шеннон. Просто я пытаюсь сделать с вас набросок, только не пастелью, не углем, а словами.

Шеннон. У вас вдруг появились повадки старой девы из Новой Англии, которых я раньше в вас не замечал. Я ведь считал вас этакой эмансипированной святошей, мисс Джелкс.

Ханна. Кто же бывает совсем... святым?

Шеннон. Мне казалось—вы бесполое существо, а вы вдруг обернулись женщиной. И знаете, как я об этом догадался? Именно вам, а не мне, нет, не мне доставляет удовольствие то, что я связан. Всем женщинам—сознательно или бессознательно—хочется видеть мужчину связанным. Над этим только они всю свою жизнь и трудятся—связывают мужчину. И считают свою жизненную миссию выполненной и чувствуют удовлетворение только тогда, когда удается связать мужчину—одного или стольких, на сколько хватит сил.

Ханна отходит от спиртовки, охватывает руками стойку веранды и делает несколько глубоких вдохов.

Вам не нравится мое наблюдение? Если башмак жмет ногу не другому, а самому, мисс Джелкс, это уже не так приятно? А? Опять глубокие вдохи? Страшно стало?

Ханна (*беря себя в руки и возвращаясь к чайнику*). Я бы очень хотела развязать вас сейчас, но надо подождать, пока у вас пройдет. Вы все еще играете... в распятие... Слишком потекаете себе.

Шеннон. Когда же я себе потакал?

Ханна. А хотя бы вся эта история с учительницами из техасского колледжа. Они мне так же мало симпатичны, как и вам. Но ведь, в конце концов, затем ли девушки целый год копили гроши на Мексику, чтобы спать в душных гостиницах и есть всю ту стряпню, которой их там потчевали?! Вдали от дома им хотелось чувствовать себя хорошо, а вы... вы больше потакали себе, мистер Шеннон, обращались с группой, как вам заблагорассудится, жили в свое удовольствие.

Шеннон. А какое, к черту, удовольствие жариться в этом аду?

Ханна. Да, но вас-то все-таки хоть утешала маленькая канарейка, которая путешествовала под крылышком своей учительницы пения.

Шеннон. Забавно! Ха-ха! Забавно! Оказывается, старые девы из Нантакета не лишены чувства юмора?

Ханна. Да, как видите, тоже не лишены. Без юмора еще труднее.

Шеннон *(ее спокойствие мило-помалу передается ему)*. Я не вижу, чем вы там заняты, дорогая мисс Джелкс, но готов присягнуть, что вы решили напоить меня чаем.

Ханна. Именно это я и собираюсь сделать.

Шеннон. Вам кажется, сейчас самое время чай распивать?

Ханна. А это не совсем чай—маковый настой.

Шеннон. Что, пристрастились к опиуму?

Ханна. Очень мягкое снотворное, помогает от бессонных ночей. Я готовлю для бабушки, для себя, а заодно и для вас, мистер Шеннон,—ночь будет для всех нас нелегкой. Слышите, как бабушка все бормочет строфы новой поэмы? Он как слепой, карабкающийся по лестнице, которая никуда не ведет и обрывается где-то в пространстве. И мне страшно подумать, что это... *(Не договорила и снова делает несколько глубоких вдохов.)*

Шеннон. А вы прибавьте ему сегодня капельку яду в маковый настой, чтоб ему не просыпаться завтра—избавиться от переезда в меблированные комнаты. Совершите акт милосердия. Подсыпьте яду, а я освящу это питье, обращу его в кровь господню... Черт! Да освободи вы меня сейчас, я бы сам это сделал, стал бы вашим соучастником в этом акте милосердия. Я бы сказал ему: «Вот, пейте кровь нашего...»

Ханна. Замолчите! И не будьте таким ребячески жестоким! Тяжело, мистер Шеннон, когда человек, которого уважаешь, говорит и ведет себя, как жестокий младенец.

Шеннон. А что вы нашли во мне достойного уважения, мисс Будда... Будда в юбке?

Ханна. Я уважаю человека, которому пришлось бороться за чувство собственного достоинства... и свое...

Шеннон. Какое еще достоинство?

Ханна. Да, за свое достоинство и свое великодушие. Уважаю гораздо больше, чем счастливых, которым все дано от рождения и у которых потом ничего не отнимают ценою невыразимых страданий. Я...

Шеннон. Хотите сказать—уважаете меня?

Ханна. Да.

Шеннон. Но только что сами говорили, что мне нравится... быть распятым без гвоздей! Нравится... как вы сказали?... не слишком мучительное искупление...

Ханна *(прерывая его)*. Да, но я думала...

Шеннон. Развяжите меня!

Ханна. Скоро, скоро. Потерпите.

Шеннон. Сию минуту!

Ханна. Нет еще, мистер Шеннон. Не могу, пока не буду уверена, что вы не поплывете в Китай. Видите ли, мне кажется, для вас и этот дальний заплыв до Китая — тоже довольно безболезненное искупление грехов. И вы не думаете, что, прежде чем заплывете за риф, заплыв может быть прерван первой же акулой или меч-рыбой. Боюсь, что вы и вправду поплывете. Все очень просто, если вообще что-то может быть просто.

Шеннон. А что бывает просто?

Ханна. Ничего. Все просто только для нищих духом, мистер Шеннон.

Шеннон. И поэтому человека нужно держать связанным?

Ханна. Только чтобы он не пустился вплавь до Китая.

Шеннон. Хорошо, мисс Будда в юбке, прикурите и дайте мне сигарету, и выньте, когда я задохнусь, если и это не покажется вам удобным способом искупления грехов.

Ханна (*оглядываясь*). Сейчас... только куда же я их положила?

Шеннон. У меня в кармане есть еще пачка.

Ханна. В каком кармане?

Шеннон. Не помню. Придется устроить обыск.

Ханна (*ощупывая карманы пиджака*). В пиджаке нет.

Шеннон. Поищите в карманах брюк.

Какое-то мгновение она колеблется, такая интимность ее смущает. Но затем вынимает сигареты у него из кармана брюк.

Теперь прикурите и дайте сигарету мне.

Она повинуется, Шеннон почти сразу закашлялся от дыма, сигарета выпала.

Ханна. Уронили на себя. Где она?

Шеннон (*извиваясь в гамаке*). Да подо мной, подо мной! Жжет! Развяжите, ради бога, развяжите! Она меня жжет сквозь брюки.

Ханна. Приподнимитесь, чтобы я могла...

Шеннон. Не могу, веревки режут! Развяжите, развяжи-и-и-те, меня-а-а...

Ханна. Нашла! Вот она!

Крики Шеннона привлекли внимание Мэксин.

Мэксин (*вбегают на веранду и садится на ноги Шеннону*). Слушайте вы, сумасшедший, несчастный ирландец! Я позвонила Лопесу — доктору Лопесу. Помните? Тот

самый, в грязной белой куртке, что приходил, когда вы у нас прошлый раз заболели. Который потом отвез вас в сумасшедший дом, где вас бросили в одиночку — там была только параша, солома на полу да водопроводный кран. Вы тогда доползли до крана, грохнулись головой об пол и заработали сотрясение мозга... Так вот, я сказала ему, что вы опять явились сюда и, видно, опять тронулись и что, если вы к утру не уйметесь, придется отправить вас туда же.

Шеннон (*прерывая ее звуками, похожими на крики испуганных диких гусей*). Уфф, уфф, уфф, уфф, уфф...

Ханна. Миссис Фолк, мистер Шеннон не успокоится, если его не оставить в покое в этом гамаке.

Мэксин. Так почему же вы не оставляете его в покое?

Ханна. Но я не раздражаю его... и надо же... кому-нибудь позаботиться о нем.

Мэксин. И этот «кто-нибудь» — вы?

Ханна. Много лет назад, миссис Фолк, мне довелось ухаживать за человеком в таком же состоянии. И я знаю, как важно дать им время успокоиться.

Мэксин. Но он что-то не был покоен, я слышала, как он орал.

Ханна. Сейчас успокоится. Я готовлю ему снотворное, миссис Фолк.

Мэксин. Вижу! Потушите немедленно! Здесь никому не разрешается готовить, кроме китайца на кухне.

Ханна. Но ведь это маленькая спиртовочка, миссис Фолк.

Мэксин. Сама знаю. Тушите! (*Тушит спиртовку.*)

Шеннон. Мэксин, дорогая. (*Спокойно.*) Отстаньте вы от этой леди. Вам ее не запугать. Куда уж сучке до леди!

Слышны крики немцев.

Вольфганг. Eine Kiste Carta Blanca¹.

Фрау Фаренкофф. Wir haben genug gehabt... vielleicht nicht?²

Фаренкофф. Nein! Niemals genug!³

Хильда. Mutter, du bist dick... aber wir sind es nicht⁴.

Шеннон. Мэксин, вы пренебрегаете своими обязанностями официантки. (*Тон его обманчиво мягок.*) Немцы требуют ящик пива на пляж. Ну и пошлите им пива... а когда луна зайдет, то я, если только вы выпустите меня

¹ Ящик пива «Карта Бланка» (*нем.*).

² Мы уже достаточно выпили... может, не надо? (*нем.*)

³ Нет! Никогда не бывает достаточно!.. (*нем.*)

⁴ Мама, ты толстая, а мы еще не потолстели (*нем.*).

из гамака, попытаюсь представить вас себе юной нимфой...

Мэксин. Много от вас радости в теперешнем состоянии.

Шеннон. Да и вы тоже не в том уже возрасте, дорогая моя, не будьте слишком разборчивы.

Мэксин. Ха! *(Не очень лестное предложение все-таки приятно этой простой и трезвой душе. Она возвращается к немцам.)*

Шеннон. А теперь, мисс Джелкс, дайте попробовать вашего макового чаю.

Ханна. У меня вышел сахар, но есть немного сладкой имбирной настойки. *(Наливает чашку питья, пробует.)* Еще не настоялся. Но все-таки выпейте немного. *(Зажигает спиртовку.)* А следующая чашка будет покрепче... *(Наклоняется над гамаком и подносит чашку к его губам.)*

Шеннон *(приподымает голову, пьет, но сразу захлебнулся)*. Тень великого Цезаря! Это надо запивать варевом ведьм из Макбета.

Ханна. Да, я знаю, горько.

Из-за угла появляются немцы и идут вниз на пляж поплавать при луне и устроить пикник с пином. Даже в темноте их кожа светится почти фосфорическими красно-золотистыми тонами. Они тащат с собой ящик пива и фантастически раскрашенную резиновую лошадку, поют марш. Появление их похоже на дурной сон.

Шеннон. Демоны ада... с голосами... ангелов.

Ханна. Да, у них это называется «гармонией», мистер Шеннон.

Шеннон *(рванувшись вдруг вперед и освобождаясь от ослабевших нут)*. Вырвался! Освободился! И без посторонней помощи!

Ханна. А я и не сомневалась, что вы сами сможете освободиться, мистер Шеннон.

Шеннон. Во всяком случае, благодарю за участие. *(Подходит к столику с вином.)*

Ханна. Куда вы идете?

Шеннон. Недалеко. К спиртному — приготовить ром-коко.

Ханна. О!

Шеннон *(у столика)*. Кокос? Есть. Мачете? Есть. Ром? Двойную порцию. Лед? Ах ты, пустое ведро. Ну что ж, сегодня ночь теплых напитков. Мисс Джелкс? Хотите причитающееся вам бесплатно ром-коко?

Ханна. Нет, благодарю вас, мистер Шеннон.

Шеннон. Но вы не против, если я выпью?

Ханна. Что вы, мистер Шеннон!

Шеннон. Не станете порицать меня за эту слабость, за то, что я потакаю себе?

Ханна. Алкоголь — не главный вопрос для вас.

Шеннон. А какой же главный, мисс Джелкс?

Ханна. Самый старый в мире — потребность верить во что-нибудь или в кого-нибудь... в кого угодно и во что угодно...

Шеннон. И в тоне вашем полная безнадежность?

Ханна. Нет, я не смотрю на это безнадежно. Я открыла для себя нечто, во что можно верить.

Шеннон. Нечто, вроде... бога?

Ханна. Нет.

Шеннон. А что же?

Ханна. В распахнутые настежь двери, в открытые двери от человека к человеку... пусть они будут открыты на одну только ночь.

Шеннон. Остановка на одну ночь?

Ханна. Настоящая близость между людьми... вот так, на веранде, возле... их комнат, хотя бы на одну ночь, мистер Шеннон.

Шеннон. Физическая близость?

Ханна. Нет.

Шеннон. Я так и думал. Но тогда какая же?

Ханна. Я говорю о близости, которая помогает понять друг друга, о готовности помочь друг другу в такие ночи, как эта.

Шеннон. Кто был человек, о котором вы говорили вдове?.. Тот, кому вы помогли во время такого же припадка, как у меня?

Ханна. Ах, это... Я сама.

Шеннон. Вы?

Ханна. Да. Я могу помочь вам, потому что сама прошла через то, что у вас теперь. И у меня был свой призрак. Только я по-другому называла его. Я звала его «синим дьяволом»... И у нас бывали настоящие битвы, жестокие состязания.

Шеннон. В которых вы явно одержали победу.

Ханна. Да. Я не могла позволить себе быть побежденной.

Шеннон. И как же вы победили своего «синего дьявола»?

Ханна. Я доказала ему, что в состоянии не поддаваться ему, и заставила его уважать свою стойкость.

Шеннон. Каким образом?

Ханна. Просто не сдавалась, только и всего. И призраки и «синие дьяволы» уважают стойкость и чтут все хитрости, на которые пускаются испуганные бедняги, чтобы вынести и побороть свои страхи.

Шеннон. Вроде макового настоя?

Ханна. И маковый настой, и ром-коко или просто несколько глубоких вдохов—все что угодно, все, что мы делаем, чтобы ускользнуть от них и продолжать свой путь.

Шеннон. Куда?

Ханна. Куда-нибудь... вот к такой пристани после долгих, томительных странствий, к такой веранде над морем и зелеными зарослями. Я говорю не только о странствиях по свету, по земле, но и о тех скитаниях, которые выпадают на долю всех, кого преследуют призраки и «синие дьяволы»...— по темным глубинам самих себя.

Шеннон (*сардонически улыбаясь*). Только не рассказывайте, что и у вас есть такие темные глубины.

Ханна. Я уверена, что такому искушенному и образованному человеку, как вы, мистер Шеннон, и без слов ясно, что во всем, решительно во всем есть своя теневая сторона.

Бросив на Шеннона взгляд, замечает, что он не слушает ее, а пристально всматривается куда-то. Это та сосредоточенная отрешенность, которая иногда наблюдается при тяжелых нервных расстройствах. Она поворачивается, чтобы разглядеть, что привлекло его внимание, затем на минуту закрывает глаза, глубоко вздыхает и продолжает говорить тоном гипнотизера—Шеннон не слушает, что она говорит, она понимает это, и на него может подействовать только тон и ритм ее речи.

Все, что существует под солнцем, имеет теневую сторону, кроме самого солнца... Солнце—единственное исключение. Но вы не слушаете...

Шеннон (*будто отвечая ей*). Он там, мой призрак, в зарослях! (*И вдруг с силой запускает скорлупой кокоса вниз; слышны крики встревоженных птиц.*) Вот это удар! Прямо в морду! Все зубы выбил, как зерна из кукурузного початка.

Ханна. И он помчался к зубному врачу?

Шеннон. Сейчас он временно отступил, но завтра—только сяду завтракать, снова появится со своей улыбочкой, от которой молоко в кофе скисает, а смердеть от него будет, как от пьяного гринго в мексиканской катаджке, проспавшего ночь в собственной блевотине.

Ханна. Если проснетесь раньше, чем я уйду, я принесу вам кофе... только позовите.

Шеннон (*его внимание снова обращается к ней*). Нет, даст бог, вы уже уедете к тому времени.

Ханна. Может быть—да, может быть—нет. Надо что-то придумать, как-то задобрить вдову.

Шеннон. Она не из тех, кого можно задобрить, дорогая моя.

Ханна. А мне кажется, я что-нибудь придумаю, имен-

но потому, что это необходимо. Не могу же я допустить, чтобы дедушка оказался в тех меблированных комнатах, мистер Шеннон. Так же как не могла позволить вам плыть в Китай. Вы это знаете. И если, чтобы все это предотвратить, нужно поломать себе хорошенько голову, то за изобретательностью дело не станет.

Шеннон. А как вы справились со своим нервным припадком?

Ханна. А у меня никогда его и не было. Я не могу себе позволить такой роскоши. Правда, однажды я чуть было не поддалась. Когда-то и я была молода, мистер Шеннон, но я из тех, кто был молод, не зная молодости. А не чувствовать себя молодой, когда молода,— очень печально. Но мне повезло. Моя работа—рисование, эта терапия трудом, которую я себе прописала,—рисование заставило меня смотреть не только внутрь, но и вокруг себя, и постепенно в дальнем конце туннеля, из которого я так стремилась вырваться, я увидела слабый, еще очень неясный серый свет—свет мира, который был вне меня, и я что было сил продолжала пробиваться к нему. Нужно было...

Шеннон. Он так и остался серым, этот свет?

Ханна. Нет, нет, стал белым.

Шеннон. Только белым и никогда не был золотым?

Ханна. Нет, всегда белым. Но всдь белый свет так ярок... и его далеко видно в длинном темном туннеле, которому, кажется, конца не будет, и только бог или смерть могут вывести из него... тем более если человек... как я, к примеру... не очень уверен в том, что есть бог на свете.

Шеннон. А вы все еще не очень уверены?

Ханна. Может быть, не так неуверенна, как прежде. Видите ли, при моей работе я должна пристально и вблизи вглядываться в лицо человека, чтобы что-то схватить в нем прежде, чем он забеспокоится и крикнет: «Официант, счет! Мы уходим». Конечно, иногда—случается и такое—видишь только круглый комок теста, в котором вместо глаз торчат кусочки желе, и это сходит за лицо человеческое. Тогда я намекаю дедушке, чтобы он почитал стихи,—я не могу рисовать такие лица. Но они не так уж часто встречаются. И мне кажется, что это не настоящие лица. Большей частью мне удается что-то увидеть в лице человека, и я могу это схватить, могу... так же, как я что-то схватила и в вашем лице, когда рисовала вас сегодня... Вы слушаете?

Он присел на пол возле ее стула, напряженно глядя на нее.

В Шанхае, мистер Шеннон, есть место, которое называет-

ся Дом умирающих,—для старых нищих, для умирающих бедняков. Их дети и внуки—бедняки и приводят их туда... умирать на соломенных матах. В первое посещение меня это потрясло, и я убежала. Но потом снова пришла и увидела, что их дети и внуки и сторожа дома положили на соломенные маты возле их смертного ложа вещи, которые должны были их утешить,—цветы, трубки опиума, какие-то религиозные эмблемы. Это дало мне силу прийти снова и рисовать лица умирающих. У некоторых оставались живыми только одни глаза. Но, поверьте, мистер Шеннон, эти глаза умирающих бедняков, возле которых лежали последние маленькие знаки внимания к ним, глаза, с последними неясными проблесками жизни,—уверяю вас, мистер Шеннон,—светили ясно, как звезды Южного Креста. А теперь... я сделаю вам признание, на которое, пожалуй, только старая дева, внучка поэта-романтика, и способна... За всю свою жизнь я не видела ничего прекраснее, чем эти глаза... включая даже вид с этой веранды между небом и морем... и последнее время... последнее время дедушка смотрит на меня такими глазами. *(Резко поднимается и подходит к краю веранды.)* Скажите, что это за звуки я все время слышу оттуда?

Шеннон. Джаз в ресторане, на берегу.

Ханна. Я не о том. Я спрашиваю, кто там царапается и все время шуршит под верандой?

Шеннон. Ах, это... Мексиканцы поймали игуану и привязали к столбу под верандой. Ну, а она, само собой, рвется на волю... натянёт всеревку до отказа, и—стоп. Ха-ха-ха, вот и все... *(Поют строки дедушкиной поэмы: «Ветвь апельсина смотрит в небо...» и т. д.)* Скажите, мисс Джелкс, у вас есть какая-нибудь личная жизнь? Кроме акварелей, рисунков, путешествий с дедушкой?

Ханна. Мы с дедушкой создаем друг другу дом. Вы понимаете, что я хочу сказать? Не то, что это значит для всех,—не крыша над головой, не свой очаг. Для меня дом—это... не место, не здание... не постройка из дерева, кирпича, камня. Мой дом—это то, что связывает двух людей, то, в чем каждый из них... находит себе приют и покой... Может быть, звучит чуть приподнято, но вы ведь понимаете меня, мистер Шеннон?

Шеннон. Да, и очень хорошо, но только...

Ханна. Опять вы недоговариваете...

Шеннон. Лучше недоговарю... А то могу брякнуть такое, что причину вам боль.

Ханна. Я не так чувствительна, мистер Шеннон.

Шеннон. Ну что ж, тогда скажу. *(Подходит к столу со спиртным.)* Если птице надо свить гнездо,

чтобы жить в нем, она не станет его вить на дереве, которое может упасть.

Ханна. Я не птица, мистер Шеннон.

Шеннон. Это только метафора, мисс Джелкс.

Ханна. И, кажется, уже вторая порция ром-коко?

Шеннон. Верно. Так вот, когда птица вьет гнездо, ей кажется, что она вьет его надолго... что вьет его во имя великой цели спаривания, продолжения рода.

Ханна. Повторяю, мистер Шеннон, я не птица. Я принадлежу к роду человеческому—так неужели, когда одно существо этой фантастической породы свивает себе гнездо в сердце другого, надо прежде всего думать—надолго ли? Неужели без этого нельзя?.. Только так?.. В последнее время и дедушке и мне все напоминает о недолговечности всего сущего. Едем в гостиницу, где бывали не раз,—а ее уже нет. Снесли. И на ее месте один из этих холодных отелей-модерн из стекла и железа. А если старая гостиница на месте —хозяина или метрдотеля, которые всегда сердечно встречали нас, уже заменил другой, и он смотрит на нас так подозрительно.

Шеннон. Да, но вы вдвоем...

Ханна. Вдвоем.

Шеннон. А когда старый джентльмен уйдет из мира?

Ханна. Да?..

Шеннон. Что вы будете делать? Остановитесь?

Ханна. Остановлюсь... или буду продолжать путь... Вероятно, буду жить дальше...

Шеннон. Одна? Одна приезжать в отели, в одиночестве есть в углу за столиком на одного?

Ханна. Благодарю за участие, мистер Шеннон, но моя профессия учит быстро находить общий язык с чужими и быстро превращает их в друзей.

Шеннон. Заказчики—не друзья.

Ханна. Становятся друзьями, если в них есть дружеские.

Шеннон. Да, но каково вам будет путешествовать одной после стольких лет путешествий с...

Ханна. А вот испытаю—тогда и буду знать каково. И потом, не говорите об одиночестве так, будто оно неведомо другим людям. Например, вам.

Шеннон. Я всегда разъезжал с целым вагоном, самолетом, автобусом туристов.

Ханна. Но это вовсе не значит, что вы не были одиноки.

Шеннон. Мне всегда удавалось сблизиться с кем-нибудь в группе.

Ханна. Да, с какой-нибудь туристочкой помоложе. Я была на веранде, когда последняя из них продемонстриро-

вала здесь, до какой степени вы оставались одиноким в этих сближениях... Этот эпизод в холодном, неприятном номере отеля, после которого вы презирали девушку не меньше, чем самого себя!.. А как вы были с ней вежливы! От любезностей, которые вы оказывали в благодарность за удовольствие, должно быть, мороз подирал по коже. Ваши истинно джентльменские манеры, благородство, которое вы выказали по отношению к ней... Нет... Нет, Шеннон, не обманывайте себя, будто были не одиноки. Вы тоже всегда путешествовали в одиночестве. Разве что ваш призрак составлял вам компанию. А больше у вас никогда никого и не было.

Шеннон. Спасибо, мисс Джелкс, на добром слове...

Ханна. Не стоит благодарности, мистер Шеннон. А теперь надо согреть маковый настой для дедушки. Только хороший отдых может дать ему силы—ведь завтра снова в путь.

Шеннон. Ну что ж, если разговор кончен, пойду поплаваю...

Ханна. В Китай?

Шеннон. Нет, не в Китай. Поближе... вон на тот островок с маленьким баром «Кантина серена».

Ханна. Зачем?

Шеннон. Видите ли, я не особенно хорош в пьяном виде, и сейчас у меня так и вертится на языке один не очень приличный вопрос.

Ханна. Спрашивайте. Сегодня—вечер вопросов без всякой цензуры.

Шеннон. А ответы тоже не подвергаются цензуре?

Ханна. В разговоре между нами именно так, мистер Шеннон.

Шеннон. Ловлю на слове.

Ханна. Пожалуйста.

Шеннон. Договор уже вступил в силу.

Ханна. Только прилягте в гамак и выпейте еще чашку макового настоя. Сейчас он горячий и немного послаще от имбирной настойки—легче проглотить.

Шеннон. Хорошо! А вопрос вот какой: неужели у вас ни разу не было любовной истории?

В позе Ханны на мгновение появляется напряженность.

Вы, кажется, сказали, можно задавать любые вопросы...

Ханна. Давайте, действительно, заключим договор: я отвечу на ваш вопрос, когда вы выпьете полную чашку настоя, чтобы хорошенько выспаться,—сегодня вам это тоже совершенно необходимо. Он такой горячий сейчас (*пробует настой*) и—вполне сносный.

Шеннон (*беря чашку*). Надеюсь, меня сразу начнет

клонить ко сну и удастся увильнуть, не уплатив по договору?

Ханна. Я не такой мелкий жулик. Пейте. Всю, всю, до дна.

Шеннон *(с гримасой отворачивания пьет)*. О тень великого Цезаря! *(Бросает чашку за парапет веранды и, посмеиваясь, падает в гамак.)* Яд, которым на Востоке травили неповинные души, да? Сядьте, дорогая мисс Джелкс, чтобы я мог вас видеть.

Она садится поодаль, на стул с прямой спинкой.

Так, чтобы видеть! У меня на затылке нет рентгеновского аппарата, мисс Джелкс.

Она подвигает свой стул к гамаку.

Ближе, ближе, сюда!

Она повинуется.

Вот так. А теперь отвечайте, дорогая мисс Джелкс.

Ханна. Может быть, вы будете добры повторить свой вопрос?

Шеннон *(медленно и с ударением)*. Неужели за всю вашу полную скитаний жизнь не было хоть одного случая, хоть одной встречи, которая на языке этого психа, Ларри Шеннона, называется любовной историей?

Ханна. С людьми случаются вещи похуже целомудрия, мистер Шеннон.

Шеннон. Да, сумасшествие и смерть, может быть, даже хуже. Но ведь целомудрие — не западня, в которую красивую женщину или привлекательного мужчину завлекают обманом. *(Небольшая пауза.)* Мне кажется, вы все увильваете от выполнения условий договора, и я... *(Приподымается в гамаке.)*

Ханна. Мистер Шеннон, для меня эта ночь — такая же мука, как и для вас. Но это вы не выполняете договора — не лежите в гамаке. Ложитесь сейчас же... Ну... да... Да, у меня было два таких случая в жизни, вернее, две такие встречи.

Шеннон. Вы сказали — две?

Ханна. Да, две... и я не соврала. Только не говорите сразу: «Фантастика!», не выслушав. Когда мне было шестнадцать, — кстати, ваш любимый возраст, мистер Шеннон, — дедушка давал мне каждую субботу тридцать центов — мое жалованье за секретарскую работу и за ведение хозяйства. Двадцать пять центов на билет на утренник в кино в Нантакете и пять — на кулек воздушной кукурузы. Садилась я в задних рядах полупустого киногеатра, чтобы не было слышно, как я грызу свою кукурузу. Однажды рядом сел молодой человек и... прижался своим

коленом к моему. Я пересела через два кресла, он — тоже и опять рядом со мной и жмет мне колено. Я вскочила и закричала, мистер Шеннон. Его тут же арестовали за то, что приставал к несовершеннолетней.

Шеннон. И что же, он так все еще и сидит в нантакетской тюрьме?

Ханна. Нет. Я его выручила. Сказала в полиции, что показывали фильм ужасов... и мне уже бог знает что померещилось.

Шеннон. Фантастика!

Ханна. Да, пожалуй. Второй случай — совсем недавно, всего два года тому назад. Мы с дедушкой жили в Сингапуре, в отеле «Рэффлс». Мы очень хорошо зарабатывали, ни в чем себе не отказывали. Там и познакомилась с одним австралийцем, коммивояжером, — человек средних лет, совершенно безликий. Толстый, лысый, с убогими претензиями на светскость, навязчивый. Выглядел он довольно одиноким. Дедушка прочел ему свои стихи, я — сделала портрет, польстив ему без зазрения совести. Он заплатил мне больше, чем обычно, и дал дедушке пять малайских долларов. И купил еще акварель. Дедушке пришлось ложиться. Коммивояжер пригласил меня покататься в сампане. Ну что ж, он был так щедр... Я согласилась. Да, согласилась. Дедушка пошел спать, а я поехала кататься с этим коммивояжером, торговавшим дамским бельем. Я заметила, что он все больше и больше...

Шеннон. Что?

Ханна. Ну, словом, приходил в возбужденное... когда солнце стало заходить, и его отблеск стал тускнеть на воде. (*Грустно посмеивается.*) И вот он наконец придвинулся ко мне... мы сидели в лодке друг против друга... и напряженно и страстно стал глядеть мне в глаза... (*Снова смеется.*) И тут он сказал: «Мисс Джелкс! Можете оказать мне услугу? Пожалуйста, сделайте это для меня!» — «Что?» — спросила я. «Я повернусь к вам спиной и не буду смотреть, а вы... пожалуйста, снимите с себя что-нибудь... и дайте мне подержать. Только подержать!»

Шеннон. Фантастика!

Ханна. «На несколько секунд», — сказал он. «А зачем?» — спросила я. (*Снова грустно смеется.*) Он не сказал зачем, но...

Шеннон. И как же вы повели себя в подобной ситуации?

Ханна. Я... выполнила его просьбу. А он сдержал слово. Сидел отвернувшись, пока я не сказала, что готова, и бросила ему... часть своей одежды...

Шеннон. А он?

Ханна. Он не двинулся, лишь подхватил то, что я бросила. И пока он держал это в руках, я смотрела в другую сторону.

Шеннон. Значит, надо опасаться коммивояжеров на Дальнем Востоке—такова мораль, мисс Джелкс?

Ханна. О нет, мораль—восточная. Надо смириться с тем положением, которое ты не в силах исправить.

Шеннон. Если это неизбежно, не сопротивляйся и получай удовольствие,—так, что ли?

Ханна. Он купил у меня акварель. Конечно, все это было противно, но не жестоко. Я ушла, и он не приставал. А самое смешное—когда мы вернулись в отель, он вынул из кармана эту часть моего туалета, как застенчивый мальчишка, который хочет подарить учителю яблоко, и попытался в лифте всунуть мне в руку. Я не хотела брать и шепнула: «Оставьте, пожалуйста, себе, мистер Уиллоби!» Он же заплатил за акварель, сколько я спросила, и весь этот случай был даже трогательным, то есть там было так одиноко, в этом сампане,—и эти лиловые полосы в небе, и низенький пожилой австралиец, который так дышал, словно умирал от астмы! И Венера, всходящая из-за облака над Малаккским перешейком...

Шеннон. И этот случай вы называете...

Ханна. Любовной историей?.. Да, так и называю.

Он недоверчиво смотрит, впиваясь в нее взглядом, она смущена и готова воспротивиться.

Шеннон. Этот... этот печальный, грязный эпизодик вы называете...

Ханна (*резко перебивая*). Конечно, печальный для того чудака. Но почему вы называете его грязным?

Шеннон. А как вы почувствовали себя, когда вошли к себе в спальню?

Ханна. Смущенной... да, немного смущенной... Я знала, что такое одиночество... но не в такой степени... не такое бездонное...

Шеннон. И это не вызвало у вас отвращения?!

Ханна. Ничто человеческое не вызывает во мне отвращения, кроме злобы и жестокости. Я же говорила, он был очень мягок, чувствовал себя виноватым и вел себя деликатно. Все это было скорей уж фантастично.

Шеннон. Вы...

Ханна. Что я? «Фантастика»?

Во время их разговора то и дело слышится бормотание дедушки. И вдруг голос его становится отчетливым и громким.

Дедушка

... а затем

На землю ляжет, тих и нем...

И снова — только неясное бормотание.
Стоя позади Ханны, Шеннон кладет руку ей на шею.

Ханна. А это зачем? Решили меня удавить, мистер Шеннон?

Шеннон. Вы не выносите простого прикосновения?

Ханна. Поберегите их для вдовы. Это не для меня.

Шеннон. Вы правы. *(Снимает руку.)* С миссис Фолк, с этой неутешной вдовой, все просто, а с вами нет.

Ханна *(сухо, но весело)*. Старые девы проигрывают, а вдовушки выигрывают, мистер Шеннон.

Шеннон. Или вдовушки проигрывают, а старые девы выигрывают. Похоже на старомодные игры в какой-нибудь гостинице на острове в Нантакете. Или в Виргинии. Но вот о чем я думаю...

Ханна. О чем?

Шеннон. А что, если бы нам вместе... странствовать? Только странствовать? Вместе?

Ханна. А как вам кажется? Смогли бы мы?

Шеннон. Почему бы и нет?

Ханна. Мне кажется, утром безрассудность этой идеи станет для вас гораздо яснее, мистер Шеннон. *(Складывает веер и встает.)* Утро всегда помогает нам вернуться к действительности... Спокойной ночи, мистер Шеннон. Пока я не слишком устала, соберу вещи.

Шеннон. Не уходите, не оставляйте меня здесь одного...

Ханна. Нужно сложить вещи сейчас, тогда на рассвете можно сходить попытать счастья на площади.

Шеннон. Да не продадите вы завтра ни одной акварели, ни одного рисунка в этом пекле, на площади. Мисс Джелкс, дорогая, по-моему, вы рассуждаете не очень реалистически.

Ханна. А если бы я думала, что мы сможем странствовать вместе, я была бы большим реалистом?

Шеннон. Все еще не вижу, почему это так уж невозможно.

Ханна. Мистер Шеннон, вы недостаточно здоровы, чтобы вообще... сейчас ехать куда-нибудь... с кем бы то ни было. Это жестоко сказано?

Шеннон. По-вашему, я завяз здесь навеки? И смирюсь с неутешной вдовой?

Ханна. Все мы в конце концов смиряемся с чем-то или с кем-то. И хорошо еще, может быть, это даже счастье — если с кем-то, а не с чем-то. *(Хочет войти к себе, но на пороге останавливается.)* А завтра... *(Каса-*

ется пальцами лба не то от смущения, не то от усталости.)

Шеннон. Что завтра?

Ханна (с трудом). Мне кажется, завтра... пожалуй, нам лучше не проявлять особого интереса друг к другу... Миссис Фолк болезненно ревнива.

Шеннон. Вот как?

Ханна. Да, и, кажется, неверно поняла наш... интерес, наше участие друг к другу. И лучше уж избегать долгих бесед на веранде. То есть пока она не успокоится окончательно, может быть, хорошо бы ограничиться только пожеланиями друг другу доброго утра или спокойной ночи.

Шеннон. Можно и этого не говорить.

Ханна. Я буду говорить, а вы можете и не отвечать.

Шеннон (взбешенный). А не начать ли нам перестукиваться, как заключенным в тюрьме? Как в одиночных камерах, через стенку? Один раз стукнешь: я здесь. Два раза: вы здесь? Три: да, я здесь. Четыре раза: как хорошо, значит, мы вместе. Боже мой!.. Вот, держите! (Выхватывает из кармана золотой крест.) Берите крест и заложите его. Вещь червонного золота.

Ханна. Что вы делаете, вы...

Шеннон. Здесь дорогой аметист, за него дадут столько, что сможете вернуться в Штаты.

Ханна. Бог знает, что вы говорите, мистер Шеннон.

Шеннон. И вы тоже, мисс Джелкс. Вы говорите о завтрашнем дне и...

Ханна. Я только сказала, что...

Шеннон. Завтра вас здесь не будет! Вы забыли? Не будет!..

Ханна (смущенно и чуть растерянно улыбаясь). Да, забыла.

Шеннон. Вдова хочет, чтобы вас здесь не было, и вас не будет, даже если бы вы продавали свои акварели, как горячие пирожки на площади. (Смотрит на нее, безнадежно качая головой.)

Ханна. Пожалуй, вы правы, мистер Шеннон. Просто я очень устала и плохо соображаю... или заразилась от вас малярией. Мне вдруг показалось на минуту, что...

Голос дедушки (неожиданно). Ханна!

Ханна (подбегает к его двери). Да! Что случилось, дедушка?

Он не слышит ее и зовет еще громче.

Я здесь, здесь!

Голос дедушки. Не входи, но будь рядом, чтобы я мог позвать тебя.

Ханна. Да, да... Я услышу тебя, дедушка. *(Делает глубокий вдох и поворачивается к Шеннону.)*

Шеннон. Слушайте, если вы не возьмете этот крест, который я уже никогда не надену, я запущу им с веранды прямо в призрака в джунглях. *(Размахивается.)*

Ханна *(хватает его за руку)*. Хорошо, мистер Шеннон, я возьму. И сберегу для вас.

Шеннон. Заложите его, дорогая, вы должны это сделать.

Ханна. Хорошо, но тогда я пошлю вам закладную квитанцию, чтобы вы могли выкупить. Он вам понадобится, когда вы одолеете свою лихорадку. *(Идет, как слепая, и чуть не входит не в свою комнату.)*

Шеннон *(мягко)*. Это не ваша. Вы прошли мимо.

Ханна. Да, действительно, простите. Никогда еще не чувствовала себя такой разбитой. *(Опять оборачивается посмотреть на него.)*

И он пристально смотрит на нее.

(Словно слепая, глядит куда-то мимо Шеннона.) Никогда!

Небольшая пауза.

Что это за шум все время из-под веранды, словно кто-то скребется?

Шеннон. Я уже говорил вам.

Ханна. А я не слышала.

Шеннон. Сейчас возьму фонарик и покажу. *(Быстро скрывается в своей комнате и возвращается с электрическим фонариком.)* Это игуана. Я вам ее покажу. Видите?.. Игуану. На привязи. Видите, как она рвется на волю, а эта проклятая веревка не пускает ее? Как и вас... Как меня!.. Как дедушку с его последней поэмой...

Пауза. Слышится пение с берега.

Ханна. А что это... что это—игуана?

Шеннон. Такая ящерица... очень большая, гигантская. Ребята-мексиканцы поймали и привязали.

Ханна. Зачем?

Шеннон. Они всегда так делают, привязывают игуану, она у них жиреет, а когда разжиреет как следует — съедают. Это ведь деликатес. Мясо напоминает белое куриное. По крайней мере так кажется мексиканцам. А потом для ребят забава—выкалывают палками глаза, спичкой поджигают хвост. Понимаете? Смешно, да? Нравится вам?

Ханна. Мистер Шеннон, ради бога, пойдите отпустите ее.

Шеннон. Не могу.

Ханна. Почему?

Шеннон. Миссис Фолк желает полакомиться. А я должен угождать миссис Фолк. Я в ее власти. К ее услугам!

Ханна. Не понимаю, не понимаю, как человек может есть ящерицу.

Шеннон. Не будьте так строги. Будете голодны по-настоящему, тоже не откажетесь. Вы плохо себе представляете, на что способен человек, когда голоден, до чего может дойти. А в мире пока что так много голодных. Много, без счета, поумирало, но сколько еще живет и голодает. Поверьте мне. Да вот, вез я как-то группу своих... дам по стране, которую не стану называть, но она существует. Ехали мы вдоль побережья, в тропиках, и вдруг увидели большую кучу отбросов... вонь была чудовищная! Одна из моих дам спрашивает: «Ларри, что это?» Меня зовут Лоренс, но кое-кто из дам предпочитает просто Ларри. Я не употребил того слова, которое бы точно обозначило содержимое этой кучи. Я считал, что уточнение излишне. Но вдруг эта дама, а вслед за ней и я заметили возле этой кучи двух стариков—туземцев этой неназванной страны. Они были почти голые, если не считать жалких лохмотьев, не прикрывавших их наготы. Еле передвигая ноги, они тащились вокруг этой кучи, что-то в ней выискивая.

Пауза. Ханна издает звук, будто спазм перехватил ей горло, и бежит с вранды вниз.

(Продолжает говорить—самому себе, луне.) Почему я все это ей говорю? Потому что это—правда жизни? Однако, чтобы сообщить лишь это, не стоило и речь заводить... Да. Именно потому, что это правда, и не надо было ей говорить. Разве чтобы объяснить... что там, в этой неназванной стране, я впервые почувствовал это постепенное или внезапное, предопределенное или случайное... безумие... Безумие и распад юного мистера Лоренса Шеннона, да, тогда еще молодого мистера Лоренса Шеннона... То была его последняя группа дам, гидом которой он был в тропических странах... Почему я сказал в «тропических»? Черт возьми! Да! Я всегда возил своих дам в тропические страны. Может быть, это... может быть, а?... что-нибудь да значит? Вполне возможно. В жарком климате, душном и влажном, распад идет быстрее, и я бросался на них, как... Недосказанная фраза!.. Каждый раз соблазнял одну, двух, а то трех или четырех в группе, но прежде я всегда опустошал ее душу, показывая ей... что?.. всякие ужасы? Да, ужас жизни... в тропиках... У меня путаются мысли, мозг отказывается работать... Так

что ж, остаюсь здесь и до конца своей жизни буду при вдове?! Правда, она уже стара и, может быть, умрет раньше меня. Да, вполне возможно, она загнется первой, а я... если годика два буду заниматься тут ее ублажением... я, чего доброго, стану скорбеть об утрате... Жестокость?.. Или жалость?.. Не знаю! Знаю только...

Ханна (*сизу*). Разговариваете сами с собой?

Шеннон. Нет, с вами. Я знал, что вы меня слышите оттуда. А когда я вас не вижу, мне легче это сказать...

Дедушка

И будет ствол еще годами
Вступать с жарой и холодами
Все в ту же сделку, а затем...

Ханна (*подымаясь на веранду*). Я все смотрела на эту игуану...

Шеннон. Да? Ну и как? Мила? Привлекательна?

Ханна. Нет, в этом создании нет ничего привлекательного. И тем не менее ее надо отпустить.

Шеннон. Знаете, если игуану привязать за хвост, она его откусывает, чтобы вырваться.

Ханна. Эту привязали за горло. Она не может откусить себе голову, чтобы убежать, мистер Шеннон. Можете вы посмотреть мне прямо в глаза и честно сказать, что вы не уверены в том, что она тоже способна испытывать страх и боль?

Шеннон. Вы хотите сказать, что и игуана — создание божье?

Ханна. Да, если вы так ставите вопрос. Мистер Шеннон, развяжите, пожалуйста, веревку, отпустите ее на волю! Если вы этого не сделаете, я сама...

Шеннон. А можете вы посмотреть мне прямо в глаза и честно сознаться, что это пресмыкающееся, привязанное там внизу, не беспокоило бы вас так, если бы его мучения не напоминали бы вам, мисс Джелкс, предсмертные усилия вашего дедушки закончить свою последнюю поэму?!

Ханна. Да, я...

Шеннон. Можете не заканчивать фразу. Давайте поиграем сегодня в бога, как детишки играют с поломанными ящиками и корзинками — в дом. Идет? Сейчас Шеннон с мачете в руках сойдет вниз и отпустит эту проклятую ящерицу на волю. Пусть себе бежит в кусты. Потому что бог этого не сделает, не отпустит ее, так давайте мы с вами сыграем в бога.

Ханна. Я знала, что вы это сделаете. Спасибо вам...

Шеннон спускается вниз с мачете в руках. Склоняется около кактусов, скрывающих игуану, перерубает веревку быстрым, сильным ударом

мачете. Смотрит, как убегает невидимая зрителю ищерица. Неясное бормотание, слышавшееся из третьего номера, становится громче, а затем вдруг прерывается громким криком.

Дедушка. Ханна! Ханна! *(Выезжает в своем кресле на колесах.)*

Ханна *(подбегает)*. Дедушка! Что случилось?

Дедушка. Мне кажется, я ее... закончил! Скорей! Пока не забыл! Карандаш! Бумагу! Скорей! Пожалуйста! Готово?

Ханна. Да. Все готово, дедушка.

Дедушка *(громко, возбужденно)*

Ветвь апельсина смотрит в небо

Без грусти, горечи и гнева.

Она, безмолвие храня,

Следит за угасаньем дня.

В какой-то вечер, с этим схожий,

Она пройдет зенит свой тоже

И канет в ночь, и вновь начнет

История круговорот.

И будет ствол еще годами

Вступать с жарой и с холодами

Все в ту же сделку, а затем

На землю ляжет, тих и нем.

А после дерево другое,

Зеленое и золотое,

Шатром листвы укроет вновь

Земную грязную любовь.

И смотрит ветвь с плодами в небо

Без грусти, горечи и гнева.

Она, безмолвие храня,

Следит за угасаньем дня.

О сердце робкое, ужели

Не выучилось ты доселе

Отваге тихой и простой

У этой ветви золотой?

Все записала?

Ханна. Да.

Дедушка. Ничего не пропустила?

Ханна. Все до единого слова.

Дедушка. Поэма закончена?

Ханна. Да.

Дедушка. О боже! Наконец закончена?

Ханна. Да, наконец закончена. *(Плачет.)*

С берега слышно пение.

Дедушка. Долго мы ждали этой минуты.

Ханна. Да, долго.

Дедушка. Но ведь она хороша? Правда, хороша?

Ханна. Она... она...

Дедушка. Что?

Ханна. Прекрасна, дедушка! *(Вскакивает, прижав к губам кулак.)* О дедушка, я так счастлива за тебя! Спасибо тебе, ты написал такую чудесную поэму! Стоило так долго ждать. Теперь ты сможешь уснуть, дедушка?

Дедушка. А завтра ее отпечатают на машинке?

Ханна. Да, завтра ее перепечатают, и я пошлю в журнал.

Дедушка. А? Я не расслышал, Ханна.

Ханна *(громко)*. Завтра она будет перепечатана, и я отошлю ее в журнал. Ты же знаешь, ее давно ждут.

Дедушка. Да... А сейчас я бы хотел помолиться.

Ханна. Спокойной ночи. Спи, дедушка. Ты закончил самую чудесную из своих поэм.

Дедушка *(сникнув, тихо)*. Да, спасибо... благодарю... бога.

На всраде появляется Мэксин в сопровождении Педро, который тихо наигрывает на губной гармонике. Мэксин приготовилась к ночному плаванию. На плечи наброшено яркое полосатое мохнатое полотенце, приближение ночи заметно смягчило ее. На губах блуждает слабая улыбка, напоминающая спокойную, безликую, всепонимающую улыбку высеченных из камня египетских или восточных головок.

Мэксин *(подходит к гамаку, держа в руках ромкоко, но обнаруживает, что в гамаке — никого, а веревки валяются на полу. Тихо, Педро)*. Shannon ha escapado!¹

Педро невозмутимо продолжает играть.

(Откидывает назад голову и кричит.) Шеннон!

Эхо в горах повторяет ее крик.

Педро *(подходит ближе и указывает вниз, под веранду)*. Mire! Allí está Shannon².

Из-под веранды появляется Шеннон, в руках мачете и обрывок веревки.

Мэксин. Шеннон! Что вы там делаете?

Шеннон. Обрубил веревку и отпустил на волю одно из созданий божьих.

Ханна, стоявшая неподвижно, с закрытыми глазами, позади кресла, тихонько катит его к комнате дедушки и выходит из полосы лунного света.

Мэксин *(спокойно, проявляя терпение)*. Зачем вы это сделали, Шеннон?

¹ Шеннон сбежал! *(исп.)*

² Смотрите! Вот он, Шеннон *(исп.)*.

Шеннон. Чтобы хоть одно создание божье могло целым, невредимым и свободным прибежать к себе домой... Маленький акт милосердия, Мэксин.

Мэксин (*улыбаясь, но чуть сурово*). Подите сюда, Шеннон, я хочу поговорить с вами.

Шеннон (*поднимаясь на веранду, пока Мэксин позвякивает кусочками льда в скорлупе кокоса*). О чем нам говорить, вдова Фолк?

Мэксин. Спустимся к морю и поплаваем в этом струящемся лунном свете... (*Посмотрев на Педро, бросает ему.*) *Vamos!*¹

Тот пожимает плечами и уходит. Звуки гармоники замирают вдали.

Шеннон. Где вы набрались таких поэтических выражений?

Мэксин. Я хочу, чтобы вы остались здесь, со мной.

Шеннон (*отбирая у нее ром-коко*). Нужен собутыльник?

Мэксин. Просто хочу, чтобы вы были здесь. Я теперь одна, нужен помощник... вести дело.

Ханна зажигает спичку, закуривает.

Шеннон (*смотрит на нее*). Я хочу запомнить это лицо... Я его больше не увижу...

Мэксин. Пойдемте на пляж.

Шеннон. Под гору я еще могу спуститься, Мэксин, но вверх... уже не взберусь...

Мэксин. Я сама поведу вас в гору. (*Идут через заросли, к тропинке.*) Еще каких-нибудь пять-десять лет я могу привлекать мужскую клиентуру... по крайней мере пожилых мужчин. А вы, Шеннон, сделаете наш отель более привлекательным для сопровождающих их дам. Вот зачем вы здесь нужны. Сами знаете, Шеннон.

Шеннон усмехается. Они идут вниз по тропинке. Мэксин ведет его, поддерживая под руку. Их голоса мило-помалу замирают.

Ханна входит в комнату дедушки и, оставив там свою сигарету, возвращается с шалью. Останавливается между дверью и креслом деда.

Ханна (*обращается к небу и самой себе*). О боже! Но теперь мы можем наконец остановиться? Совсем? Помогите нам! Здесь так тихо теперь... (*Хочет укутать дедушку шалью.*)

В этот момент голова его падает. Едва дыша, Ханна протягивает руку к его губам, чтобы ощутить, дышит ли он. Но дедушка уже не дышит. В ужасе Ханна оглядывается, хочет позвать на помощь. Вокруг — никого.

Склонившись, она прижимается щекой к голове дедушки.

Занавес медленно опускается.

¹ *Здесь: уходи, убирайся (исп.).*

Трамвай «Успех»

Зимой исполнится три года с тех пор, как в Чикаго прошла премьера «Стеклянного зверинца» — событием этим кончился один период моей жизни и начался другой, и как он отличался по всем внешним признакам от предыдущего, представить себе, видимо, нетрудно. Меня внезапно извлекли из глубочайшего забвения и вытолкнули в знаменитости; ненадежный постоялец мебелирашек в разных городах страны, я вдруг был водворен в апартаменты первоклассного отеля на Манхэттене. История моя — отнюдь не исключение. Успех нередко врывается вот так внезапно в жизнь американцев. Недаром сказка про Золушку — наш любимый национальный миф, красугольный камень кинопромышленности, а быть может, и самой Демократии. Я так часто вижу его воплощение на экране, что он уже вызывает у меня зевоту: не то чтобы я в нем разуверился, я просто спрашиваю себя — кому это нужно? Если у человека такие чудесные зубы и волосы, как у киногероя, он, безусловно, найдет способ неплохо устроиться в жизни, и можете прозакладывать свой последний доллар и весь чай, какой есть в Китае, что его силой не затащишь ни на одно собрание, где обсуждаются вопросы, тревожащие гражданскую совесть.

Нет, история моя не исключение, но в то же время она не совсем обычна, и если вы готовы принять мои не очень убедительные заверения в том, что пьесы свои я писал, отнюдь не рассчитывая на такой оборот дела (а ведь многие не хотят верить, что у драматурга может быть какая-то цель, кроме успеха у публики), то, пожалуй, есть смысл сравнить эти два периода.

Жизнь, которую я вел до того, как ко мне пришел большой успех, требовала стойкости, я отчаянно карабкался вверх по отвесной скале, обламывая ногти, и если мне удавалось забраться хоть на дюйм выше, чем я был накануне, изо всех сил цеплялся за камень голыми руками; но все же это была хорошая жизнь, ибо именно на такую и рассчитан человеческий организм.

Лишь после того, как борьба была окончена, я осознал, сколько жизненных сил она потребовала. И вот я выбрался на некую ровную площадку, но руки мои все еще судорожно колотили по воздуху, а легкие все еще лихорадочно вбирали его, хотя дышать уже стало легко. Наконец-то я добился обеспеченности.

Я сел, огляделся, и внезапно глубокое уныние охватило меня. Сперва я решил, что просто еще не успел приспособиться к новому положению. Утром проснулся в апартаментах первоклассного отеля, в окна которого доносится приглушенный шум Ист-Сайдского проспекта, стану радоваться их элегантности и наслаждаться всеми удобствами, сознавая, что очутился на Олимпе — в нашем, американском, его варианте. Взгляну утром вон на тот зеленый диван и влюблюсь в него. А то, что сейчас его зеленый шелк вызывает в моем представлении мутную пленку на стоячей воде, — это так, временно.

Но утром безобидный зеленый диванчик показался мне еще отвратительнее, чем накануне вечером, и вообще я уже слишком зажил для 125-долларовых апартаментов, которые снял для меня один знакомый, человек весьма светский. Ни с того ни с сего в номере стали ломаться вещи. От дивана отвалился бок. На полированной мебели появились выжженные сигаретами следы. В окна, которые я позабыл закрыть, ворвался ливень, струи его затопили номер. Однако горничная неизменно все приводила в порядок, а терпению администрации не было границ. Допоздна затягивавшиеся пирушки не очень ее смущали. Соседей моих невозможно было пронять ничем, разве что фугаской.

Еду мне подавали в номер. Но это тоже потеряло для меня всякую привлекательность. Я заказывал обед по телефону, и к тому времени, когда его вкатывали в дверь, словно труп на столе-каталке с резиновыми колесиками, у меня пропадал аппетит. Как-то раз заказал бифштекс из вырезки и пломбир с шоколадом, но все было сервировано так хитроумно, что я принял жидкий шоколад за соус и полил им бифштекс.

Разумеется, то были лишь малозначащие внешние признаки душевного неблагополучия, и оно не замедлило проявиться в куда более неприятных формах. Я почувствовал, что люди становятся мне безразличны. Во мне поднималась волна цинизма. Все разгоноры звучали так, словно когда-то, давным-давно, были записаны на пластинку, и вот теперь ее проигрывают. Мне казалось, что в голосах моих друзей больше нет ни сердечности, ни искренности. Я подозревал их в фальши. Перестал им звонить, встречаться с ними. Мне во всем виделась бессмысленная лесть, и я выходил из себя.

Когда кто-нибудь говорил: «Мне так нравится ваша пьеса!» — меня до того мучило, что я даже не мог выдавить из себя ответное «Благодарю вас». Слова эти застревали у меня в глотке, и я по-хамски поворачивался спиной к человеку, который прежде всегда был искренним. Теперь я уже не гордился пьесой, она меня раздражала — быть может, потому, что я чувствовал себя совершенно опустошенным и боялся, что другой мне не написать. Я превратился в живой труп и понимал это, но в ту пору у меня не оказалось такого друга, которому я доверял

настолько, что мог бы его отвести в сторонку и рассказать, что со мною творится.

В таком странном состоянии я пребывал месяца три, а в конце весны решил снова лечь на глазную операцию—главным образом для того, чтобы укрыться от мира за марлевой повязкой. Это была четвертая по счету операция, и здесь, пожалуй, следует упомянуть, что вот уже пять лет, как у меня в левом глазу образовалась катаракта, мне несколько раз прокалывали ее иглой и наконец сделали операцию на глазной мышце. (Глаз я сохранил. И хватит об этом.)

Что ж, марлевая повязка сослужила мне службу. Пока я отлеживался в больнице, друзья, к которым я был так невнимателен, которых оскорблял, кого чем, стали меня навещать, и мне, погруженному во мрак и боль, казалось, что их голоса изменились—вернее, в них больше не ощущалось той весьма неприятной перемены, которая чудилась мне раньше,—и сейчас они звучали так же, как в те невозвратные дни, когда я пребывал в безвестности. Голоса опять стали искренними, сердечными, в них вновь был чистый звук правдивости и пошмания—именно то, за что я когда-то предпочел их остальным.

В прямом, физическом смысле слова зрение мое не очень улучшилось, операция была успешной лишь отчасти (впрочем, радужная оболочка по виду стала чистой, незамутненной, и зрачок очутился там, где положено, или примерно там), но в переносном смысле она вызвала сдвиг куда более важный.

Когда марлевую повязку сняли, я увидел, что в мире все стало на свои места. Я выехал из первоклассного отеля, где занимал столь элегантные апартаменты, сложил рукописи и кое-какие пожитки, что попало под руку, и уехал в Мексику—это страна простых страстей, здесь с тебя быстро слетают тщеславие и чванство, порожденные успехом; страна, где бродяги, простодушные, словно дети, спят, свернувшись клубочком, прямо на мостовой и человеческие голоса, особенно если не знаешь языка, звучат так же нежно, как птички. Моего искусственного, публичного «я», созданного игрой зеркал, здесь не было, и я вновь стал самим собою.

А чтобы обрести себя окончательно, я на какое-то время обосновался в Чапале и стал работать над пьесой «Ночь за покером» (впоследствии—«Трамвай „Желание“»). Только в работе может художник обрести реальность и удовлетворение, ибо подлинный мир не имеет над ним такой власти, как мир его вымысла, и потому, коль скоро он не выламывается из упорядоченных будней, для него не так уж существенно, какую жизнь вести. Наиболее подходящие для него условия—те, в которых работа не только ладится, но и становится необходимостью.

Мне самому лучше всего работается где-нибудь в отдаленном месте, среди чужих людей,—только чтобы там было где хорошенько поплавать. Однако повседневная жизнь обязательно

должна требовать от человека некоторых — пусть самых небольших — усилий. Не следует полностью перекладывать заботу о своем быте на других; надо побольше делать самому. От гостиничного обслуживания все время испытываешь неловкость. Ни перед кем на свете не бывает мне так неловко, как перед горничными, официантами, посыльными, носильщиками и т. д., ибо они вновь и вновь напоминают о неравенстве, которое мы привыкли считать чем-то само собой разумеющимся. Когда видишь, как дряхлая старушонка, пыхтя и изнемогая от тяжести, тащит через весь коридор ведро с водой, чтобы подтереть за упившимся постояльцем из числа особо преуспевающих, на душе становится до того тошно, тяжело, просто корчишься от стыда за наш мир, где такое не только терпят, но даже считают прямым доказательством того, что все колесики в механизме Демократии крутятся исправно, без какого бы то ни было вмешательства, будь то сверху или снизу. Никто не должен убирать грязь за другими. Это пагубно для обеих сторон — но особенно, пожалуй, для того, за кем убирают.

Я не менее остальных развращен многообразнейшими формами лакейского обслуживания, на которое наше общество привыкло рассчитывать и от которого оно зависит. Мы должны были бы все делать для себя сами — или же предоставить это машинам, нашей хваленной технике: ведь ее принято считать новым светочем мира. Мы уподобились человеку, который накопил кучу всякой всячины для туристского похода: и каноэ, и палатку, и рыболовные снасти, и топорик, и охотничьи ружья, и шерстяные одеяла. — но после того, как снаряжение и провизия были умело, со знанием дела, упакованы, его вдруг охватила робость — он так и сидит на том же месте, что и вчера, и позавчера, и позапозавчера, и время от времени подозрительно поглядывает сквозь кисейные занавески на небо, опасаясь, что ясность его обманлива. Замечательная наша техника — ниспосланная богом возможность для смелого поиска, для прогресса, воспользоваться которой мы не решаемся. Нынешние наши идеалы и представления — совершенно такие же, как и три столетия тому назад. Впрочем, нет. Извините. Сейчас уже даже провозглашать их стало небезопасно!

Однако я перешел от узкой темы к широкой и слишком отвлекся, а это вовсе не входило в мои намерения, так что позвольте мне вернуться к тому, о чем я говорил раньше.

.. Все это, разумеется, чрезмерное упрощение. Отказаться от соблазнов бездумной и бездеятельной жизни совсем не так просто. Как будто можно вдруг взять и сказать себе: впредь буду жить так, как жил раньше — до того, как на меня обрушился этот самый Успех. Но коль скоро вы полностью отдасте себе отчет в том, что жизнь без борьбы пуста, главное средство спасения у вас в руках. Коль скоро вы сознаете, что сердце человека, тело его и мозг прошли через добела раскален-

ное горнило именно в расчете на столкновения (борьбу созидания); что, если все столкновения устранены, человек уподобляется мечу, которым срезают маргаритки; что вовсе не лишения, а роскошь—волк у его дверей, а зубы этого волка—мелкое тщеславие, самодовольство и размагниченность, порождаемые Успехом,—так вот, если вам все это известно, вы по крайней мере знаете, откуда ждать опасности.

Тогда вам известно, что ваше публичное «я», та Персона, какой вы являетесь в глазах общества, когда у вас «есть имя»,—попросту фикция, игра зеркал и единственно подлинное выше «я», имеющее право на жизнь,—то невидимое миру, потаенное «я», которое существует с первого вашего вздоха, слагается из ваших поступков и, значит, постоянно находится в процессе становления, управляемом вашей волей. А если вам все это известно, вы сумеете выйти целым и невредимым из катастрофы, имя которой—Успех!

Спасти никогда не поздно—разве что вы крепко, обеими руками, обнимаете эту богиню-распросуку, как называл славу Уильям Джеймс, и в этом душщем вас объятии обрели то, чего всегда так жаждал тоскующий по дому мальчик, который в вас сидит: полнейшую безопасность и возможность сидеть сложа руки. Мне думается, обеспеченность—один из видов смерти, она может прийти в виде лавины гонимых и застигнуть вас подле шикарного, изогнутого в форме почки плавательного бассейна где-нибудь в Беверли-Хиллс или в любом другом месте, где условия резко отличаются от тех, которые сделали вас художником—если вы и вправду художник, или же были им когда-то, или намеревались стать. Спросите любого, на чью долю выпал такой вот успех: на что он ему сдался? Чтобы получить прямой ответ, придется, пожалуй, ввести тому человеку сыворотку, от которой начинают говорить правду, да и тогда у него вырвется со стоном одно-единственное слово, которому никак не место на страницах благопристойных изданий.

Что же действительно нужно художнику? Вселоглощающий интерес к людям и их делам, а еще—известная доля сострадания и нравственный стимул, ибо именно они поначалу и послужили толчком к тому, чтобы перевести жизненный опыт на язык красок, музыки или движения, поэзии или прозы—словом, чего угодно, лишь бы это было динамично и выразительно,—вот что вам нужно, если у вас и в самом деле серьезные намерения. Уильям Сароян написал замечательную пьесу на эту тему: о том, что душевная чистота—единственный вид успеха, какой нужен человеку. «В отпущенный тебе срок жизни—живи!» Срок этот невелик, и время уходит безвозвратно. Вот и сейчас мы упускаем его: я—пока пишу эти строки, вы—пока читаете их, и часы так и будут отстукивать: «У-пу-стил», «у-пу-стил», «у-пустил»—если только вы не положите всю душу на то, чтобы не дать времени уйти бесследно.

Одно из лирических стихотворений Карсон Маккаллерс заканчивается такою строкой: «Время, крестин безмозглый, вопит, обегая Землю». Эта вечная гонка, бег времени, столь неистовый, что нам чудится, будто оно вопит,— вот что, по существу, лишает нашу жизнь достоинства и смысла, и, пожалуй, именно способность остановить мгновение, присущая совершенному произведению искусства, и придает некоторым пьесам глубину и значительность.

В статье о «Смерти коммивояжера» некий лондонский критик, свискавший недобрую славу своим скептицизмом, утверждает: Вилли Ломен настолько жалок, что большинство зрителей просто-напросто вышвырнуло бы его из кабинета, обратись он к ним с просьбой о работе или вздумай отнимать у них время, сетуя на свои беды. Утверждение это, само по себе, быть может, и не лишено истины. Однако подтекст его, а именно, что Вилли Ломена нельзя делать геросм драмы, свидетельствует о том, что у автора статьи совершенно превратное представление о драматургии. Ибо умение мыслить — нечто такое, что существует независимо от времени, и чувство трагического — тоже. Даже в реальном мире коммерции можно встретить людей, готовых посочувствовать чужой беде, проявить участие и сострадание, способность к которым сохранилась у них от других, не столь суровых времен, когда люди эти еще не вертелись в беличьем колесе деловой активности. Если бы Вилли Ломен пришел к нам и кабинет и сел по ту сторону нашего рабочего стола, то, видя его затравленный взгляд, слыша его жалобный голос, мы, вероятней всего, коснулись бы на часы и на листок с перечнем предстоящих встреч. Нет, мы бы не вышвырнули его из кабинета, но, безусловно, и не дали бы ему выговориться, на что он питал слабую надежду, и спровадили бы его довольно быстро. А теперь представьте себе, что у нас нет часов, ни наручных, ни стенных, нет перечня неотложных деловых встреч, и мы смотрим на Вилли не через свой рабочий стол (кстати, смотреть на сидящего перед тобой человека — вовсе не лучший способ увидеть его по-настоящему); другими словами, представьте себе, что встреча с Вилли Ломеном произошла в некоем мире остановленного времени. Полагаю, что в таком случае мы отнеслись бы к нему тепло, участливо и даже уважительно. Если бы драма не открывала перед нами возможности наблюдать за действующими лицами в особых условиях мира, где время остановлено, то действующие лица пьесы и показанные в ней события были бы столь же тривиальными, столь же незначительными, как соответствующие люди и происшествия в реальной жизни.

В классической греческой трагедии было безмерное величие. Актеры выступали в больших масках, их условные движения напоминали танец, а в сценической речи было нечто эпическое, и она, несомненно, так же отличалась от живой, разговорной речи современников, как и от нашей. И все же трагедия не казалась древнегреческому зрителю надуманной: значительность событий и сила вызываемых ими страстей не казались ему никак не соизмеримыми с его собственным жизненным опытом. Вот я и спрашиваю себя: не объясняется ли это тем, что греческий зритель понимал — то ли благодаря своему чутью, то ли благодаря приобретенному навыку, — что в вымышленном мире драмы остановлено время, без которого делает людей мелкими, а их эмоции лишает сколько-нибудь четкой мотивировки?

Великие скульптуры зачастую повторяют линии человеческого тела; однако гармония великих скульптур неожиданно преобразует эти линии в нечто обладающее абсолютной законченностью, красотой и чистотой, которые были бы невозможны в движущемся живом существе.

Пьеса может быть полна движения, насыщена жестокостью; однако в ней есть особая гармония, открывающая возможность для размышления и создающая атмосферу, которая позволяет ощутить трагизм изображаемого, если только автор соблюдает определенные условия, необходимые для современной драмы.

В обычной жизни за любовными ласками следуют покой удовлетворенности и сон, за откровенным признанием — холод недоверия. Истина, в лучшем случае, фрагментарна; пусть мы любим и предаем друга не в один и тот же момент, а все-таки одно следует за другим довольно быстро. Однако, хотя вспышки страсти и преходящи, хотя они чередуются с периодами более обыденного безразличия, отсюда вовсе не вытекает, что страсть сама по себе не имеет внутренней последовательности. Именно эту истину и стремится донести до нас драма...

Признаемся мы себе в этом или нет, каждого из нас преследует поистине ужасающее чувство преходящести всего сущего. Особенно остро я испытываю его во время коктейлей, когда бываю в Нью-Йорке, — быть может, поэтому я пью один martini за другим с такой быстротой, с какой успеваю хватать бокалы с подноса. Лихорадочным этим чувством насыщена сама атмосфера таких сборищ. Ужас перед тем, что здесь все ненастоящее, все не всерьез, ощутим физически, как облако табачного дыма, как гул сумбурной болтовни. Но, пожалуй, паническое это чувство — единственное, о чем на таких вечерах никогда не упоминают. Облако это отбрасывает зловещую тень на любой званый вечер, где присутствуют люди, не слишком хорошо знакомые друг с другом. Почти всегда такие вечера (хоть участники их и чувствуют это лишь инстинктивно) подобны последнему обеду смертника: ведь принесенный в его камеру

бифштекс, или кусок индейки, или что там еще захочется осужденному, по сути дела, жестокое, издевательское напоминание о том, что мог дать ему столь великий и столь ничтожный мир, в котором все так преходяще.

В драме же время остановлено—в том смысле, что взят лишь какой-то его отрезок. С помощью некоего фокуса удается сделать так, что события остаются событиями, а не низводятся, к тому же столь быстро, до уровня заурядных происшествий. Зритель сидит в уютной полутьме зала, откуда может наблюдать за жизнью, развертывающейся на залитой светом сцене. Поступки и чувства действующих лиц так же значительны и достойны, как это могло бы быть в реальном мире, если б его удалось оградить от всеразрушающего, стремительно бегущего времени.

Людам следует помнить, что, когда жизнь их окончится, все пережитое ими придет в чудесное состояние необыкновенной гармонии, которой они бессознательно восхищаются в драме. Ведь гонка наша—временная. Великое и единственно мыслимое достоинство человека состоит в том, что он волен сам выбирать себе идеалы и жить, не поступаясь ими—так, словно он, подобно действующему лицу пьесы, надежно огражден от растлевающего натиска времени. Извлечь вечное из безнадежно ускользающего, преходящего—величайшее волшебство, доступное смертному. Насколько нам известно, насколько можно судить, исходя из человеческого опыта, нет никакого способа, позволяющего бытию одержать верх в схватке с небытием, и, если оценивать наши возможности реалистически, надо сказать, что победа в этой схватке заранее уготована небытию.

И все же в трагедии происходит яростное столкновение идеалов. Мы не участвуем в нем, а лишь являемся зрителями, и потому эти идеалы предстают перед нами вполне отчетливо—разумеется, в меру нашей эмоциональной подготовленности. Действующие лица не отвечают на наши взгляды. А нам не приходится отвечать на задаваемые ими вопросы, мы никак не даем им знать, что находимся тут же, рядом, у нас нет необходимости состязаться с ними в добродетелях и защищаться от наносимых ими оскорблений. Вот по этой-то причине мы действительно можем видеть их! Сердца наши сжимаются от понимания и жалости; полутемную раковину зала, где собрались мы, безымянные, не известные друг другу, затопляют почти ощутимые волны тепла, ничем не сдерживаемого человеческого сочувствия, которое мы, перестав стесняться, наконец-то позволили себе проявить...

Люди жалеют и любят друг друга больше, чем смеют себе признаться в этом. Вот телефонная трубка положена на рычаг, дрожащая рука тянется к блокноту и наспех делает в нем запись: «Похороны во вторник, в пять, церковь Христа Спасителя, не забыть цветы». А несколько минут спустя эта же рука уже почти не дрожит, она тянется к стакану с виски, который

должен успокоить наши расхоловшиеся нервы. Страх и стремление уйти от всего неприятного— вот два хищных зверька, что кусают друга друга за хвост в бешено вращающейся железной клетке нашего издерганного мира. Они не дают нам проявлять излишнюю чувствительность. Время мчится нам навстречу с набором разнообразнейших наркотиков, средств забвения,— даже когда оно готовится проделать над нами неизбежную роковую манипуляцию...

Мы так успешно скрываем от самих себя подлинную силу своих чувств, свою ранимость, что драмы, написанные в трагедийной традиции, кажутся теперь просто неправдоподобными. Мы можем позволить себе роскошь на несколько часов перенестись в мир, где идеалы— в их единоборстве— предстают перед нами в яростном, резком освещении, но, когда занавес падает и в зрительном зале вспыхивает свет, в душу нам почти тотчас же закрадывается сомнение. «Так-то оно так, но...»— говорим мы себе и, повернувшись спиной к сцене, пробираемся к выходу, а все, что мы только что видели в пьесе, быстро уменьшается в нашем сознании— эффект, схожий с обратной перспективой в ранних полотнах Кирико. К тому времени, когда мы подъезжаем к ресторану Сарди,— а может быть, еще раньше, сразу же за порогом театра,— мы успеваем вновь убедить себя, что между действительной жизнью и теми странно волнующими и значительными событиями, которые мы только что видели на сцене, сходства не больше, чем между какими-нибудь жалкими виршами и элегией Рильке.

Автор пьесы должен заранее учитывать эту настроенность современного зрителя. И непременно как-то отразить в пьесе то, что время, погубитель нашей жизни, принижает нас. Быть может, автор сумеет достичь этого с помощью эксцентрического трюка, сдвига в сторону гротеска. А быть может— с помощью одного только самоограничения, надев сурдинку на струны, готовые сорваться с колков. Однако можно с уверенностью предсказать, что, если он не ухитрится каким-то образом соотносить масштабы своей трагедии с масштабами реального мира, не огражденного от всеразрушающего бега времени, он обречен одиноко стоять на темной сцене среди хаоса декораций и сердито бубнить себе под нос: «Вот дурачье...»

А если б зрители и смогли расслышать его за шумолюбивой болтовней, за звоном бокалов, фарфора и серебра, вот что они бы ему ответили: «Ты показал нам мир, неподвластный сокрушительному натиску времени. Твое простодушие нас восхищает. Но ведь мы можем сравнить свои старые фотографии с новыми. А вчера вечером мы повстречались на улице со своей первой женой. Беседа с нею, мы вежливо улыбались, но фактически ее не видели! Ничего не поделаешь, но нам-то известно, что правда, а что нет, и в три часа утра сообщение о твоём позорном провале пойдет в печать!»

Время от времени кто-нибудь говорит мне, что лучше дожидаться, пока драма будет напечатана, и прочитать ее, чем смотреть в театре, потому что там внимание будет отвлечено от истинных достоинств пьесы (если таковые имеются) и сосредоточено на зрелищной стороне, на ощущениях, то есть на чем-то чисто внешнем и примитивном. Есть пьесы, предназначенные для чтения. Я их читал. Мне знакомы произведения драматургов, именуемых «мыслящими» — в отличие от нас грешных, кому дозволено только чувствовать, — причем я прочел их, быть может, раньше и оценил не менее высоко, чем те, кто сейчас вновь и вновь повторяет их имена, в своей близости напоминая аристофановых лягушек с их однообразными выкриками. Но неистового пламени живого театра, театра, куда люди приходят смотреть и сопереживать, никогда не удавалось, и не удастся загасить пожарной команде критиков, будь то попой или старой школы, вооружившихся для этой цели всевозможными емкостями — от граненой чаши для пунша до чашечки ханулендского фарфора. Я придерживаюсь совершенно иного мнения: на мой взгляд, текст пьесы — лишь тень спектакля, к тому же довольно нечеткая... Напечатанная пьеса — не более чем лишь здания, которое либо еще не возведено, либо уже построено и снесено.

Цвет, изящество, легкость, продуманный рисунок движения, взаимодействие живых людей, их мгновенные реакции, прехотливые, как узор молнии в туче, — вот что составляет спектакль, а вовсе не слова на бумаге, вовсе не мысли и суждения автора, эти дешевка, раздобытая на сезонных распродажах. Мой символ веры как драматурга близок к тому, который провозглашает художник из комедии Бернарда Шоу «Врач на распутье»: «Верую в Микеланджело, Веласкеса и Рембрандта, в могучую силу композиции и тайну цвета, в искупление всего сущего вечной красотой, в глубокий смысл искусства, осеняющего эти руки своею благодатью. Аминь».

Не знаю, какая мера этой благодати быланисколько ему самому или же мне, но что искусство — благодать, не подлежит сомнению, и что в нем заложен определенный смысл — быть так и не подлежит сомнению; так же, как и тот художник, и считаю, что смысл этот передается красотой формы самой по себе, красотой цвета и линии, но я бы еще прибавил сюда движение и свет. Печатный текст пьесы — лишь совокупность формул, на основе которых строится спектакль.

Слово «динамичность» сейчас не в чести и «органичность» — тоже, но именно этими терминами обозначаются достоинства, которые я ценю в драме превыше всего, ценю тем больше, чем яростнее обрушиваются на них самозванцы, объявляющие себя спасителями того, что им вообще не дано понять.